

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

РИК РИОРДАН
**МАГНУС
ЧЕЙЗ**
и БОГИ АСГАРДА

Книга 1
МЕЧ ЛЕТА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P52

Rick Riordan

MAGNUS CHASE AND THE GODS OF ASGARD

Book One

The Sword of Summer

Copyright © 2015 by Rick Riordan
Permission for this edition was arranged through
the Nancy Galt Literary Agency

Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

Риордан, Рик.

P52 **Магнус Чейз и боги Асгарда. Книга 1. Меч Лета :**
[повесть] / Рик Риордан ; [пер. с англ. А. Иванова,
А. Устиновой]. — Москва : Эксмо, 2016. — 544 с.

ISBN 978-5-699-89465-9

Новый скандинавский цикл одного из самых популярных писателей современности, чьи книги проданы по всему миру тиражом свыше 55 млн экземпляров!

Магнусу Чейзу шестнадцать лет, он сын скандинавского бога Фрея, а еще этот парень... мертв. Да-да! Все верно. Магнус гибнет в самом начале книги во время битвы с огненным великаном Суртом, а затем отправляется в Вальгаллу. Вот вроде бы и конец. Но на самом деле его приключения только начинаются. Чтобы остановить Рагнарок, который старательно приближают враги Одина, Магнус должен научиться как следует владеть мечом, доставшимся ему в наследство от отца, и даже вступить в схватку с самим Фенриром, волком, с которым не могут справиться даже боги...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Иванов А., Устинова А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-89465-9

*Посвящаю Кассандре Клэр.
Спасибо, что ты поделилась
со мной отличным именем Магнус!*

АСГАРД

АЛЬФХЕЙМ

ВАНАХЕЙМ

ЙОТУНХЕЙМ

МУСПЕЛЛЬХЕЙМ

МИДГАРД

НИДАВЕЛЛИР

НИФЛЬХЕЙМ

ХЕЛЬХЕЙМ

Глава I

ДОБРОЕ УТРО! СЕЙЧАС ТЫ УМРЕШЬ

Вот я прямо вижу, как вы прочтете сейчас, что я помер в муках, и приметесь восклицать: «Ну, Магнус, круто. Может, и мы, если в муках померем, окажемся там же, где ты?»

Нет. Решительно нет. Даже в головы не берите.

Сколько вы ни будете кидаться с высоких крыш, выбегать на шоссе перед несущимися авто или себя поджигать, все равно не окажетесь там, где я. Это так не работает.

Да вам и вряд ли захочется побывать в моей шкуре. Сомневаюсь, что кто-то из вас так уж жутко стремится увидеть толпы воскресших воинов, которые рубят друг друга в клочки, отсекая мечами носы и прочие части тела противников, или темных эльфов ровно в такой одежде, как им полагается. Поэтому, братцы, даже не думайте тратить время на поиски двери с волчьими головами.

Меня зовут Магнус Чейз. Мне шестнадцать. А история эта о том, как, убив себя, я пустил свою жизнь под откос.

Утро сперва началось совершенно обычно. Я спал на тротуаре под мостом в Общественном парке, когда один мой знакомый тип, пинком разбудив меня, сообщил:

— Они тебя ищут.

Кстати, я бездомный. Уже два года.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Иные из вас посочувствуют: «Ой как жалко!» Другие брезгливо поморщатся: «Да он лузер». Но девяносто девять процентов и тех и других, увидев меня на улице, пройдут мимо, будто я невидимка, твердя про себя: «Ох, только бы денег не начал просить». Вы, конечно, решите, что я, наверное, старше, чем выгляжу. Подросток моего возраста просто не может торчать в вонючем старом спальном мешке на улицах зимнего Бостона. Кто-то, конечно же, должен о нем позаботиться.

С этими мыслями вы и пойдете спокойно дальше.

Впрочем, я в вашем сочувствии не нуждаюсь. Давно привык уже и к насмешкам, и к тому, что меня стараются не замечать. Поэтому продолжаю рассказ.

Хмыря, который припер на рассвете задницу, чтобы меня разбудить, звали Блитц, и видок у него был всегда одинаковый. Будто его сперва хорошенько проволокли сквозь смерч, а затем он еще конкретно попал под метель. Рожа цвета седельной кожи облеплена снегом, курчавая борода торчит во все стороны, в жесткие черные волосы на голове набились обрывки бумаги, солома и мелкие веточки. В складках плаща, чересчур для Блитца длинного и широкого, тоже слезался снег пополам с разным мусором. Рост у Блитца всего лишь пять футов¹, зрачки у него до того расширены, что радужной оболочки не разглядишь, лицо навечно застыло в тревожной гримасе, будто он вот-вот завопит от ужаса.

Открыв с усилием слипшиеся глаза, я ощутил во рту мерзкий вкус протухшего гамбургера. Вылезать на холод из теплого спальника не хотелось.

— Кто там еще меня ищет? — спросил я у Блитца.

Он задумчиво потер нос, который ему столько раз ломали, что форма его теперь походила на зигзаг молнии в ночном небе.

— Ну как бы тебе сказать. Понимаешь, они раздают всем флаеры с твоим именем и твоей фотографией.

¹ Фут — английская и американская единица длины, равная 0,3 метра.

Я выругался. Встречи с какими-нибудь полицейскими из патрульных, или с охраной парка, или с теми, кто занимаются безработными, или с ответственными за посещаемость школ, или с волонтерами из социальных служб давно уже не заставляли меня особенно колыхаться. Перепившиеся до поросычьего визга студенты колледжей или наркоши, которые ищут кого послабей, чтоб ограбить, тоже вопрос для меня параллельный. Справиться, пусть даже только проснувшись, со всей этой публикой мне не труднее, чем слопать на завтрак блин и запить его соком.

Но те, о которых сказал мне Блитц, упоминали имя и показывали мою фотографию, то есть конкретно нацелились на меня, и это было реально скверно. Откуда дровишки? Кто бочку на меня катит? Народ из приюта так обозлился за свой музыкальный центр? (Я погрузил его в вечную кому, потому что не мог больше слушать рождественских песнопений!) Или камера слежения засекала мой последний эксперимент по части очистки чужих карманов от лишней мелочи в Театральном районе? (Нужно же было мне где-то достать себе денег на пиццу!) Или (не верю, но вдруг) полиция все еще ищет убийцу мамы и снова хочет задать мне вопросы?..

Я собрал свое барахло. Делов-то на три секунды. Плотнотвернутый спальник закинут в рюкзак вместе со сменой белья, носков и зубной щеткой. Кроме того, что на мне надето, это и есть все мое имущество. Прodeв руки в ремни рюкзака, накинул его на плечи. Низко надвинул на лоб капюшон своей парки. В таком виде мне ничего не стоит слиться с толпой. Бостон ведь полон ребят из колледжей, многие из которых столь же юны и оборваны, как и я.

Ну и где ты засек этих, с флаерами? — повернулся я к Блитцу.

На Бикон-стрит. Они движутся в нашу сторону. Белый или средних лет и девчонка-подросток, наверное, его дочь.

Я нахмурился:

Чушь какая-то. Кто...

Слушай, откуда мне знать, — перебил меня Блитц. — Мне по-любому уже пора.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

Солнце встало. Окна небоскребов засияли оранжевым. Блитц сощурился. Он почему-то всегда ненавидел свет ясного дня. Я иногда даже думаю: а вдруг он вампир? Такой самый низенький, толстенький и бездомный вампир в целом мире?

— Тебе, наверное, стоит сейчас пообщаться с Хэртом, — дал он мне совет. — Он болтается на площади Копли.

Я попытался не впасть в раздражение. Кто-то из этих двоих, либо Хэрт, либо Блитц, вечно вокруг меня суетятся. Местная публика из бездомных в шутку их называет моими папашей и мамашей.

— Спасибо за совет, — сказал я. — Со мной все будет нормально.

Блитц пожевал ноготь на большом пальце.

— Боюсь, не сегодня, сынок. Тебе сейчас нужно быть особенно осторожным.

— Почему?

Он глянул мне за плечо.

— Они идут.

Я обернулся, но никого не заметил. Хотел сказать Блитцу, но он исчез.

Меня просто бесила эта его манера. Раз — и нету. Ну прямо ниндзя. Бездомный вампир-ниндзя.

Я на секунду задумался, выбирая. Податься на площадь Копли к Хэрту или пойти осторожненько в сторону Биконстрит, чтобы увидеть, кто именно меня ищет?

Описание Блитца разбудило во мне любопытство. Зачем, интересно, какому-то белому мужику средних лет и девчонке-подростку понадобилось меня разыскивать на рассвете жутко холодного утра? Кто они? Что им надо?

Я прокрался вдоль берега пруда. По нижней тропинке, которая шла под мостом, почти никто не ходил, и я там укрылся с таким расчетом, что мне был виден весь склон холма. Значит, пусть кто и возникнет, я это замечу гораздо раньше, чем меня самого засекут.

Землю укутал снег. Небо сияло такой пронзительно-чистой лазурью, что на него было больно смотреть. Голые ветви деревьев так ровно обледенели, будто их кто-то покрывал

тонким слоем стекла. Студеный ветер с легкостью пробивал броню моей многослойной одежды, но холод мне нипочем. Мама, смеясь, иногда говорила, что одним из моих предков наверняка был белый медведь.

— Прекрати, Магнус! — одернул я сам себя.

Два года уже миновало, но стоило мне хоть немного вспомнить о маме, как меня будто швыряло на минное поле и разрывало на части.

Взяв себя в руки, я попытался сосредоточиться на другом.

В мою сторону шли мужчина и девушка. Волосы у мужчины были цвета песка, и такие длинные, что воротник пальто совершенно скрывался под ними. Похоже, соображения стиля здесь не играли никакой роли. Скорее, он просто не позаботился вовремя навестить парикмахерскую. На лице у него застыло какое-то обалдевшее выражение, как у учителя на замене, в которого только что плюнули жеваной бумажкой, но он понятия не имеет кто. Модные туфли мужчины выглядели на заснеженных улицах Бостона явно неподходяще, носки были хоть и оба коричневые, но от разных пар и разных оттенков, а узел на галстук он накручивал явно на ощупь в крошечной тьме.

Девушка наверняка была его дочерью. Я понял это по ее волосам — таким же вьющимся и густым, как у папы, только еще чуть светлее. И оделась она гораздо разумнее — в сапоги-дуги, джинсы и парку, из-под которой выглядывала оранжевая футболка. На лице ее я не заметил ни тени растерянности. Оно выражало уверенность, целеустремленность и ярость. А флаеры эта особа держала в руках с таким видом, словно вдруг обнаружила сочинения, за которые почему-то выставили неправильные оценки.

Если она и впрямь меня ищет, то лучше пускай не найдет. Что-то меня в ней пугало.

Я не узнал ни девушки, ни ее отца, но тем не менее в моей черепной коробке что-то зашевелилось. Там словно включился магнит, который притягивает очень старые воспоминания.

Отец с дочкой дошли до места, где тропинка раздваивалась, и в нерешительности остановились. Кажется, до них

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

лишь в этот момент дошло, что они забрели в пустой парк дикой ранью в разгар зимы.

— Полный бред, — донесли до меня слова девушки. — Мне его хочется удушить.

Решив, что она имеет в виду меня, я съезился еще больше в своем укрытии.

— Ну, я бы предпочел обойтись без убийства, — ответил ее отец. — Он все же твой дядя.

— Но целых два года! — воскликнула девушка. — Папа, как же он мог не рассказывать нам об этом целых два года!

— Я не могу понять Рэндольфа. Никогда не мог, Аннабет, — развел руками ее отец.

У меня вырвался такой резкий вздох, что я испугался, как бы они не услышали. Магнит в башке наконец заработал на всю катушку, ярко высветив воспоминание.

Ну да, Аннабет. А этот светловолосый мужчина — мой дядя Фредерик. А мне шесть лет.

Последний День благодарения, который мы отмечали с семьей. Мы с Аннабет укрылись в библиотеке дома дяди Рэндольфа и занялись там игрой в домино, пока взрослые орали внизу друг на друга.

— Как же тебе повезло, что ты живешь с мамой, — говорила мне Аннабет, докладывая доминошину в здание, которое строила. У нее получилось что-то великолепное. С колоннами впереди, как у храма. — Я собираюсь отсюда сбежать, — сообщила она.

Я поверил: она действительно собирается это сделать, и меня потрясло, как она уверена в себе.

А потом в дверях возник дядя Фредерик. Кулаки его были сжаты, а лицо мрачно, что совершенно не соответствовало радостно улыбающемуся оленю на его свитере.

— Аннабет, мы уходим.

Перед уходом она на меня посмотрела. Многовато в ее глазах было ярости для первоклашки.

— Хоть ты в безопасности, Магнус, — и она одним взмахом пальца разрушила свой потрясающий храм.

Вот так мы последний раз с ней и виделись.

Мама потом много раз повторяла с нажимом:

— Будем держаться подальше от твоих дядей. Особенно от Рэндольфа. Ему никогда от меня не добиться того, что он хочет. Ни-ког-да.

Она мне не объяснила, чего именно он от нее добивался и о чем они тогда спорили с ним и Фредериком.

— Просто поверь мне, Магнус. Быть с ними рядом слишком опасно.

Я маме верил во всем. И даже после того, как она умерла, не поддерживал никаких контактов с нашими родственниками.

И вот вдруг выяснилось, что они меня ищут.

Рэндольф жил в городе, но Фредерик с Аннабет, насколько мне было известно, по-прежнему оставались в Виргинии. Почему же сейчас они оказались тут и всучивали всем встречным и поперечным флаеры с моим именем и моей фотографией? И где им вообще удалось раздобыть мою фотку?

В голове у меня так гудело от кучи вопросов, что я пропустил часть их беседы.

— ...Найти Магнуса, — говорил дядя Фредерик. Он уставился на дисплей своего смартфона. — Рэндольф сейчас для этого в Саут-Эндском приюте, но там ему как-то крупно не повезло. Надо бы нам наведаться в тот приют, который за нарком.

— Мы с тобой даже не знаем, жив ли он, — с унылым видом проговорила Аннабет. — Уже два года о нем ни слуху ни духу. Запросто мог замерзнуть в какой-нибудь канаве.

Часть моего существа подмывала меня выпрыгнуть с криком: «А вот и я!»

Прошло уже десять лет с той поры, как мы виделись с Аннабет, но мне до сих пор не хотелось ее расстраивать. Остановило меня лишь одно. Живя на улице, набиваешь достаточно много шишек, и я давно уже убедился: никогда не надо влезать в ситуацию, прежде чем до конца не усек, что творится.

— Рэндольф уверен, что Магнус жив, — сказал дядя Фредерик. — Он где-то в Бостоне. И если жизни его действительно угрожает опасность...

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Он осекся. Они двинулись в направлении Чарльз-стрит, и их голоса от меня отнес ветер.

Меня трясло, но совсем не от холода. Ноги мои рвались кинуться следом за дядей Фредериком. Пусть объяснит мне, что происходит. Откуда Рэндольфу знать, что я все еще в городе? Зачем им понадобилось искать меня? И почему мне грозит сегодня опасность больше, чем в любой другой день?

Но я за ними не кинулся.

Вспомнил последнее, что сказала мне мама. Я отказывался бежать тогда по пожарной лестнице, не мог оставить ее. Тогда она ухватила за мои руки и заставила посмотреть ей в глаза.

— Магнус, беги. Спрячься и никому не верь. Я отыщу тебя. Но, заклинаю, что бы с тобой ни случилось, не обращай за помощью к дяде Рэндольфу.

Но прежде чем я подбежал к окну и выскочил из него, входная дверь в нашу квартиру рассыпалась в щепки и в темноте возникли две пары сияющих синих глаз...

Заставив стряхнуть с себя это воспоминание, я следил, как дядя Фредерик с Аннабет удаляются в сторону парка Бостон-Коммон.

Дядя Рэндольф... Что-то его побудило связаться с Фредериком и Аннабет и заставить приехать их в Бостон. Значит, все время до этого они просто не знали, что мамы уже нет в живых, а я исчез. Невероятно. Но если и правда так, зачем Рэндольф теперь-то им все рассказал?

Кроме беседы с глазу на глаз, я видел еще один способ, с помощью которого могу получить ответы на эти вопросы. До дома Рэндольфа в Бэк-Бэе было всего ничего отсюда, и, как я понял из слов дяди Фредерика, хозяин сейчас отсутствовал, потому что пытался меня отыскать в Саут-Энде.

Иными словами, не было никаких препятствий к небольшому взлому в целях проникновения в его дом.

Глава II

ЧЕЛОВЕК В МЕТАЛЛИЧЕСКОМ БЮСТГАЛЬТЕРЕ

Семейное наше гнездо отвратно.

О, вы бы, конечно, так про него не подумали. Может быть, даже наоборот, восхитились, глядя на этот солидный, в шесть этажей, аристократический особняк из песчаника с горгульями по углам крыши, яркими разноцветными витражами в окнах, мраморными ступенями парадной лестницы и еще разными остальными примочками, каждая из которых просто вопит: здесь живут богатые люди. Ясное дело, вам удивительно, с какой радости я сплю не здесь, а на улицах?

Мне для ответа хватит всего двух слов: дядя Рэндольф.

Это его особняк. Он достался ему в наследство по праву старшего сына от моих бабушки с дедушкой, которые умерли еще до моего рождения. Подробности мыльной оперы нашей семьи мне неизвестны. Знаю лишь точно, что между тремя детьми, Рэндольфом, Фредериком и моей мамой, была крупная напряженка и после громкого междусобойчика в тот самый День благодарения мы, хотя наша квартира и находилась всего в полумиле отсюда, ни разу не переступали порога этой славной семейной обители. Для мамы Рэндольф с тех пор жил, считайте, на Марсе.

Теперь она говорила о нем, лишь когда нам случалось проехать мимо особняка.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Вот, видишь? — поворачивалась она ко мне с таким видом, как будто на этом доме висела табличка «Опасно для жизни». — Не вздумай соваться туда.

Уже став бездомным, я иногда, проходя мимо особняка, заглядывал в окна, за которыми светились стеклянные витрины, заполненные старинными мечами и топорами. Со стен на меня тарачились страшноватые маски в шлемах. А сквозь окна верхнего этажа смотрели застывшими привидениями статуи.

Порой меня подмывало полазить по необъятным просторам семейного дома, но даже мысли не возникало когда-нибудь постучаться в дверь. Здравствуй, мол, дядя Рэндольф, я знаю, конечно, что ты ненавидишь маму, и меня десять лет не видел, и вообще тебя ничего не заботит, кроме твоей ржавой коллекции, но, пожалуйста, можно я все-таки поживу здесь и буду питаться объедками с твоего стола?

Нет уж, спасибо. Лучше уж я всю жизнь проведу на улице и буду есть вчерашний фалафель¹ с фуд-корта².

Но мне казалось, влезть в этот дом без спроса большого труда не составит. Влезть. Осмотреться. Тогда, возможно, я наконец пойму, в чем, собственно, дело. Ну а попутно, глядишь, удастся и что-нибудь свистнуть, а потом заложить.

Извините, если сейчас оскорбил ваши чувства. Вы, конечно же, знаете: поступать так ужасно неправильно.

Только не торопитесь, а сперва послушайте.

Я краду не у всех подряд, а только у мерзких ублюдков, которые окончательно зарвались от слишком хорошей жизни. Вот если я вижу гада на новеньком «БМВ», спокойно занявшего на стоянке место для инвалидов, то милости просим. Моя совесть даже не шевельнется, когда я отожму у него стекло и свистну мелочь из держателя для стаканов. Ну, или прется кто-то, как танк, по универмагу «Барнис»

¹ Ф а л а ф е л ь — шарики из пюре нута или бобов, жаренные во фритюре.

² Ф у д - к о р т — ресторанный дворик, где несколько предприятий питания имеют общий зал для посадки посетителей.

с полным пакетом носовых платков из чистого шелка, расталкивая и пихая народ на своем пути. Он по мобильнику разговаривает и, видно, считает, что все перед ним должны расступаться. Ну и, как говорится, раз так, то мы уже идем к вам. Готовы обчистить ваш драгоценный бумажник. Тому, кто спокойно швыряет пять тысяч долларов на то, чтобы высморкаться, плевый вопрос оплатить мой скромный обед.

Я сам себе и судья, и жюри присяжных, и вор. А что касается мерзких ублюдков, не знаю кандидатуры, которая лучше подходит под это определение, чем мой дядя Рэндольф.

Дом выходил фасадом на Коммонуэлс-авеню, но я подошел к нему со стороны улицы с поэтическим названием Общественная аллея четыреста двадцать девять и остановился возле задней двери. Парковочное место Рэндольфа пустовало. Ко входу в подвал вели каменные ступени. Если там и существовала какая-нибудь система безопасности, то я ее не заметил. Дверь как дверь, с совершенно обычным замком. Рэндольф явно не озаботился усложнить мне задачу. Хоть изнутри бы засов на двери задвинул.

Двух минут не прошло, как я уже проник внутрь.

На кухне я маленько подзаправил свой организм нарезанной индейкой и крекерами и запил это все молоком, которое дул непосредственно из пакета. Фалафелем здесь и не пахло, будь он неладен, и, как только мне стало ясно его отсутствие, именно его-то больше всего захотелось. Но зато я смог найти шоколадный батончик, который и занюкал в карман на будущее (шоколад никогда не следует есть второпях, им стоит спокойно наслаждаться). Потом я направил стопы наверх — в мавзолей мебели из красного дерева, восточных ковров, шедевров живописи, мраморных полов и хрустальных люстр... И не жутко ему среди этого жить?

В шесть лет где мне было понять, каких деньжищ это стоит, но впечатление особняк и тогда оставлял у меня то же самое. Темный, давящий, пугающий. Мне очень трудно было представить, как мама могла расти в таком месте. Зато меня совершенно не удивило, что она старалась так много времени проводить вне дома.

Наша квартира над корейской барбекю-закусочной в Олстоне была вполне уютной, но маме и там не нравилось находиться подолгу. «Мой настоящий дом — Голубые холмы», — повторяла часто она. Мы постоянно устраивали походы туда и весной, и летом, и осенью, и зимой, и никакая погода не мешала нам наслаждаться. Свежий воздух, никаких потолков и стен и никакой компании, кроме уток, гусей и белок.

А вот семейное это гнездо больше всего мне напоминало гурьму. В фойе мне вдруг стало казаться, будто по моей коже ползают невидимые насекомые. Я поднялся на следующий этаж. В библиотеке, как и тогда, когда мы сидели в ней с Аннабет, стоял запах лимонной полироли и кожи. Вдоль одной из стен тянулась витрина с подсветкой, полная тронутых ржавчиной шлемов викингов и порядком изъеденных ею топоров. Мама однажды мне рассказала, что Рэндольф раньше преподавал историю в Гарварде, но потом его со скандалом уволили. Она не стала меня посвящать в подробности, но полагаю, что именно с тех времен он был сдвинут на собирании артефактов.

— Ты гораздо умнее обоих дядей, — однажды заметила мама. — С такими оценками спокойно поступишь в Гарвард.

Только с тех пор для меня сильно все изменилось. Я ведь тогда учился себе спокойно в школе, мама была жива, и, возможно, передо мной открывалось будущее, которое сулило перспективы гораздо заманчивее, чем добывать каждый день хоть какую-нибудь еду.

Один из углов кабинета Рэндольфа занимала огромная каменная плита, напоминающая надгробие. По верхней части ее шла резьба и странные красного цвета рисунки в виде спиралей, а из самого центра скалилось грубо высеченное животное — то ли лев, то ли волк. Меня немедленно пробрала дрожь. Только не волк! Не хочу о них думать.

Я подошел к столу Рэндольфа в надежде найти там компьютер или хотя бы блокнот с нужной мне информацией. Любое, что могло бы мне хоть намекнуть, зачем меня ищут. Но на столе были только куски пергамента — желтые, тонкие, как луковая кожура. На них виднелись какие-то линии

и точки с буквами незнакомого мне алфавита. Очень смахивало на карты, которые какой-то средневековый школьник нарисовал для урока обществоведения. Поверх них в качестве пресс-папье лежал кожаный кисет с тесемками. Я развязал его, и у меня перехватило дыхание. То самое домино! Я извлек изнутри одну плашечку, пригляделся.

В шесть лет мне такое могло показаться простым домино, но теперь-то я видел: вместо белых кружочков на этих костяшках вырезаны таинственные красные символы. С той, которую я сейчас сжимал двумя пальцами, на меня смотрела либо кривая латинская буква «F», либо ветка дерева:

Сам не пойму, отчего у меня внезапно заколотилось сердце, и я вдруг впервые подумал, что так вот явиться сюда было с моей стороны не слишком хорошей идеей. Стены, казалось, вот-вот готовы меня раздавить, а морда зверя с надгробного камня свирепо на меня скалилась, и красный контур ее головы блестел, словно свежая кровь.

Я метнулся к окну и глянул наружу. Вроде бы чуть полегчало. По центру улицы тянулся бульвар Коимонуэлс-мол — полоса деревьев, травы и кустов, укутанных снегом. Голые ветви светились белой рождественской иллюминацией. В конце квартала, за железной оградой, навечно забравшись на пьедестал, бронзовела статуя Лейфа Эриксона. Он, приложив козырьком ладонь ко лбу, с таким видом глядел на Чарльзгейтскую эстакаду, будто хотел воскликнуть: «Ого! А я, кажется, недурное шоссе обнаружил!»

Мы с мамой часто шутили по поводу этого памятника. Слишком уж куцые были на Лейфе доспехи: короткая юбочка и нагрудник, похожий на металлический бюстгальтер.

Понятия не имею, по какой причине Лейфа Эриксона поставили в самом центре Бостона, но полагаю, что это имело влияние на судьбу дяди Рэндольфа. Он ведь живет здесь с тех пор, как родился. И, видимо, часто в детстве смотрел

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

в окно на Лейфа. А однажды вдруг взял и подумал: «Вот вырасту и займусь изучением викингов. Мужчины в железных бюстгальтерах — это круто».

Я выхватил взглядом кого-то, стоящего у пьедестала. Он стоял и смотрел на меня.

Мне, как ни странно, не сразу его удалось узнать. Так иногда бывает, если увидишь кого-то знакомого в совершенно неподходящем для него месте. Лейф Эрикссон отбрасывал свою бронзовую тень на высокого, с бледным лицом, мужчину в черной кожаной куртке, черных кожаных байкерских брюках и остроносых сапогах. Торчащие иглами на его голове короткие волосы были такие светлые, что казались седыми. Ярким пятном выделялся лишь красно-белый шарф, наматанный плотно на шею и свисавший концами с плеч наподобие сильно подтаявшего полосатого леденца-тросточки.

Не знаю я его, мне спокойно могло показаться, что он здесь изображает кого-нибудь из японского мультлика. Но я его знал. Это был Хэрт. Мой бездомный собрат и моя суррогатная мать. Я напрягся и возмутился. Он что, моей доброй феей решил побыть? Засек где-то на улице и тихонько следом за мной потащился?

Я резко раскинул руки, спросив его жестом, что он здесь забыл.

Хэрт сложил ладонь горстью, а пальцами другой руки будто что-то из нее выхватил и отбросил в сторону.

За два года общения с ним я прекрасно освоил язык его жестов. Сейчас он мне говорил: «Линияй поскорее отсюда!»

Тревоги особой я на его лице не прочел. Но Хэрт по части эмоций вообще большой тормоз. Вечно таращится на меня своими бледно-серыми глазами с таким видом, будто я бомба и вот-вот взорвусь.

Стараясь въехать, что он имеет в виду и зачем ошивается здесь, а не на площади Копли, я потерял несколько драгоценных секунд.

Хэрт снова начал жестикулировать. Вытянув обе руки вперед, энергично задвигал пальцами. Это значило: торопись.

— Зачем? — произнес я вслух.

— Ну, здравствуй, Магнус, — тут же послышался у меня за спиной низкий голос.

Я чуть не отчалил из собственной шкуры. В дверях библиотеки замер мужчина. Бочкообразная грудь, аккуратно подстриженная седая бородка, волосы с сильной проседью. На нем было бежевое кашемировое пальто, надетое поверх темного шерстяного костюма. Он опирался обеими руками в перчатках на рукоять трости с металлическим наконечником. Он постарел с тех пор, как мы с ним последний раз виделись, и черные волосы стали почти седыми, но голос я узнал сразу.

Рэндольф!

Он чуть кивнул.

— Какой приятный сюрприз. Я рад, что ты здесь. — В тоне, которым он это сказал, не прозвучало ни радости, ни удивления. — Предупреждаю, что у нас мало времени.

Еда и молоко закрутились у меня в животе.

— На что мало времени?

Он поднял брови, нос его сморщился, словно от неприятного запаха.

— Тебе сегодня шестнадцать исполнилось, так ведь? Значит, они придут тебя убивать.

Глава III

НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ СЕБЯ ПОДВОЗИТЬ НЕЗНАКОМЫМ РОДСТВЕННИКАМ

Ну что ж, с днем рождения меня.

Значит, сегодня тринадцатое января? Честно сказать, понятия не имел. Когда спишь под мостом и ешь из мусорных контейнеров, ощущение дней, недель и месяцев как-то теряется.

Итак, мне официально сравнялось шестнадцать, а дядя Странность загнал меня в угол своим заявлением, что меня придут убивать.

— Кто... — хотел было выяснить я. — А в общем-то, знаешь, и наплевать. Приятно было с тобой повидаться, Рэндольф. Пока. Я пошел.

Но Рэндольф стоял в дверях, преграждая мне путь к отступлению. Трость его поднялась, ее металлический наконечник теперь был направлен мне прямо в грудь, и, клянусь, я почувствовал, как он уперся мне в кожу, хотя нас с дядей и разделяла достаточная дистанция.

— Магнус, нам надо поговорить. Не хочу, чтобы им удалось до тебя добраться. Особенно после того, что случилось с мамой.

Врежь он мне со всей силы в лицо, мне было бы не так больно.

В голове у меня замелькали калейдоскопом воспоминания о той ночи. Здание, где находилась наша квартира,

издрогнуло. Этажом ниже раздался крик. Мама, которая весь этот день держалась настороженно, словно чего-то ждала, потащила меня к пожарной лестнице, умоляя бежать. Взрыв разнес нашу входную дверь на мелкие щепки. В прихожую ворвались два зверя. Шкуры у них были цвета грязного снега, глаза горели синим огнем. Пальцы мои соскользнули с пожарной лестницы. Я упал на кучу мешков с мусором, сложенную в переулке. Едва мне удалось таким образом приземлиться, стекла из окон нашей квартиры вылетели. Наружу вырвалось пламя.

Мама велела мне убежать, и я это сделал. Она обещала, что позже разыщет меня, но этого не случилось. Позже, слушая новости, я узнал, что ее тело вынесли из пожара. У полиции ко мне было много вопросов. В квартире остались следы поджога. У меня с дисциплиной и поведением в школе дела обстояли не очень. Я убежал с места происшествия перед самым взрывом. Соседи свидетельствовали о громких криках и звуках падения, которые доносились из нашей квартиры. Но никто не сказал ни слова о волках с горящими синими глазами.

С той самой ночи я прячусь, живя под угрозой. Битва за выживание у меня занимает чересчур много сил, чтобы оплакать как следует маму. Несколько раз я впадал в сомнение: может, мне эти волки почудились? Но я ведь знаю, что не почудились.

И вот, спустя столько времени, дядя Рэндольф решил мне помочь!

Я с такой силой сжал маленькую доминошную плашку, что она впилась мне в ладонь.

— Ты не знаешь, что случилось с мамой. Тебе на нас с ней всегда было наплевать.

Рэндольф, опустив трость, тяжело на нее оперся и устался на ковер. Полное впечатление, что обиделся.

— Я умолял твою маму, — глухо произнес он. — Я хотел, чтобы вы поселились здесь, где я смог бы тебя защитить. Она отказалась. А после того, как ее не стало... — Он покачал головой. — Магнус, ты даже не представляешь, сколько

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

сил я потратил на твои поиски и в какой опасности ты находишься.

— Со мной полный порядок! — рявкнул ему в ответ я, хотя сердце мое колотилось о ребра. — Нормально заботился о себе.

— Может, и так, — кивнул он. — Но эти дни подошли к концу.

Он так уверенно это сказал, что у меня затряслись поджилки.

— Тебе шестнадцать, — тем временем продолжал дядя Рэндольф. — Ты уже стал мужчиной. В ночь гибели мамы тебе от них удалось спастись. Но больше они тебе этого не позволят. У нас с тобой есть единственный шанс. Единственный и последний. Позволь мне помочь. Иначе ты до конца дня просто не доживешь.

Тусклый зимний денек переливался в витражных стеклах, и цвет лица Рэндольфа постоянно менялся, как у хамелеона.

Мне не следовало приходить сюда. Полный идиотизм с моей стороны! Мама ведь сколько раз повторяла: «Не суйся к Рэндольфу». Так нет ведь, приспичило.

Чем больше он говорил, тем сильнее меня охватывал ужас и вместе с тем росла жажда выяснить, что он мне хочет сказать.

— Мне не нужна твоя помощь. — Я положил на стол странную маленькую доминошину. — И я не хочу...

— Я знаю о волках, — перебил он меня.

Ну, мог я после такого уйти?

— Я знаю, что ты их видел, — продолжал он. — Я знаю, кто этих существ прислал. Что бы там ни считала полиция, я знаю, что в действительности случилось с твоей мамой.

— Откуда ты...

Он снова меня перебил:

— Магнус, я должен тебе рассказать так много всего о твоих родителях и о том, что досталось тебе в наследство... О твоём отце...

По моему хребту прошлась ледяная проволока.

— Ты знал моего отца?

Я совершенно не собирался вручать в руки Рэндольфу рычаги управления. Жизнь на улице научила меня, как это опасно. Но тем не менее он меня зацепил. Мне было необходимо выяснить, что он знает, а он ведь знал. Это мне было ясно по блеску в его глазах.

— Да, Магнус, — быстро, как в лихорадке, проговорил он. — Я расскажу тебе о твоём отце, о гибели мамы и по какой причине она отказалась от моей помощи... Все это связано. — Его указательный палец метнулся в сторону экспозиции викингского добра. — Я подчинил свою жизнь без остатка единственной цели. Пытался раскрыть одну историческую тайну, но до недавнего времени не видел картины в целом. Я её вижу только теперь. Все вело к этому дню. Твоему шестнадцатилетию.

Я попытался к окну, стремясь оказаться как можно дальше от дяди Рэндольфа.

— Для меня девяносто процентов того, что ты говоришь, вообще темный лес. Но если ты можешь хоть что-нибудь рассказать об отце...

Дом с такой силой встряхнуло, будто вдалеке пальнули одновременно из нескольких пушек. Уши мне заложило от басовитого грохота.

— Они вот-вот будут здесь, — предупредил дядя Рэндольф. — Наше время на исходе.

— Кто они? — спросил я.

Он, опираясь на трость, двинулся в мою сторону. Колено правой его ноги не сгибалось.

— Магнус, я понимаю, что слишком много прошу, а у тебя нет особой причины мне доверять. И все же ты должен сейчас пойти со мной вместе. Я знаю, где спрятано то, что принадлежит тебе по праву рождения. — Он указал на стол, где лежали пергаменты. — Вдвоем мы сможем вернуть твоё наследство, и это единственный способ тебя спасти.

Я глянул через плечо из окна на улицу. Хэрт исчез. Я бы на его месте поступил так же. Надо мне было его послушаться. Я попытался отыскать в дяде Рэндольфе сходство с мамой. Хоть одну маленькую общую черту, которая бы смогла

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

внушить мне доверие. Но ничего не нашел. Фигура внушительная. Манеры скованные. Взгляд выразительных черных глаз напряженный. На лице ни малейшего признака чувства юмора... Он был полной противоположностью мамы.

— Моя машина стоит возле задней двери, — объявил он.

— М-может, мы подождем дядю Фредерика и Аннабет? — с надеждой пробормотал я.

Дядю Рэндольфа просто перекосило.

— Они мне не верят. Никогда мне не верили. Я привез их в Бостон лишь от отчаяния и в последней надежде, что они помогут тебя найти. Но теперь, когда ты уже здесь... — Он осекся.

Дом снова дрогнул. Грохнуло сильнее и ближе, чем в первый раз. Мне бы очень хотелось найти какую-нибудь простую причину: стройка поблизости, или военная церемония, или что-то другое, столь же легко объяснимое. Внутренний голос, однако, подсказывал мне совершенно иное. Нашу квартиру два года назад трясло точно так же и с точно таким же шумом, похожим на исполинскую поступь Гаргантюа.

— Пожалуйста, Магнус, — голос у Рэндольфа дрогнул. — Эти чудовища отняли у меня семью. Я потерял жену и дочерей.

— У... У тебя была семья? Мама мне не рассказывала.

— Она не считала нужным. Но Натали... твоя мама... Моя единственная сестра... Я любил ее. Ужасно, что я ее потерял. Я не могу потерять еще и тебя. Идем со мной. Отец твой оставил тебе кое-что. И это изменит миры.

В мозгу у меня столпилось чересчур много вопросов. Мне совершенно не нравилось пламя безумия в глазах Рэндольфа. Насторожило и озадачило, с каким видом он произнес вместо «мир» почему-то «миры». И наконец, я не верил, что он и впрямь так в доску расшибался, пытаясь меня найти с тех пор, как погибла мама. Да начни он по всем углам про меня расспрашивать и называй мое имя, кто-нибудь из моих бездомных друзей мигом дал бы мне знать, как это сделал сегодня Блитц, едва дядя Фредерик с Аннабет нарисовались

поблизости со своими флаерами. Нет уж, мой дорогой обожаемый дядя. Раньше я явно тебе был без надобности. Но теперь что-то пошло по-другому, вот тут-то ты и засуетился.

— А если я просто сбегу? — спросил я. — Попробуй останови.

— Сбежишь — они мигом тебя найдут. И убьют.

В горло мне словно набились ватные шарики. Мне страшно было довериться Рэндольфу, но в то же время голос его звучал вполне искренне, и я, на свое несчастье, верил, что он не врет: кто-то действительно хочет меня убить. Словом, я сдался и сдавленным голосом выдал:

— Ну что же. Поедем кататься.

Глава IV

НУ УЖ ВОДИЛА ИЗ ЭТОГО ДУНДУКА НУЛЕВОЙ

Если вам интересно, кто хуже всех водит тачку в Бостоне, знайте: это мой дядя Рэндольф.

Он запулячил свой «БМВ пятьдесят два, восемь ай» (у моего дяди, естественно, хуже, чем «БМВ», ничего просто быть не может) и помчался ракетой по Коммонуэлс-авеню, плюя на всякие там светофоры, отгоняя гудками другие машины и беспорядочно перестраиваясь из ряда в ряд.

— А тетку зачем пощадил, которая улицу перешла? — не удержался от выпада я. — Давай вернемся и переедем ее.

Но Рэндольф, похоже, меня не услышал. Слишком был занят чем-то своим, кидая периодически тревожные взгляды на небо, словно бы в ожидании ураганной тучи. С таким вот задумчивым видом он пропулил «БМВ» до Эксетера сквозь опаснейший перекресток.

— Ну, — снова подал я голос. — И куда же мы направляемся?

— На мост.

Чудесненько. Наконец-то мне полностью ясен маршрут. В Бостоне-то мостов штук двадцать, не меньше.

Я провел рукой по подогретой коже сиденья. Полгода прошло с той поры, как меня последний раз возили на машине. Это была «Тойота» социального работника. А до нее я ездил в авто полицейского патруля. Оба раза назвавшись

фальшивым именем. И оба раза сбежав. Машины за время бездомной жизни для меня стали мало чем отличаться от камер предварительного заключения, и я совсем не был уверен, что сейчас дела обстоят по-другому и в этом комфортном салоне мне улыбнется удача.

Мне срочно требовались ответы на кучу вопросов, которые мне уже истоптали мозги. Кто мой отец? Кто убил маму? Каким образом дядя Рэндольф лишился жены и детей? Не глюки ли это все? И зачем он так сильно облился этим ужасным гвоздичным одеколоном?

Но он молчал, целиком и полностью посвятив себя созданию хаоса на дорогах.

Чтобы хоть как-нибудь поддержать разговорчик, я поинтересовался:

- Так кто же меня убить собирается?

Он резко свернул вправо, на Арлингтон. Мы обогнули широким Общественный парк, пронеслись мимо конной статуи Джорджа Вашингтона, миновали, ревя мотором, покрытые снегом живые изгороди и ряд газовых фонарей. Меня подмывало выпрыгнуть из машины и, добежав до пруда, укрыться в спальном мешке.

- Магнус, — нарушил молчание дядя. — Я всю свою жизнь посвятил истории появления скандинавов в Северной Америке.

- Вот спасибо тебе! — Я хмыкнул. — Классно ты мне ответил на все вопросы.

И вдруг Рэндольф напомнил мне маму. Она, когда я выводил ее из себя, корчила такую же раздраженную рожу и смотрела таким же взглядом, какой он сейчас кинул поверх очков, и в этом взгляде легко читалось: «Завязал бы ты лучше сейчас со своим сарказмом». От сходства у меня даже сердце заняло.

- Ну ладно, — снова заговорил я, но уже без сарказма. — Древние скандинавы? То есть, иными словами, викинги?

Дядю Рэндольфа скрючило.

- Как бы тебе объяснить... Викинги — это захватчики, а ими были не все скандинавы. Данное слово обозначает не

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

народ, а деятельность. Но, в общем-то, да. Я имею в виду именно эту публику.

— А статуя Лейфа Эриксона?.. Она что же, стоит в честь того, что древние скандинавы открыли Бостон? Я-то думал, это Паломники сделали.

— Я только по данной теме мог бы прочесть тебе трехчасовую лекцию, — сказал дядя.

— Ой, не надо, пожалуйста, — испугался я.

— Тебе достаточно сейчас знать, что древние скандинавы обследовали Северную Америку и в тысячном году даже построили там поселение, то есть примерно за пять сотен лет до Христофора Колумба. Ученые тут придерживаются единого мнения, — сообщил дядя Рэндольф.

— Это радует, — вставил я. — Ненавижу научные разногласия.

— Но никому доподлинно не известно, насколько далеко им удалось проплыть к югу, — продолжил он. — Смогли ли они достигнуть земель, которые ныне мы называем Соединенными Штатами? Ты говоришь про статую Лейфа Эриксона... Она появилась благодаря одному мыслителю начала девятнадцатого века. Звали его Эбен Хорсфорд. Он был убежден, что Бостон — это потерянное древнескандинавское население Норумбега. Самый дальний пункт их экспедиции на наш континент. Хорсфорд был искренне убежден в своей правоте, но не мог привести доказательств, и большинство историков от него отмахивались, как от помешанного.

Дядя Рэндольф выразительно на меня покосился.

— Дай-ка я догадаюсь. Ты-то его не считаешь помешанным, — мигом отреагировал я, а про себя отметил: «Рыбак рыбака чует издалека».

— Карты, которые ты заметил у меня на столе, и есть доказательство, — сказал дядя Рэндольф. — Мои коллеги их называют подделками, но это не так. Я поставил на них свою репутацию.

«Вот тебя из Гарварда-то и вышибли», — подумал я.

— Древние скандинавы добрались как раз досюда, — тем временем убежденно говорил он. — Они что-то искали,

именно здесь это и обнаружили, и именно близ этих мест затонул один из их кораблей. Много лет я придерживался гипотезы, что это случилось у Массачусетс-Бэй. Я пожертвовал всем в его поисках. Купил себе лодку и отправлялся с женой и дочерьми в экспедиции, последняя из которых... — Голос его задрожал. — Шторм возник среди полного штиля и ясного неба... Вспышки пламени заплясали...

Он явно не в силах был дальше рассказывать, но основное я в общем усек: он тогда потерял на море семью. Вот уж и впрямь все поставил на доказательство бредовой теории о викингх в Бостоне!

Жаль, конечно, что с ними так вышло. И его жаль. Но мне совсем не хотелось стать новой жертвой, которую он принесет на алтарь науки.

Мы остановились на пересечении Бойлстон-стрит и Чарльз-стрит.

— Может, я прямо сейчас здесь и вылезу? — момент показался мне подходящим. Я подергал за ручку двери, но она оказалась заблокирована.

— Магнус, пойми. Ты совсем не случайно родился в Бостоне. Твой отец хотел, чтобы тебе удалось найти то, чего он лишился две тысячи лет назад.

У меня зазудели ноги.

— Ты сказал... две тысячи лет назад?

— Ну, плюс-минус.

Мне показалось, что самый момент орать «помогите!» и колотиться изо всех сил в стекло. Глядишь, какой-нибудь сердобольный прохожий вдруг и откликнется. А смывшись из этой машины, я разыщу Аннабет с дядей Фредериком. Они вроде бы не такие безумные, как дядя Рэндольф.

Пока я решался, он уже снова тронулся с места, свернул на Чарльз-стрит, и мы на космической скорости попилили в северном направлении. Кто знает, куда он везет меня? В Кембридж? Норт-Энд? Или на какую-нибудь из дальних стенок?

Я пытался изо всех сил сохранять спокойствие.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Но средняя продолжительность жизни американских отцов намного короче двух тысяч лет, — вырвалось у меня с нервным смехом.

Лицо Рэндольфа мне напомнило фильм «Человек на Луне». Бледное, круглое, в шрамах, рывинах и с улыбкой, в которой я лично не ощущал ни веселья, ни дружелюбия.

— Магнус, что ты знаешь о скандинавских мифах?

«Чем дальше, тем жутче», — пронеслось у меня в голове.

— Да так, не особенно много, — признался я. — Когда я был маленький, мама читала мне книжку с картинками. Ну и, по-моему, есть еще несколько фильмов о Торе.

Рэндольф с большим отвращением покачал головой.

— Эти фильмы до смехотворности лживы. Тор, Локи, Один и остальные боги Асгарда были на самом деле куда ужаснее и могущественнее всех этих выдумок Голливуда.

— Но... это же мифы. Они ведь не настоящие.

Рэндольф глянул на меня с жалостью, как ученый на дикаря.

— Мифы — просто истории о правде, которую мы забыли.

Я снова предпринял попытку сбежать:

— Знаешь, совершенно из головы вон. У меня же здесь встреча с одним приятелем назначена.

— Тысячу лет назад древние скандинавы пришли на своих кораблях исследовать эту землю. — Дядя Рэндольф пронесся мимо бара «Чирз», на фоне которого закутанные туристы делали селфи.

Я заметил скомканный флаер, который прыгал под ветром по тротуару. На нем были слово «пропал» и моя фотка. Мы еще не успели проехать, когда один из туристов придавил его каблуком.

— Экспедицию возглавлял сын бога Скиррира.

— Сын бога? — переспросил я. — Знаешь, ты меня высади, где тебе будет удобно. А дальше я уж пешком.

— Человек этот обладал одной очень важной для себя вещью, — даже не сбавил скорость дядя. — Эта вещь также принадлежала и твоему отцу. Во время шторма, когда зато-

нул корабль, она была потеряна. Но у тебя хватит способностей ее отыскать.

Я дернул за ручку. Нет, дверь по-прежнему заблокирована.

Знаете, что меня больше всего ужасало? Чем больше дядя Рэндольф говорил, тем труднее мне было себя убедить, что он чокнутый. Его история, затекая мне в голову, накрепко застревала в мозгу. Штормы, волны, боги, Асгард... Все вставало на место, словно фрагменты пазла. (Кстати, мне никогда не хватало усидчивости завершить хоть один из них.) Я начинал верить Рэндольфу и страшно от этого испугался.

Рэндольф неся, выписывая на дороге чудовищные зигзаги, к Стору-драйв. Он врезал по тормозам на Кембридж-стрит возле счетчика для оплаты стоянки. На севере высились каменные башни моста Лонгфелло.

— Мы туда направляемся? — указал я на них.

Рэндольф пошарил в держателе для стаканов, отыскивая среди мелочи двадцатипятицентовики.

— Все эти годы оно находилось гораздо ближе, чем я предполагал. Мне требовался лишь ты.

— Ох, как же ты меня любишь.

— Сегодня тебе шестнадцать. — Взгляд Рэндольфа от волнения метался, как в лихорадке. — Наилучший момент позвратить себе то, что твое по наследству. Но этого мига ждали также твои враги. Значит, мы с тобой должны успеть первыми.

— Но...

— Доверься мне еще ненадолго, Магнус. Когда мы завладеем оружием...

— Оружием? Мне по наследству досталось оружие?

— Как только оно окажется у тебя, ты будешь в гораздо меньшей опасности. Я тебе все объясню. И смогу подготовить к тому, что тебе предстоит.

Он открыл дверцу машины, но, прежде чем успел вылезти, я вцепился ему в запястье.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Обычно я избегаю дотрагиваться до кого бы то ни было. Мне неприятны физические контакты. Но сейчас я не видел иного способа добиться его внимания.

— Дай мне только один ответ, — потребовал я. — Один ясный и четкий ответ, без всякой этой болтовни и лекций по истории. Ты говоришь, что знал моего отца. Кто он?

Рэндольф положил ладонь на мою. Меня передернуло. Она оказалась неожиданно грубой, мозолистой. Странные руки для человека, который всю жизнь занимался наукой.

— Твой отец — древнескандинавский бог, — очень тихо проговорил он. — Клянусь, Магнус, что это чистая правда. А теперь поспешим. Здесь позволено парковаться только двадцать минут.

Глава V

Я ВСЕГДА ХОТЕЛ УНИЧТОЖИТЬ МОСТ

— Ты не можешь бросить такую бомбу и просто взять и уйти! — проорал я вслед Рэндольфу, когда он на всех парах попер вдаль.

Несмотря на негнувшееся колено и трость, двигался он весьма-таки живенько. Вылитый золотой олимпийский чемпион по скоростной хромающей ходьбе. Короче, пилил он со своим коленом и тростью по круто вздымающемуся тротуару моста Лонгфелло, и мне пришлось так поднажать следом за ним, что ветер свистел в ушах. Те, кто мотаются ежедневно из пригородов на работу в город, ехали как раз из Кембриджа. Мост был запружен множеством машин, которые двигались со скоростью черепах. Зато у нас с дядей Рэндольфом скорость была что надо. По-моему, только полные психи могут бежать без особой надобности по такому мосту при температуре минус два градуса да еще под свистящим ледяным ветром. Но, видимо, в Бостоне психов было достаточно много. Иначе не объяснишь, почему параллельно с нами по тротуару трусили с полдюжины бегунов-любителей в спортивных костюмах из лайкры. Такие, знаете ли, утомленные жизнью тюлени, которым терять уже совершенно нечего. И еще я увидел мамашу с двумя укутанными детьми в коляске. Про нее утверждать не берусь, но юная поросль явно себя ощущала столь же уютно, как я.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Дядя все еще несся впереди меня.

— Рэндольф! — гаркнул я ему вслед. — Я, между прочим, с тобой разговариваю!

— Течение реки... — донеслось до меня его бормотание. — Насыпь на берегах... Если к тому же принять в расчет изменившуюся за две тысячи лет силу прилива...

— Эй! — наконец удалось мне схватить его за рукав кашемирового пальто. — Перекрути вещание на то место, где было про то, что мой отец — древнескандинавский бог.

Рэндольф остановился и начал внимательно озираться по сторонам. Рядом с нами, футов на пятьдесят над нашими головами, вздымалась гранитным конусом одна из главных башен моста. Многие говорят, что эти башни похожи на солонки и перечницы, но мне лично при виде их всегда вспоминаются далеки¹ из сериала «Доктор Кто». Ну да, я тупой. Можете в суд на меня за это подать. А телик, представьте себе, иногда даже бездомные смотрят. В приюте, в комнате отдыха или по компу в общественной библиотеке. Короче, способы знаем.

В ста футах под нами серой сталью поблескивала вода реки Чарльз. Поверхность ее покрывали клочки снега и льда, придавая ей сходство с телом огромного питона.

Рэндольф так сильно перегнулся через парапет, что я запервничал.

— Ирония судьбы, — пробормотал он. — Именно здесь... из всех предполагаемых мест...

— Давай-ка дальше про моего отца, — вновь потребовал я. Рэндольф схватил меня за плечо.

— Глянь-ка вниз, Магнус. Что ты там видишь?

Я осторожно глянул.

— Ну воду.

— Да нет. Я имею в виду украшения над водой.

Я снова глянул. Внизу, примерно посередине между водой и нами, из каменной стены конусом выступала гранитная каменюга.

¹ Отрицательные персонажи из Вселенной научно-фантастического сериала «Доктор Кто».

— Похоже на нос, — сказал я.

— Нет, это... Ну, в общем, с этого ракурса оно и впрямь несколько смахивает на нос, — согласился Рэндольф. — Но на самом деле это драккары викингов. Видишь, — указал он чуть дальше. — Возле другой колонны еще один такой есть. Поэт Лонгфелло, чьим именем назван мост, был совершенно пленен историей древних скандинавов и посвятил их богам поэму «Скелет в доспехах». Он, подобно Эбену Хорсфорду, верил, что викинги дошли до Бостона. Отсюда и эти носы-орнаменты их кораблей на мосту.

— Тебе бы экскурсии проводить, — нервно хихикнул я. — Фанаты Лонгфелло наверняка бы отваливали за это хорошие бабки.

— Ты что, не понимаешь? — Пальцы Рэндольфа по-прежнему цеплялись за мое плечо, и это меня совершенно не успокаивало. — Люди множества поколений знали и верили. Интуиция, даже без доказательств, подсказывала им правильное решение. И викинги не просто так дошли до этого места. Оно для них было священо. Прямо под нами, на глубине этих вод, лежат останки их корабля-драккара с грузом немислимой ценности.

— Ты лучше давай-ка дальше про моего отца, — снова потребовал я.

— Магнус, древние скандинавы пришли сюда в поисках оси миров. Ствола Мирового Дерева. Они его обнаружили...

Глухое «бум!» не дало Рэндольфу договорить. Мост трянуло. В миле от нас, среди частогокола печных труб и острокопечных крыш Бэк-Бэя, взмыл толстый столб черного дыма и раскрылся грибом в вышине. Я вжался в парапет моста.

— М-м-м. Кажется, это неподалеку от твоего дома, Рэндольф.

Лицо его посуровело. Короткая белая борода поблескивала серебром под солнечными лучами.

— Магнус, время пошло. Протяни немедленно над водой руку. Меч там, внизу. Позови его. Сосредоточься на этом желании, как будто для тебя нет ничего важнее на свете и ты жаждешь этого больше всего.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Меч? Слушай, Рэндольф, я понимаю: денек для тебя сегодня тяжелый выдался, но...

— Сделай это! — оборвал он меня.

Металл в его голосе поверг меня в дрожь. Он несомненно страдал безумием со всем своим этим навязчивым бредом о древних кораблекрушениях, богах и мечях. Но вот столб дыма-то над Бэк-Бэем был вполне себе настоящим. Вдалеке уже выли сирены пожарных машин. Водители на мосту высовывались из окон поглазеть и поснимать на телефоны.

Вынужден вам признаться: слова Рэндольфа вызвали во мне отклик. И ощущая какой-то частью своей души, что настраиваюсь на совершенно неправильную тональность и веду себя как законченный идиот, я вытянул над рекой руку.

И ничего не произошло.

«Естественно, ничего, — одернул я себя мысленно. — По-другому и быть не может».

Мост трянуло сильнее, чем в первый раз. Бегун вдалеке от нас споткнулся. У меня за спиной послышались скрежет и лязг металла. Я обернулся. Одна из машин втесалась в багажник другой. Водилы вдарили по клаксонам. Над крышами Бэк-Бэя взмыл новый столб дыма. Пепел и оранжевые угольки взлетали вверх, словно там извергался вулкан.

— Теперь это гораздо ближе, — отметил я. — Похоже, кто-то цацелился на нас.

Я очень надеялся, что Рэндольф мне возразит: «Перестань пороть чушь. Конечно же, нет!»

Но он вдруг начал стареть у меня на глазах. Морщины сделались четче и потемнели, спина ссутулилась. И, тяжело навалившись всем телом на трость, он с мольбою забормотал:

— Пожалуйста, только не снова. Только не как в прошлый раз.

— В прошлый раз? — вырвалось у меня, но я тут же сообразил, о чем он: шторм среди ясного неба, огонь...

Рэндольф уставился мне в глаза.

— Попробуй еще раз, Магнус. Пожалуйста.

Я протянул руку к реке, весь в мыслях, будто вытягиваю из прошлого маму, чтобы спасти ее от волков и горячей квартиры. В тот момент, когда у меня в голове вдруг забрезжило, почему я лишился ее и жизнь моя с той поры дунула по наклонной плоскости, вода подо мной вдруг вскипела.

Снег растаял. Лед испарился. На его месте образовалось отверстие в форме руки. Моей руки, только раз в двадцать больше. Я понятия не имел, как это у меня вышло. Ровно такое же ощущение я испытывал, когда мама учила меня кататься на велике:

— Не думай о том, что делаешь, Магнус. И не сомневайся. Просто крути педали. Иначе свалишься.

Я подвигал рукой взад-вперед. Ста футами ниже дымящаяся рука в точности повторила мои движения, расчищая поверхность воды ото льда. Я прекратил движение. В середину ладони ударило жаркой волной, будто мне удалось поймать луч солнца.

Там, внизу, из невысказанной глубины и ила, ко мне устремился источник тепла.

Я сжал со всей силы пальцы и потянул на себя. На воде, как огромный мыльный пузырь, вздулся купол и лопнул. Вверх взмыло что-то похожее на железную трубу, и инг спустя я держал ее крепко сжатыми пальцами.

Эта штука ничем не напоминала мне меч. Ни эфеса, ни рукояти. Размером она, пожалуй, и впрямь соответствовала клинку, но была так изъедена ржавчиной, облеплена ракушками и покрыта блестящим на солнце илом, что я даже затруднялся определить, металлическая ли она. А если и так, то пальцы мои сжимали самый жалкий, хлипкий и отвратительный экземпляр металлолома, который мне доводилось когда-нибудь извлекать мистическим способом со дна реки.

— Наконец-то! — выдохнул Рэндольф, воздев глаза к небесам.

У меня возникло сильное подозрение, что, будь у него здоровой нога, он бухнулся бы сейчас на колени, вознося молитву несуществующим древнескандинавским богам.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Да уж, — потряс я своей добычей в воздухе. — Вот прямо чувствую, как мне теперь безопасно.

— Но ты ведь в силах его обновить, — сказал Рэндольф. — Давай-ка, попробуй.

Я повертел клинок в разные стороны, удивляясь, как он вообще до сих пор еще не рассыпался в моих руках.

— Ну уж не знаю, Рэндольф. По-моему, время, когда эту штуку было возможно хоть как-нибудь подновить, давно позади. Я даже не уверен, что есть смысл пустить ее на переработку.

Нет, я, естественно, сильно был впечатлен и, можно сказать, даже отчасти горд. Способ, которым мне удалось вытянуть из воды довольно тяжеленькую штуковину, привел меня в полное офигение. Мне всегда хотелось иметь хоть какие-то сверхспособности. Только, конечно, до этого дня я думать не думал, что они у меня проявятся таким образом. Ну не входило в мои мечты делать по волшебству уборку мусора из воды. Зато волонтеры-экологи небось станут теперь меня на руках носить.

— Магнус, сосредоточься, — криком вывел меня из уборочных грез дядя Рэндольф. — Скорее, иначе...

Середина моста извергла столб пламени. Меня прижало ударной волной к парапету. Правая сторона моего лица горела, словно от солнечного ожога. Пешеходы вопили. Водители разворачивались, пытаясь удрать, машины врезались друг в друга.

Я по дурацки кинулся к месту взрыва. Ничего поделаться с собой не мог. Ноги туда понесли меня против воли. Рэндольф заковылял следом, крича и пытаясь остановить, но голос его долетал до моих ушей будто очень издалека, а слова не имели значения.

Огонь заплясал по крышам машин. Стекла в салонах лопались, усеивая все вокруг кусками стекла. Люди, выпрыгивая из машин, устремлялись в бегство.

Казалось, на мост свалился метеорит. Круг асфальта диаметром в десять футов обуглился и дымил. А в самом центре зоны атаки стояло некое существо размером со взро-

слово человека, а если точнее — темный мужчина в темном костюме.

Под словом «темный» я подразумевал, что кожа его была самого глубокого, ровного и совершенно черного цвета, какой мне когда-либо приходилось видеть. Чернила каракатицы в темную полночь и то показались бы вам гораздо менее черными, нежели он. Ткань одежды его, того же оттенка и цвета, как кожа, похоже, была изготовлена где-нибудь на нейтронной звезде. Превосходно сшитые пиджак, брюки, накрахмаленная рубашка и идеально завязанный галстук. Черты лица его отличались нечеловеческим совершенством, словно их высекли из обсидиана. Длинные, аккуратно зачесанные назад волосы поблескивали на солнце. Радужка глаз сияла, как кольца застывшей лавы.

Мне невольно пришло на ум: «Явись сейчас Сатана, он, наверное, выглядел бы точно так же». А потом я подумал: «Да нет, Сатана по сравнению с этим парнем смотрелся бы просто пугалом. Он скорее стилист Сатаны».

Взгляд его красных глаз был прикован ко мне.

— Магнус Чейз, — проговорил он низким, глубоким и резонирующим в пространстве голосом. — Ты, я вижу, принес мне подарок?

В английском его ощущался акцент, характерный для немцев и скандинавов.

Между нами стояла брошенная хозяевами «Тойота Королла». Стилист Сатаны шагнул сквозь нее, как сквозь воск, расплавив дорожку ровно посередине корпуса.

«Королла» у него за спиной развалилась на две половинки, колеса ее расплавились, образовав четыре черные лужицы.

— От меня ты тоже получишь подарок. — Черный мужчина простер ко мне руку. Рукав его пиджака и обсидиановые пальцы дымились. — Отдай мне меч, и я сохраню тебе жизнь.

Глава VI

УСТУПИТЕ ДОРОГУ УТЯТАМ, ИНАЧЕ ОНИ ВАМ ВРЕЖУТ ПО КУМПОЛУ

Мне пришлось повидать много странного. Тысячу каких-то чокнутых чудиков, которые в самый разгар зимы бегали по улице в плавках и шапочках Санта-Клауса. Парня, игравшего на гитаре руками, на гармошке — носом, на барабане — ногами, а на ксилофоне — задницей, и все это одновременно. Тетку, которая удочерила тележку для продуктов из магазина и назвала ее Кларенс. Еще один парень считал, что он с «Альфы Центавра», и вел философские беседы с канадскими гусями. Так что по люксу прикинутой сатанинского вида мужик-модель, умеющий плавить автомобили, не особо снес мне крышу. Просто мое сознание чуть расширилось и я спокойненько уложил в него еще одну странность.

Черный человек, вытянув руку, чего-то ждал. Воздух вокруг него колыхался от жара.

Немного поодаль от нас на мосту остановилась электричка. Тетка-кондуктор с разинутым ртом воззрилась на хаос, который творился вокруг. Два бегуна пытались извлечь какого-то мужика из полураздавленного авто. Мамаша вытаскивала своих орущих близнецов из коляски, колеса которой, расплавившись, стали овальными. Рядом какой-то умник, вместо того чтобы ей помочь, выхватил из кармана телефон и начал снимать разрушения. Вряд ли у него вышли классные фотки, слишком уж руки тряслись.

Позади меня вдруг прорезался дядя Рэндольф:

— Меч, Магнус. Пусти его в ход.

У меня вдруг возникло сильное подозрение, что мой солидный отважный дядя прячется за моей спиной.

Черный человек хохотнул.

— Профессор Чейз!.. Ваша настойчивость восхитительна. Мне-то, признаться, казалось, что после нашей последней встречи дух ваш сломлен. Но нет. Вы здесь. И готовы пожертвовать еще одним членом семьи.

— Молчи, Сурт! — пронзительно выкрикнул дядя. — У Магнуса в руках меч! Возвращайся в огонь, отколь здесь возник!

Сурт совершенно не впечатлился дядиной речью, хотя лично меня его выражение «отколь здесь возник» порядком испугало.

Огненный чувак изучал меня с таким видом, будто меня, как и меч, облепили ракушки и прочая дрянь.

— Отдай мне его, о мальчик, иначе придется мне показать тебе силу Муспела. Сожгу дотла этот мост и всех, кто на нем.

Сурт поднял руки. Между пальцами у него заплескало пламя, а под погами в шикарных ботинках ручной работы снизу асфальт. Снова начали лопаться стекла машин. Рельсы стонали. Тетка-кондуктор отчаянно вопила в свою рацию. Прохожий, делавший на телефоне фотки, упал без чувств. Мамаша рухнула в обморок на коляску. Близнецы продолжали орать изнутри. Рэндольф, крикнув, попятился.

Я от жарких примочек Сурта сознания не потерял — лишь разозлился. Мне мало что было известно об этом злобном придурке, но я подобных садюг давно научился издали чужить. Первое правило улицы: хоть в лепешку разбейся, но не дайвай такому уроду завладеть твоим добром.

Я направил свое наследство, которое было когда-то мечом, на Сурта.

— Сбавь градус, парень. А то у меня в руках эта ржавая железяка, и я совсем не боюсь ее применить.

Сурт презрительно фыркнул.

— Ну, весь в своего папашу. Сразу видать, не боец.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Я стиснул зубы. «Чудненко, — думаю, — самое время немного подпортить высокотемпературному чуваку его дизайнерский костюмчик».

Но прежде чем мне удалось перейти от замысла к делу, мимо меня что-то пронеслось со свистом и вдарило Сурту прямым в лоб.

Окажись стрела настоящей, у жаркого чувака наверняка бы возникли большие проблемы со здоровьем. Но, на его удачу, это была сувенирная пластиковая поделка с розовым наконечником в форме сердечка. Видать, изготовили ее ко Дню святого Валентина. Она вдарила с радостным писком по центру Суртова лба и, свалившись к его ногам, тут же расплавилась.

Сурт сморгнул. Он был ошарашен не меньше, чем я. За спиной у меня раздался знакомый голос:

— Смывайся, сынок!

По мосту наступали мои приятели Блитц и Хэрт.

Ну, «наступали», пожалуй, не очень точное слово. Ведь это вроде подразумевает что-то такое впечатляющее и устрашающее. Здесь ни тем ни другим и не пахло. Блитц в довершение к черному своему плащу нацепил темные очки и широкополую шляпу и выглядел в этом прикиде, как очень коротенький и зачуханный итальянский священник. Руки его в перчатках сжимали устрашающий деревянный щит с ярко-желтым дорожным предупреждающим знаком и надписью: «Уступите дорогу утятам!».

Красно-полосатый шарф Хэрта струился за ним под ветром, как вялые крылья. Он вставил новую стрелу в свой розово-пластиковый купидонский лук и снова выстрелил в Сурта.

Будь славны безумные их сердца! Я понял, где они раздобыли это смешное оружие. В магазине игрушек на Чарльз-стрит. Я иногда перед ним побирался, поэтому знаю: у них постоянно выставлена в витринах какая-нибудь фигня вроде этой. Выходит, Блитц с Хэртом сперва за мной проследили досюда, а потом хапнули впопыхах первое попавшееся смертельное оружие. Но так как были бездомными и безумными, выбор их оказался не слишком удачен.

Глуно? Бессмысленно? Может, и так. Но они бросились мне на помощь, и это грело мое сердце.

Блиц пронесся мимо меня.

— Мы прикроем тебя! Смывайся!

Атака вооруженного подручными средствами отряда бомжей явилась для Сурта совершеннейшей неожиданностью, и он ошалело застыл на месте. Блиц, не трата зря времени, звезданул ему по башке щитом, призывающим уступить дорогу утятам, а Хэрт в это время выпустил еще одну розовую стрелу купидона, но промахнулся, и она врезалась мне в задницу.

— Эй! — возмутился я.

Но Хэрт по своей глухоте меня не услышал и просто промчался мимо, попутно хлестнув Сурта в грудь купидонским луком.

Дядя Рэндольф схватил меня за руку. Дыхание его было частым и хриплым.

— Уходим, Магнус, — просипел он. — Сию же минуту.

Может быть, мне так и следовало поступить, но я, замерев, ошалело глядел, как два моих единственных друга нападают с пластиковыми безделушками и деревянным щитом на темного лорда огня.

Наконец Сурту это наскучило. Он врезал Хэрту, отпугив его в сторону. Ударил ногой Блицца в грудь. Пухленький коротышка, качнувшись назад, приземлился прямо передо мной на пятую точку.

— Достаточно, — бросил Сурт и выбросил вперед руку.

Из открытой его ладони вылетела огненная спираль. Она начала распрямляться, и вот в руке его возник меч из белого пламени.

— Теперь я зол, поэтому все вы умрете, — пророкотал он.

— Божьи галоши, — пробормотал, заикаясь, Блицц. — Это вам не какой-нибудь гигант огня. Это Черный Гигант.

«То есть полная противоположность гиганту с желтым дорожным знаком?» — хотелось спросить у него, но, кинув взгляд на огненный меч, я на время утратил вкус к шуткам.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Вокруг Сурта языки пламени затеяли хоровод. От них во все стороны расходился спиральями огненный шторм. Он плавил машины до состояния мелких и жалких отходов. Превращал в вязкую жидкость асфальт. И до такой степени раскалил мост, что заклепки начали, хлопая, вылетать из него, словно одну за другой откупоривали бутылки шампанского.

Мне казалось, от Сурта и раньше шло многовато жара, но сейчас он повысил температуру и вовсе до сумасшедшего уровня.

Хэрт валялся у парапета недалеко от меня, и я понимал, что, если его там оставить, он скоро даст дуба. Пешеходы, лишившиеся сознания, и те, кто застряли в автомобилях, тоже долго такого не выдержат. Пусть даже их не достигнет огонь, они задохнутся от дыма или погибнут от теплового удара.

На меня, как ни странно, Суртова печка пока особенно не влияла, и я начал действовать.

Рэндольф споткнулся, повиснув всей своей тяжестью у меня на руке.

— Я... я... м-м... м-м...

— Блитц! — крикнул я. — Вытаскивай срочно отсюда моего дядю. Хоть волоком, если придется.

Солнечные очки Блитца покрылись сажей. Поля шляпы начали тлеть.

— Сынок, ты не можешь с ним биться. Это же Сурт, сам Сурт. Черный Гигант.

— Ты это уже говорил.

— Но мы с Хэртом должны тебя защищать.

Мне так и хотелось рявкнуть ему в ответ: «Да уж, славноенько ты поработал шитом «Уступите дорогу утятам!». Но чего ожидать другого от пары безумных бомжей. Они ж не отряд десантников-ликвидаторов, а просто мои друзья. И сейчас я считал своим долгом не позволить им умереть. Что же до дяди Рэндольфа... Ну да, я едва его знал и он мне не нравился. Но он как-никак приходился мне родственником и к тому же объяснил, что не выдержит, если лишится

еще одного члена семьи. Ну и, пожалуй, я в этом был с ним согласен. Мне тоже такого совсем не хотелось. И убежать я на сей раз никуда не собирался.

— Иди, — велел я Блиццу. — А мне надо заняться Хэртом.

Блиццу каким-то образом удалось, поднявшись на ноги, подпереть собой дядю Рэндольфа, и они вместе уковыляли.

Сурт разразился хохотом.

— Зря суетишься, мальчик. Меч все равно достанется мне. Судьбу изменить ты не в силах. А вот твой мир моими усилиями сейчас превратится в уголи.

Я развернулся лицом к нему:

— Ты что-то меня раздражаешь. Придется тебя убить.

И я шагнул в стену пламени.

Глава VII

НУ, Я ПРЯМО БАЛДЕЮ, КАК ТЫ ОТЛИЧНО БЕЗ НОСА ВЫГЛЯДИШЬ

Вы, наверное, думаете: «Ну, Магнус, сваял же ты дурака!» Спасибо на добром слове. Со мной вообще-то бывает.

Но все же обычно я не шагаю в стены огня. Просто тогда у меня было четкое ощущение, что со мной ничего такого особенного не случится. Ведь, как ни странно, я и сознания пока не терял. И вся эта печка, которую Сурт развел на мосту, была мне почти параллельна, хотя асфальт под моими ногами дымился и хлюпал.

Экстремальные температуры меня вообще никогда особо не доставали. Просто так вышло. Ну, как у некоторых суставы гнутся в разные стороны или они умеют двигать ушами. А я могу спать самой лютной зимой на улице и не замерзаю. Или без всяких ожогов держать ладонь над горящей спичкой. Несколько раз проделывал это на спор в приютах и бабки срубал. Но я никогда не думал, что это со мной творится по волшебству. И не пытался ни разу проверить, до какой степени могу выдержать жар или холод.

Короче, прошел я сквозь огненный занавес и врезал по башке Сурту ржавым своим мечом. Я, знаете ли, уж если кому что пообещал, всегда исполняю.

Раны ему клинок никакой не нанес, но пламенные спирали исчезли. Долю секунды он на меня ошалело таращился, а затем врезал мне кулаком в живот.

Мне и прежде порой врезали в живот, но не яростные огненные тяжеловесы с боевым псевдонимом Черный.

Я сложился, как шезлонг. В глазах помутнело и стало трогать. Впрочем, со зрением дело довольно быстро наладилось, и я весьма четко увидел себя на коленях, тупо уставившимся на лужу из молока, индейки и крекеров, извергнутую моим пустром на расплавленный дымный асфальт.

Сурт мог бы спокойно снести мне голову своим огненным мечом, но, видать, посчитал, что я недостоин таких усилий с его стороны.

— Та-ак. — Он замаячил передо мной взад-вперед, поцокивая языком. — Вздумал со мной потягаться, хилый заморыш? Это тебе слабо. Отдай добровольно клинок, отродье Ванэ, и я гарантирую тебе быструю смерть.

Отродье Ванэ... Я знаю кучу убойных ругательств, но такого еще не слышал.

Моя рука сжимала по-прежнему ржавый меч. Я вдруг стал ощущать его пульс, бившийся в унисон с моим. Весь клинок резонировал мерно-ритмичным гулом, будто мотор машины на холостом ходу.

В памяти у меня всплыл совет дяди Рэндольфа: «Магнус, ты можешь его обновить».

Неужели он прав и старое боевое оружие, пробудившись от долгой спячки, начало оживать? Но если и так, оно это делало слишком медленно. Сурт пнул меня в ребра, уложив плашмя на жидкий асфальт.

Я лежал на спине, глядя на задымленное зимнее небо. Похоже, Сурт мне нанес удар такой силы, что у меня пошли предсмертные глюки.

Футах в ста над моей головой кружила, словно стервятник над полем боя, девушка-всадница в доспехах верхом на лошади из тумана. В руках ее было копьё из чистого света, а кольчуга на ней сияла стеклянным блеском. Голову девушки увенчивал металлический шлем в форме конуса, надетый поверх платка из зеленой ткани. Девушка-рыцарь из Средневековья. Лицо ее было прекрасно, но очень сурово. На миг наши взгляды встретились.

«Если ты настоящая, помоги мне», — мысленно обратился я к ней.

Она превратилась в дым.

— Меч! — потребовал Сурт, зависнув надо мной. — Ценность его для меня увеличится, если ты мне отдашь его добровольно. Но если упрешься, я вырву его из твоих мертвых пальцев.

Вдали взвыли сирены. Я удивился, как это до сих пор сюда еще не явились все службы спасения? Мне вспомнилось, что до моста было еще два взрыва. Тоже шуточки Сурта или он притащил с собой еще каких-нибудь огненных дружанов?

Я заметил, как на краю моста с трудом, но все же встал на ноги Хэрт. Несколько прохожих пришли в сознание и начали двигаться. Рэндольфа с Блитцем нигде видно не было. Я очень надеялся, что они успели уйти и уже в безопасности.

Мне захотелось как можно дольше удерживать внимание этого жгущего парня на себе. Глядишь, тогда и другим хватит времени, чтобы убраться отсюда.

Мне все-таки удалось встать на ноги.

Я глянул на меч и... У меня что, и впрямь стопроцентные глюки?

Вместо ржавого куска металлолома моя рука сжимала настоящее оружие. Обтянутая кожей рукоять была теплой и удобно лежала в ладони. Овальный эфес из гладко отполированной стали служил прекрасным балансиром тридцатидюймовому обоюдоострому клинку, вдоль которого с обеих сторон шло по широкому желобу, украшенному точно такими же рунами викингов, какие я видел в кабинете у дяди Рэндольфа. Они сияли на фоне стали серебряным светом и, похоже, были не высечены, а инкрустированы при ковке меча.

Теперь меч не просто пульсировал у меня в руке. Он дел вполне явственно, и голос его модулировал, словно у человека, который стремится попасть в тональность какой-то мелодии.

Сурт попятился, нервно помаргивая. Глаза его цвета расплавленной лавы мигали красным, как проблесковые маячки.

— Не знаю уж, что там с тобой происходит, сопляк, но тебе-то уж точно не хватит времени это выяснить.

Он взмахнул своим огненным ятаганом.

У меня не было никакого опыта в поединках на мечах, кроме того, что я в детстве двадцать шесть раз посмотрел фильм «Принцесса-Невеста». Сурт мог меня запросто разубить пополам, но, видимо, у моего оружия на сей счет имелись иные соображения. Если вам приходилось хоть раз держать на кончике пальца вращающийся волчок, то вы знаете: он вроде крутится сам по себе, безо всяких ваших усилий раскачиваясь в разные стороны. Вот и меч у меня в руке вдруг развил совершенно самостоятельную инициативу. Взлетев резко вверх, он отбил выпад Сурта, затем отвел мою руку назад и рубанул Сурта по правой ноге.

Черный взревел. Рана у него на бедре затлела и задымилась. Брюки вспыхнули. Кровь зашипела и засияла, как вулканический выброс. Огненный клинок у него в руке рассыпался на тысячи искр. Сурт еще не успел очухаться, когда мой меч со свистом подпрыгнул вверх и вдарил ему по лицу. Черный с воем попятился, зажимая руками нос.

Слева от меня послышался крик мамыши с детьми.

Хэрт пытался помочь ей вытащить их из коляски, потому что она дымилась и могла вот-вот загореться.

— Хэрт! — крикнул я, прежде чем вспомнил, что это бессмысленно.

Пользуясь тем, что Сурт был занят собственной физиономией, я проковылял к Хэрту и жестом велел ему убираться как можно скорее с моста.

— Уходи и заberi отсюда детей!

Он прекрасно умел читать по губам, но мои слова ему не понравились и он протестующе замотал головой, одновременно подхватывая на руки одного из младенцев, в то время как женщина уже крепко сжимала в руках второго.

— Уходите! — велел я ей. — Мой друг вам поможет.

Она мешкать не стала. Хэрт бросил на меня укоряющий взгляд, мол, плохая твоя идея, но вынужден был устремить-

ся следом за женщиной. Ребенок в его руках извивался и немолчно орал.

Другие ни в чем не повинные люди все еще оставались здесь. Водители и пассажиры с трудом выкарабкивались из покореженных автомобилей, а пешеходы с ошалелыми лицами расхаживали взад-вперед, хотя одежда на них уже начала дымиться, а глаза покраснели, будто варенные лобстеры.

Сирены спасателей звучали теперь совсем близко. Я, правда, с трудом представлял себе, как смогут кому-нибудь оказать помощь полиция и бригады «скорой помощи», пока здесь бушует весь из себя такой огненно-злой Сурт.

— Эй ты, сопляк! — пробулькал Черный. Можно было подумать, что он полощет горло сиропом.

Он убрал от лица ладони, и мне мигом стала ясна причина этого бульканья. Мой живущий самостоятельной жизнью меч начисто сбрил ему нос. Из зияющей раны по щекам Черного струилась кипящая лава крови, орошая асфальт раскаленными каплями. Брюки у моего врага сгорели, явив красные обтягивающие трусы с орнаментом из языков пламени. В таком интересном прикиде и с новым профилем он смахивал на Наф-Нафа из преисподней.

— Я достаточно тебя терпел, — снова забулькал он.

— Как раз именно то же самое думаю про тебя, — отозвался я, поднимая меч. — Тебе он нужен? Так подойди и возьми.

Оглядываясь на события вспять, понимаю: предложение мое было достаточно глупым. Над моей головой вновь возникло видение из тумана. Девушка-всадница выжидающе закружилась стервятницей в небе.

Сурт вместо того, чтобы кинуться на меня, нагнулся, зачерпнул руками асфальт и, слепив из него раскаленную сферу дымящегося гудрона, метнул ее с подкруткой, словно бейсбольный мяч, точнехонько мне в живот.

Сразу скажу: бейсболист из меня всегда был нулевой. Я попытался отбить летящий снаряд мечом, но промазал, и он пропахал мои внутренности, горя, обжигая и уничтожая.

У меня перехватило дыхание. Меня с головы до ног пронзила адская боль. Она во мне разрасталась и ширилась, как ценная реакция, проникая в каждую клетку тела.

Вместе с тем на меня накатило удивительное спокойствие. «Из этого мне не выплыть, я умираю, — подумал я без малейшей паники. — Ну в таком случае, только б не зря».

Глаза мне застлало туманом. Меч меня держал за руку и гудел, но я уже едва ощущал свои руки.

Сурт с улыбкой на покалеченной роже изучающе на меня поглядывал.

Ему позарез нужен меч, но он не получит его, твердо сказал я себе. Если уж мне суждено уйти, он уйдет вместе со мной.

Подняв с усилием руку, я продемонстрировал Черному жест, который он мог понять, даже не зная азбуки глухонемых.

Он с ревом бросился на сближение, но, как только он меня достиг, меч мой взметнулся вверх и насквозь пронзил его тело.

Я, напрягая последние силы, клещами вцепился в Сурта, и инерция его падающего тела перекинула нас обоих через парапет моста.

— Нет! — забился в моих объятиях Черный, пытаясь освободиться.

Он взрывался всполохами огня, шинал меня и отпихивал, но руки мои продолжали сжимать его мертвой хваткой, пока мы летели кубарем к реке Чарльз. Рукоятка меча по-прежнему торчала из его живота, а мое нутро продолжал сжигать раскаленный вар. Небо то возникало в моем поле зрения, то пропадало из вида.

В какой-то момент я опять увидел туманную девушку. Пустив свою лошадь галопом, она приближалась ко мне с простертой рукой.

ПЛЮХ! Я ударился о воду.

А после я умер. Конец.

Глава VIII

УЧИТЫВАЯ ПРОХОД, А ТАКЖЕ ВОЛОСАТОГО СУБЪЕКТА С ТОПОРОМ...

Когда я учился в школе, мне жутко нравились истории, которые именно так и заканчиваются.

Это, по-моему, идеальный финал, не правда ли? Билли пошел в школу. День для него сложился удачно. А после он умер. Конец.

Вопрос, как там с ним дальше-то сложится, отпадал сам собой. Все аккуратненько завершилось, больше и думать не о чем.

Вот только мой случай другой.

Вы, может быть, думаете: «Да ладно, Магнус, ты-то на самом деле не помер, иначе не смог бы об этом рассказывать. Видимо, просто чуть не отдал концы, а потом тебя чудом спали и все такое прочее».

Нет, я реально умер. На все сто процентов. Брюхо пробило, жизненно важные внутренности сгорели, голова врезалась с чудовищной высоты в обледенелую реку, в теле моем не осталось ни одной целой кости, а легкие наполнились водой.

Словом, как выражаются в таких случаях медики, летальный исход.

Эй, Магнус, а что ты при этом чувствовал?

Было больно. Много и сильно. Спасибо за хороший вопрос.

Но самое странное, мне начал сниться сон. Я этому удивился не только из-за того, что уже был мертв, но и по той причине, что никогда еще снов не видел. Люди часто пытались меня убедить: мол, все видят сны, и я их, конечно же, вижу, но просто не запоминаю. Полная чушь. Я с рождения просто дрых как убитый, пока на самом деле не умер, и вот тут-то мне, как любому нормальному человеку, вдруг и приснилось.

Мы с мамой совершаем очередной поход по Голубым холмам. Мне, вероятно, лет десять. Стоит теплый летний денек. Свежий ветер нас обдувает сквозь стволы сосен. Мы останавливаемся на берегу Хоутонского пруда печь на воде блины камешками. Мой подпрыгнул три раза. До этого у меня так много не получалось, и я очень горд собой. Мамин прыгнул четырежды. Она вечно выигрывала. Ну и пусть. Мы совершенно не волновались на этот счет. Она, смеясь, обнимала меня, и я был счастлив.

Мне очень трудно ее описать. Не зная Натали Чейз, вряд ли составишь о ней представление. «Душой я фея Динь-Динь из «Питера Пена», — порой говорила с улыбкой она. Ну да, такая вот фея Динь-Динь тридцати с чем-то лет минус крылья, одетая во фланелевую рубашку, джинсы и башмаки «Доктор Мартинс». Если сумеете вообразить, у вас получится неплохой портрет моей мамы. Невысокая, с тонкими чертами лица, коротко стриженными волосами под эльфа и зелеными, как листва, глазами, в которых полно чувства юмора. Когда она мне читала вслух книжки, я разглядывал россыпь веснушек у нее на носу и пытался их сосчитать.

Она излучала радость, иначе это не назовешь. И обожала жизнь. Энтузиазм ее был заразителен. Не знаю, есть ли еще на свете человек такой удивительной доброты и легкости, как она. Мама стала другой только в последние недели перед гибелью.

Но в моем сне до этих недель было ох еще как далеко. Мы стояли вместе у пруда. Она со счастливым видом шумно вдыхала душистый воздух, насыщенный запахом разогретой на солнце хвои.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Вот именно здесь я и встретила твоего отца, — сказала она вдруг мне. — Таким же прекрасным летним днем, как этот.

Я просто принял. Об отце она говорила со мной очень редко. Я никогда не встречался с ним и даже ни разу не видел его фотографий. Может, и странно, но мама просто не придавала этому никакого значения. И я тоже.

Она совершенно четко дала мне понять: папа не бросил нас, а просто двинулся дальше один по жизни. Мама совсем не была на него обижена. О том времени, которое им довелось прожить вместе, у нее сохранились самые лучшие воспоминания, а про свою беременность она узнала, когда они уже расстались. Узнала и очень обрадовалась. С той поры мы и жили вдвоем, и никто на свете нам больше не требовался.

— Ты встретила его на пруду? Он что, умел хорошо печь блины? — заинтересовался я.

Она звонко расхохоталась.

— О да! Он просто меня разгромил в этой области! Тот первый день... — Она чуть помолчала. — Он был идеален, за исключением одного. — Мама крепко прижала меня к себе и поцеловала в лоб. — У меня еще не было тебя, Тыковка.

Ну да, мама звала меня Тыковкой. Можете надо мной поржать. Я начал стесняться этого, когда стал постарше. Но только пока мы еще были вместе. А теперь что угодно отдал бы, лишь бы еще хоть разок услышать, как она меня так называет.

— А каким был мой отец? — задал я новый вопрос.

Слова «мой отец» я выговорил с трудом. Произносить их было мне диковато. Я ведь его никогда не видел. Так как же он мог называться моим? Тем не менее я добавил:

— Что с ним случилось-то?

Мама простерла руки навстречу солнцу, свету и хвойному ветру.

— Ты разве не чувствуешь? Он везде, вокруг нас. Вот почему я так часто тебя привожу сюда, Магнус.

Я не понял, о чем она. Мама вообще-то не слишком любила всякие там метафоры и мысли свои выражала обычно просто и прямо.

Она взъерошила мне ладонью волосы.

— Ну-ка, бегом наперегонки к пляжу!

Сон мой внезапно сместился, и я вдруг обнаружил себя в библиотеке дяди Рэндольфа. Передо мной восседал за столом мужчина, который раньше мне никогда не встречался. Правая его ладонь, пользуясь как ногами средним и указательным пальцами, расхаживала взад-вперед по кипе старинных карт.

— Смерть — это весьма интересный выбор, Магнус.

Мужчина ухмыльнулся. Одежда на нем выглядела столь новой, будто он ее только что приобрел в магазине. Ослепительно белого цвета кроссовки. Свежайшие джинсы. Футболка с логотипом бейсбольной команды «Ред Сокс». Его пушистые волосы медно-медового цвета были взлохмачены в модном растрепе по типу: они чуть сваялись, пока я спал, но мне это очень идет. Лицо бросалось в глаза своей красотой. Он мог бы запросто рекламировать в мужских журналах лосьоны после бритья. Несколько портили облик лишь шрамы. Следы ожогов, как кратеры на Луне, протянулись по скулам и переносице, а губы были обезображены частоколом рубцов, напоминающих затянувшиеся отверстия для пирсинга. Только вряд ли кому-то придет охота нацепить вокруг рта столько пирсинга.

Я понятия не имел, как нужно вести разговор с этой шрамированной галлюцинацией, но у меня в ушах еще звучали слова мамы, вот я и брякнул:

— Вы мой отец?

Галлюцинация изумленно вздернула брови и, резко откинув голову, расхохоталась.

— О-о, ты мне нравишься. Мы с тобой славно повеселимся. И хотя, Магнус Чейз, я не твой отец, но целиком на твоей стороне. — Он провел пальцем под логотипом «Ред Сокс». — Тебе весьма скоро предстоит встретиться с моим сыном, и вот мой совет. Не доверяй внешнему виду, не принимай

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

слепо на веру мотивацию друзей и... — Нагнувшись вперед, он схватил меня за запястье. — И передай Всеобщему Отцу, что я сказал: «Привет».

Я рванулся, пытаюсь освободиться. Хватка у него была железная. Сон мой снова дал крен и понес меня сквозь холодный серый туман.

— Прекрати вырываться, — потребовал женский голос.

За запястье меня держала та самая девушка-всадница, которая кружила в небе над мостом. Теперь она неслась во весь опор по воздуху, волоча меня за собой, как мешок с бельем. Копье, крепко прижатое к ее спине кожаными ремнями, полыхало до рези в глазах, кольчуга серебристо поблескивала в сером мареве. Она схватила меня еще крепче.

— Перестань вырываться, иначе провалишься в Гэп.

Я заподозрил, что речь идет совсем не о фирме одежды. Видимость в небе была нулевой. Мутная беспросветная серость. Падать в нее не хотелось.

Я хотел ей это сказать, но язык мне не подчинился. Вышло лишь покачать головой.

— Вот и не вырывайся, — тверже прежнего проговорила она.

Из-под зеленого платка у нее выбилось несколько прядей светлых волос. Глаза ее были цвета красного дерева.

— Не заставляй меня сожалеть об этом, — строго сказала она и исчезла из моего сознания.

Проснулся я, тяжело дыша. В каждой мышце звенел сигнал аварийной тревоги.

Я сел и схватился за живот, ожидая найти вместо внутренностей выжженную дыру, но никакого тлеющего гудрона не обнаружил. И боль совершенно исчезла. И меч мой куда-то пропал. И одежда была в абсолютном порядке — ни прожогов, ни рвани.

Одежда выглядела даже слишком в порядке, хотя это и были те же самые вещи, которые я таскал уже много недель подряд. Единственные джинсы, несколько рубашек, надетых одна на другую, куртка. Но все это странным образом пере-

стало противно пахнуть. Похоже, пока я валялся без чувств, меня догола раздели, одежду выстирали, а затем она вновь оказалась на мне, благоухающая свежим лимоном, как в старые добрые времена после маминой стирки. И обувь у меня на ногах была новенькой и даже куда свежее, чем когда я выудил ее из помойки за магазином «Марафон Спортс».

Еще непонятнее, каким образом я и сам оказался абсолютно чистым. Руки без корки грязи, и тело даже покалывает, будто меня целый час под горячим душем скребли мочалкой. Я запустил пальцы в волосы. Не спутаны, и ни одной соринки в них не застряло.

Я осторожно поднялся на ноги. Еще до конца не веря, что боль ушла, перекатил ступни с пятки на носок и подпрыгнул. Легкость и бодрость такая, что хоть целую милю бегом пронесись. Я вдохнул полной грудью. Воздух пах дымом от вечных труб и приближающимся снегопадом. Смех из меня так и рвался наружу. Каким-то чудом мне удалось выжить.

Но это ведь невозможно.

Где я?

Круг моих ощущений мало-помалу ширился. Я стоял во внутреннем дворе, возле входа в богатый городской дом, каких можно немало увидеть на Бикон-Хилл. Восемь этажей шумительного белого известняка и серого мрамора, устремленных к зимнему небу. Двойные двери парадного входа из темного массивного дерева, окованного железом. В центре и той и другой висело по дверному молотку, изображавшему волчью голову в натуральную величину.

Волки... Едва глянув на них, я испытал ненависть к этому месту. Прочь скорее отсюда! Я завертелся на месте в поисках выхода на улицу, но не нашел его. Двор окаймляли сплошные высокие стены из известняка. Похоже, что здесь обходились без ворот и калиток. Может ли быть такое?

Даже та малость, которую мне удавалось видеть поверх этих высоких стен, свидетельствовала, что я по-прежнему в Бостоне. Возможно, даже на Бикон-стрит, напротив парка Коммон. Но как я здесь оказался?

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

В одном из углов двора я увидел березу и было уже размечтался взобраться по ней и перемахнуть через стену, когда оказалось, что мне не достать даже до самых нижних ее ветвей. Дерево было покрыто листвой; и диким в самый разгар зимы казалось не только это. Листья блестели, будто на них нанесли ровный слой двадцатичетырехкратного золота. Рядом с березой на стене висела бронзовая табличка. Сперва она вовсе не привлекла моего внимания — бронзовыми табличками снабжена чуть ли не половина бостонских зданий. Потом, приглядевшись внимательней, я увидел двойную надпись, сверху по-скандинавски, снизу — по-английски:

*Добро пожаловать к древу Глазир.
Убедительная просьба услуг не навязывать,
не мешкать и не задерживаться.
Гостиничным поставщикам заходить через Нифльхейм.*

Я ошалело потряс головой. Кажется, мне удалось сильно превысить дневную квоту безумцев. Отсюда явно пора было сматываться. Любым способом перебраться через эту проклятую стену, выяснить, как все сложилось у Блитца с Хэртом, а если мне хватит отзывчивости и душевного благородства, поинтересоваться по поводу дяди Рэндольфа. Дальше надо, по-видимому, рвануть автостопом в какую-нибудь Гватемалу. Этого города для меня достаточно.

Двойные двери парадного входа вдруг с жалобным стоном раскрылись внутрь. Изнутри заструился слепящий золотом свет. На пороге возник крепко сбитый крупный мужчина в форме швейцара — цилиндр, белые перчатки и темно-зеленого цвета ливрея с фрачными фалдами и вышитыми на лацкане буквами «ОВ». Мне сразу сделалось ясно: он не совсем обычный швейцар. Лицо его в бородавках покрывал слой пепла. Бороду много лет не стригли. Взгляд красных глаз был зверский. С бедра свисал обоюдоострый топор. А на приколотом к груди бейджике значилось:

«Хундинг.

Саксония.

Ценный член команды с 749 года н. э.»

— П-простите, — стал заикаться я. — Должно быть, ошибся... попал не в т-тот д-дом.

Мужчина, нахмурившись, подошел вплотную ко мне и обнюхал. Сам он пах скипидаром и горящим мясом.

— Ошибся? Да нет, все правильно. Ты сейчас должен зарегистрироваться.

— А-а?.. Что-о?..

— Ты же ведь мертв, не так ли, — продолжил он. — Вот и следуй за мной. Проведу тебя к управляющему.

Глава IX

НЕ ЖЕЛАЕТЕ ЛИ ПОЛУЧИТЬ ЕЩЕ КЛЮЧ ОТ МИНИ-БАРА?

Внутри здание оказалось гораздо больше, чем можно было предположить снаружи. Фойе я мог бы спокойно назвать самым большим охотничьим домиком в мире, и площадь его раза в два превышала размер всего дома, каким он мне представлялся с улицы. Пол из твердых пород дерева покрывали шкуры экзотических животных — зебр, львов и сорокафутовой рептилии, с которой мне бы совсем не хотелось встретиться, когда она была жива. У правой стены, в камине размером со спальню, задорно трещал огонь. Перед ним разлеглись на кожаных пухлых диванах несколько похожих на старшекласников парней в зеленых халатах, которые то и дело что-то прихлебывали из серебряных кубков. Над каминной полкой висело чучело волчьей головы.

Меня тряхануло. Вот радость-то. Опять волки.

Потолок подпирали колонны из грубо отесанных древесных стволов, а в качестве поперечных балок тянулись копыя. Стены были украшены отполированными до блеска щитами. Свет, казалось, шел отовсюду — яркий и золотистый. От него было больно глазам, словно вдруг вышел из темного помещения на залитую солнцем улицу.

В центре фойе стояла доска объявлений с анонсом:

СЕГОДНЯШНИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Аудитория Осло. 10-00. Бой один на один до смерти!

Аудитория Стокгольм. 11-00. Групповые бои до смерти!

Обеденный холл. 12-00. Буфет — обед до смерти!

Главный внутренний двор. 13-00.

Бой армий полным составом до смерти!

Аудитория Копенгаген. 16-00. Бикрам-йога до смерти!

(Являться с собственным ковриком.)

Швейцар Хундинг мне что-то сказал, но у меня до того звенело в ушах, что я его не расслышал.

— Что-что, извините? — переспросил я.

— Багаж при себе имеется? — повысил он голос.

— М-м... — Я ощупью поискал на плечах лямки рюкзака и, убедившись, что ему, в отличие от меня, возродиться не удалось, ответил: — Не имеется.

— Никто больше ныне не прибывает с багажом, — проворчал Хундинг. — Они что же, на ваш погребальный костер вообще ничего не кладут?

— На мой что? — уставился на него я.

— Не важно. — Он кинул сердитый взгляд в тот угол фойе, где перевернутым корабельным килем было выгорожено пространство вроде гостиничного ресепшена, и добавил: — Откладывать больше нельзя. Пошли.

Мужчина за стойкой-килем явно пользовался услугами того же парикмахера, что и Хундинг. Борода у него отросла такая массивная и кустистая, что вполне могла обоснованно заявить о правах на собственный почтовый индекс, а прическа напоминала птицу канюк, которая врезалась на лету в ветровое стекло встречной машины и ее хорошенько расплющило. На приколоте к лацкану его ярко-зеленого костюма в полоску бейджике значилось:

Хельги.

Управляющий. Восточный Готланд.

Ценный член команды с 749 года н. э.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Заметив, что мы подошли, Хельги поднял глаза от компьютера.

— Добро пожаловать. Вы регистрироваться?

— А-а-а, — протянул я, не зная, что должен ответить.

— Видите ли, тут дело такое, — продолжил Хельги. — Заезд у нас в три часа дня. Поэтому, если вы умерли раньше, я не могу гарантировать, что ваш номер уже готов.

— Может, тогда мне лучше вернуться и снова ожить? — внес я, по-моему, очень дельное предложение.

— Нет-нет, — решительно возразил мне он и принялся колотить пальцами по клавиатуре. — Ну вот. — Улыбка его была настолько скупа, что обнажились только три зуба. — Мы вас повысили до номера «люкс».

Хундинг, стоявший рядом со мной, пробормотал:

— Да ныне каждого здесь повышают до «люксов». Они токмо у нас в наличии и имеются.

— Хундинг, — сурово глянул на него Хельги.

— Прошу прощения, сэр, — мигом скукожился тот.

— Ты, кажется, вынуждаешь меня прибегнуть к палке, — многообещающе произнес Хельги.

— Нет, что вы, сэр.

Я переводил взгляд с одного на другого, сверяясь с надписями на их бейджиках.

— Мне ясно, что вы приступили к работе здесь в один год, — наконец сказал я. — Но что такое н. э.?

— Наша эра, — пояснил управляющий. — Аналогично Р. Х.

— Так почему не писать Р. Х.? — озадачился я.

— Потому что от Рождества Христова — это замечательно для христиан, но Тор немного расстраивается. У него до сих пор не прошла на Иисуса обида. Из-за дуэли. Тор его вызвал, а Иисус не пришел.

— Ну и что дальше было? — сделалось любопытно мне.

— Речь сейчас не о том, — резко свернул тему Хельги. — Вы сколько ключей желаете? Одного вам достаточно?

— Может, хоть объясните, куда именно меня занесло? — потребовал я. — Если вы оба здесь с 749 года, то это больше тысячи лет.

— Ох, и не напоминай, — с мрачным видом выдохнул Хундинг.

— Но это ведь невозможно, — по-прежнему не укладывалось у меня в голове. — Вот вы говорите, я мертв. Но я мертвецом себя совершенно не чувствую. Наоборот, ощущаю себя замечательно.

— Вам все это объяснят сегодня же за обедом, сэ, когда Вальгалла будет официально приветствовать новых гостей, — откликнулся Хельги.

Вальгалла! Это слово вызвало в моей памяти полузабытую историю, которую очень давно читала мне мама.

— У вас тут на лацкане буквы «О. В.», — посмотрел я на Хельги. — «В» означает Вальгалла?

Взгляд у него заметно потяжелел. Мои вопросы явно его достали.

— Именно так, сэ. Отель «Вальгалла». Примите мои поздравления. Вам предоставлена честь войти в число гостей Одина. Заранее предвкушаю удовольствие, которое получу за обедом, когда вы начнете рассказывать про ваши славные подвиги.

Ноги мои подкосились, и я вынужден был опереться на стойку, чтобы не рухнуть. Все это время во мне еще теплилась искра надежды. Просто они меня с кем-нибудь перепутали, убеждал я себя. Это ошибка. Я не могу быть гостем какого-то навороченного тематического отеля. Однако после слов Хельги уверенности во мне, что я угодил сюда по ошибке, значительно поубавилось.

— Мертв, — выдавил я из себя жалкий лепет. — Вы хотите сказать, я действительно... Я действительно...

— Вот ключ от вашего номера, — вручил Хельги мне камень с руной, очень похожий на странные доминошные плашечки из библиотеки Рэндольфа. — Не желаете ли еще получить ключ от мини-бара?

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Э-э-э. — Предложение было столь неожиданным, что застало меня врасплох.

— Естественно, он желает, — ответил за меня Хундинг. — Это очень тебе пригодится, сынок. Ты ж здесь надолго удержишься.

У меня пересохло во рту.

— Насколько надолго? — прохрипел я.

— Навсегда, — сказал Хельги. — И уж во всяком случае до Рагнарока. Хундинг сейчас покажет вам номер. Желаю приятной жизни после смерти. Следующий! — выкрикнул он, торопясь от меня отделаться.

Глава X

НЕСЛАБЫЙ НОМЕР

Не сказать, чтобы я слишком четко запомнил маршрут, которым вел меня по отелю Хундинг. Ощущение было такое, словно меня прокрутили раз пятьдесят волчком и выкинули на цирковую арену с пожеланием хорошенько расслабиться и отдохнуть.

Мы то и дело шли сквозь все новые холлы, и каждый последующий мне казался еще обширнее предыдущего. Большинство постояльцев гостиницы выглядело как старшекласники, хотя изредка попадались и видом постарше. Сбившись в маленькие компании, ребята с девчонками валялись перед каминами на диванах, болтали на множестве языков, жевали всякую ерунду или играли в настольные игры вроде шахмат, скрэббла или во что-то мне непонятное, где использовались кинжалы и паяльная лампа. Пообок от холлов располагались гостиные с бильярдными столами, пинбол-автоматами, допотопными видеоаркадами и странными штуками, сильно смахивающими на «железных дев» из средневековой камеры пыток.

Среди постояльцев сповала с напитками и едой на подносах прислуга отеля, какую нечасто встретишь в гостиничном бизнесе. Насколько я мог заметить, составляли ее сплошь женщины-воительницы со щитами на спинах поверх темно-зеленых рубашек и топорами или мечами на поясах.

Одна из этих броневооруженных официанток подала мне дымящуюся тарелку спринг-роллов, на вид и запах которых живот мой отреагировал голодным урчанием.

— Но если я умер, то как же могу быть голодным? — спросил я у Хундинга. — И из всех этих, — указал я на публику, мимо которой мы с ним проходили, — никто мертвецом не выглядит.

Хундинг пожал плечами.

— Мертвец мертвецу рознь. Считай, Вальгалла — это, скорее, такое место, где ты повышаешь свой уровень. Ты теперь один из эйнхериев.

Последнее слово он произнес по слогам.

— Эйнхериев, — повторил я за ним и хмыкнул. — Главное тут язык не сломать.

— Да, — кивнул Хундинг. — В единственном числе, стало быть, получается эйнхерий, — снова прибег он к произношению по слогам. — Переводят его обычно как «одинокий воин», но это не совсем верно. Скорее уж, бывший одинокий воин. Ну, тот, кто в своей прошлой жизни отважно сражался и снова проявит свою отвагу в День Последней Битвы. Вот так-то, любезный.

— Последней Битвы с атакой любезной? — нечетко расслышав, уставился я на него.

— Да нет, — отмахнулся он. — Любезный — это я про тебя.

В следующее мгновение он резко толкнул меня в сторону. Мимо стремительно просвистело копьё и врезалось в грудь какому-то типу, спокойно сидевшему на диване, который, мигом откинув сандалии, рухнул на пол. Во все стороны брызнули напитки, игральные кости и деньги из «монополии». Ребята, игравшие с ним, взвились на ноги и как один с раздражением повернулись в ту сторону, откуда пожаловало копьё.

— Джон Красная Рука! Я все видел! — проорал Хундинг. — В этом отеле запрещено метать копьё на поражение!

Из бильярдной раздался хохот, затем метатель копьёя что-то ответил. Кажется, он говорил по-шведски. Смысл, разумеется, от меня ускользнул, но по тону его мне сделалось ясно, что он не раскаивается.

— Ладно. — Хундинг двинулся дальше, и вид у него был такой, словно ничего страшного не случилось.

— Но здесь ведь прикончили парня, — трясло от увиденного меня. — Вы что же, все это так и оставите?

— Волки сейчас все подчистят, — спокойно ответил мой провожатый.

— Волки? — Меня затрясло пуще прежнего.

И не успели еще игроки разобраться с перепутанными фишками и жетонами, а Хундинг хоть что-нибудь мне ответить, в холл на бешеной скорости ворвались два серых волка. Они схватили зубами убитого, у которого так и торчало копьё из груди, и уволокли его за ноги прочь. Кровавая полоса, протянувшаяся за ними, немедленно испарилась, а пробитая спинка дивана восстановилась.

Я наблюдал за происходящим, съежившись за каким-то растением в кадке. Можете сколько угодно меня презирать, но мне было страшно. Синих сияющих глаз я у этих волков не заметил. Но пусть они даже не походили на тех, которые атаковали нашу с мамой квартиру, я все-таки предпочел бы пройти дорогу в жизнь после смерти под знаком не волка, а мирной песчанки.

— Неужели у вас нет законов против убийства? — поинтересовался я тихо у Хундинга.

Хундинг поднял кустистые брови.

— Да ты не расстраивайся, любезный. Это ж все так, одно развлечение. К обеду покойничек будет снова в полном порядке. — Он извлек меня из-за дерева в кадке. — Пошли.

Я даже еще не успел попытаться выяснить что-то про «развлечение», когда мы оказались у лифта. Его решетчатая дверь состояла из копий, а стены кабины покрывали золотые щиты внахлест. Панель с кнопками протянулась от пола до потолка, такое там их было количество. На самой верхней я увидел цифры пятьсот сорок. Хундинг нажал на ту, которая носила номер девятнадцать.

— Неужели тут пятьсот сорок этажей? — удивился я. — Тогда это самое высокое здание в мире.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Коли в одном бы мире стояло, то да, — кивнул Хундинг. — Но оно ведь соединяется со всеми Девятью Мирами. Ты вот сюда попал через вход Мидгард. Оттуда к нам большинство смертных и попадает.

— Мидгард... — Это я, хоть и смутно, но помнил: викинги верили в существование девяти различных миров. И дядя Рэндольф что-то твердил о мирах. И мама очень давно мне читала о них в скандинавских сказках. — Ты имеешь в виду мир людей? — спросил я у Хундинга.

— Ага. — Он набрал под завязку воздуха в легкие и на одном дыхании выдал: — В Вальгалле пятьсот сорок этажей, в Девять Миров пятьсот сорок дверей. — Хундинг с ухмылкой перевел дух. — Неизвестно, когда и куда нам придется идти на битву.

— А что, очень часто приходится? — поинтересовался я.

— Да пока ни разу, но все-таки... — Мой провожатый чуть помолчал. — Это может случиться в любой момент. Ох, просто жду не дождусь. Хельги тогда наконец-то меня прекратит наказывать.

— Управляющий? За что ж он тебя наказывает?

Хундинг поморщился.

— Это долго рассказывать. Он и я...

Дверь кабины отъехала в сторону, мы вышли наружу.

— Забудь. — Хундинг хлопнул меня по спине. — Тебе понравится на девятнадцатом. И соседи у тебя будут хорошие.

Гостиничные коридоры с их приглушенным светом веч-но мне дают на психику до клаустрофобии. Но коридор девятнадцатого этажа оказался совсем другим. Высоченный сводчатый потолок был выложен, как вы, вероятно, уже догадались, копиями. Полагаю, оптовый склад боевого оружия предоставил отелю Вальгалла славную скидку на них. В металлических бра ярко горели факелы, но, как ни странно, без дыма. Их мягко-оранжевый свет ровными полосами ложился на стены, украшенные щитами, мечами и гобеленами. Холл оказался таким широким, что в нем можно было запросто затеять футбольный матч по всем правилам. На

красно-красном ковре были вытканы ветви деревьев, которые двигались, словно под дуновением ветра.

Двери из грубо обработанного дуба, ведущие в номера, располагались одна от другой на расстоянии целых пятидесяти шагов. По краям они были окованы толстым железом, однако я не заметил ни на одной из них даже признаков ручек или замков. Зато в центре каждой имелся железный круг размером с тарелку, посередине которого виднелось обрамленное рунами имя.

На первой, попавшейся нам на пути, я прочел: «Хафборн Гундерсен». Из этого номера слышались крики и лязг металла, словно там бились на мечах.

Второй номер с надписью «Мэллори Кин» утонул в совершеннейшей тишине.

Из третьего, с именем Томас Джефферсон, раздавалась пальба, впрочем, скорее смахивающая на компьютерную игру, чем на реально стреляющие стволы. (В прошлой жизни я слышал достаточно и того и другого.)

Возле четвертой двери под буквой «Икс» стояла тележка для обслуживания номеров, на которой валялась отрубленная голова свиньи с немного погрызенными ушами и пяточком.

Я не то чтобы сильный гурман. Жизнь бездомного к этому совершенно не располагает. Но даже если буду от голода помирать, от свиной головы увольте.

Мы почти поравнялись с местом, где коридор разветвлялся надвое, когда из-за угла вылетела огромная темная птица и просвистела в такой близости от меня, что едва не снесла мне ухо. Обернувшись, я увидел, как она исчезает в дали коридора. Черный ворон с блокнотом и ручкой в лапах.

— Это еще что за фрукт? — спросил я у Хундинга.

— Ворон, — коротко бросил он.

Исчерпывающий ответ. Теперь мне, конечно, все было ясно.

Пройдя еще чуть вперед, мы остановились у двери с надписью «Магнус Чейз».

Увидев свое имя, выгравированное на металле и окруженное рунами, я съезжился. Остатки надежды, что все это

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

либо ошибка, либо чей-то прикол, приготовленный к моему дню рождения, либо какая-то космическая путаница, испарились. В этой гостинице ожидали меня. Здесь четко и ясно были написаны имя мое и фамилия.

Просто для памяти можете записать: Магнус значит «великий». Мама меня назвала так из-за того, что, во-первых, наша семья ведет род от шведских королей и чего-то еще в этом роде, которые жили миллион лет назад, а во-вторых, потому что считала мое появление самым великим событием в своей жизни. Вот так. Ни больше ни меньше. Меня, впрочем, имя мое всегда раздражало. Люди вечно писали и произносили его неправильно. В школе меня дразнили «Мангустом среди капусты». Ну и я волей-неволей вынужден был огрызаться. Мол, я не Мангуст, а Магнус и по роже вам двинуть в долгу не останусь. Но это теперь для меня было делом минувших дней.

Теперь мое имя было на двери номера. Едва я переступлю порог, как стану считаться въехавшим, и этот номер станет моим новым домом до конца света, если, конечно, регистратор мне не соврал.

— Ну же, давай, открывай, — поторопил меня Хундинг, указывая на ключ с руной в моей руке. Символ этот напоминал знак бесконечности или лежащие на боку песочные часы.

— Это дагаз, — объяснил мне Хундинг. — Не бойся его. Обозначает новые начинания и преобразования. А также открывает твою дверь. Доступ в номер есть только у одного тебя.

Я шумно сглотнул.

— А если, к примеру, кому-то из персонала отеля нужно в него попасть?

— Так ведь у нас-то у всех служебные ключи есть, — то ли в шутку, то ли всерьез похлопал ладонью Хундинг по висевшему у него на боку топору.

Я поднял ключ. Мне не хотелось открывать эту дверь, однако и в коридоре задерживаться было стремно. Так и жди какого-нибудь шального коня или налета пикирующего ворона. Сам толком не отдавая отчета, что делаю, я поднес рунный ключ к точно такой же руне на двери. Кольцо вокруг моих имени и фамилии засветилось зеленым. Дверь распахнулась.

Едва я вошел, челюсть моя отвисла чуть ли не до пола.

Этот помер был много лучше любого места, где я когда-либо жил или которые я когда-нибудь видел, включая особняк дяди Рэндольфа.

В полном трансе я дошел до центра своего нового жилища, где находился открытый лазурному небу атриум. Ботинки мои утонули в густо-зеленой траве. Четыре огромных кряжистых дуба колоннами обрамляли садик. Нижние ветви деревьев вытянулись во все стороны вдоль потолка, переплетаясь с балками, а ветви повыше проросли сквозь отверстие в потолке, образовав ажурный навес. Солнечный свет согревал тепло мои плечи. Ласковый ветерок пронесся по комнате, задув в нее запах жасмина.

— Это как же? — уставился я на Хундинга. — Над нами ведь еще несколько сот этажей. Откуда тогда здесь открытое небо? И вообще, сейчас самый разгар зимы, а тут солнечно и тепло.

— Да кто ее знает, причину-то, — пожал он плечами. — Такое, видать, волшебство. Это же твоя жизнь после смерти, любезный; вот тебя и решили маленько взбодрить. Заслужил.

— Да ну? — Я абсолютно себя не чувствовал заслужившим подобное и с изумлением озирался вокруг.

Он атриума крестом располагались входы в четыре других помещения, каждое из которых достигало размера квартиры, где жили мы с мамой.

Одно из них было прихожей. Второе — спальней с огромной кроватью, но крайне скудно и просто обставленной, несмотря на внушительные размеры. На кровати — бежевое покрывало и пухлые подушки с оборками. Бежевые стены — без картин, зеркал и прочих украшений. И тяжелые темно-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

коричневые портьеры, которые, если задвинуть, отделяли спальню от остальной части моего нового обиталища.

А ведь мою детскую комнату мама тоже обустроила безо всяких рюшечек с финтифлюшечками. Я с младенчества плохо спал, если в комнате не было совершенно темно и что-то меня отвлекало. Моя новая спальня в точности соответствовала всем этим требованиям. Словно кто-то, проникнув мне в мозг, извлек из него информацию о моих предпочтениях.

Левый отсек взбодрил меня гардеробной и отделанной черно-бежевой плиткой (мои любимые цвета!) ванной комнатой, где обнаружили сауну, душевую кабину, встроенный шкаф, джакузи и ватерклозет с фасонным и навороченным треном, достойным почетных мертвецов с заслугами и пера великих поэтов.

В четвертом крыле находилась вполне себе полноценная кухня, а из нее я попал в гостиную с кожаным диваном, напротив которого висела плазменная панель с шестью игровыми приставками в медиаэтажерке. Возле горящего камина расположились два широких кресла и целый стеллаж, заполненный книгами.

Представьте себе, я люблю читать. Вот такая у меня дикая странность, которая не прошла даже после того, как я бросил школу. В отличие от многих других бездомных, я и в Бостонскую публичную библиотеку ходил не просто чтобы побыть в уютном, теплом и безопасном месте, а читал там всякое-разное. Ох, как же мне не хватало два этих последних года нашего с мамой собрания книг. Я и мечтать не мог, что они снова когда-нибудь у меня окажутся.

Читая надписи на корешках, я вдруг поймал краем глаза снимок в серебряной рамке и повернулся к полке камина, где он стоял.

У меня перехватило дыхание. К горлу подкатил ком. Каким образом...

Не веря, что это возможно, я схватил с полки снимок и поднес поближе к глазам. Я, восьмилетний, и мама стоим на вершине горы Вашингтон в Нью-Гемпшире. Один из самых прекрасных дней в моей жизни. Снял нас по нашей

прюсьбе охранник парка. На фотографии я радостно улыбаюсь (теперь со мной происходит такое редко), обнажив дырку, которая образовалась тогда у меня вместо двух вынаших передних зубов. Мама стоит за моей спиной на коленях, крепко меня обняв. Веснушки ее потемнели от солнца, в уголках глаз от смеха образовались морщинки, а светлые волосы ветер сдул набок.

— Но каким образом? — снова пробормотал я. — Это ведь невозможно.

Снимок существовал в единственном экземпляре, который погиб во время пожара.

Повернувшись к Хундингу, я заметил, что он вытирает глаза.

— Вы в порядке? — Удивили меня его слезы.

Он кашлянул.

— Да. В порядке. А что до того, о чем ты спросил... Отелю нравится обеспечивать вас сувенирами из вашей прежней жизни. Фотографии...

Он умолк, и мне показалось, что под густой завесой его бороды у него дрожат губы.

— Тогда-то ж, когда я помер, давным-давно, никаких фотографий в помине не было, — снова заговорил он. — Велит же тебе.

Давненько никто не завидовал моему везению. Я настолько припух от этого, что даже отвлекся от нашего с мамой снимка. Вот уж и впрямь повезло: два года без мамы бомжом, а потом то ли помер, то ли меня апгрейдили для экспресс-перехода на новый уровень, где этот швейцар из Саксонии торчит с семьсот сорок девятого года нашей эры. Он-то как, интересно, умер и что за семью оставил в своей прежней жизни, если даже спустя тысячу двести лет после этого начинает плакать при малейшем воспоминании? Жесткий же у него новый уровень получился.

Хундинг вдруг резко выпрямился и вытер нос.

— Ну, будет. Если вопросы какие появятся, обращайся к управляющему. А я уж, верно, порадуюсь за обедом, когда услышу о твоих храбрых подвигах.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Храбрых подвигах? — Я опешил.

— Ладно тебе, не скромничай. Тебя бы не отобрала, коли героем не был.

— Но...

— Было очень приятно вам услужить, сэр, — крайне официально произнес он. — Милости просим в отель «Вальгалла».

Он протянул ладонь, и мне потребовалась целая секунда, прежде чем я допер, что он ждет от меня чаевых.

— Ой! М-м-м, — стушевался я и зашарил по карманам, в надежде хоть что-то найти.

Меня ожидала некоторая удача: шоколадка, которую я увел из кухни у дяди Рэндольфа, в самом что ни на есть лучшем виде переселилась вместе со мной сюда.

— Извини, но это все, что у меня есть, — торопливо вручил я ее своему провожатому.

Глаза его превратились в блюдца.

— О боги Асгарда! Спасибо тебе!

Он понюхал мое подношение, а затем воздел его вверх на обеих ладонях, как священную чашу.

— Вот это да! — трепетно выдохнул он. — В общем, как только тебе что потребуется, мигом ко мне. А твоя валькирия явится за тобой прямо перед обедом. Вот это да! — снова залюбовался он шоколадкой. — Ну и дела!

— Какая еще валькирия? Нет у меня никакой валькирии, — сказал я.

Хундинг, так и не отрывая взгляда от шоколадки, расхохотался.

— Ну, ясное дело. Будь у меня такая валькирия, я бы сказал то же самое. Она хорошенько покуролесила.

— То есть? — насторожился я.

Но Хундинг уже направился к двери.

— Сегодня еще увидимся, а сейчас мне надо кое-что съесть. Желаю тебе не убититься перед обедом, — скороговоркой бросил он мне и вышел.

Глава XI

ПРИЯТНО С ТОБОЙ ПОЗНАКОМИТЬСЯ, НО МОГУ ЗАДУШИТЬ

Я вдруг стал задыхаться и рухнул на траву атриума, уставившись на небо в ажурном просвете ветвей.

У меня давно уже не было приступов астмы, а раньше мама ночами дежурила возле меня, пока я хрипел в поединке с невидимым обручем, все сильнее стягивавшим мне грудь. Только не удивляйтесь, зачем надо было водить парня с астмой в походы по горам. На свежем воздухе мне как раз становилось лучше.

Вот и теперь, распластавшись посреди атриума, я жадно ловил свежий воздух, ожидая, когда мои легкие успокоятся.

В общем-то, я догадывался, что астмой меня шарахнуло из-за нервного срыва. Не каждый ведь день приходится помирать, а затем возрождаться для новой жизни среди безумных викингов, которые заказывают себе с доставкой в номер свиные головы и мочат друг друга копьями в холлах. Но привело меня в шок не это.

За два последние года моя психика хорошо адаптировалась к экстриму. Чуть больше, чуть меньше... Ну, оказался в свой шестнадцатый день рождения в этой Вальгалле. Не повезло.

Вдарило мне по нервам другое. Меня впервые с тех пор, как не стало мамы, окружали комфорт и уют, и я, по крайней мере на данный момент, ощущал себя в безопасности.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Всякие там благотворительные кухни или койки в приютах не в счет. Все равно ни на миг не расслабишься. И спишь, так сказать, приоткрыв один глаз. А теперь у меня возникла возможность спокойно поразмышлять.

Только вот размышления штука довольно опасная.

До сих пор мои умственные способности целиком и полностью поглощали процесс выживания. Даже погоревать как следует о потере мамы для меня было непозволительной роскошью, а сетовать на предмет злосчастной своей судьбы — тем более. Думаю, это мне помогло в той же степени, что и навыки выживания, которым меня обучила мама во время наших с ней многочисленных вылазок на природу. Благодаря ей я умел ориентироваться в незнакомых местах, разжигать костры, грамотно разбивать палатку.

Наши поездки в горы, парки, на озеро... Если ее раздолбанная «Субару» была на ходу, мы устремлялись за город навстречу дикой природе.

— От чего мы бежим? — спросил я ее в одну из подобных пятниц, за несколько дней до того как она погибла. Мне хотелось остаться хоть на одни выходные дома, и ее жажда непременно уехать злила.

Она ответила мне улыбкой, за которой скрывалась тревога:

— Магнус, нам надо как можно лучше использовать ответное время.

Неужели и впрямь старалась меня научить выживанию в одиночестве? Знала, что с ней случится? Возможно ли это? С другой стороны, иметь в отцах древнескандинавского бога тоже не слишком реально.

Дыхание у меня еще до конца не выровнялось, но я все же поднялся на ноги и побрел в гостиную. С каминной полки мне улыбался, обнажив щель в передних зубах, всклокоченный восьмилетний Магнус. Как же он мало ценил то, что у него было!

Я изучил содержание книжных полок. Мои любимые авторы фэнтези и ужасов, которыми я зачитывался

в прежние годы: Стивен Кинг, Даррен Шэн, Нил Шустерман, Майкл Грант, Джо Хилл. Любимые серии графических романов — «Скотт Пилигрим», «Песочный человек», «Хранители», «Сага». (Подсказка от профессионального бездомного: публичные библиотеки гостеприимны и безопасны почти как рай. В них есть туалеты, а ребят, которые пришли почитать, не вышвыривают на улицу, если, конечно, от них не слишком воняет и они не устраивают скандалов.)

Я вытащил со стеллажа детскую книжку. Скандинавские мифы в очень простом изложении. Мы с мамой ее читали, когда я был маленький. Множество иллюстраций. Таких, знаете, без затей и до идиотизма радостных. Боги на них дико счастливы, и все как один улыбаются. На солнечных небесах висит радуга. Земля покрыта цветами. Светловолосые девушки просто очаровательны. И текст соответствующий: «Боги жили в необычайно прекрасном месте». Ни слова про Черного Сурта, котерый сжигает коляски с детьми и кидает в людей шары из расплавленного асфальта, или про волков, взрывающих квартиры и убивающих мам! Я в раздражении сунул книгу туда, где она стояла, и подошел к журнальному столику.

На нем лежал кожаный блокнот с надписью «Услуги для гостей». Я начал листать его. Меню доставки в номера было на десяти страницах, и ровно такой же объем занимал список телеканалов. План отеля оказался ужасно запутанным и разделенным на такое количество подсекций, что я вообще ничего не смог разобрать. Ясно мне было только одно: двери с надписью «выход», через которые можно вернуться в прежнюю жизнь, отсутствуют.

Я зашвырнул блокнот в камин.

Он еще не успел полностью догореть, когда на журнальном столике возник сам собой точно такой же новенький экземпляр. Это меня разозлило сильнее прежнего. Тупое гостиничное волшебство лишало меня возможности даже выпустить пар, покрушив как следует вещи.

Я в ярости опрокинул диван. Эффект превзошел мои самые смелые ожидания. Диван не просто перевернулся, а, совершая кульбиты, перелетел через все пространство гостиной и врезался в дальнюю стену.

Вот уж и впрямь никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Следы разрушения впечатляли. Подушки разбросаны по полу. Штукатурка на стене треснула, кожа дивана прочертила на ней глубокие темные следы. И как только мне удалось?

Диван почему-то не восстановился волшебным образом, а продолжал лежать ровно там, куда я его закинул. Злость мало-помалу меня отпускала, уступая место стыду. Кажется, я добавил лишней работы какому-нибудь гостиничному бедняге вроде Хундинга. Не слишком честно с моей стороны.

Мне снова вспомнился Черный Горючий Тип на мосту. «Зачем ему так понадобился этот меч?» — размышлял я, бродя по номеру. Я очень надеялся, что Сурт помер вместе со мной и куда капитальней, чем я, но оптимизма по этому поводу не испытывал. Только бы Блитцу и Хэрту действительно удалось спастись. Ах да, конечно. И дяде Рэндольфу тоже.

А меч? Где он теперь? Слова на дне реки? Странная перезагрузка на новый уровень. Шоколадку вот вместе со мной загрузили, а меч ведь был у меня в руках и пропал. Ну полная чушь. Не вышло у них с ним, что ли?

В старинных историях Вальгалла — это такое специальное место для павших героев. Знаю совершенно точно и ничего не путаю. Но какой из меня-то герой? Мне ведь и наподдали, и кишки разворотили. Пронзив мечом Сурта и свалившись с ним вместе с моста, я, можно сказать, потерпел продуктивное поражение. Погиб как храбрец? Да мне лично не кажется.

И тут мне вдарило по башке: мама! Вот уж чью гибель точно можно назвать героической. Она защитила меня от...

Мои мысли прервал резкий стук в дверь. Она распахнулась. В комнату вошла девушка...

Та самая, что кружила по небу на лошади, пока я сражался с Черным, а потом протащила меня сквозь мглу.

Шлема, кольчуги и сияющего копья за спиной при ней теперь не было, зеленый платок она повязала на шее, и русые ее волосы свободно рассыпались по плечам. По воротнику и манжетам длинного платья девушки тянулась вышивка из рун, с золотого пояса свисали связка ключей какого-то допотопного фасона и топор, заточенный только с одной стороны. Ну прямо подружка невесты на тематической свадьбе в стиле игры «Мортал Комбат».

Она кинула взгляд на поверженный мною диван.

— На мебель, что ли, обиделся?

— Значит, ты настоящая? — произнес в это время я.

Она похлопала себя по плечам.

— Ну да. Вроде так.

— Моя мама...

— Нет, — не дала мне договорить девушка. — Я не твоя мама.

— Да я другое имел в виду, — принялся объяснять я. — Моя мама тоже в Вальгалле?

Губы у девушки резко сложились в трубочку, будто она беззвучно ойкнула, а взгляд устремился куда-то мне за спину. Можно было подумать, она рассчитывала найти там ответ.

— К сожалению, Натали Чейз нет среди избранных.

— Но ведь это как раз она была храброй. Жизнью пожертвовала ради меня.

— Вполне тебе верю. — Девушка принялась с крайне сосредоточенным видом перебирать ключи на связке. — Но, находишься она здесь, я бы знала. Нам, валькириям, не дозволено отбирать всех подряд, кто храбро погиб. Существует множество факторов... И много различных мест, где живут после смерти...

— Но если ее здесь нет, то мне тоже тут нечего делать. Хочу быть там, где она. Я совсем не герой.

Валькирия резким жестом отбросила меня к стене с той же легкостью, как я диван, и придавила занятым горло.

— Не смей ничего подобного говорить, — прошипела она. — Ты меня понял? Не смей никогда, и особенно сегодня за обедом.

Ее дыхание пахло мятой. Глаза были темными и одновременно яркими, как аммонит, который был когда-то у мамы. Срез камня, а в нем сияет воспоминаниями о миллионах лет под землей навеки застывший морской моллюск. Вот так примерно блестели глаза этой девушки.

— Да ты просто не понимаешь, я должен... — сумел придушенно просипеть я, прежде чем она с новой силой сдвинула мне горло.

— Чего я, по-твоему, не понимаю? — спросила она. — Что ты тоскуешь по маме? Или что тебя оценили неправильно? Или что ты находишься там, где не хочешь быть, и вынужден иметь дело с людьми, которые тебе не нравятся?

Я молчал. Во-первых, не знал, как лучше ответить, а во-вторых, поди скажи что-нибудь, когда еле жив от удущья.

Она наконец отпустила меня и, пока я давился и кашлял, восстанавливая дыхалку, расхаживала по гостиной, кидая по сторонам свирепые взгляды. Топор и ключи на поясе позвякивали в такт ее шагам.

«Надо же быть таким идиотом, Магнус, — подумал я, потирая шею. — Полез выступать, не зная их правил».

Нельзя было начинать здесь с нытья и качания прав. Вопрос о маме следует отложить на какое-то время. Где она, если вообще где-то есть, постараюсь по-тихому выяснить позже. Я уже понимал: здесь работают те же самые правила, что в незнакомом приюте, или среди бомжей, уже усевших забить себе территорию, или на благотворительной кухне при какой-нибудь церкви. Везде существуют свои законы, и жизнь меня научила в первую очередь стараться понять, кто всем управляет и какая там иерархия. И чего нельзя делать ни под каким видом, если не хочешь расстаться с жизнью или оказаться в полицейском участке. Вот и здесь тоже мне надо выжить, пусть даже я уже вроде и мертв.

— Извини, — с большим трудом просипел я. В горле саднило, будто я проглотил живьем грызуна с когтями на лапах. — Но тебя-то чего так волнует, герой я или нет?

Она хлопнула себя по лбу.

— Ну ни фигя себе! А кто, интересно, тебя сюда притащил? Теперь карьера моя на кону. Сам-то не допираешь? Еще одна ошибка и... — Она осеклась. — Ладно. Проехали. Но когда тебя начнут представлять, будешь вести себя так: рюк держи на замке, кивай, старайся выглядеть храбрым и не давай мне пожалеть о том, что я тебя выбрала.

— Ладно. Но вообще-то, тебе на заметочку, я твоей помощи не просил.

— Глас Одина! Ты же ведь умирал! А какие еще варианты? Хельхейм? Или Гиннунгагап?.. Или... — Ее передернуло. — Ты уж поверь мне: есть много гораздо худших мест для жизни после смерти, чем Вальгалла. А как ты вел себя на мосту, я прекрасно видела. Можешь скромничать сколько угодно, но разве это не мужественно — пожертвовать жизнью ради спасения сотен других людей.

Она меня вроде бы похвалила, но с таким видом и таким тоном, словно на самом деле хотела сказать мне, что я идиот.

А потом, подойдя ко мне вплотную, ткнула меня пальцем в грудь.

— У тебя хороший потенциал, Магнус Чейз. И не подведи меня, иначе...

Колонки, висящие на стене, внезапно исторгли оглушительный рев. От него на каминной полке даже подпрыгнул наш с мамой снимок.

— Это что, воздушная тревога? — я бы ничуть не удивился такому.

— Нет, просто сигнал к обеду. — Девушка глубоко вздохнула, выпрямилась в струнку и протянула мне руку. — Давай-ка начнем все по-новой. Привет. Я — Самира аль Аббас.

— Нормально, — слегка припух я, но, мигом вспомнив, как она реагирует, когда ей что-то не нравится, быстро добавил: — Нет, мне, в общем, по фиг, но странноватое имя для викинга.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

На губах ее промелькнула улыбка.

— Можешь звать меня Сэм. Меня все так зовут. Очень приятно с тобой познакомиться. Сегодня вечером я буду твоей валькирией.

Она сжала мне кисть с такой силой, что у меня хрустнули пальцы.

— А я Магнус Чейз, и мне тоже очень приятно, — пролепетал я.

— Сейчас мы вместе пойдем на обед. И если ты подведешь меня, я тебя просто убью, — одарила она меня многообещающей улыбкой.

Глава XII

НУ ХОТЬ ЗА КОЗОЙ МНЕ НЕ НАДО ГОНЯТЬСЯ

Мои соседи по этажу уже выходили из номеров. Кудрявый и долговязый Томас Джефферсон-младший с винтовкой за плечом, кажется, приходился мне сверстником. На нем был мундир. Синее сукно, латунные пуговицы и шевроны на рукаве. Насколько я понял, форма армии Соединенных Штатов времен Гражданской войны. Томас кивнул мне и, улыбнувшись, спросил:

— Ты как?

— Ну-у, похоже, что мертв.

Томас расхохотался.

— Что есть, то есть. Но ты к этому в результате привыкнешь. Зови меня просто Ти-Джей.

— Магнус, — представился я.

И, может, еще бы что-то сказал, но Сэм потянула меня дальше.

— Пошли.

Мы обогнули девушку, которую, видимо, звали Мэллори Кин. У нее были рыжие мелко вьющиеся волосы и зеленые глаза. В руке она сжимала зубчатый нож, которым трясла угрожающе перед лицом высоченного парня, стоящего возле номера с надписью «Икс».

— Опять со свиной головой? — В речи Мэллори ощущался легкий ирландский акцент. — Ты думаешь, Икс, мне

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

приятно видеть свиную голову каждый раз, как я выхожу из номера?

— Но я просто не смог ее всю доесть, — пророкотал Икс, — а в мой холодильник она не влезает.

Лично я остерегся бы злить подобного типа. Мощный, как саркофаг для ядерной бомбы, по-моему, он мог спокойно и без ущерба для собственного здоровья проглотить гранату, с которой сорвали чеку. Из-под кожи цвета акульего брюха выпирали рельефные мускулы, а лицо его было так щедро усыпано бородавками, что среди них с первого взгляда и носа не отыщешь.

Поглощенные выяснением отношений, эти двое даже и не заметили, как мы прошли мимо.

Когда нас уже отделяло от них достаточное расстояние, я спросил:

— Сэм, а что за проблема с тем серым амбалом?

Она приложила палец к губам и произнесла почти шепотом:

— Икс полутроль и немного раним по этому поводу.

— Полутроль? Это что, реально? — не верилось мне.

— Ну да, — подтвердила Сэм. — И он заслужил Вальгаллу ничуть не меньше тебя.

— А я разве сомневаюсь? Просто спросил, — поторопился заверить я, однако оборонительные интонации в ее голосе заставляли подозревать, что с этим Иксом связана какая-то не совсем простая история.

В тот момент, когда мы поравнялись с номером Хафборна Гундерсона, за дверью послышался приглушенный смех и ее с треском пробило насквозь лезвие топора.

Я было замедлил шаг, но Сэм тащила меня вперед и не давала остановиться до самого лифта, где, бросив другим эйхериям, которые тоже туда собирались войти: «Поедете после нас!» — растолкала их и запихнула меня внутрь кабины. Едва дверь за нами закрылась, моя спутница сунула один из ключей со связки в скважину на панели управления, коснулась кнопки с красной руной, и кабина поехала вниз.

— Мы с тобой попадем в обеденный зал до того, как туда начнут запускать остальных через главные двери. Так что у тебя будет время немного освоиться и оглядеться.

— А-а... Ну спасибо.

Откуда-то сверху полилась хорошо мне знакомая песня, но пели ее по-норвежски.

«Вот повезло тебе, Магнус, — отметил я про себя. — Добро пожаловать в рай для воинов, где можно слушать до посинения Фрэнка Синатру в скандинавском варианте!»

— На девятнадцатом этаже все почему-то с виду моего возраста, — медленно начал я, стараясь задать вопрос так, чтобы Сэм снова не принялась за мое удушье. — То есть нашего с тобой возраста, — поправился я. — Выходит, в Вальгаллу берут только тех, кому меньше девятнадцати лет?

Самира мотнула головой.

— Нет, просто эйнхериев группируют по возрастам, которых они достигли на момент смерти. Ты попал в самую младшую группу. Это покойники до девятнадцати лет. Во второй группе — взрослые. В третьей — старики. Но ты с ними пересекаться не будешь, и это к лучшему. Взрослые... Ну, в общем, они молодых всерьез не воспринимают. Даже тех, которые здесь живут на сотни лет дольше них.

— Везде одно и то же, — хмыкнул я.

— А войны-старики и вовсе со всеми плохо контактат, — продолжила Сэм. — Представь себе дом престарелых для буйных.

— Похоже на кое-какие приюты из тех, где я побывал. — Мне стала вполне ясна ситуация.

— Приюты? — подняла брови Сэм.

— Забудь, — мне не хотелось развивать эту тему. — Знаешь, ты, Сэм, валькирия и выбираешь народ для гостиницы?

— Да, я выбрала многих, кто теперь здесь живет.

— Ну, прямо тайное братство. — Я усмехнулся. — Хотя, скорее, сестринство. Ну, сама понимаешь, о чем я.

— Все равно, — отозвалась она. — Валькирии отвечают за набор эйнхериев. Каждый воин, которого мы привели сюда, нал смертью храбрых, сохранил верность долгу и чести.

а кое-кто даже связан родством со скандинавскими богами, и это тоже дает им право на Вальгаллу.

Мигом вспомнив про меч, который, как уверял дядя Рэндольф, достался мне от отца, я спросил:

— Связан родством? Имеешь в виду, они дети богов?

У меня было сильное опасение, что Сэм начнет надо мной смеяться, однако она на полном серьезе ответила:

— Есть эйнхерии-полубоги, но многие просто обычные смертные. Выбирают в Вальгаллу за честь и отвагу, а не за родственные связи. Во всяком случае, именно так должно быть, — добавила она то ли задумчиво, то ли с досадой.

— А ты как стала валькирией? — полюбопытствовал я. — Погибла геройской смертью?

Она улыбнулась.

— Да пока нет. Я все еще среди живых.

— Как это у тебя получается?

— Веду двойную жизнь, — развела руками она. — Сейчас побуду с тобой на обеде, а после придется бежать домой и доделывать то, что нам задали по математике.

— Шутишь!

— Какие уж могут быть шутки с домашкой по математике, — бросила она хмуро.

Дверь лифта отъехала, и мы шагнули в пространство размером со стадион.

Челюсть моя отвисла.

— Ну ничего себе!

— Добро пожаловать в нашу трапезную «Пир Павших Героев», — подтолкнула меня легонько вперед Сэм.

Длинные ряды столов, как скамьи стадиона, ярусами спустились вниз, с той только разницей, что на том месте, где на стадионе находится арена, здесь росло гигантское дерево, куда объемней и выше статуи Свободы. Нижние его ветви располагались на высоте в сотню футов от пола, крона же накрывала весь зал и протискивалась сквозь широкое отверстие в куполе наружу, откуда сияло множеством звезд черное ночное небо.

Вполне допускаю, что взгляд мой выхватил из этой величественной картины не самую важную деталь, но я, совершенно заинтригованный, поинтересовался:

- А зачем там, на дереве, коза сидит?

Точнее, среди ветвей сидело много разных животных, и я даже не знал, как некоторые из них называются, но на нижней ветке покачивалась толстая лохматая коза. Из ее распухшего вымени, не прекращая ни на секунду, в несколько струй лилось молоко. Ну прямо душ незавинченный. А под этим раскачивающимся молочным душем сновала команда из четырех крепких воинов, подпиравших плечами жерди, на которых висело ведро. Коза на ветке моталась из стороны в сторону, и эти парни под ней делали то же самое, чтобы струи не проливались мимо ведра. Двигаться им приходилось много, но молоко все равно попадало не только в ведро, но и на них, и они уже полностью вымокли.

- Козу зовут Хейдрун, — сообщила мне Сэм. — Из ее молока варят медовуху Вальгаллы. Она очень вкусная. Скоро сам убедишься.

Для этого те чуваки за ней и гоняются? — с сочувствием поглядел я на надрывающихся ребят с ведром.

Не слишком-то благодарный труд, — кивнула Сэм. — Веди себя прилично, если не хочешь сам заступить на это мучительное дежурство.

- А не проще козу снять с ветки?

Нет, — возразила Сэм. — Это коза свободного содержания, и на дереве молоко у нее получается качественней!

Ну ладно, с козой-то понятно, но на дереве ведь и других животных полно. Я вижу там белок, опоссумов...

- И сахарных сумчатых летяг, и ленивцев, — подхватила Сэм. — Они все очень милые.

- Милые-то, конечно, но вы ведь здесь все же едите, а они на вас сверху... — Я умоляю, отыскивая слова поприличнее. — Своими биологическими отходами.

Животные с дерева Лерад ведут себя очень цивилизованно, — с уверенным видом заявила Сэм.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Дерево Ле-рад? — повторил по слогам я. — Вы что, ему дали имя?

— У всего важного обязательно есть свои имена, — очень серьезно проговорила моя валькирия. — Тебя ведь вот тоже как-то зовут.

— Очень смешно.

— Некоторые из животных бессмертны, — пропустила мимо ушей мою реплику Сэм. — И заняты важной работой. Вот я не вижу сейчас его, но где-то здесь есть олень Эйктюрнир. Мы зовем его Эйк. Ты водопад заметил уже?

Не заметить такое было бы трудно. С высоты дерева по бороздкам коры бежала вода и, собравшись в мощный поток возле нижней ветки, устремлялась белым пенящимся ревушим занавесом в пруд величиной с олимпийский бассейн, разлившийся между двумя исполинскими корнями дерева.

— Воду на дереве беспрестанно выбрызгивает из рогов Эйк, — продолжала объяснение Сэм. — А из этого пруда она уходит под землю, чтобы пополнить подземные реки каждого из миров.

— Вся вода из оленя? Выброс его рогов? — несколько прибалдел я. — Знаешь, Сэм, это как-то намного меняет дело. В школе на географии и естествознании мне рассказывали совсем другое.

— Ну, не совсем вся вода из рогов, — внесла маленькую поправочку Сэм. — В подземные реки еще попадают растаявший снег, дождевая вода и разные загрязнители вроде фтора или слюней йотунов.

— Йотунов? — не знал я такого химического соединения.

— Ну, их еще великанами называют.

Похоже, она надо мной не прикалывалась, хотя точно определить было трудно. Губы поджаты, глаза мечутся из стороны в сторону. То ли сдерживается с трудом от смеха, то ли ждет внезапного нападения. Классный бы из нее, наверное, стендап-комик вышел. Только топор на поясе несколько выпадал из образа.

Лицо ее показалось мне вдруг знакомым до странности. Этот нос, овал подбородка, темные волосы с красно-медным оттенком...

— Мы когда-нибудь раньше встречались? — спросил я напрямик. — Ну, прежде чем ты меня выбрала кандидатом в Вальгаллу.

— Не думаю, — пожала она плечами.

— Но ты же смертная. И живешь в Бостоне.

— В Дорчестере, — уточнила она. — Учусь на втором курсе Королевской академии. Живу с дедушкой и бабушкой. И уйму времени трачу, изобретая предлоги, чтобы смыкаться сюда и работать валькирией. Вот, например, сегодня мои дорогие Джид и Биби думают, будто я натаскиваю по математике группу студентов. Еще какие-нибудь вопросы есть? — осведомилась она таким тоном, что мне стало ясно: с беседой на личные темы пора закругляться.

У меня вообще-то как раз в это время в голове вертелся вопрос, почему она живет с дедушкой и бабушкой. Но я вовремя вспомнил, каким она тоном произнесла, что понимает мою тоску по маме.

— Нет уж, хватит вопросов, — проговорил я вслух. — Иначе у меня мозг взорвется.

— Это будет неаккуратненько, — хихикнула Сэм. — Давай-ка лучше найдем твоё место, прежде чем...

Ее перебил резкий стук распахнувшихся разом дверей по всему периметру зала. В них ринулись тучи армий Вальгаллы.

— Обед подан, — сказала Сэм.

Глава XIII

ФИЛ-КАРТОШКА ДОСТОЙНО ВСТРЕЧАЕТ ГИБЕЛЬ

Нас подхватил поток оголодавших воинов. Волны эйнхериев, толкаясь, галдя и смеясь, устремились из всех дверей в зал.

— Держись за меня, — велела мне Сэм.

Она крепко схватила мое запястье, и в следующее мгновение я вместе с ней взмыл ввысь не хуже какого-нибудь Питера Пена.

— А предупредить? — завонил я, уже поднимаясь в воздух.

— Я же сказала: держись за меня, — спокойно проговорила она.

Мы пронеслись над головами у воинов, чем абсолютно не привлекли их внимание. Впечатлился только один счастливчик, которого я случайно пнул по физиономии. Вокруг нас порхали другие валькирии. Одни сопровождали к столу своих подопечных воинов, другие держали в руках подносы с едой и кувшины с напитками.

Стол, к которому направлялись мы с Сэм, определенно был главным. Представьте себе места, которые заняла бы команда «Селтикс», если бы принимала кого-то на своей территории, и вам станет ясно, каким образом я это определил. Дюжина чуваков с мраморными лицами сидели перед золотыми тарелками и украшенными драгоценными камнями

клубками. На представительском месте красовался пустой деревянный трон с высокой спинкой, на которой устроились, словно у себя дома, два ворона, сосредоточенно чистившие перышки.

Сэм подвела меня к другому столу, слева от главного, где как раз в это время устраивались еще двенадцать гостей: две девушки, четверо чуваков в заурядном прикиде для улицы и шесть валькирий, одетых примерно так же, как Сэм.

Тоже вновь прибывшие? — любопытствовал я.

Брови Сэм хмуро сошлись к переносице.

Семеро за одну ночь. Не многовато ли будет?

Ты считаешь, что это плохо? — не совсем понял я ее реакцию.

Если погибших героев становится больше обычного, значит, в мире творится что-то плохое, — тихо проговорила она, — а это... — Она осеклась и поджала губы, а потом совсем другим тоном скомандовала: — Ладно. Давай садиться.

Но, прежде чем мы успели занять места за столом, на нашем пути возникла долговязая валькирия.

Ну и кого же ты нам доставила, Самира аль Аббас? Еще одного полубога или шпиона своего папочки?

На вид ей было лет восемнадцать, а рост позволял ей спокойно претендовать на место четвертого номера в баскетбольной команде. Светлые, почти белые волосы она заплетла в две косы. Поверх зеленого платья на ней висел патронташ, из ячеек которого торчали молотки. «Странный выбор оружия, — показалось мне. — Если только в Вальгалле повсюду не торчат гвозди, которые надо забить». Впрочем, на шее у девушки я разглядел амулет, тоже в форме молотка. Взгляд ее светло-голубых глаз был холоден, как зимнее небо.

— Гунилла, — произнесла напряженным голосом Сэм. — Это Магнус Чейз.

Рад встрече, Горилла, — протянул я долговязой валькирии руку.

У нее от ярости даже ноздри раздулись.

Я Гунилла, капитан валькирий. А ты, новичок...

Оглушительный рев, который я уже слышал в колонках своего номера, разнесся по залу. Теперь мне стало ясно, откуда он исходил. Двое парней держали у основания дерева рог размером с каноэ — немаленькое, видать, животное было, если могло такое носить на своей голове, — а третий парень дудел в него, покраснев от натуги.

Тысячи воинов стали рассаживаться по местам. Гунилла, свирепло на меня зыркнув, развернулась на каблуках и промаршировала к главному столу.

— Будь осторожен, — предупредила Сэм. — Гунилла могущественна.

— И к тому же злобная задница, — добавил я.

На лице Сэм промелькнула улыбка.

— Ну, в общем, и это тоже.

Вид у нее был растерянный, и она с такой силой сжимала висящее на боку топориче, что побелели костяшки пальцев. Шпион ее папаша? Интересно узнать, что имела в виду Гунилла-Горилла? Но горло у меня побаливало после прежних неосторожных вопросов, и повторять эксперимент мне совсем не хотелось.

Я уселся на самом краю стола, поэтому завести разговор с кем-то из остальных новичков не мог. Единственной моей соседкой была Самира. Сотни валькирий летали по залу, разнося еду и питье. Едва у кого-то из них кувшин становился пустым, она пикировала вниз к тому самому золотому ведру (это ведро стояло теперь на огне, и в нем бурлила и пенилась медовуха из козьего молока), наполняла кувшин и снова взмывала с ним ввысь, чтобы наполнить кубки присутствующих на обеде.

Главное блюдо поджаривалось над костром, ярко плавающим в яме под деревом. На вертел была нанизана туша какого-то зверя, который при жизни был явно столь же огромен, как голубой кит.

Ко мне спустилась валькирия с тарелкой еды и кубком. Что мне подали за мясо, понять я не мог, но пахло оно обалденно. Впрочем, гарнир из картошки, политый каким-то соусом, тоже вполне меня вдохновил. Но несмотря на то что

мне давненько уже не приходилось есть горячего, я все же, прежде чем за него приниматься, полюбопытствовал:

— Что это за животное?

— Его зовут Сэхримнир, — вытерев губы ладонью, ответила Сэм.

— Да ладно прикалываться, — рассердился я. — Кто это, интересно, дает имена тому, кто идет на обед? Ты бы еще сказала, что эту картошку Стивом зовут.

Сэм закатила глаза.

— Не угадал. Картошку зовут Фил. А Стив — это хлеб.

Глаза у меня чуть не вылезли из орбит. Она засмеялась.

— Шучу. Имя на самом деле есть только у Сэхримнира. Это волшебный зверь Вальгаллы. Каждый день его убивают и жарят к обеду, но каждое утро он снова жив и здоров.

— Хреновая жизнь у этого зверя, — посочувствовал я. — На что он хоть похож? Вроде коровы? Или вроде свиньи? Или...

— Да на что хочешь, — не стала Сэм дальше слушать мои догадки. — У меня на тарелке говядина. А другими частями Сэхримнир дает куриное или свиное мясо. Я-то свинину не ем, но многим здесь она очень нравится.

— А вот если я, например, вегетарианец и хочу фалафель?

Сэм выдупилась на меня с таким видом, будто я вдруг превратился в страуса.

— Ты что, серьезно?

— А почему нет. Вообще-то, конечно, я не вегетарианец, но фалафель люблю.

— Ну, если тебе так хочется, попроси левый бок. Эта часть Сэхримнира состоит из тофу и фасолевого пасты. Повара с помощью разных приправ могут придать им вкус чего хочешь.

— У вас есть животное с левым боком из сои?

— Это Вальгалла. Рай для воинов на службе Одина. Какую бы ты ни предпочел еду, вкус ее должен быть идеален.

Мой желудок отреагировал на ее слова жгучим голодом, и я накинулся на стоящую передо мной поджарку. Вкус ее оказался и впрямь идеален. В жизни еще не пробовал столь правильного сочетания соли, сахара и пряностей. Хлеб был

как теплое облако с маслянистой корочкой. И Фил-картошка мне очень понравилась.

Я никогда особо не фанател от козьего молока, и, честно сказать, прикосаться к кубку мне не хотелось. Однако, едва глотнув продукт от козы свободного содержания, я уже просто не мог остановиться. Оно чем-то напоминало шипучий сидр, в котором каким-то чудесным образом соединялось все самое вкусное, что только может быть в напитокке. Сладко, но не до приторности. Аромат ежевики, меда и чего-то еще, что я даже не мог и определить.

Кубок мой опустел, и все чувства вдруг обострились, но совсем по-другому, чем от алкоголя. (Ну да, я пробовал его. Меня стало тошнить. Потом еще раз попробовал, и меня опять вырвало.) От медовухи Вальгаллы меня не мутило, голова не кружилась и спать не хотелось. Она бодрила подобно крепкому кофе-эспрессо со льдом. Напиток наполнил меня энергией и уверенностью в себе.

— Отличная штука, — отдал я ему должное, ставя на стол пустой кубок.

Пикирующая валькирия мигом снова его наполнила и улетела.

Я глянул на Сэм, которая в это время стряхивала хлебные крошки со своего зеленого платья.

— Тебе тоже приходится иногда по столовой дежурить?

— Конечно, — подтвердила она. — Мы это делаем по очереди. Обслуживать эйнхериев — большая честь. — Тон ее был торжественен, ни капли иронии.

— Сколько же здесь валькирий?

— Несколько тысяч, — откликнулась Сэм.

— А эйнхериев?

Она, надув щеки, задумчиво потерла пальцем подбородок.

— Полагаю, десятки тысяч. Я ведь тебе уже объясняла: это лишь первый заход на обед. Потом следуют еще два — для воинов средней и старшей групп. В Вальгалле пятьсот сорок дверей, и в каждую могут одновременно пройти на битву восемьсот воинов. Значит, здесь в общей сложности четыреста тридцать две тысячи эйнхериев.

— Ну и прорва, — выдохнул я.

— Вообще-то мне кажется, что число это сильно преувеличено. Но... — она пожала плечами. — Точную цифру может назвать только Один. Когда Рагнарок настанет, нам потребуется большая армия.

— Рагнарок? — переспросил я.

— Конец света, — начала объяснять мне Сэм. — Все девять миров уничтожит гигантский пожар, а армии богов и великанов двинутся друг на друга в последний бой.

— А-а, в этом смысле, — протянул я.

Павших бойцов в трапезной было море. Мне это напомнило Ольстонскую школу, где я начал учиться за несколько месяцев до того, как погибла мама и моя жизнь полетела в помойку. Во время перемен в коридоры там высыпало тысячи две учеников, а кафетерий вообще напоминал аквариум с пираньями. Но даже эта школа не могла идти ни в какое сравнение с Вальгаллой.

— А это что еще за крутые чуваки? — указал я туда, где за столом сидели ребята с виду постарше.

— Я бы не стала их называть крутыми чуваками, — откликнулась Сэм. — Это таны, лорды Вальгаллы. Каждый из них приглашен персонально Одним сидеть за этим столом.

— Ты имеешь в виду, что пустой трон...

— Да, он для Одина, — договорила она за меня. — Только... Ну, он давно уже не показывался на обедах, зато два его ворона за всем здесь следят, чтобы после ему доложить.

Взгляд черных блестящих глаз этих птиц порядком меня доставал. Казалось, они следят персонально за мной.

Сэм указала направо от трона.

— Это Эрик Бладекс. А рядом с ним сидит Эрик Красный.

— Много Эриков, — попутно отметил я.

— А дальше — Лейф Эриксон.

— Кто? — Я чуть не подскочил на стуле. — Но где же его железный бюстгальтер?

— Будем считать, что я этот твой комментарий не слышала, — скороговоркой бросила Сэм. — Рядом с Эриксоном си-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

дит Снорри. Потом — наша дорогая подруга Гунилла. Затем лорд Нельсон и Дэви Крокетт¹.

— Дэви? — Это меня совершенно ошеломило. — Нет, ты серьезно?

Сэм коротким кивком подтвердила, что так и есть, и продолжила:

— А в самом конце стола сидит Хельги. Он здесь управляющий. Впрочем, наверное, ты уже с ним встречался.

Хельги, похоже, неслабо проводил время, хохоча над чем-то, что говорил ему Дэви Крокетт, и дую из кубка волшебную медовуху. За спиной его стоял бедняга Хундинг, срывая с большой виноградной грозди по одной ягодке и передавая ему на съедение.

— Что за дела такие у этого управляющего со швейцаром? — решил выяснить я.

Сэм поморщилась.

— Кровная месть в прошлой жизни. А когда после смерти оба попали сюда, Один признал больше заслуг за Хельги и поставил его во главе гостиницы. А тот первым делом издал приказ, которым назначил Хундинга своим слугой и с тех пор поручает ему всю черную работу.

— Паршивый какой-то рай получился у Хундинга, — почувствовал я.

— Даже в Вальгалле есть своя иерархия, — чуть помолчав, сообщила мне Сэм. — Думаю, что тебе не захочется очутиться в самом низу социальной лестницы, а потому запомни: как только начнется церемония...

Никакого совета она мне дать не успела. Таны начали колотить кубками по столу, к ним тут же присоединились эйнхерии, и зал утонул в пульсирующе-оглушительном звоне металла.

Хельги встал и поднял высоко вверх свой кубок. Шум мигом стих.

¹ Дэви Крокетт (1786–1836). Американский путешественник, офицер и политик, чьи приключения на Диком Западе стали темой множества народных легенд.

— Воины! — зычно грянул управляющий, заполнив голосом все пространство зала.

Он сейчас выглядел столь величественно, что я лишь с большим трудом узнавал в нем управляющего отеля, который совсем недавно, чуть ли не извиняясь, предложил мне номер «люкс» и ключ от мини-бара.

— Сегодня наши ряды пополнились семью новыми павшими, — с пафосом продолжал он. — Это сам по себе достаточный повод для торжества. Но сегодня вас ожидает еще и сюрприз. Благодаря стараниям капитана валькирий Гуниллы мы впервые сможем не только услышать о подвигах вновь прибывших, но и увидеть, что они совершили.

У Сэм вырвался сдавленный стон, и она часто-часто забормотала:

— Нет. Нет, нет, нет...

— Церемонию представления мертвых считаю открытой! — громче прежнего провозгласил Хельги. — Начинаем!

И вся уйма воинов в зале выжидающе уставилась на меня.

Глава XIV

ВИДЕОРЕПОРТАЖ «ПОЛЕТЫ ВАЛЬКИРИЙ»

Ура! Я последний!

Какое же облегчение охватило меня, когда выяснилось, что представлять вновь прибывших эйнхериев начнут с другой стороны стола. Впрочем, я наслаждался отсрочкой только до той поры, пока не увидел, чем отличились другие павшие, чтобы понасть в Вальгаллу.

Хельги провозгласил:

— Ларс Алстром!

Плотный светловолосый парень и его валькирия вскочили на ноги. Он до того волновался, что опрокинул кубок. Волшебная медовуха плеснула ему на штаны. Ну, полное впечатление, что он со страха описался. По залу пронесся смех.

Хельги, по-моему, тоже готов был расхохотаться, но губы его лишь чуть растянулись в улыбке, а потом он продолжил:

— Как многим из вас известно, капитан валькирий Гуннилла посвятила последние месяцы модернизации оборудования своего сестринства. Теперь, благодаря ее усилиям, доспехи валькирий снабжены видеокамерами, что позволяет, во-первых, держать их деятельность под контролем, а во-вторых, как я очень надеюсь, развлечь вас впечатляющими видеорепортажами с места событий.

Зал огласился восторженным гулом, и воины снова заколотили кубками по столам, а Сэм, по-моему, в это время

яростно выругалась, но слов ее за поднявшимся шумом я не расслышал.

Хельги поднял вверх кубок, призывая народ к тишине.

— Итак, представляю вам видеорепортаж «Глазами валькирии!» — объявил он послушно умолкающему залу.

В воздухе вокруг дерева, прямо на уровне наших глаз, возникло кольцо огромных голографических экранов. Камера, видимо, закрепленная на плече валькирии, парящей в небе над местом действия, то и дело съезжала с объекта, однако происходящее, несмотря на это, было достаточно ясно. В Северном море тонул паром. Он до того накрепился, что половина спасательных шлюпок болталась на недостижимой высоте. Пассажиры бросались в панике за борт. Спасательные жилеты на многих из них отсутствовали. Валькирия снизилась. Картинка стала контрастнее и крупнее.

Ларс Алстром, вооружившись огнетушителем, начал карабкаться вверх по кренящейся палубе к двери, которую заблокировал тяжелый металлический контейнер. Ларс попытался сдвинуть его, но не смог. Оказавшиеся в ловушке пассажиры изо всех сил колотили в окна.

Ларс что-то крикнул им, не то по-шведски, не то по-норвежски. Слов я не понял, но смысл мне был совершенно ясен: «Немедленно отойдите!»

Едва они подчинились, Ларс начал лупить по стеклу огнетушителем. На третьем ударе его старания увенчались успехом. Стекло разлетелось. Видно было, что холод на палубе адский, но Ларс, решительно скинув с себя пальто, бросил его на осколки стекла в окне и помог всем до последнего пассажирам выбраться наружу. Когда они кинулись к шлюпкам, Ларс, снова взяв в руки огнетушитель, побежал за ними. Паром накрепился сильнее прежнего. Ларс сорвался и, слетев стремительно вниз, втесался на полной скорости головой в стену.

От его неподвижного тела пошло сияние. Рядом с ним в кадре возникла валькирия, простерев к нему руки. Из тела Ларса вышел мерцающий золотом призрак. Я как-то сразу

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

просек, что это его душа. Золотой Ларс взял валькирию за руку. Экран погас. Конец фильма.

Зал сотрясли громкие аплодисменты. Таны за главным столом принялись что-то вполголоса обсуждать. Я сидел достаточно близко от них и смог уловить кое-что из их дискуссии. Лорд Нельсон спрашивал с озадаченным видом, корректно ли засчитать огнетушитель в качестве боевого оружия?

— Да какая им разница? — склонился я к уху Сэм.

Она нервозно раздирала на маленькие кусочки свой ломоть хлеба.

— Попасть в Вальгаллу достоин лишь воин, погибший в бою с оружием в руках. Прочие варианты не допускаются.

— То есть, — начал шептать я ей на ухо, — любой, кто схватит меч, проткнет им себя и откинёт копыта, достоин Вальгаллы?

Она фыркнула:

— Разумеется, нет. Если кто-то, без разницы молодой или старый, хватает меч с одной только целью расстаться с жизнью — это предосудительно. Самоубийство — не героизм, а слабость. Самопожертвование и мужество предполагают незапланированный героизм в ответ на критическую ситуацию. Это порыв души, повинувшись которому ты рискуешь собой, не думая, что получишь какую-нибудь награду.

— То есть если таны сейчас решат, что новичок не имеет права жить здесь, то его отправят обратно? — Я постарался, как мог, не выдать в своем вопросе надежды.

— Если уж превратился в эйнхерия, пути назад нет. Возможно, тебя назначат на самые неприятные работы. Вполне вероятно, тебе будет трудно завоевать уважение окружающих. Но ты по-любому останешься в Вальгалле. Если же таны выносят решение, что попавший сюда проявил недостаточно героизма, — она отвела взгляд в сторону, — наказывают не его, а валькирию.

— А-а, — только и смог протянуть я в ответ. Теперь-то мне было ясно, почему все валькирии за столом так нервничают.

Таны тем временем стали голосовать, в результате чего было вынесено решение, что в данном случае огнетушитель вполне правомерно расценивать в качестве боевого оружия, а значит, и гибель Ларса вполне соответствует формулировке «погиб в бою».

— Врага страшней и опасней морской стихии не существует! — с пафосом объявил Хельги. — Поэтому мы считаем Ларса Алстрома достойным Вальгаллы!

И снова аплодисменты. Бедняга Ларс стоял едва жив. Не держи его крепко валькирия, наверняка бы вообще свалился под стол.

Когда шум приветствий затих, Хельги громко осведомился:

— Ларс Алстром, а знаешь ли что-нибудь ты про своих родителей?

— Я... — Голос у новичка сорвался. — Я никогда не знал своего отца.

— Явление это нередкое, — с напыщенным видом кивнул ему Хельги. — Обратимся же за ответом к мудрости рун, если только Всеобщий Отец не решит вмешаться.

Все усадились на пустующий трон. Оба ворона, распушив перья, каркнули, но место Одина так и осталось пустым.

Хельги не то чтобы удивился, но явно прикис и перевел взгляд от трона в сторону вертела, где из толпы подавальниц и поваров уже выбредала дама в зеленом платье с кашемиром. Лицо ее разглядеть под ним было трудно, но спорбленная спина и узловатые пальцы свидетельствовали, что свои молодые годы она оставила далеко позади.

— Это еще что за ведьма? — прошентал я Сэм прямо в ухо.

— Вала, провидица. Колдует, читает будущее и все такое прочее.

Дошкандыбав ревматическими конечностями до нашего стола, Вала остановилась перед Ларсом Алстромом и начала рыться в складках своего платья. Я увидел в ее узловатых пальцах кисет. Она вытряхнула из него горсть доминошин

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

с рунами, кажется, точно таких, какие я видел в кабинете у дяди Рэндольфа, или очень на них похожих.

— Руны-то для чего? — поглядел я на Сэм.

— Это древний алфавит викингов, но каждая буква его в то же время обозначает какую-нибудь из высших сил. Бога, вид волшебства или стихию природы. Это вроде как генетический код Вселенной. По этим камешкам Вала читает судьбу. Но величайшим колдунам вроде Одина даже они не нужны. Они обладают даром проникать в суть вещей и явлений и изменять ее, просто произнося названия рун.

Я ввел в свой блок памяти маленькую пометку: избегать Одина. Вот уж совсем не хочу, чтобы кто-нибудь изменил еще сильнее мою сущность!

Вала тихонько побормотала себе под нос, а затем кинула доминошины себе под ноги. Некоторые упали рунами вверх, но внимание всех привлекла лишь одна из них, и вырезанная на ней руна вмиг засияла на голографическом экране:

Меня эта загогулина с перпендикулярной совершенно не тронула, но тысячи глоток покойников вдруг исторгли восторженный рев:

— Тор!

И принялись как бешеные скандировать:

— Тор! Тор! Тор! Тор!

— Ну, просто не обойтись здесь без еще одного отпрыска Тора, — хмуро бросила Сэм.

— А что с ними не так? — спросил я.

— Да нет, они просто отличные. Гунилла одна чего стоит. Она дочь Тора.

— Ну, если другие такие же... — стало все ясно мне.

Я покосился на капитана валькирий. Она улыбалась, и от этого выглядела гораздо злее и неприятней, чем когда была мрачной.

Когда стадион покойников наконец перестал скандировать, Вала воздела вверх иссохшие руки.

— Возрадуйся, Ларс, сын Тора! Руны свидетельствуют, что ты будешь доблестным воином в последнем сражении Рагнарок. А завтра же, в своем первом бою, докажешь отвагу свою, и тебя обезглавят.

Зал взорвался восторженным ревом и громким хохотом. Лицо Ларса стало белее снега, но это еще сильнее развеселило присутствующих. Словно потерять голову — это такой brutальный прикольчик для настоящих мужчин.

Вала собрала доминошины с рунами и удалилась. Валькирия Ларса помогла своему подопечному опуститься на стул.

— Церемония продолжается! — возгласил Хельги.

Следующей оказалась Дэдэ. Она спасла кучу детей у себя в деревенской школе, когда их явились похитить солдаты Варлорда. Хитрюга Дэдэ прикинулась, будто один из них ей очень нравится, и так его охмурила, что он ей дал посмотреть ружье. Ну, и как только оно у нее оказалось в руках, она начала стрелять по врагам. В итоге ее, конечно, прибили, но ей удалось выиграть время, и все остальные школьники смылись. Ролик у валькирии получился жесть и так понравился мертвым викингам, что они хлопали стоя.

Вала снова кидала под ноги руны. Предки Дэдэ оказались обычными смертными, но это ничуть не убавило восторг зала. Когда же было объявлено, что она, согласно своей судьбе, тоже даст жару противнику в Рагнарокском последнем сражении, на следующей же неделе ей отфигачат обе руки, а через сто лет она удостоится чести сидеть за столом танов, публика просто взвыла от радости.

Четверо других новичков тоже произвели сильное впечатление. Они, в свою очередь, спасли людей и отважно пожертвовали жизнями. Трое из них происходили из смертных. Четвертый был сыном Одина.

— О-о-о! — взволновалась от этой вести уйма эйнхериев.

— Я уже тебе говорила, что Одина уже долгое время никто здесь не видел, — начала растолковывать мне причину ажи-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

отажа Сэм. — Поэтому каждый знак, что он, как и прежде, возвращается среди смертных, нам очень дорог.

Последняя среди новичков оказалась дочерью Хеймдалля. Викинги снова впали в бурный ажиотаж, а я начал рыться в памяти, пытаясь сообразить, кто это такой.

Голова моя пухла от впечатлений. Чувства были обострены до предела медом волшебной козы. И я понял, что дело дошло до нашей части стола, только в тот момент, когда Хельги выкрикнул:

— Магнус Чейз! Поднимись, и мы вместе порадуемся твоему мужеству!

Глава XV

В МОЕ ВИДЕО ЗАПУСТИЛИ ВИРУС

Моим мужеством не впечатлился никто.

Пока его демонстрировали на экранах, я весь изъерзался, а зал сначала окутывало разочарованное молчание, а затем вся эта публика забурчала и заворчала, временами взрываясь недоуменным смехом.

Происходящее зафиксировалось на камере лишь разорванными фрагментами. Я на мосту лицом к лицу с Суртом в момент, когда он вызвал огненный ураган. Камера крупным планом хватает меня, грозящего Сурту ржавой железкой. Появляются Хэрт и Блитц. Блитц врезает Черному по башке знаком «Уступите дорогу утятам!». Игрушечная стрела Хэрта с жизнерадостным писком врезает по моей заднице. Сурт наносит мне удар в диафрагму и лупит ногами по ребрам. Я извиваюсь от боли. Меня тошнит. Дальше кадры мелькают и прыгают. Камера останавливается, когда я уже прижат к парапету моста. Сурт кидает в меня асфальтово-огненное ядро. Я взмахиваю мечом и промазываю. («О-о-о!» — стонет зал, когда раскаленный асфальт врезается в мое брюхо.) Сурт меня атакует, и мы с ним вместе летим через парапет вниз, брыкаясь и извиваясь. Камера берет четким и крупным планом момент, когда мы вот-вот ударимся о воду. Меч торчит из живота Сурта, но руки мои не на эфесе, а стискивают толщенную шею противника.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

По залу пошло неуютное бормотание.

— Но это же было совсем по-другому, — не выдержал я. — Кто-то все здорово подредактировал. В шутку, что ли?

Сэм сидела с окаменевшим лицом.

Гунилла за столом танов ухмыльнулась. Теперь я все понял: «Это была ее камера. И ее редакция».

Видимо, ей хотелось свести какие-то счеты с Сэм. Вот она и смонтировала кадры так, что я выглядел идиотом. Честно сказать, задача была не слишком трудна.

Хельги поставил кубок на стол.

— Самира аль Аббас. Прошу объясниться.

Руки Сэм комкали зеленый платок. По-моему, ей больше всего хотелось укрыться им с головой в надежде, что после этого все исчезнет. И я ее понимал.

— Магнус Чейз погиб храбро, — сказала она. — Он выступил в одиночестве против Сурта.

В зале опять поднялось недовольное бормотание.

Один из танов встал.

— На каком основании ты утверждаешь, что это был именно Сурт? Бесспорно, мы видели огненного йотуна. Однако пытаться нас убедить, что на мосту оказался сам лорд Муспелльхейма...

— Я вполне отвечаю за то, что видела, Эрик Бладек! — выкрикнула Самира. — Магнус Чейз, — указала она на меня с таким видом, словно я был прославленным призовым конем, — спас множество жизней на этом мосту. Видеоролик не отражает полной картины. Это действительно героический подвиг. И тот, кто его совершил, достоин быть среди павших воинов.

Из-за стола поднялся еще один тан:

— Но он ведь погиб не с мечом в руке.

— Лорд Оттер... — чувствовалось, что Сэм едва держит себя в руках. — Таны и прежде не всегда обращали внимание на эту деталь. Держал или нет Магнус Чейз в руках меч перед самым моментом гибели, не так уж важно. Он храбро погиб в бою, а это все-таки главное в Законе Одина.

Лорд Оттер высокомерно фыркнул.

— Премного тебе благодарен, Самаира аль Аббас, дочь Локи, за то, что ты учишь нас понимать Закон Одина.

Напряжение в зале выросло градусов эдак на тридцать. Рука Сэм потянулась к топору, и, наверное, только я разглядел, как дрожали у нее пальцы.

Имя Локи мне было известно. В скандинавских мифах это могущественный злодей, рожденный от великанов, и злейший враг богов. Но если Сэм его дочь, почему она здесь и каким образом стала валькирией?

Наши с Гуниллой взгляды случайно пересеклись. Ох, как же она наслаждалась создавшейся напряженкой. И, по моему, прилагала большие усилия, чтобы спрятать победоносную улыбку. Ну, если она дочь Тора, то ясно, почему ненавидит Сэм. В старых историях ее предок и Локи вечно бьют друг другу морду.

Таны принялись совещаться по поводу ситуации. Наконец управляющий Хельги сказал:

— Самаира, мы не усматриваем в смерти этого юноши ощутимого героизма. Нам показали гнома и эльфа с игрушечным оружием...

— Гнома и эльфа? — вырвалось у меня, но Хельги, словно не слыша, продолжил:

— ...Огненного йотуна, который упал с моста, прихватив с собой юношу. Разумеется, если сын Муспела приходит в Мидгард, это следует расценить как нештатную ситуацию, но такое случалось и раньше.

— Шутовство, а не ситуация. — хохотнул тан с пушистыми бакенбардами. — Видели бы вы гигантского старого огненного йотуна в битве при Аламо у Санта-Анны. Вот это я вам скажу...

— Да, да, спасибо, лорд Крокетт, — снова завладел инициативой Хельги. — Но, как уже было сказано, — он прокашлялся, — нам было представлено крайне мало свидетельств, что Магнус Чейз достоин Вальгаллы.

— Милорды, — проговорила Сэм так терпеливо и вкрадчиво, словно бы обращалась к детям. — Эта видеозапись не отражает подлинной ситуации.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Хельги засмеялся.

— Ты имеешь в виду, что зрение всех нас обманывает?

— Нет, я имею в виду, что вам нужно выслушать мою точку зрения, — стойко держалась Сэм. — Раньше валькирии всегда сами рассказывали о поступках своих героев. Это ведь наша традиция.

— Простите меня, милорды, что вмешиваюсь, но Самира права, — встала из-за стола Гунилла. — Может, вы все-таки согласитесь послушать, что скажет дочь Локи?

В зале поднялся свист.

— Нет! Нет! Нет! — разом крикнули несколько воинов.

— Тихо! — унял гвалт Хельги. — Гунилла, ты оказываешь большую честь своему сестринству, встав на защиту одной из валькирий. Но Локи всегда был мастером гладкой и убедительной лжи. Поэтому лучше верить своим глазам, чем словам, за которыми может скрываться какой-нибудь хитрый замысел.

Воины начали аплодировать. Гунилла пожала плечами, и с видом что-же-я-сделала-все-что-могла опустила на стул.

— Магнус Чейз! — выкрикнул Хельги. — Тебе известна твоя родословная?

Первым моим желанием было ответить: «Нет, зато я уверен, что сам ты произошел от кого-то наглого и тупого!» Поэтому мне пришлось мысленно сосчитать до пяти, прежде чем у меня получилось спокойно произнести:

— Нет, я не знаю отца. Но вот что касается этого видео...

— Возможно, ты обладаешь потенциалом, который пока от нас скрыт, — перебил меня Хельги. — Может быть, ты сын Одина, или Тора, или кого-то другого из благородных богов войны, и твое присутствие честь для нас. Обратимся же за ответом к мудрости рун, если только Всеобщий Отец не решит вмешаться.

Он глянул на трон, который по-прежнему оставался пуст. Оба ворона пристально изучали меня пронизывающими до нутра взглядами черных голодных глаз.

— Ну, хорошо. Приведите Валу, — распорядился Хельги.

Между корнями дерева, в том месте, где водопад устремлялся к черному озеру, набух и хлопнул с громким хлопком огромный пузырь. На водной поверхности возникли три женщины в белом.

Зал замер в такой тишине, что стали слышны треск огня под вертелом и шум водопада. Тысячи воинов, вытаращившись, смотрели, как три белых женщины скользят по полу ко мне.

— Что это, Сэм? — шепнул я.

Рука ее безвольно соскользнула с топора.

— Норны, — ответила мне она. — Твою судьбу явились прочесть сами норны.

Глава XVI

НОРНЫ? ЗАЧЕМ ОНИ ЗДЕСЬ?

Ну, хоть бы предупредил меня кто заранее, что со мной такое случится, шепнули бы или крикнули словно бы невзначай:

— Эй, ты завтра легально нырнешь с моста и превратишься в бессмертного викинга. Поэтому почитай-ка, пока есть время, про Вальгаллу.

Но я оказался совершенно неподготовлен.

Что-то, конечно, мне было известно про норн. Я знал, что это такие дамочки, которые контролируют судьбы смертных. Но я понятия не имел ни как их звать, ни как нужно себя вести, если встретишься с ними. То ли мне следовало поклониться им, то ли что-нибудь преподнести, то ли начать от них срочно смываться, пока не поздно?

Сэм едва слышно пробормотала:

— Паршиво. Норны ведь появляются только в крайне сложных случаях.

Мне совсем не хотелось быть крайне сложным случаем. Наоборот, мне хотелось быть случаем крайне простым: эй-отличная-работа-ты-герой-возьми-печеньку.

А лучше бы даже так: прости-парень-это-ошибка-можешь-спокойно-себе-возвращаться-в-свой-мир-и-продолжать-обычную-жизнь.

Нет, мне не слишком нравилась жизнь, которую я вел последние два года. Но даже она была несравненно лучше

этой оценочной процедуры и всяких там бородатых Эриков, а точнее двенадцати танов, вынесших мне, словно суд присяжных, вердикт: «непригоден».

Чем меньшее расстояние отделяло меня от норн, тем яснее мне становилось, насколько они огромные. Даже высокий мужчина едва доходил бы каждой из них до груди. Лица их были прекрасны, но монотонной своей белизной, вплоть до глаз, они нагоняли ужас. За норнами шлейфами свадебных платьев тянулся туман. Они остановились в двадцати футах от моего стола и вывернули вверх ладони. Руки у всех троих были словно вылеплены из снега.

— Магнус Чейз... — Я так и не понял, какая из норн произнесла мое имя. Мягкий бесплотный голос ее разнесся по залу, сковав морозом мне голову. — Харбингер Волка.

Толпа тревожно зашевелилась. Слово «Харбингер» мне где-то раньше уже встречалось. В каком-нибудь фантастическом романе, что ли? Его значения я не запомнил, но мне не нравилось, как оно звучит. А еще меньше нравилось, как звучит слово «Волк».

В тот момент, когда я почти принял решение, что самым моим разумным поступком будет скорее отсюда смыться, вопя на бегу «Помогите!», в руках стоящей посередине норны начал стущася туман и, уплотнившись, превратился в шесть доминошин с рунами. Она подкинула их вверх. Руны поплыли над ее головой, увеличиваясь, пока каждая не достигла размера доски объявлений.

Я не умел читать руны, но сразу узнал ту из них, которая плыла в самом центре. Именно этот символ я выгащил из кисета у дяди Рэндольфа:

— Феху, — объявил ледяной голос норны. — Руна Фрея.

Тысячи воинов зашевелились на стульях, гремя и лязгая латами.

Что еще там за Фрей? Мороз, казалось, сковал мне мозги. Мысли едва шевелились.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Норны хором запели. Три призрачных голоса выводили слова и мелодию, от которых с дерева начали опадать листья:

Выбор сделан был неправильно тобой,
Был убит не для Вальгаллы тот герой.
Девять дней к востоку солнце пролетит, —
Связан зверь, но летний меч освободит.

Сияющие руны растворились. Три норны отвесили мне поклон.

Я повернулся к Сэм:

— Как часто такое бывает?

Она глядела на меня с таким видом, будто Гунилла ей только что врезала одним из своих молотков промеж глаз.

— Нет, выбор не мог быть неправильным... Ведь мне говорили... Мне обещали...

— Тебе кто-то сказал, чтобы ты меня выбрала? — Это было для меня новостью.

Сэм что-то быстро забормотала себе под нос. С таким лихорадочным видом, наверно, принимаются вычислять в каком-нибудь центре космических полетов траекторию неожиданно сбившейся с курса ракеты.

За столом танов лорды вновь начали совещаться. Зал тарасился на меня тысячами глаз эйнхериев. Мой желудок сворачивался, как бумага, из которой делают оригами.

Наконец Хельги удостоил меня внимания.

— Магнус Чейз, сын Фрея! Судьба твоя вызывает в нас беспокойство. Лордам Вальгаллы необходимо время для взвешенного решения. Мы же пока тебя будем приветствовать как нашего соратника. Теперь ты один из эйнхериев, и это нельзя изменить, пусть даже ты к нам попал по ошибке.

Он хмуро глянул на Сэм.

— Самира аль Аббас, сами норны объявили твоё решение ошибочным. Ты можешь что-то сказать в своё оправдание?

Глаза её широко раскрылись. Похоже, до нее вдруг дошло что-то важное.

— Сын Фрея... — Она обвела взглядом зал в отчаянной попытке привлечь внимание всех к тому, о чем сейчас ска-

жет. — Эйнхерии, разве вам и сейчас неясно? Раз это сын Фрея, значит, на мосту и впрямь был сам Сурт, и, следовательно, меч... — Она повернулась к столу танов. — Гунилла, ну ты-то должна понимать, что все это значит. Мы должны срочно найти этот меч. Поиск... Немедленно...

Хельги постучал кулаком по столу.

— Достаточно, Самира. Ты совершила серьезную ошибку, но тебе сейчас принимают решение, и ты не имеешь права отдавать нам команды о каких-то там поисках.

— Не было никакой ошибки, — уверенно возразила Сэм. — Я все сделала в точности так, как мне приказали. И...

— Приказали? — сощурившись, перебил ее Хельги.

Сэм умолкла и сдулась.

Хельги с суровым видом кивнул.

— Понятно. Капитан Гунилла, ты не хотела бы высказаться, прежде чем я оглашу решение танов по этой валькирии?

Гунилла вздрогнула. Блеск у нее в глазах потух. Ну, как если бы вы стояли в очереди на веселую карусель, а попали вместо нее на американские горки.

— Я... — Она покачала головой. — Нет, милорд, мне добавить нечего.

— Ладно, — снова заговорил Хельги. — Самира аль Аббас! За ошибочное решение по поводу Магнуса Чейза таны постановили тебя исключить из сестринства валькирий. Таким образом, ты лишилась всех своих привилегий. Возвращайся с позором в Мидгард.

Сэм крепко схватила меня за запястье:

— Магнус, поверь мне: ты обязательно должен найти этот меч. Ты должен их остановить.

Полыхнуло, как вспышкой от фотокамеры, и Сэм исчезла. Лишь остатки еды на тарелке да хлебные крошки вокруг ее стула свидетельствовали, что она мгновение назад еще сидела рядом со мной.

— Наш пир окончен, — возвестил Хельги. — Завтра мы с вами увидимся на поле боя. Спите спокойно, и пусть вам приснится славная смерть.

Глава XVII

Я НЕ ЗАКАЗЫВАЛ БИЦЕПСЫ

Спал я мало. И совершенно точно не видел ни одного сна о доблестной гибели. Ну тина был там, сделал это и удостоился жизни после смерти.

Пока длился обед, мой диван починили и поставили на место. Я сел на него и начал читать свою старую детскую книгу про скандинавскую мифологию. Сведений о Фрее оказалось негусто. Всего одна крохотная картинка. Лес. Там резвится мужик-блондин в тунике. Рядом с ним девушка, тоже блондинка. И пара кошек играют возле их ног.

«Фрей был богом весны и лета, - сообщалось в подписи под картинкой, - а также богом богатства, изобилия и плодородия. Хорошенькая же девушка, которая стоит рядом с ним со своими кошками, это его сестра-близняшка Фрея - богиня любви».

Я швырнул книжку на пол. Похоже, мой отец был богом не первой, а скорее десятой величины и прохлаждался в лесах. Видать, вылетел из обоймы, как вылетают в самом начале звездочки на телеконкурсах вроде «Танцев со звездами».

Сильно ли это меня достало? Да не так чтобы очень. Хотите верьте, хотите нет, но я всегда как-то мало брал в голову личность папаши. Ну ровным счетом не чувствовал себя без него каким-то неполноценным. Знаете, существует много таких, которые с детства и чуть не до самой смерти ноют: вот

знал бы я своего отца, моя жизнь обрела бы смысл и мне стало бы ясно, кто я. Так вот, лично мне и так прекрасно было известно, кто я. Я был сыном Патали Чейз. Что же касается смысла жизни... А существует ли он вообще, этот смысл? Когда столько странного повидаешь, сколько пришлось за последние годы мне, возникают большие сомнения.

Другое дело, что у меня накопилось многовато вопросов в списке под заголовком «Вот в это я не врубаюсь».

Вопрос первый и самый главный: как у бездомного парня может быть папой бог богатства и изобилия? Злобненькая такая шуточка, правда?

Вопрос второй: почему большой скверный чувак типа Сурта именно меня выбрал объектом своей атаки. Если он сам лорд Муспелльхейма, его величество Жарь-До-Хруста, мог бы, наверное, остановиться на ком-нибудь позначительней. Ну, хоть на детях Тора, к примеру. У их папашки вон целая видеоиндустрия, а Фрей даже копек своих не имеет, вынужден у сестренки одалживать.

Вопрос третий про Летний Меч. Если считать, что это тот самый, который я вытащил из реки, как он вообще в воде оказался? И почему он так важен? Вон сколько лет убил дядя Рэндольф на его поиски. И Сэм, перед тем как исчезнуть, сказала, что надо его найти. Значит, он действительно принадлежал моему отцу? Но тогда зачем же бессмертный бог позволил столь важной вещи валяться и ржаветь в течение тысячи лет на дне реки?

Я поглядел на пустой карман. В голове у меня вертелись слова норн, которые я с удовольствием предпочел бы забыть.

Харбингер Волка... Я наконец вспомнил, кто такой этот Харбингер. Предвестник, который сигнализирует о приближении могущественной силы. Ну, как привратник, объявляющий о выходе президента страны. Или как красное небо предупреждает, что будет урагану. Но я не хотел быть предвестником волка. И без того навидался этих зверюг на всю оставшуюся жизнь. Предпочту предвещать мороженое или фалафель.

Выбор сделан был неправильно тобой...

Не поздно ли признавать ошибочку, если я уже все равно угодил в эти долбаные эйнхерии? Имя мое написано на двери, и ключ от мини-бара мне выдали.

Был убит не для Вальгаллы тот герой...

Эта строка мне нравилась больше. Она вполне могла означать, что я сумею отсюда выбраться. Как, впрочем, и то, что таны меня испарят вспышкой света или скормят своей волшебной козе.

*Десять дней к востоку солнце пролетит,
Связан зверь, но летний меч освободит.*

Вот что меня и тревожило больше всего. Когда я последний раз проверял, солнце по-прежнему двигалось с востока на запад. Но вдруг и впрямь повернет в обратном направлении? Кто этот зверь? Волк. Готов об заклад побиться. Вечно только проклятый волк! Если меч должен освободить его, лучше пускай остается потерянным.

Меня мучило смутное воспоминание. Связанный волк. Я взглянул на детскую книжку мифов. Мне на какой-то миг захотелось поднять ее с пола и вновь полистать, но я и так уже был достаточно выведен из себя.

«Ты должен найти меч. Ты должен остановить их», — сказала мне Сэм.

Стоило мне подумать о ней, на душе становилось скверно. Да, я по-прежнему на нее злился за то, что она затащила меня сюда. Тем более если вообще по ошибке. Но мне совершенно не нравилось, что ее вышибли из валькирий из-за отредактированного видео, которое выставляло меня абсолютным болваном. (Ну ладно, скромнее: чуть большим болваном, чем я был обычно.)

Мне вдруг расхотелось о чем-либо думать, и я счел за лучшее лечь и поспать, хоть пока и не чувствовал никакой усталости. Наверное, у меня сработало чувство самосохранения, оберегавшее от перегрева мозга.

Кровать показалась мне слишком мягкой. Я перебрался в атриум и лег на траву, уставясь на небо и звезды, видневшиеся в ажуре ветвей и листвы.

В итоге сон все же меня сморил.

Я проснулся от двух резких звуков: громко хрустнула ветка, и кто-то выругался.

Небо над моей головой уже стало серым, как перед рассветом. Несколько листьев, кружась, приземлились рядом со мной на траву. Ветки качались, словно по ним пронесся кто-то тяжелый.

Я замер, глядя и слушая. Ничего. Мне что, эти треск и голос почудились?

Под входную дверь с тихим шуршанием проскользнул листик бумаги. Я поднялся и побрел на ватных ципсохья ногах в переднюю.

Вдруг управляющий выставил мне счет и позволяет отсюда выписаться? Дрожащей рукой я поднял бумажку. Нет, не счет. Это была записка.

«Привет, сосед! — было начертано в ней очень красивым почерком. — Присоединяйся к нам завтракать в гостиной номер девятнадцать. Это налево по коридору. Захвати с собой оружие и латы.

Ти Джей».

Ти Джей... Томас Джефферсон-младший. Парень из комнаты напротив.

Учитывая мой вчерашний позорный провал, я был удивлен, зачем ему понадобилось приглашать меня на завтрак. Еще больше меня удивило, что к завтраку нужно явиться с латами и оружием. Или у этих викингов сперва воюют с едой, и она только после этого дает себя съесть?

Больше всего мне хотелось забаррикадировать дверь и как следует спрятаться ото всех в своем номере. Тогда есть надежда, что обо мне здесь в конце концов все забудут, и я, пока эта публика занимается своей йогой до смерти, смогу по-тихому найти нужную дверь и выбраться в Бостон.

С другой стороны, я хотел выведать кое-какие сведения. Мне надо было отыскать маму. Мысль о том, что она где-то здесь, если уж это место для героических мертвых, по-прежнему не оставляла меня. Вдруг кому-то известно, в какую жизнь она перешла после смерти? Ну хотя бы тому же Ти

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Джею. Стоит, пожалуй, с ним пообщаться. Тем более парень он вроде вполне дружелюбный.

Я поплелся к ванной и туалету. Унитаз вызывал у меня опасения, и я на него опустился с бдительностью шпиона в тылу врага. Вдруг это какая-нибудь хитроумная шуточка викингов с топорами и арбалетом, которые мигом сработают, едва только сядешь или нажмешь на кнопку спуска воды? Но нет. Эта штука себя повела ничуть не опаснее, чем общественные уборные в парках.

Медицинский шкафчик в ванной порадовал меня еще больше. В нем оказались все туалетные принадлежности, которыми я пользовался и которые любил, пока не лишился дома.

Ну а уж душ... Целая вечность прошла с тех пор, как я последний раз принимал его спокойно и с удовольствием. Вы, вероятно, помните, что процесс моего перехода в Вальгаллу сопровождался волшебной химчисткой, но после сна на траве я был вполне расположен к старому доброму способу освежиться с помощью мыла и теплых ласковых струй воды.

Я в темпе сбросил с себя все слои рубашек и... Куда девался мой собственный торс и чьи это плечи? Откуда взялись на них все эти рельефные выпуклости?

Обычно я избегаю глазеть на свое отражение. Это совсем не то зрелище, которое может мне нравиться. Но сейчас я таранился в зеркало и не мог оторваться.

Волосы на голове оставались такими же, как и прежде. Разве что чище обычного и меньше спутаны. Но все привычно: разделены на прямой пробор и доходят до подбородка. Цвет их тоже не изменился — русский.

«Ты выглядишь, как Курт Кобейн, — дразила меня раньше мама. — Мне все нравится в Курте Кобейне, кроме того, что он умер».

Видишь, мама. Теперь у нас с Куртом и это общее.

Глаза у меня не мамыны. Они серые и большие, в точности как у моей кузины Ашшабет. Только, в отличие от нее, у меня еще в них застыла пугающе-призрачная пустота. Совсем, между прочим, неплохо, если вынужден жить на улице.

То есть в волосах и в лице я ничего нового не обнаружил, а вот торс был чужой.

С тех самых пор, как у меня в детстве началась астма, я стал жутко худым. Грудь впалая, ребра торчат наружу, сквозь бледную кожу проглядывают все вены. Наши с мамой походы ничего в моем телосложении не меняли. Так что же это за выпуклости высирают теперь у меня на руках и торсе?

То есть на самом-то деле ничего уж такого жуткого. Не подумайте, будто я превратился в Капитана Америку. Я по-прежнему оставался стройным и даже бледным. Но руки у меня стали весьма рельефными, а при взгляде на грудную клетку перестало казаться, что любой порыв ветра может ее продырявить насквозь. Кожа сделалась толще и глаже. С нее исчезли и сыпь, и царапины, и укусы насекомых — вечные спутники жителей улиц. Даже шрама на левой ладони, который я заработал в десятилетнем возрасте, когда порезался охотничьим ножом, больше не было.

Теперь мне наконец стало ясно, отчего я вчера без особых усилий швырнул диван. И почему, очутившись в Вальгалле, начал чувствовать необычную бодрость в теле. Как это Хундлинг назвал? Переходом на новый уровень?

Я сжал кулак.

Сам не пойму, что вдруг на меня нашло. Видимо, увидав свое новое тело, я достиг критической точки, и накопившиеся за последние сутки злость, страх, неуверенность потребовали хоть какого-то выхода. Меня выдернули из жизни. Мне угрожали. Меня унижали. И к тому же, не спрашивая, ангрейдили. Я не просил этот номер «люкс». И не заказывал себе бицепсов.

Кулак врезался в стену. В самом прямом и буквальном смысле.

Он прошел сквозь гипсокартон и металлическую арматуру.

Я вытащил руку назад и осторожно пошевелил пальцами. Ни единого перелома. Даже ведь не ушибся.

Зато в стене, над вешалкой для полотенец, зияла дыра, в точности повторившая форму моего кулака.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Да-а, — протянул потрясенно я. — Быть мне, видимо, здесь любимцем местной обслуги.

Душ несколько успокоил меня, и я, натянув на себя махровый халат с вышитыми на груди инициалами «О. В.», прошлепал босиком к шкафу с одеждой. Внутри оказались три пары синих джинсов, три зеленых футболки с этикеткой «собственность отеля «Вальгалла», нижнее белье, три пары хороших беговых кроссовок и меч в ножнах. А к гладильной доске был приставлен щит с золотой руной Фрея в центре.

Я быстро оделся.

Затем провел минут десять в глубокой задумчивости, соображая, как присаудалить меч в ножнах себе на ремень. Я левша, но значит ли это, что меч нужно повесить с правой стороны? А может, есть какие-нибудь специальные мечи для левшей? Если так, то чем они отличаются от мечей для правшей?

Я попытался вытащить эту хрень из ножен и чуть не порезал джинсы. О, каким же я славным героем буду на поле боя!

Может, правда, и этот меч у меня в руках загудит и сам начнет направлять мою руку в нужную сторону? Я попробовал им помахать. Нет, обычный кусок молчащего металла без направляющих опций. Я одержал небольшую победу, умудрившись не отрезать себе ни одного пальца, пока засовывал его в ножны. Потом закрепил щит на спине, как у воинов на вчерашнем обеде. Ремень мне врезался в шею, едва не придушив.

Я опять погляделся в зеркало и сказал своему отражению:

— Замечательно, сэр. Вы выглядите как стопроцентный придурок.

Отражение со мной спорить не стало.

И я пустился на поиски завтрака, который должен буду сразить своим метким мечом!

Глава XVIII

МОЯ ВЕЛИКАЯ БИТВА С ЯИЧНИЦЕЙ

— А вот и он! — Ти Джей, поднявшись и-за стола, подал мне руку. — Садись. Присоединяйся к нам. Ты вчера произвел неизгладимое первое впечатление.

Одет он был так же, как и вчера: синий армейский мундир поверх зеленой футболки с логотипом отеля, джинсы и кожаные сапоги.

Вместе с ним за столом сидели полутроль Икс, рыжеволосая Мэллори Кин и малый, которого, как я предполагал, звали Хафборном Гундерсоном. Видок у него был, как у Робинзона Крузо, если бы тот сильно переборщил со стероидами. Одежду его составляли рубашка, сшитая из шкур разных животных, и порядком изодранные кожаные штаны, а борода выходила даже за рамки викинговских стандартов и выглядела совершенно дико, особенно в сочетании с сырным омлетом, который оставил заметный след в ее зарослях.

Все трое моих соседей по коридору подвинулись, освобождая для меня пространство за столом. Не скрою, мне это было приятно.

По сравнению с «Пиром павших героев» обстановка в гостиной номер девятнадцать казалась почти домашней. Девятнадцать столов разбросаны по всему пространству комнаты, большинство из них даже никем не заняты. В камине уютно потрескивает огонь. Перед камином — диван. Он из-

рядно потерт. Видно, что на нем часто и много сидят. Вдоль стены протянулся стол со множеством всякой еды, которую я только мог себе представить, и даже такой, какой я себе до сих пор вовсе не представлял.

Ти Джей и компания расположились возле большого панорамного окна. Из него открывался вид на бескрайнее поле льда, по которому ветер крутил поземку. Этот пейзаж не очень-то гармонировал с летней погодой в атриуме моего номера. Получалось, что в одном и том же коридоре на совсем небольшом расстоянии друг от друга соседствовали зима и лето. Но я уже убедился, что в этом отеле дело с природоведением обстоит плохо.

— Это Шифльхейм, — указал на окно Ти Джей. — Царство льда. Пространство снаружи все время перемещается через Девять Миров, поэтому вид отсюда каждый день другой.

— Девять Миров? — Я умолк и уставился на свою тарелку с омлетом. Любопытно бы знать, из какой солнечной системы доставили для него яйца? — Постоянно здесь слышу про Девять Миров, — продолжил я разговор. — Но поверить мне все-таки трудно.

Мэллори Кин подула на пончик. Над столом взвилось облако сахарной пудры.

— Зря сомневаешься, новичок. Я уже, между прочим, в шести из них побывала.

— А я в пяти, — улыбнулся мне Хафборн, продемонстрировав фрагменты омлета с сыром между передними зубами. — Мидгард, конечно, не в счет, потому что это мир смертных. Но я был еще в Альвхейме, Нидавеллире, Йотунхейме...

— В Мире Диснея, — подхватил Икс.

Мэллори шумно вздохнула. Рыжие волосы, зеленые глаза, рот в сахарной пудре — ну вылитый карточный Джокер.

— Сколько тебе еще раз повторять, болван, — покосилась она на Икса. — Мир Диснея — это не один из Девяти Миров.

— С чего ж он тогда называется миром? — многозначительно хмыкнул Икс и, сочтя таким образом спор законченным, принялся улетать что-то ракообразное на своей тарелке.

Ти Джей уже справился с завтраком и отодвинул тарелку на край стола.

— Не знаю уж, Магнус, поможет ли тебе это что-то понять, но Девять Миров это не разные планеты, а скорее разные измерения, разные слои реальности, объединенные Мировым Деревом.

— Спасибо, — ошалело потряс головой я. — Ты меня еще больше запутал.

— Ну я, в общем, так и предполагал, — засмеялся он.

— А Мировое Дерево — это то самое, которое растет в «Трапезной павших геросов»? — поинтересовался я.

— Нет, — ответила Мэллори. — Мировое Дерево гораздо больше. Рано или поздно сам увидишь.

Последняя фраза прозвучала в ее устах как-то зловеще. Я постарался сосредоточиться на еде, но мне это не совсем удалось из-за Икса. Попробуйте насладиться завтраком, когда ваш сосед по столу расчленяет у себя на тарелке какого-то склизкого краба-мутанта.

— Ты носишь форму времен Гражданской войны? — переключился я на мундир Ти Джея.

— Рядовой Пятьдесят четвертого Массачусетского добровольческого полка, — по-военному отрапортовал он. — Первый полк в истории Штатов, где бились плечом к плечу белые и афроамериканцы. Я, как и ты, дружище, из Бостона. Только вот занесло меня сюда чуточку раньше.

— Значит, ты пал в бою сто пятьдесят лет назад? — быстро подсчитал я в уме.

— Штурм форта Вагнер, Южная Каролина, — отчеканил Ти Джей. — Отец мой — бог отваги, закона и испытания боем Кир, а мама из беглых рабынь.

Я попытался все это втиснуть в свое стремительно расширяющееся сознание. Тинейджер из тысяча восемьсот шестидесятых годов, сын бывшей рабыни и древнескандинавского бога завтракает сейчас со мной в отеле из другого измерения.

Икс громко рыкнул. Остальные вмиг сфокусировались на нем.

— Боги Асгарда! — поморщилась Мэллори. — Ну и запах!

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

— Прошу пардона, — пробурчал Икс.

— Тебя действительно зовут Икс? — давно уже удивляло меня его имя.

— Нет, я на самом деле... — И полутроль на одном дыхании выдал нечто совершенно непронишимое и очень длинное, в основном состоящее из множества букв «к».

— Ну теперь ты сам слышал и убедился. — Хафборн старательно вытер руки о свою рубашку из шкур. — Произнести это невозможно. Вот мы и зовем его Иксом.

— Икс, — произнес полутроль, и я так до конца и не понял, то ли он подтвердил свое имя, то ли элементарно икнул.

— Его, между прочим, тоже доставила сюда Сэм аль Аббас, — сообщил Ти Джей. — Икс случайно набрел на собачий бой. Один из этих... ну, нелегальных. Где, ты говорил, это было? В Чикаго?

— В Чи-ка-го, — пропел по слогам тот.

— Он как увидел, что там творится, так у него крышу и сорвало, — снова принялся излагать Ти Джей. — Ну он и начал крушить капитально все их хозяйство. Устроителей и тех, кто делали ставки, уделал, а собак выпустил.

— Пусть собаки дерутся только тогда, когда им самим охота, а не для жадных людей, — убежденно провозгласил Икс. — Собаки должны быть свободны. Никто не имеет права держать их в клетках.

Спорить с этим большим чуваком я не стал, однако его идея, что собакам надо быть дикими и драться с кем хочется и когда хочется, мне не слишком понравилась. Как-то уж больно смахивало на волков, которых я не желаю ни видеть, ни предвещать.

— Икс там устроил настоящую битву, — продолжил рассказ Ти Джей. — Один против банды гангстеров с автоматами. И, прежде чем им удалось его шлепнуть, он уложил достаточно отморозков и выпустил на свободу кучу собак. Месяц назад это было, да? — повернулся он к полутролю.

Тот молча кивнул, продолжая высасывать мясо из панциря ракообразного.

Ти Джей развел руки.

— Сама его сочла достойным и притащила сюда. Ну ей потом и вломили за это решение.

— Мягко говоря, вломили, — фыркнула Мэллори. — Тролли в Вальгалле! И почему, скажите на милость, никто из танов этому не обрадовался?

— Не тролль, а полутролль, — поправил ее Икс. — И это лучшая моя часть.

— Она не имела в виду ничего такого, — поторопился вмешаться Ти Джей. — Просто ужасно трудно перебороть предрассудки. Меня, между прочим, тоже не с распростертыми объятиями здесь приняли, когда я прибыл в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году.

— Ну, ты их живо тогда покори! своим ослепительным обаянием. — Мэллори закатила глаза. — У нашего девятнадцатого этажа и так из-за вас, ребята, ужасная репутация, а теперь еще Магнус прибавился.

Хафборн склонился ко мне.

— Не бери в голову. Она вообще-то ужасно милая, если не обращать внимания, насколько она ужасная.

— Заткнись, Хафборн! — огрызнулась Мэллори.

Он засмеялся.

— Она такая злока из-за того, что пыталась разрядить лицом бомбу в автомобиле.

Уши у Мэллори сделались красными, как нектар, которым питается птица колибри.

— Не делала я такого! Не ври!

— Магнус, ты, главное, перестань волноваться о том, что произошло вчера на обеде, — посоветовал мне Хафборн. — Лет через десять-двадцать этого даже никто и не вспомнит. Уж ты мне поверь. Я здесь всякого навиделся. Убили-то меня очень давно. Я погиб во время нашествия викингов на Восточную Англию. Восвал под знаменами Ивара Бескостного и принял двадцать стрел в грудь, защищая своего тана.

— Жесткач, — посочувствовал я.

Хафборн пожал плечами.

— Я здесь уже... Да без малого тысячу двести лет.

Мне с трудом в это верилось: несмотря на размеры и жуткую бородину, он выглядел максимум на восемнадцать.

— А как же ты здесь умудрился не спянуть за столько-то лет? — вырвалось у меня. — И, кстати, что у тебя за такое странное имя? Хафборн ведь значит «наполовину рожденный».

Улыбку как стерло с его лица.

— Сперва получи ответ на второй вопрос. Родился я таким большим, сильным и безобразным, что мама взглянула на меня и сказала: «Ну, будто наполовину родился, а наполовину из камня высечен». Вот имя Хафборн ко мне и прилипло.

— И что характерно, с годами внешность твоя не улучшилась, — тут же сочла своим долгом отметить Мэллори.

— А как не спянул за столько лет? — продолжил Хафборн. — Ты прав, Магнус, многие здесь действительно тронулись. Ждать Рагнарока непросто. Самое главное постоянно чем-нибудь заниматься. Возможностей тут для этого предостаточно. Я, например, выучил дюжину языков, в том числе и английский. Потом получил степень доктора по германской литературе. И научился вязать.

Ти Джей энергично кивнул.

— Понимаешь теперь, зачем я тебя пригласил с нами завтракать?

— Чтобы я тоже вязать научился?

— Чтобы ты был занят. Проводить слишком много времени в одиночестве здесь опасно. Как только себя изолируешь и запрешься в комнате, начнешь исчезать. Некоторые из старожилов... — Ти Джей осекся, словно бы поперхнувшись, и махнул рукой. — Ладно. Проехали. Главное, раз ты уже здесь, приходи сюда каждое утро до конца света, и все с тобой будет нормально.

Я поглядел в окно на крутящийся снег. В памяти снова всплыли последние слова Сэм. Она просила меня обязательно отыскать меч. А в предсказании норн говорилось, что через девять дней произойдет что-то плохое.

— Вот вы посещали другие миры, — произнес я вслух. — Выходит, отель можно покинуть?

Четверо моих новых друзей с тревогой переглянулись.

— Да, — подтвердил Хафборн. — Но главная наша работа — ждать Рагнарока. И тренироваться, тренироваться, тренироваться...

— Тренироваться можно и в Мире Диснея, — с совершенно серьезным видом заявил Икс.

Может, все-таки пошутил? Поди разберись, если у этого чувака только два выражения на лице: сухое и потное.

— Иногда, — продолжил Ти Джей, — эйхериев отправляют в какой-нибудь из Девяти Миров с заданием.

— Например, выслеживать монстров, — вклинулась Мэллори. — Убивать великанов, которые забрели в Мидгард. Останавливать ведьм и прочих существ. И, конечно, расправляться со злодеями.

— Монстров? Существ? Со злодеями? — суммировал я.

— Мы покидаем Вальгаллу исключительно по приказу Одина или танов, — уточнил Хафборн.

— Но вот если просто себе представить, — начал я осторожно подбираться к тому, что хотел узнать, — могу я вернуться на землю, ну, или в Мидгард, как здесь ее называют?

— Теоретически да, — отозвался Ти Джей. — Слушай, я понимаю: у тебя после этих норн крыша едет. Но мы ведь не знаем, что именно означает их предсказание. Тут надо набраться терпения. Дай тшам время как следует это обдумать. В подобных делах нельзя кидаться очертя голову. Иначе надслаешь глупостей.

— Ну да, мы все такие умненькие-благоразумненькие, — с ехиднейшим видом проговорила Мэллори. — Упаси боги нас сделать что-нибудь глупое вроде ночного побега в Бостон в пиццерию «Сантарнио». Такого просто не могло быть.

— Молчи, женщина, — прорычал Хафборн.

— Женщина? — Мэллори потянулась к ножу, который висел у нее на ремне. — Следи за своим языком, ты, шведский хомяк-переросток.

— погодите, — прервал я их перепалку. — Значит, ребята, вы знаете, как можно выбраться из...

Громкий кашель Ти Джей полностью заглушил мой голос.

— Не очень расслышал тебя, — приставил он ладонь к уху, — но уверен, что ты не спрашивал ни о чем запрещенном правилами. Во-первых, Магнус, если ты вернешься так быстро в Мидгард, то как объяснишь это тем, с кем знаком? Все ведь уверены: тебя нет в живых. Обычно мы если и возвращаемся, то только после того, как те, кто нас знали, умерли. Так с любой точки зрения проще. Да и сила эйнхериев развивается только спустя какое-то время.

Я попытался представить себе, как ожидаю здесь много лет. У меня вообще-то негусто с друзьями и родственниками, к которым можно вернуться, но все же мне не особенно улыбалось застрять здесь. Иностранные языки, вязание, и так годами... Нет, после того как я снова увидел свою кузину Аннабет, мне захотелось возобновить с ней знакомство прежде, чем она умрет. А если Самира сказала правду и мама моя не в Вальгалле, то я должен ее найти, где бы она ни была.

— Но ведь, наверное, можно покинуть отель и без разрешения? — решил я не отставать от новых друзей, пока не добьюсь хоть какой-нибудь ясности. — Ну, если не навсегда, то на время.

Ти Джей беспокойно заерзал.

— У Вальгаллы есть двери во все миры. Отель специально так выстроен. Большинство выходов охраняется, но в Бостон есть много путей. Ведь это центр Мидгарда.

Я внимательно пригляделся ко всем четырем. Нет, они не разыгрывали меня.

— Правда? — все же решил я спросить напрямую.

— Ну да, — покивал мне Ти Джей. — Он расположен прямо возле ствола Мирового Дерева. Оттуда легче всего попасть в другие миры. Как по-твоему, почему Бостон прозвали Хабом Вселенной?

— Наверное, просто кому-нибудь так захотелось, — пожал я плечами.

— Нет, — решительно возразил мне Ти Джей. — Смертные всегда догадывались, что этот город расположен в особом месте, хотя до конца не могли разобраться, в чем именно

суть. Викинги множество лет искали Центр Мира. Им было известно, что он находится где-то на западе. Вот почему они так упорно и путешествовали по Северной Америке, а когда повстречались с местными жителями...

— Мы называли их скрелингами, — уточнил Хафборн. — Яростные воины. Мне они нравились.

— Вот от аборигенов они и слышали много историй о том, как силен дух мира именно в этих местах, — вновь завладел разговором Ти Джей. — Позже, когда в Бостоне стали жить пуритане... — Он выдержал короткую паузу. — Ну, я имею в виду видение Джона Уинтропа о сияющем городе на горе. Это ведь не сказка и не преувеличение. Ему и впрямь открылся Асгард. Он сумел заглянуть в другие миры. А суды над салемами! Вся эта паника была вызвана тем, что в Мидгард просочилось волшебство. Эдгар Алан По тоже родился в Бостоне. А его самая знаменитая поэма посвящена ворожу — птице Одина.

— Хватит, — рубанула воздух рукой Мэллори. — Ти Джей способен болтать бесконечно даже в тех случаях, когда для ответа достаточно слова «да» или «нет». Так вот, Магнус, да. Отель можно покинуть и с разрешения, и без него.

Икс с треском разгрыз крабью клешню.

— И ты не будешь бессмертным, — жуя бросил он.

— Да, — подтвердил Ти Джей. — Это тоже большая проблема. В Вальгалле-то ты умираешь не навсегда. Короткая смерть просто часть тренировки.

Мне живо представился тип из гостиницы, которого сперва пронзили копьем, а потом утащили волки. Хундинг еще тогда уверял, что к обеду он будет снова в полном порядке.

— А что, вне Вальгаллы все по-другому?

— Вообще-то во всех Девяти Мирах мы по-прежнему остаемся эйнхериями, — начал мне объяснять Ти Джей. — Сильнее и крепче любого смертного. Но если ты там умрешь, то это уже навсегда. Возможно, твоя душа попадет в Хельхейм, а возможно, ты попросту раствориться в мировой бездне Гиннунгагап. Заранее не предскажешь. Поэтому лучше не рисковать. Если, конечно...

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

— Если, конечно, он и впрямь не нашел меч Фрея и легенды не врут, — договорил за него Хафборн, выковыривая куски омлета из бороды.

— Давайте пока не станем в это вдавляться, — остановил друга Ти Джей. — У Магнуса здесь все-таки только первый день. И так, наверно, уже ум за разум заходит.

— Да нет, про легенду давайте, — потребовал я, но тут в коридоре раздался рев рога.

Эйнхерии за другими столами начали подниматься и собирать тарелки.

— Время битвы, — с вождением потер руки Хафборн. — А трепотня подождет.

— Время битвы, — подтвердил Икс.

Ти Джей поморщился.

— Магнус, нам, вероятно, нужно предупредить тебя об инициации первого дня. Не расстраивайся, если...

— Заткнись, — шикнула на него Мэллори. — Не порть сюрприз. — Она сладенько мне улыбнулась. — Прямо жду не дождусь, когда нашего нового мальчика разделают на части.

Глава XIX

Я ОТКАЗЫВАЮСЬ ОТ КЛИЧКИ БОБОВЫЙ ГОРОД

— Вообще-то у меня аллергия на расчлененку, — сообщил я новым друзьям.

Они, хохоча, продолжали теснить меня к боевой арсене. Вещая история с новыми друзьями. Приходится приспособливаться к их привычкам и склонностям. Поэтому и стараюсь не заводить новых знакомств.

Поле боя оказалось таким огромным, что взглядом сразу и не охватить.

В старые добрые времена уличной жизни я часто спал летом на крышах. Оттуда мне открывался некий вид на весь район Бостона от парка Фенвей до Банкер-Хилла. Пространство огромное даже для крупного города, но поле боя в Вальгалле было гораздо больше. Добрых три квадратных мили чудесных мест, чтобы в них помереть, обрамленных стенами отеля. Ну вроде как внутренний дворик.

Из беломраморных стен выступали балкончики с золотыми перилами. С одних свисали знамена. Другие были декорированы щитами. А еще часть оснащены катапультами для метания снарядов. Верхние этажи тонули в туманном сиянии неба, белого, как люминесцентная лампа.

В центре арсны сражений высились несколько скалистых холмов, между ними чернели островки леса. По краям же тянулись пастбища и текла река шириною не меньше бостон-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

ской Чарльз, а на ее берегах раскинулось несколько деревень, вероятно, для тех, кто даже на поле боя предпочитали жизни в палатках домашний уют.

Из сотен дверей в обрамлявших арену сражений стенах выходили все новые батальоны воинов. Оружие их и латы сияли до рези в глазах. Иные эйнхерии были закованы в латы от головы до ног, наподобие средневековых рыцарей. Другие ограничивались кольчужными рубашками, бриджами и сапогами. Увидел я и ребят в камуфляжной форме, вооруженных автоматами Калашникова. А какой-то чувак выступал вообще в одних плавках. Голое тело он себе выкрасил в синий цвет и вооружился бейсбольной битой. По спине его груди шла белая надпись: «Рискни, братан!»

— Чувствую себя еще более голым, чем он, — пробормотал я.

Икс похрустел костяшками пальцев.

— Латы с оружием еще не залог победы.

Легко говорить такое тому, чьи размеры больше иного суверенного государства.

Хафборн Гундерсон явно предпочитал в экипировке минимализм. Он тоже разделся до самых легинсов, зато в обеих руках держал по обоюдоострому топору. Стой он рядом с кем-то другим, наверняка бы казался настоящим амбалом, однако в сравнении с Иксом выглядел жалким грудничком, которого вместо слюнявчика и погремушек снабдили бордой и топорами.

Ти Джей присособил штык к винтовке.

— Магнус, если ты хочешь больше оружия, тебе нужно его либо захватить в бою, либо кунить. Оружейные магазины отеля принимают к оплате красное золото, но возможен и бартер.

— Ты винтовку свою у них добыл или в бою? — спросил я.

— Что ты. Я с этим оружием умер. Теперь-то стреляю из нее редко. Пули эйнхериям как комариный укус. Видишь этих ребят с автоматами? Один блеск да треск. Безопаснее их никого здесь не сыщешь. Вот штык мой — другое дело. Подарок отца. Костяная сталь. Классно в бою работает.

— Костяная сталь? — Я никогда не слышал о таком материале.

— Да, — подтвердил Ти Джей. — Ты потом о ней сам все узнаешь.

Рука, в которой я сжимал меч, вспотела от напряжения, а щит казался мне крайне хлипким и ненадежным.

— Против кого конкретно мы бьемся?

Хафборн хлопнул меня по плечу.

— Против всех, дружище. Викинги бьются маленькими группками. Мы — твои щитовые братья.

— И щитовая сестра, — напомнила о себе Мэллори. — Хотя некоторых из нас лучше назвать щитовыми идиотами, — выразительно покосилась она на Хафборна.

Тот ее выпад гордо проигнорировал и вновь обратился ко мне:

— Ты на успех-то, Магнус, сегодня особенно не рассчитывай. Тебя быстро убьют. Но все равно держись нас и помни: мы должны пойти в бой и постараться укокошить как можно больше народу.

— Это твой план? — спросил я.

— План? — Он склонил набок голову наподобие удивленной собаки. — Разве он нужен?

— Нет, иногда-то мы планы все-таки вырабатываем, — уточнил Ти Джей. — По средам обычно надо вести осады, и это гораздо сложнее. А по четвергам они выпускают драконов.

Мэллори обнажила меч, а следом и зубчатый кинжал.

— А сегодня бой без правил. Обожаю вторники.

С тысяч балкончиков раздались призывные звуки рожков. Эйнхерии вступили в битву.

Мне почти тут же открылось во всей полноте значение слова «кровопролитие». Вскоре после начала сражения наши подошвы буквально скользили по крови.

Едва мы вступили на поле боя, откуда-то прилетевший топор втесался в мой щит и пробил его насквозь, лишь чудом пройдя чуть выше моей руки.

Мэллори с криком метнула нож в того, кто бросил топор, и попала ему точно в грудь. Парень, смеясь, упал на колени.

— Отличный удар, — похвалил он и свалился замертво.

Хафборн пер вперёд сквозь толпы врагов, будто пробивая дорогу в зарослях. Его топоры крутились, как крылья мельницы, снося все новые головы и конечности, и вскоре у него сделался вид игрока в пейнтбол, где участники заряжали ружья только патронами красного цвета.

Никогда раньше не приходилось мне видеть столь омерзительного и пугающего зрелища. И знаете, что ужасало больше всего? Эйнхерии воспринимали происходящее как увлекательное развлечение. Они убивали друг друга с азартом и ликованием. И собственная смерть тревожила их не больше, чем гибель какого-нибудь аватара из компьютерной игры про Вторую мировую войну «Чувство долга», которая мне всегда жутко не нравилась.

— Ой, фигня-то какая, — услышал я бормотание одного из эйнхериев, когда ему в грудь угодили целых четыре стрелы.

А другой получил стрелу в брюхо и, проорав: «Ну, Трикси, завтра я до тебя доберусь!» — рухнул замертво.

Ти Джей громко пел Боевой Гимн Республики, то нанося, то отражая удары своим штыком из кованной стали.

Икс крушил группу за группой. Спина его уже оцетилилась дюжиной стрел, торчащих, как иглы дикобраза, но, похоже, это его не особенно беспокоило. Зато те, кому доставались удары его кулаков, просто расплющивались.

Ну а я брел в абсолютном шоке, укрываясь, как мог, щитом и волоча за собой меч. Мне слабо верилось в утверждение, что умираешь здесь вроде бы ненадолго. Во всяком случае, проверять это на себе совсем не хотелось, хотя группка воинов с острыми и опасными предметами и пыталась меня убить.

Мне удалось парировать удар меча. Я вовремя преградил щитом путь летящей прямо мне в грудь стреле. У меня даже возникла возможность сразить мечом потерявшую бдительность девушку, но рука не поднялась.

Зато девушка, мигом очухавшись, вонзила топор мне в бедро. Боль была адская. Я ощутил ее даже в горле.

Мэллори тут же расправилась с девушкой.

— Идем, Чейз, и не вздумай остановиться. А к боли через какое-то время привыкнешь.

— Это радует, — корчась, ответил я. — Как говорится, хоть пусячок, но приятно.

Ти Джей, пробив на ходу штыком забрало средневекового рыцаря, предложил:

— А теперь давайте захватим вот этот холм.

Я глянул в ту сторону, куда указывала его рука. Гора у опушки леса.

— На фига она нам сдалась? — прокричал я.

— Ну, это же высота, — ответил Ти Джей.

— Вечно ему подавай взять какую-нибудь высоту, — проворчала Мэллори. — Заморочки Гражданской войны.

Мы побрели сквозь бой к намеченной цели. Боль в бедре и по-прежнему ощущал, но кровь из раны идти перестала. Это что, здесь считалось нормальным?

Ти Джей вскинул винтовку, но только успел крикнуть: «Пши!» — как в спину ему вонзился дротик.

— Ти Джей! — вырвался у меня вопль.

Поймав мой взгляд, он с усилием улыбулся и бездыханный упал лицом в грязь.

— Ты ради каких скандинавских богов здесь застыл? — рывкнула на меня Мэллори и, как клещами схватив меня за руку, потащила в сторону. Несколько дротиков угрожающе просвистели в непосредственной близости от моей головы.

— И вы каждый день, ребята, такое проделываете? — на бегу спросил я.

— Нет. Тебе ведь уже было сказано: по четвергам у нас дракон, — откликнулась Мэллори.

— Слушай, Бобовый Город, — применила Мэллори к моей скромной персоне неформальную кличку жителей города Бостона. — Тебе нужно привыкнуть к ужасам битвы. Ты думаешь, сегодня увидел самое страшное? Да это все детский лепет по сравнению с тем, что нас ждет в Рагнарок.

— А вот интересно, — задела меня за живое кличка. — Почему-то я не слышал, чтобы вы Ти Джея Бобовым Городом называли. А он, между прочим, тоже из Бостона.

— Потому что Ти Джей не так раздражает, — таща меня дальше, бросила Мэллори.

Мы достигли опушки леса. Икс и Хафборн героически обороняли нас с тыла, тормозя продвижение воинственных полчищ, следующих по пятам за нами. Я ничего не преувеличиваю. Разгадав, видно, наши намерения, мелкие группки эйнхериев прскратили биться друг с другом и, объединившись в огромное войско, пустились за нами и другими новичками. Ларса Алстрома нигде видно не было, наверное, он уже лишился головы. И Дэдз, похоже, бежала где-то с отрубленными руками, а точнее, без них. Ветераны-эйнхерии явно старались нам причинить максимум боли и унижений в первом бою и с удовольствием наблюдали, как мы себя поведем.

Поняв это, я разозлился. Укрываясь за каждым деревом, которое попадалось нам по пути, мы сумели короткими перебежками взобраться на холм. Хафборн атаковал девять головорезов и, всех их до одного уложив, догнал нас. Он громко смеялся. Глаза его лихорадочно сияли. Из множества ран текла кровь. А из левой груди, прямо над сердцем, торчал кинжал.

— Каким образом ты еще жив? — удивился я.

— Он берсерк, — обернулась ко мне Мэллори. На лице ее отразилась сложная гамма чувств. Коктейль из презрения, раздражения и чего-то еще... Может быть, восхищения? — Этот идиот, — продолжала она, — будет биться, пока его на кусочки не искромсают.

«Ну да, восхищения», — теперь уж не сомневался я. Хафборн определенно нравился Мэллори. Была бы к нему равнодушна, ничем не стала бы столько раз подряд называть идиотом. Мне захотелось было ее подразнить, но именно в этот момент ей в шею с чавканьем воцелилась стрела.

Мэллори кинула на меня укоряющий взгляд и упала. Я виновато склонился над ней и зажал рукой ее рану. Пульс в рассеченной артерии бился все реже и реже. Жизнь покидала ее. Рука у меня сделалась теплой от ее крови. Я хоть и не видел, но вдруг ощутил, что она получила еще несколь-

ко ран, которые требовалось немедленно залечить. Будь у меня еще хоть немного времени, но...

— Осторожно! — крикнул мне Икс.

Я поднял щит. О него с лязгом ударился меч. Я изо всех сил пихнул атакующего. Он кубарем полетел вниз с холма. Руки мои болели, кровь прилила к голове и барабанила в уши, но я все же смог встать на ноги.

Хафборн принял неравный бой всего в нескольких шагах от меня. Противники взяли его в кольцо, разя ударами коний и жала сотнями стрел. Он каким-то непостижимым для меня образом продолжал отчаянно биться, но было ясно: такого долго не выдержать даже ему.

Икс вырвал из рук эйнхерия в камуфляже автомат Калашникова, врезал ему по башке прикладом его же оружия и обратился ко мне:

— Ну, Магнус Бобовый Город, иди и возьми высоту за этаж девятнадцать.

— Попробую! — прокричал ему я. — Но только от клички Бобовый Город отказываюсь. Так больше меня не называют.

Я двинулся вверх по холму и, дойдя до вершины, прижался к стволу кряжистого дуба. Икс внизу продолжал оголтело сражаться. Он крушил противников кулачищами, заламывал им руки и бодал головой до тех пор, пока они, бездыханные, не сваливались у его ног.

Стрела ударила мне в плечо. Поняв, что меня припилили к дереву, я рванулся вперед. Боль едва не лишила меня сознания, но стрела сломалась. Я снова мог двигаться. Кровотечение быстренько прекратилось, а рана стала затягиваться, словно ее залили воском.

Надо мной вдруг нависла густая тень. С неба пикировало что-то темное и огромное. «Валун, — моментально сообразил я. — Его метнули с балкона из катапульты». В следующую долю секунды мне стало ясно, куда именно он приземлится.

Я уже раскрыл рот, чтобы предупредить Икса, но было поздно. Его больше не было, как и эйнхериев, с которыми он сражался. Их всех накрыла двадцатитонная глыба известня-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

ка. На ней красовалась надпись: «С любовью от шестидесят третьего этажа!».

Сотни воинов немо тарашились на каменюгу. Ветки и листья, которые она в полете сбила с деревьев, еще какое-то время кружились в воздухе. Палюбовавшись вдоволь на это зрелище, викинги повернулись ко мне.

В грудь мне впилась стрела. Я заорал скорее от ярости, чем от боли, и вырвал ее из своего тела.

— Обладеть, — изумленно повел головой один из моих противников. — Как у него заживает-то быстро.

— А если копьем? — дал ему совет викинг, стоящий рядом. — Или лучше сразу двумя.

Они вели себя так, будто я был подошным кроликом, над которым можно производить любые эксперименты.

Три десятка бойцов оцетишили разом копья. Во мне поднялась волна ярости. Из горла вырвался дикий крик, и я ощутил, как с ним из меня на них поперла огромной силы волна, словно от разорвавшейся бомбы. Тетива на их луках лопнула. Мечи попадали на землю. Ружья, конья и топоры улетели в лесные заросли.

Волна иссякла во мне так же внезапно, как поднялась. Возле меня стояла толпа безоружных эйнхериев. В первом ряду я заметил синего голого парня. Бейсбольная бита валялась возле его ног.

— Это что же такое? — ошалело вытаращился он на меня.

Его сосед-воин с черной повязкой на глазу и в красных кожаных доспехах, украшенных серебряными завитушками, осторожно нагнувшись, поднял с земли свой топор.

— Эльфсейд-ведовство, — ответил он синему парню. — Отлично сработано, сын Фрея, — глянул он на меня своим единственным глазом. — Мне уже много столетий не приходилось видеть подобного трюка. Но костяная сталь все же лучше.

Топор его взвился со свистом вверх. Подняв глаза, я успел еще уловить блеск лезвия над своей головой, прежде чем мир для меня исчез.

Глава XX

ПЕРЕХОДИ НА ТЕМНУЮ СТОРОНУ, У НАС ЕСТЬ ПЕЧЕНЬКИ

Знакомый голос спросил:

— Ну что, снова мертв?

Открыв глаза, я обнаружил себя в навильоне с серыми каменными колоннами по краям. Снаружи со всех четырех сторон виднелось одно лишь пустое небо. Воздух разреженный. По мраморному полу носился холодный ветер. От его порывов в центральном очаге гудел огонь, а пламя в жаровнях по обе стороны от высокого помоста стелилось. Три ступени вели к двойному трону. Он был сделан из белого дерева, украшенного искусной резьбой, весьма детально изображающей разных животных, птиц и ветви деревьев в листьях. Поперек широкого сиденья, обтянутого мехом горноста, валялся тот самый мужчина в футболке бейсбольной команды «Ред Сокс», которого я перед тем, как очнулся в Вальгалле, едва не принял за своего отца. Рядом с собой он пристроил пакетик из фольги с печеньками и с удовольствием их поглощал.

— Добро пожаловать в Хлидскьяльв! — Его иссеченные шрамами губы растянулись в улыбку и стали похожи на застежку «молния». — Чтобы ты знал, это Высокий Трон Одина, — похлопал он легонько ладонью по резному белому дереву.

— Но вы ведь не Один, — вычислил я методом исключения. — Вы, вероятно, Локи.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— В остром уме тебе не откажешь, — засмеялся он.

— Но что мы здесь делаем и почему трон Одина называется скальп? — спросил я.

— Хлидскьяльв, — очень четко и медленно произнес Локи. — Начинается на «х», кончается на «в». И букву «х» полагается произносить резко.

— Ну, это, наверное, мне все равно, — отмахнулся я.

— Зря ты так, — возразил мне Локи. — Именно с этого трона началось кое-что для тебя очень важное. Вот потому мы и здесь. — Он похлопал рукой по горнистаевому сиденью. — Садись рядом и угощайся печеньками.

— Да нет, спасибо.

— Много теряешь, — закинул он себе в рот очередную порцию. — Потрясающая лиловая глазурь! Не могу точно определить ее вкус, но полное объеденье.

В шее у меня запульсировало. Я сильно этому удивился. Ведь все сейчас явно происходило во сне, да к тому же еще я был мертв.

Взгляд Локи меня пугал. Похожая напряженность стояла в глазах и у Сэм, но она явно старалась ее контролировать, а глаза Локи металась и вспыхивали, словно огонь в очаге, который пляшет под ветром в поисках, что поджечь.

— Фрей однажды здесь тоже сидел, — погладил мех горнистая Локи. — Тебе известна эта история?

— Нет, я ее не знаю, но... — Я умолк, старательно подбирая слова. — Разве имеет право сидеть здесь кто-нибудь, кроме Одина?

— Не имеет, — подтвердил Локи. — Этот трон исключительно Одина и Фригг. Короля и королевы. Сидя на нем, они видят все Девять Миров. Стоит им только сосредоточиться, и они обнаруживают всех, кто им нужен, и все, что им нужно. Но если кто-то другой осмелится сесть сюда... — Он поцокал языком. — Для этого смельчака Волшебный Трон, возможно, станет проклятием. Не находишь я сейчас в иллюзии, наверняка на такое бы не осмелился. А вот у твоего отца хватило решимости. Он впервые тогда восстал против

правил, — откусил еще от лиловой печеньки Локи. — Как же я уважаю его за это.

— И? — Мне хотелось скорее добраться до сути.

— И вместо того, что он собирался увидеть, Фрею открылось самое для него желанное. Это разрушило его жизнь. Он потерял свой меч и... — Локи вдруг сморщился, как от сильной боли. — Извини...

Лицо у него перекосило, будто его одолел приступ чиха, и, отвернувшись, он вдруг исторг ужасающий вопль, как от внезапно произившей боли.

Когда я снова увидел его лицо, от шрама, который пересекал его переносицу, поднимался клочками пар.

— Извини, — повторил он. — Время от времени мне в глаза за плечет змеиный яд.

Я вспомнил один из мифов.

— Вы кого-то убили. Боги за это поймали вас и связали. Змеиный яд — тоже часть наказания. Но в таком случае где вы сейчас на самом-то деле?

— Ровно там, где всегда, — скривил он губы в ухмылке. — Боги меня связали что надо. Не вырвешься. Зато я могу отправлять, куда мне угодно, частички собственной сущности, как, например, сейчас. Вот таким способом и общаюсь с друзьями.

— Ваша футболка команды «Ред Сокс» еще не делает нас друзьями, — возразил я.

— Не торопись, — обиженно зыркнул на меня Локи. — Ведь это моя дочь Самира что-то в тебе углядела. И мы с тобой вполне можем друг другу помочь.

— Вы приказали ей отобрать меня для Вальгаллы? — напрямик спросил я.

— О нет. Не моя идея. Ты, Магнус Чейз, привлекаешь внимание разных сторон. И, уверяю тебя, иные из них не столь симпатичны и не так готовы тебе помочь, как я.

— Может, лучше употребите свою готовность и симпатичность, чтобы помочь своей дочери? — разозлился я. — Ее, между прочим, из-за меня из валькирий выкинули.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Он враз посерьезнел.

— Вот она, благодарность богов. Сперва изгнали меня, теперь добрались до Самиры. А сколько раз я спасал их шкуры. Но за Самиру тебе совершенно не следует беспокоиться. Она сильная. Меня куда больше тревожишь ты.

По павильону пронесся порыв холодного воздуха такой силы, что ноги мои заскользили по каменному полу и я переместился на несколько дюймов в сторону.

— Ты скоро проснешься, — предупредил меня Локи. — Но прежде чем выйдешь отсюда, прошу тебя внять моему совету.

Печенье кончилось. Он скомкал пустую обертку.

— А у меня разве есть выбор? — Я явно не мог никуда от него деться, пока не кончится сон.

— Меч Лета, — продолжил Локи. — Отец твой увидел с этого трона то, что его обрекло. Он отдал меч. Им завладел его слуга и посыльный Скирнир.

Воображение тут же перенесло меня на мост Лонгфелло. Я держу в руках меч, и он мне словно пытается что-то сказать.

— Дядя Рэндольф мне говорил про Скирнира, — сказал я Локи. — Какой-то его потомок был среди потерпевших кораблекрушение.

Локи отреагировал на мои слова короткими, но громкими аплодисментами.

— И этот меч пролежал на дне под водой целую тысячу лет в ожидании, когда явится тот, кто имеет на него право.

— Я.

— Именно, — кивнул Локи. — Но ты не единственный, кто им может воспользоваться. Норны нам рассказали о наших судьбах. Фрей! Бедный Фрей! Он сделал свой выбор, и теперь ему предстоит погибнуть от собственного меча в руках Сурта. Лорд Огненных Гигантов сразит им его.

Меня пронзила острая боль между глаз. Точно в том месте, куда мне на поле боя вонзил свой топор из костяной стали эйнхерий с пластырем на глазу.

— Вот почему Сурту так позарез нужен мой меч. Он готовится к Рагнароку?

— И не просто готовится, — ответил мне Локи. — Меч позволит ему создать цепь событий, из-за которых последняя битва наступит гораздо раньше. Если ты не сумеешь остановить его, то через восемь дней он разрубит пути на моем сыне Волке.

— На вашем сыне? — От рук моих пошел пар, перед глазами возникла густая завеса тумана. Даже та малость, которая мне была об этом известна, противоречила... — Погодите! — воскликнул я. — Но вы же по предсказанию тоже должны в Рагнарок биться против богов!

— Да. Только вот выбор это не мой, а богов. Судьба, Магнус, дело такое. Даже если мы в целом не можем ее изменить, то вполне способны менять детали. Это способ, которым мы против нее восстаем и оставляем след. Вот и думай, что выберешь.

Локи вдруг замигал, как перегорающая лампочка. Перед моими глазами на миг промелькнула картинка: он лежит распятый на камне, запястье его и щиколотки крепко связаны какими-то склизкими веревками, а тело корчится от невыносимой боли. Затем я увидел его на больничной койке. Над ним, положа ему нежно руку на лоб, склонилась женщина-врач. Она выглядела как повзрослевшая копия Сэм. Густые темные кудри выбились из-под косынки. Губы тревожно поджаты.

Я снова увидел Локи на троне. Он старательно стряхивал крошки печенья с футболки.

— Я не стану тебе давать указаний, что делать, Магнус, — проговорил он. — В этом и заключается разница между мной и богами. Задам тебе только один вопрос. Когда у тебя появится шанс сесть на трон Одина, а этот день близок, решишься ли ты искать, чего жаждет твое сердце, если тебе при этом будет известно, что после тебя ожидает совсем незавидная участь? Последуешь ли примеру отца? Подумай об этом, сын Фрея, и, возможно, мы это еще обсудим с то-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

бой, если тебе удастся выжить в течение следующих восьми дней.

Локи исчез. Обе жаровни вдруг взорвались. Горящие угли взлетели к помосту. Трон Одина всыхнул огненным смерчем. Облака превратились в клубы вулканического пепла. Из дыма над полыхающим тронem появились два красных горящих глаза.

— Ты! — огнеметом омыл меня голос Сурга. — Не воображай, будто смог со мной справиться. Ты лишь чуть-чуть меня задержал и заслуживаешь за это мучительной смерти навечно.

Я попытался ответить ему, но от жара даже не мог дышать, а губы мои потрескались и пошли волдырями.

Сурт зашелся раскатистым смехом.

— Волк считает, что от тебя еще может быть польза, но я с ним не согласен. Когда мы встретимся снова, ты, сын Фрея, сгоришь. Тебе вместе с твоими друзьями будет оказана честь стать моим фитилем. От вас займется огонь, который сожжет все Девять Миров.

Дым стал сгущаться. Я больше не мог ни дышать, ни видеть, ни двигаться.

Вдруг веки мои распахнулись. Я, шумно втянув в себя воздух, сел. Сурт исчез. Я сидел на кровати в собственном номере. Осторожно дотронулся до лица. Оно не горело, губы были в порядке, топор, торчавший во лбу, исчез, все мои боевые раны — тоже.

Тело, однако, было напряжено и вибрировало от тревоги. Словно меня сморил сон на железнодорожной насыпи и рядом процесся экспресс.

Сон начал блекнуть, стираться из памяти. Я попытался, пока не поздно, зафиксировать наиболее важное из него. Трон Одина. Локи с печеньками. Волк — сын Локи. Угроза Сурга сжечь все Девять Миров. Все это вызывало во мне куда больше боли, чем втесавшийся посреди лба топор.

От размышлений меня отвлек громкий стук в дверь номера.

Решив, что это кто-то из моих новых друзей, я вскочил с кровати, подбежав, распахнул рывком дверь и оказался посреди носу с Гунилой. Только в этот момент до меня дошло, что стою перед нею в одних трусах.

— Ой! — вырвалось у нее.

Лицо валькирии стало пунцовым. По нему заходили желваки.

— Капитан Горилла! — воскликнул я. — Какая честь!

Она уже приходила в себя. Рот захлопнулся, глаза, как обычно, подернулись льдом.

— Магнус Чейз, я... — Она замялась, а потом быстро проговорила: — Ты немыслимо быстро восстановился.

Я догадался, что она не ждала меня здесь застать. Но в таком случае зачем было стучаться?

— Это считается быстро? Я, знаешь ли, как-то скорость не замерял.

— Очень. — Она глядела мимо меня в глубь номера, возможно, пытаясь что-нибудь там обнаружить. — Кстати, до обеда еще два часа. Может, я проведу пока тебя по отелю, раз твою валькирию уволили?

— Точнее, ты сделала так, чтобы ее уволили, — решил внести ясность я.

Она развела руками.

— Наши судьбы определяют норны, а я ими не управляю.

— Очень удобно. — Мне тут же вспомнились слова Локис: «Судьба, Магнус, дело такое. Даже если мы в целом не можем ее изменить, то вполне способны менять детали. Это способ, которым мы против нее восстаем». — Ну и что же насчет меня? — спросил я Гунилу-Гориллу. — Ты... то есть норны решили мою судьбу?

Гунилла нахмурилась. Было заметно, что она сильно напряжена. Ее что-то явно тревожило, а может, даже пугало.

— Сейчас твою ситуацию обсуждают таны, — сообщила она, отстегнув от пояса связку ключей. — Давай-ка пройдемся по отелю, а заодно и поговорим. Если я стану лучше тебя понимать, то, возможно, дам танам ответы от твоего имени.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Твое право, конечно, предстать перед ними лично. Может, тебя ждет удача, а может, таны приговорят тебя на несколько столетий к работе посыльным или к мытью тарелок на кухне.

Мне не сильно хотелось провести эти два часа с Гунилой, однако обзорный тур по отелю мог оказаться полезным. Вдруг я смогу обнаружить выходы или еще что-нибудь важное? К тому же после такого сна мне не очень хотелось быть в одиночестве.

Ну и, конечно же, я весьма живо представил себе, сколько тарелок придется мыть каждый день после трех смен обеда в «Трапезной павших героев».

— Пойдем, — согласился я. — Только сперва мне, наверное, все-таки нужно одеться.

Глава XXI

СМЕШНО, НО НЕ ОЧЕНЬ, ЧТО ПО ГУНИЛЛЕ ТОЖЕ ВНЕЗАПНО ОГНЕМ ЗАЛЕПИЛИ

Я понял, что для Вальгаллы стоило бы запастись джипис-навигатором. Даже Гунилла то и дело путалась в бесчисленных коридорах, холлах, садах и гостиных.

Мы ехали в лифте. Когда он остановился, она объявила:

— Сейчас попадем в ресторанный дворик.

Двери раскрылись, и нас приняла в свои удушающие объятия стена огня.

Сердце мое подпрыгнуло к горлу. Сурт! Он нашел меня! Гунилла с истошным воплем отпрянула в глубь кабины. Я начал осатанело бить наугад по кнопкам. Двери захлопнулись. Лифт тронулся. У Гуниллы горел подол платья. Каким-то образом мне удалось сбить огонь.

— Ты в порядке? — хрипло выдохнул я, потому что меня самого все еще колотило.

Руки Гуниллы покрылись пятнами дымящихся ожогов.

— Это все заживет, — морщась от боли, отозвалась она. — А вот самолюбие — нет. Непростительная ошибка с моей стороны. Мы попали не в ресторанный дворик, а в Муспелльхейм.

«Уж не Сурт ли направил сюда нашу маленькую экскурсию?» — мелькнуло у меня подозрение. Правда, я допускал и другое: возможно, вальгалльский лифт просто сам по себе иногда открывает двери в мир огня. Не знаю, какое из двух этих предположений меня сильнее тревожило.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Гунилла не жаловалась, но я понимал, как ей больно. Сидя возле смертельно раненной Мэллори Кип, я отчетливо чувствовал, что у нее пострадало и как мог бы помочь ей, окажись у меня тогда больше времени.

Я опустил на колени перед валькирией.

— Давай-ка попробую.

— Ты что это собираешься...

Не трата попусту слов, я коснулся ее плеча. Пальцы мои пылесосом начали втягивать жар из кожи Гуниллы. Красные пятна бледнели на глазах. Ожогов как не бывало. Ни на ее руках, ни на кончике носа.

Гунилла гарщилась на меня с таким изумлением, словно на голове у меня вдруг выросли рога.

— Как ты сумел? — ошарашенно пробормотала она. — И на самом тебе ни одного ожога.

— Понятия не имею. — пожал я плечами. Голова у меня от усталости стала кружиться. — Вот просто так у меня получается. Может быть, в результате здорового образа жизни.

Я попытался подняться с колен, но тут же упал.

— Сбавь обороты, сын Фрея, — схватила она меня за руку.

Двери лифта снова раскрылись. На сей раз он и впрямь остановился в ресторанном дворике. Кабина тут же наполнилась запахами жареной курицы под лимонным соусом и пиццы.

— Проходим не останавливаясь, — скомандовала Гунилла. — Твоей голове от прогулки должно полегчать.

Мы начали пробираться через проходы между столиками, приковывая удивленные взгляды присутствующих. Я ковылял, опираясь на Гуниллу, платье которой было все в дырах и по-прежнему продолжало слегка дымиться.

Миновав ресторанный дворик, Гунилла свернула в коридор; вдоль него протянулись конференц-залы, в одном из которых какой-то тип в кожаных латах с заклепками проводил для дюжины воинов презентацию в пауэрпойнте, рассказывая о слабостях горных троллей.

Несколькими дверями дальше группа валькирий в блестящих разноцветных бумажных колпачках устроила по-

сиделки с тортом и мороженым. Судя по свечке с цифрой пятьсот, стоящей посередине стола, собрались они по поводу юбилея одной из присутствующих.

— Со мной уже вроде полный порядок, — высвободился я из цепкой хватки Гуниллы. — Спасибо.

И действительно, сделав несколько самостоятельных шагов, я смог устоять на ногах.

— Твоя способности поразительны, — явно никак не могла прийти в себя от изумления Гунилла. — Фрей — бог изобилия, плодородия, роста и жизнеспособности. Это многое объясняет в тебе. Но я никогда еще не встречала эйнхерия, который с такой быстротой исцеляется после смертельных ранений и умсет столь же быстро исцелять других.

— Сам удивляюсь, — честно ответил я. — Совсем недавно еще у меня со всяким лечением было не очень. Даже пластырь из упаковки с большим трудом доставал.

— А твой иммунитет к огню? — задала новый вопрос капитан валькирий.

Я, делая вид, что сосредоточенно изучаю узор на ковре, на самом деле соразмерял каждый свой шаг, чтобы снова не рухнуть. Слабость была еще жуткая. Будто я не Гуниллу лечил каких-нибудь пять минут, а перенес тяжелую пневмонию.

— Вряд ли это иммунитет, — не хотелось мне врать. — На самом-то деле я раньше не раз обжигался. Наверное, у меня просто другая граница переносимости экстремальных температур. Что холода, что жары. Вот на мосту Лонгфелло я тоже ведь шагнул в стену огня. Но это так, пустяки, — мне вспомнилось, как Гунилла подредактировала видеорепортаж. — Ты сама все видела.

Она, похоже, не уловив иронии, погладила один из своих молоточков. Так обычно, о чем-то думая, люди рассеянно потрепывают по шерстке притулившегося под боком котенка.

— Возможно, сначала миров было только два, — сказала она. — Мусселльхейм и Нифльхейм. Огонь и Лед. Между этими полюсами возникла жизнь. Фрей — бог умеренных климатов и идеальных условий для роста плодов. Он — воплощение золотой середины. Возможно, этим и объясня-

ется твоя стойкость к крайним температурам. Впрочем, не знаю, — чуть повела головой она. — Я очень давно уже не встречала детей Фрея.

— Нас что, не берут в Вальгалду? — поинтересовался я.

— Ну почему же. У нас живут несколько детей Фрея из прежней жизни, — отозвалась она. — Короли Швеции, к примеру, его потомки. Но за несколько последних столетий новых поступлений не было. Во-первых, Фрей — ван.

— А это плохо? Сурт, по-моему, обозвал меня ваном.

— На мосту был не Сурт, — поджала губы она. Судя по ее виду, она собиралась затеять на эту тему спор, но, сдержавшись, вернулась к тому, о чем говорила: — Не хорошо и не плохо. Просто боги разделены на два племени. Асов и ванов. Асы — боги войны. Это Один, Тор и другие. А ваны по преимуществу боги природы. Это Фрей, Фрея и их отец Ньёрд. Все, конечно, намного сложнее, чем я сейчас тебе говорю, но очень давно между ними началась война. Сражаясь друг с другом, асы и ваны чуть было не уничтожили Девять Миров, но все же сумели вовремя утрясти разногласия, а потом еще и скрепили союз множеством брачных уз, а силу свою объединили против великанов. Только они ведь по-прежнему принадлежат к разным кланам. У некоторых ванов есть в Асгарде дворцы, хотя это и территория богов-асов. И все же их собственный мир — Ванакхейм. Поэтому павшие смертью героя дитя ванов отправляют обычно не к нам, а туда, где правит богиня Фрея.

Кланы. Войны. Два разных мира. Дети ванов и дети асов. Хорошо, что меня анрейдил. Иначе бы мой блок памяти уже завис на вечные времена.

— Ты хочешь сказать, для детей ванов существует другое место, примерно как это, а я просто случайно попал не туда? — уставился я на капитана валькирий. — Может, именно там сейчас моя мама, значит, и мне нужно было...

Гушила крепко схватила меня за руку. Лед в синих ее глазах растопила ярость.

— Правильно, Магнус. Теперь понимаешь, что сотворила с тобой Самира аль Аббас? Павшие потомки ванов долж-

ны отправляться в Фолькванг — место, где правит не Один, а Фрся.

Я глядел на нее, не мигая.

— Ты мог бы попасть туда, уверяю тебя. Скорее всего, все так и случилось бы. Половина погибших уходят к Одину, а половина — к Фрсе. Это часть того самого соглашения, которое положило конец войне богов. Вот сам и подумай, зачем Самира тебя привела сюда? «Выбор сделан был неправильно тобой, был убит не для Вальгаллы тот герой», — процитировала она слова норн. — Самира — дочь Локи, а он — воплощение зла. Разве можно ей доверять?

Ну и что я мог ей ответить? С Сэм мы были знакомы всего ничего, но даже за это короткое время она успела меня к себе расположить. И предок ее, какое бы он там начало ни воплощал, мне тоже вполне понравился.

— Ты уж поверь мне, — усилила натиск Гунилла. — Где тебе догадаться о планах Самире?

— Каких еще планах?

Она усмехнулась, как полицейский, который не сомневается, что тот, о ком он говорит, совершил преступление.

— Ускорить приход судного дня. Чтобы последняя битва началась раньше, чем мы подготовимся. Этого и добивается Локи.

Меня подмывало ей возразить, что Локи хочет как раз обратного. Он стремится изо всех сил помешать Сурту. Меч моего отца не должен попасть к нему в руки. Но мне в последний момент не захотелось ставить Гуниллу в известность об этом, и я просто спросил:

— Если ты так ненавидишь Сэм, то зачем ей позволила стать валькирией?

— Если бы от меня это зависело! — с досадой проговорила она. — Я только руковожу валькириями, а выбирает их Один, и Самира аль Аббас была как раз последней из тех, кого он назначил два года назад при, скажем так, весьма необычных обстоятельствах. С тех пор Всобщий Отец в Вальгалле вовсе не появлялся.

— По-твоему, Сэм убила его?

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Я просто-напросто пошутил, но Гунилла, похоже, к моим словам отнеслась на полном серьезе.

— Думаю, что Самиру ни под каким видом не следовало назначать валькирией, — ответила мне она. — Скорее всего, она шпионит по заданию своего отца, и здесь ей поручена роль саботажницы. Вот почему я очень горда собой. Сумела все-таки сделать так, чтобы ее вышвырнули из сестринства валькирий.

— Ну ничего себе! — вырвалось у меня.

— Магнус, ты просто ее не знаешь, — она крепко стояла на своем. — Здесь был однажды еще один отпрыск Локи и оказался совсем не тем, за кого себя выдавал. Он... — Она осеклась с таким видом, словно ей вдруг наступили тяжелым армейским ботинком на грудь. — Не важно, — резким жестом прогнала она от себя какие-то явно тяжелые воспоминания. — В общем, я поклялась, что больше не дам никому себя обмануть. А цель моя — отодвинуть как можно дальше момент наступления Рагнарока.

В ее голосе вновь послышался страх. Странно для дочери бога войны.

— Зачем же отодвигать-то? — удивился я. — Мне казалось, что все вы, наоборот, его с нетерпением ждете. Вон как готовитесь. Будто к большому выпускному балу.

— Я должна тебе кое-что показать. Может, тогда поймешь. Пройдем через магазин подарков.

Я ожидал, что она приведет меня в небольшой магазинчик, где в застекленной шикарной витрине выставлены вальгалльские сувениры, а оказались мы с ней в пятиэтажном универмаге, совмещенном с торгово-выставочным центром. Гунилла провела меня сквозь супермаркет, бутик одежды, сшитой согласно последнему крику викинговской моды, и магазин «Икея», который, как выяснилось, присутствовал даже здесь.

Большая часть этажа шоу-румов представляла собой лабиринт киосков разной величины и мастерских, в которых чего только не делали и чем только не торговали. Бородастые кузнецы в фартуках, стоя возле пышущих жаром горнов,

предлагали желающим бесплатные образцы наконечников для стрел. Торговцы предоставляли самый широкий ассортимент щитов, арбалетов, копий, шлемов и кубков. В лавочках покрупнее продавались полноразмерные судна. Я похлопал ладонью по корпусу шестифутового боевого корабля. Размерами он сильно превосходил мою ванну.

— В Вальгалле есть несколько рек и озер, — просветила меня моя провожатая. — А на двенадцатом этаже расположена школа «Уайтуотер», в которой учат управлять плотами. Эйнхериям необходимо владеть навыками не только наземного, но и водного боя.

Я увидел манеж, где стояла на привязи дюжина лошадей.

— Разве по коридорам можно ездить верхом? — перевел я взгляд на Гуниллу.

— Конечно, — кивнула она. — Мы дружелюбны к домашним животным. Но ты обратил внимание, Магнус, как здесь мало оружия?

— Издеваешься? Тут его уйма! — взвыл я.

— Не для Рагнарока, — твердо произнесла она. — Для него недостаточно.

Мы с ней двинулись по проходу, где торговали разной древнескандинавской ерундой, пока путь нам не преградила дверь с надписью «Служебный вход только для персонала».

Гунилла вставила в замок один из своих ключей.

— Я это мало кому показываю, — проговорила она доверительным тоном. — Чересчур уж тревожно.

— Войдем еще в одну стену огня? — не испытал я особого воодушевления от подобной перспективы.

— Хуже, — бросила она мрачно.

Дверь вывела нас на лестницу. Вверх, вверх и вверх. К тому времени, как мы вышли на узенький балкончик, я давно уже потерял счет пролетам, а мои апгрейденные для новой жизни ноги подгибались, как переваренные лингвини.

— Мой самый любимый вид, — простерла Гунилла руку в открывшееся с балкончика пространство.

Мне было не до ответа. Справиться бы с головокружением. Балкон выступал из отверстия в крыше над «Трапезной

Павших Героев». Верхние ветви дерева Лерад нависали над нами зеленым куполом величиной с космический корабль «Земля» из Парка Диснея в Энкоте. Далеко внизу я видел, как служащие гостиницы суетятся вокруг столов, накрывая к обеду. С такой высоты они казались деловитыми термитами в муравейнике.

Под внешней стороной балкончика спускалась покатая крыша Вальгаллы, покрытая не черепицей, а золотыми щитами, которые под лучами закатного солнца сияли красным огнем. Будто металлическая планета, только что выплывшая из кузницы исполина и еще не успевшая даже остыть.

— Почему же ты этого не показываешь? — наконец обрел я дар речи. — Страшновато, конечно, но ведь и прекрасно.

— Подойди-ка сюда, — поманила меня Гунилла в ту часть балкончика, откуда открывался вид вниз за пределы отеля.

Глаза мои чуть не вылезли из орбит. До этого мне вдарило так по мозгам лишь однажды в шестом классе, когда учитель естествознания устроил нам лекцию с презентацией о размерах Вселенной. Он объяснил сперва, как огромна Земля. А потом сказал, что она просто крохотная по сравнению с Солнечной системой. А Солнечная система — крушинка, если ее сопоставить с Галактикой. И так далек и тому подобное, пока я не начал себя ощущать пылинкой в подмышке блохи.

На все четыре стороны от Вальгаллы простирался до самой линии горизонта Город Дворцов, в котором каждое здание было столь же огромным и впечатляющим, как наш отель.

— Астард, — замороженно проговорила валькирия. — Край богов.

Крыши из цельных серебряных слитков. Двери из бронзы с чеканкой такого размера, что в них без труда мог влететь бомбардировщик Б-1. Монументальные каменные башни, возносящиеся в облака. Вымощенные золотой брусчаткой улицы. Сады, каждый площадью с Бостонский порт. Белокаменная громада валов, окаймляющих город. Поставь рядом с ними Великую китайскую стену, она показалась бы детским манежиком.

Главная улица города доходила до самых ворот в одной из этих гигантских стен, а за ними вздымалась огромным мостом, который сиял и переливался радужным светом.

— Биврёст, — пояснила валькирия. — Путь из Асгарда в Мидгард.

Мост этот был мне знаком все по той же моей детской книжке. Художник изобразил его в таких мило-пастельных тонах. Чудненькое уютное место радугой-дугой, возле которого радостно скачут счастливые кролики. Надо же так наврасть. На самом-то деле кроликов вовсе не наблюдалось. Не только счастливых, но даже несчастных. Мост поблескивал в пустоте и выглядел не заманчиво, а скорей устрашающе. Да и на радугу походил не больше, чем ядерный взрыв на гриб.

— Только богам доступно переходить по нему, — сказала Гунилла. — Все остальные сгорят, едва только на нем окажутся.

— Но ведь мы же в Асгарде, — возразил я.

— Потому что мы никуда не переходили, — внесла ясность Гунилла. — Вальгалла — один из дворцов Одина. Вот почему айнхерии в ней и бессмертны.

— То есть туда можно запросто прошвырнуться, поторговать, как девочки-скауты, у дверей печеньем, и все дела?

Гунилла поморщилась, словно я совершил святотатство.

— Неужели даже Асгард у тебя не вызывает почтения?

— А должен?

Она презрительно вынятила губу.

— Никому из нас не дозволено посещать Город Богов без специального разрешения Одина. Так будет до самого наступления Рагнарока, когда мы выступим на защиту вот этих ворот.

— Но ты-то, паврное, можешь туда летать? — предположил я.

— Ни ходить, ни летать нельзя, — отрезала она. — А если попробую, упаду камнем с неба. Ты, Магнус, все же чего-то не понимаешь. Погляди-ка на город внимательно. Что ты заметил?

Я огляделся, стараясь на сей раз не обращать внимание на блеск серебра и золота и величественную архитектуру. В одном окне мне бросились в глаза занавески. Если они и были когда-то роскошными, то теперь от них остались одни лохмотья. Жаровни вдоль улиц стояли холодные. Видно было, что в них давно уже не разводили огонь. Статуи в одном из садов заросли кустарником. А главное, улицы были пусты и ни одно из окон в домах не светило.

— Где же все? — повернулся к Гунилле я.

— Вот именно, — кивнула она. — Нekomу тут у дверей предлагать печенье.

— Хочешь сказать, что богов здесь нет?

Гунилла какое-то время не отвечала. Свет закатного солнца тускло поблескивал на ее молоточках.

— Кто из них дремлет, — наконец нарушила она молчание. — Кто бродит по Девяти Мирам, а кто еще время от времени появляется. Понимашь, нам неизвестно, что происходит. Я в Вальгалле уже пятьсот лет, но никогда раньше не видела, чтобы боги были такими тихими и бездеятельными, как в последние два года... — Она сорвала листок с низко склонившейся ветви Лерада. — Два года назад произошли какие-то перемены. Валькирии-то начинают такое чувствовать раньше других. Границы между Девятью Мирами стали слабеть. Ледяные и огненные великаны начали проникать в Мидгард куда чаще, чем прежде. Монстры из Хельхейма врываются в миры живущих. А боги словно отстранены от всего и помалкивают. И началось это как раз с той поры, как Самира стала валькирией. Тогда мы в последний раз и видели Одина, а у тебя погибла мама.

Над нашими головами закружил ворон. К нему почти тут же прибавились еще двое. Мама любила шутить по этому поводу: «Если хищные птицы преследуют нас в походе, значит, им кажется, будто мы умерли. Ну-ка, Магнус, станцуй им скорее!»

В данный момент мне было совсем не до танцев. Я бы скорей задулил в этих тварей Гуниллиными молоточками.

— Считаешь, что эти события связаны? — спросил я ее.

— Я знаю одно, -- ушла от прямого ответа она. — Мы к Рагнароку пока не готовы. И как раз в этот момент, когда мне это стало ясно, появляешься ты, а норны тебя называют Харбингером Волка. Разве такое может не настораживать, Магнус? Вполне вероятно, Самаира годами тебя выслеживала, ожидая момента, когда ей удастся тебя внедрить в Вальгаллу.

— Внедрить? Меня?

— Эти двое твоих друзей на мосту, — словно не слышала моего изумленного вопля Гунилла. — Они ведь приглядывали за тобой с тех самых пор, как ты превратился в бездомного. Ты убежден, что они с ней не были в одной связке?

— Ты про Блитца и Хэрта? Да они ведь тоже бездомные. Понимашь, просто бездомные.

— Да неужели? — не впечатлилась моими доводами Гунилла. — А тебе самому не кажется странным, зачем им понадобилось так тщательно опекать тебя?

Она взяла меня за руку.

— Магнус, я правда сперва не поверила. Но если действительно на мосту был Сурт, а тебе удалось найти Меч Лета... — Гунилла глубоко вдохнула и выдохнула. — Это знак, что тебя используют силы зла. Если Самаира просила тебя найти меч, то тебе не надо его искать. Оставайся в Вальгалле, и пускай таны разбираются с предсказанием норн. Поклонись именно так и сделать, и я обещаю тебе замолвить словечко перед танами. Попытаюсь внушить к тебе доверие.

— Я правильно понял, что дальше ты скажешь «или»?

— Нет, я сказала все, что хотела. К завтрашнему утру таны должны объявить решение. Если ты не внушишь доверия, нам придется принять меры предосторожности. Нам нужно знать, на чьей стороне.

Я поглядел на пустынные золотые улицы. Сэм аль Аббас, поставив на кон карьеру, протащила меня сюда сквозь холодную пустоту, потому что поверила, что я храбрый. «У тебя есть потенциал, Магнус Чейз», — сказала она. Ей не хотелось, чтобы я что-то сделал или сказал не так. Опасалась, как бы ее решение не сочли ошибкой. Но Гунилла отредак-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

тировала видеоролик со мной, и Сэм из-за этого испарили прямо из «Трапезной Навших Героев». Так где злые силы?

Я вырвал руку.

— Ты ведь сказала, что Фрей занимает позицию между огнем и льдом. Так, может, и мне совсем не нужны крайние варианты. Зачем же тогда выбирать чью-то сторону?

Эмоции на лице Гуниллы словно выключились.

— Я могу быть опасным и сильным врагом, Магнус Чейз, — холодно проговорила она. — Запомни мои слова: если ты станешь способствовать планам Локи приблизить Рагнарок, я тебя уничтожу.

Не скажу, чтобы я воспринял ее угрозу спокойно. Внутри у меня все начало трепыхаться. Но, взяв себя в руки, я сумел, поймав ее взгляд, ответить вполне ровным голосом:

— Я это буду держать в уме.

Сигнальный гори призвал постояльцев к обеду.

— Экскурсия окончена, — объявила Гунилла. — С этого мига я тебе больше не советник и не наставница.

И, перепрыгнув через перила, она полетела сквозь ветви вниз.

Я остался один. Теперь надо было как-то найти дорогу обратно, а, как вы, наверное, помните, джипис-навигаторами в Вальгалле не снабжали.

Глава XXII

МОИ ДРУЗЬЯ ВЫПАДАЮТ ПРЯМО ИЗ ДЕРЕВА

К счастью, растерянно ища выход из СПА на двенадцатом этаже, я столкнулся с одним дружелюбным берсерком. Ему как раз только что сделали педикюр для джентльменов.

— То, что ты воин и убивасянь, еще не повод отпугивать окружающих жутким видом и запахом своих ног, — заявил он по этому поводу мне.

Он был просто счастлив, что может проводить меня кратчайшим путем до лифтов.

В «Трансзной Павних Героев» обед к моему прибытию уже был в разгаре, но я весьма быстро сориентировался на Икса, которого даже среди такой уймы народа было хорошо видно, и вскоре благополучно уселся за стол рядом со своими соседями по коридору девятнадцатого этажа.

Мы стали обмениваться впечатлениями об утренней битве.

— Слышал, ты применил эльфсейдер, — сказал Хафборн. — Неслабо.

Я не сразу врубился, о чем он. Экскурсия с Гуниллой вытеснила у меня из памяти удар ступком энергии, которым мне удалось выбить из рук нападавших оружие.

— Ну, что-то такое я сделал, — наконец пробормотал я. — Кетати, а что конкретно означает эльфсейдер?

— Эльфсейдер, или волшебство эльфов, — это такое подлое колдовство в стиле ванов, которое недостойно настояще-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

го воина, — ткнула меня кулаком в плечо Мэллори. — Знаешь, ты мне теперь куда больше нравишься.

Я улынулся скорей машинально, чем искренне, ибо полностью озадачился в этот момент вопросом, каким образом смог овладеть волшебством эльфов. Эльфов в моей родне вроде не было. Но крайние температуры я, тем не менее, переношу с легкостью. Интересно, Гуниллу я от ожогов тоже избавил эльфсейдером? Может, причина в том, что Фрей мой отец? Но он-то как с эльфами связан?

От дальнейших размышлений меня отвлек Ти Джей.

— Поздравляю с успешным взятием высоты!

— А я с тем, что сумел больше пяти минут оставаться живым, — радостно подхватил Икс.

Было отлично себя почувствовать полноправным членом команды, но я слушал их разговоры вполуха. Голова моя по-прежнему была занята жутковатым сном и прогулкой с Гуниллой.

Она сидела сейчас за главным столом и время от времени принималась что-то нашептывать Хельги, а тот при этом косился на меня и хмурился так свирепо, что я ожидал: сейчас подзовет к себе и заставит на пару с Хундингом чистить ему виноградины. Но нет, не позвал. Видимо, собирался изобрести для меня какое-нибудь наказание поинтересней.

А у меня не выходило из головы Гуниллино предупреждение. Если ей верить, таны завтра же утром примут против меня меры предосторожности.

В конце обеда состоялось торжественное приветствие еще нескольких новичков. Видеорепортажи об их деяниях полностью соответствовали всем требованиям героизма. Норны не появлялись. Валькирий не увольняли. И никому не стреляли в задницу игрушечными пищащими стрелами.

Когда все окончилось и эйнхерии толпами повалили наружу, Ти Джей ободряюще хлопнул меня по плечу.

— Отдыхай хорошенько и набирайся сил. Завтра тебя ожидает еще одна славная смерть.

— Гип-гип-ура, — вялоотреагировал я и вернулся к себе.

Заснуть, однако, не получилось. Я бродил по номеру, как зверь в клетке. Мне не давало покоя, что утром решится моя судьба. Оптимизма по этому поводу у меня не было никакого. Видел уже, какие мудрые решения выносят таны, когда они выгнали Сэм.

Но мне-то что теперь делать? Отправиться по отелю, набум открывая каждую дверь в надежде найти путь к прежней жизни? Но даже если я отыщу ее, где гарантия, что меня оставят в покое и дадут вернуться к роскошному существованию бездомного? Гунилла, или Сурт, или еще какая-нибудь другая древнескандинавская мерзость могут запросто меня выследить.

Мы должны знать, на чьей ты стороне, сказала Гунилла. Но почему я должен принимать чью-то чужую сторону, а не оставаться на своей собственной! Мне вообще не хотелось вмешиваться в судный день викингов. Впрочем, не поздновато ли спохватился? Мама погибла два года назад. И примерно тогда же в Девяти Мирах начала твориться какая-то нехорошая ерунда. Учитывая мою везучесть, два эти события наверняка связаны. И если я хочу найти маму и выяснить, что с ней случилось, нельзя удирать и, как прежде, прятаться под мостом. Ну а в Вальгалле-то много выяснишь, долбя иностранные языки и пялясь на презентации в пауэрпойнте о слабости горных троллей?

Так вот непродуктивно я и размышлял всю ночь напролет.

К пяти утра, окончательно утратив надежду на сон, я отправился в ванную и умылся. На вешалке обнаружили свежие полотенца. Дыру в стене заделали. «С помощью волшебства? — задумался я. — Или какому-нибудь бедняге, приговоренному танами на столетия заниматься такими работами, пришлось штукатурить и красить? Вот, может, и мне уже завтра придется заняться чем-то подобным».

Я прошел в атриум. Сквозь кроны деревьев ярко светили звезды. Интересно, небо какого мира мне видно и какие со-звездия?

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Ветви вдруг закачались. Из листвы с треском и шорохом вылетело нечто, напоминающее силуэт человека, и приземлилось с пугающим хрустом у моих ног.

— Ой! — взвыло оно, потирая левую руку. — Вот дурацкая гравитация!

Я изумленно вытаращился. На земле, испуская стоны, валялся мой старый приятель Блитц.

Не успел я прийти в себя, на траву тихо приземлилось еще одно человекообразное, которое оказалось Хэртом, как всегда облаченным в черную кожу и полосатый шарф.

— Привет! — воскликнул он на языке жестов.

Я продолжал не мигая смотреть на них. Откуда они? Каким образом... Рот мой растянулся в счастливой улыбке. Никогда в жизни еще не был так рад кого-нибудь неожиданно увидеть.

— Рука! — вопил Блитц. — Она сломана!

— Не паникуй. — Я опустился перед ним на колени и попробовал сконцентрироваться. — Думаю, мне удастся ее срастить.

— Думаешь? — переспросил он.

— Ой, тебя что, обновили? — только сейчас разглядел я.

— Ты о моем внешнем виде?

— Ну да. — Я ни разу не видел Блитца так потрясающе выглядящим.

Вечно лохматые волосы были вымыты и аккуратно зачесаны назад. Борода подстрижена. Кроманьонские сросшиеся брови аккуратно выщипаны. Косметологи обошли вниманием только его зигзагообразный нос, который остался прежним.

Одежда на нем поселила во мне подозрение, что он ограбил несколько дорогих бутиков на Ньюберри-стрит. Сапоги из кожи аллигатора. Черный костюм идеально подогнан к его упитанному коренастому телу и замечательно гармонирует с его смуглой кожей. Из кармашка антрацитового жилета с рисунком пейсли выглядывают часы на золотой цепочке. И как завершение этого стильного образа — бирюзового цвета рубашка и узенький, словно филиппинский

пож боло, галстук. Ну прямо этакий низкорослый лихой и холерный афроамериканский ковбой, зарабатывающий на жизнь заказными убийствами.

Я изумленно глядел на Блитца, пока Хэрт, привлекая мое внимание, не хлопнул громко в ладоши. Я повернулся к нему.

— Руку-то починил? — тут же осведомился он на языке жестов.

— Ой, извини.

Я с осторожностью прикоснулся ладонью к предплечью Блитца, немедленно ощутив, в каком именно месте сломана кость, сконцентрировался. Раздался щелчок. Блицт завонил, но тут же затих.

— Попробуй подвигать рукой, — велел ему я.

Блицт послушался и, пораженный, воскликнул:

— Сработало!

Хэрт выглядел еще более потрясенным.

— Волшебство? Каким образом? — знаками спросил он.

— Сам удивляюсь, — не стал скрывать я. — Ребята, я жутко вам рад, но все же не понимаю, как это вы вывалились из моего дерева?

— А так. Искали тебя, сынок, — отозвался Блицт. — И последние двадцать четыре часа излазили с этой целью все Мировое Дерево. Прошлой ночью нам показалось, что и нашли, но...

— Думаю, так и было, — перебил его я. — Перед рассветом в ветвях шуршало.

— Ну вот. Говорил же тебе, что это правильная комната! — посмотрел укоряюще Блицт на Хэрта.

Хэрт, закатив глаза, принялся жестикулировать с такой скоростью, что я не успевал прочесть.

— Ой, только не надо! — воскликнул Блицт. — Твоя идея, моя идея. Какая разница. Главное, в результате мы здесь и Магнус жив. Вернее, технически он, конечно, мертв, — спохватился он, — но в то же время все-таки жив, а значит, можно теперь надеяться, что босс не убьет нас.

— Босс? — насторожился я.

У Блитца задергался глаз.

— Вынуждены тебе признаться...

— Вы, значит, прикидывались бездомными, — вновь перебил его я. — Один из танов вчера увидел вас на видео и...

— Видео? — жестом переспросил Хэрт.

— Ага. «Глазами валькирии». Так вот, этот тан назвал вас гномом и эльфом. Гном, — повернулся я к Блитцу, — видимо, ты?

— Ох, как это типично, — проворчал он в ответ. — Счесть меня гномом только на том основании, что я невысок ростом.

— Имеешь в виду, ты не гном? — смутило меня его заявление.

— Да нет, — вздохнул он. — Гном и есть.

— А ты, значит... — Я какое-то время молча глядел на Хэрта, не в силах договорить. Нас связывали с этим парнем два года дружбы. Он меня научил ругаться на языке немых. Мы вместе ели из помойки бурритос. Может ли на такое сподобиться эльф?

— Э-ль-ф, — прожестикуюлировал по буквам он.

— Не сильно же, братцы, вы отличаетесь от обычных людей, — заметил я.

— Ну, просто люди мало чем отличаются внешне от гномов и эльфов. Кстати, эльфов в глубокие давние времена называли альфами, — внес уточнение Блитц.

— Невероятно, что о таком говорю, но ты недостаточно мал для гнома, — сопоставил я мысленно Блитца с образами из разных сказок. — Скорее сойдешь за обычного невысокого человека.

— Что я успешно и делал в течение последних двух лет, — не без гордости констатировал он. — Но да будет тебе известно, гномы, так же как люди, бывают самого разного роста. Вот я, например, свартальф.

— Сваренный эльф? — одолел меня смех.

— Прочисти уши, сынок, — кинул Блитц на меня обиженный взгляд. — Свартальф — темный эльф из Свартальфахейма.

— Но ты же только что называл себя гномом, — напомнил я.

— Темные эльфы по сути не совсем эльфы, сынок, — снова заговорил Блитц. — Это название некорректно. Мы — подвид гномов.

— Это здорово все для меня проясняет, — вновь засмеялся я.

На губах Хэрта возник намек на улыбку, что в его случае равносильно дикому хохоту, и он продемонстрировал несколькими выразительными жестами, как вытаскивает из кастрюльки сваренного эльфа.

Блитц с подчеркнутым равнодушием шутку друга проигнорировал.

— Свартальфы обычно выше ростом, чем среднестатистический нидавеллирский гном. К тому же мы записные красавцы. Но речь в данный момент о другом, — несколько стусевался он. — Мы с Хэртстоуном прибыли, чтобы помочь тебе.

— Хэртстоуном?

Я решил, что Блитц просто оговорился, но Хэрт энергичным кивком и жестами подтвердил:

— Таково мое полное имя, а его, — указал он на Блитца, — полностью зовут Блитцен.

— Сынок, у нас мало времени, — заторопился вдруг подвид гнома. — Мы два года приглядывали, чтобы с тобой ничего не случилось.

— По приказу босса? — полюбопытствовала я.

— Верно.

— И кто же ваш босс? — не отставал я.

— Ну, это закрытая информация, — ушел от ответа Блитц. — Но он из хороших ребят. Возглавляет нашу организацию, цель которой как можно дольше отсрочить наступление Рагнарока. Ты же, мой друг, был самым важным проектом босса.

— Ну-у, наверное, вы работаете на Локи, — предположил я.

Блигц с возмущением вскинул голову, а Хэрт жестом изрек самое сильное и забористое из ругательств, которым меня научил.

— Вот уж не заслужили мы от тебя таких оскорблений, сынок. — В голосе Блигца звучала искренняя обида. — Целых два года я каждый день одевался в тряпье бездомного. Личную гигиену, можно сказать, отправил с кошками в Хельхейм. Ты даже представить себе не можешь, сколько времени я был вынужден по утрам лежать в ванне с ароматической пеной, чтобы хоть ненадолго избавиться от кошмарного запаха.

— Ну извини, — поспешил его успокоить я. — Наверное, вы работаете с Самирой. Валькирией.

Хэрт отпустил жестом еще одно смачное ругательство и прибавил к нему:

— С той, которая забрала тебя? Нет уж. Она, наоборот, только нам помешала.

Точнее, я вам сейчас перевел его жесты во что-то логичное, а на самом деле он сказал на своем языке немых следующее: «Она. Взять. Ты. Сделать. Трудность. Нам».

Но мне-то его телеграфная речь совершенно понятна, во всех нюансах.

— Ты не должен был умереть, сынок, — вступил в беседу Блигц. — В нашу задачу входило не довести до этого. Ну а теперь ты эйнхерий. Впрочем, может, у нас еще все получится. Сейчас главное тебя как-то отсюда вытащить, чтобы ты нашел меч. И попрошу не спорить. Я понимаю, ты здесь, считай, как в раю. Все тебе ново, интересно, будоражаще...

— Да хватит тебе, — надоело мне его уговоры. — Пошли. Ничего не имею против. Блигц, я твердо даю согласие, — увидел я, что он приготовился продолжать свою речь.

Он растерянно заморгал.

— Зачем же я столько времени аргументы обдумывал, чтобы тебя убедить?

— Я и без них вполне тебе доверяю.

И, знаете, я не кривил душой.

Пусть даже Блигцен с Хэртстоуном и были профессионалами наружного наблюдения. Пусть приглядывали за

мною в интересах секретной антирагнарокской организации. Пусть их отчаянная атака Лорда Огненных Великанов дешевыми пластиковыми игрушками и объяснялась сугубо служебным долгом. Вполне вероятно, мы с ними действительно относились к разным биологическим особям, но они были рядом на протяжении всей моей бездомной жизни и оказались мне верными друзьями. Такая вот мешанина у меня в жизни.

— Ну что же, тогда... — Блитц тщательно отряхнул травинки с жилета в огурцах. — Нам остается лишь снова вскарабкаться на Мировое Дерево и...

«Гав!» — оглушительно донеслось сверху. Вообразите себе на секунду бостонского терьера, достигшего веса в шесть тысяч фунтов, который поперхнулся костью, и вы поймете, что это был за звук.

Глаза у Хэртстоуна выпучились. Самого звука он слышать не мог, но, видимо, ощутил погами, как завибрировал пол.

— Боги всемогущие! — схватил меня за руку Блитцен, и они вместе с Хэртстоуном спешно выволокли меня из атриума. — Сынок, скажи мне, пожалуйста, ты не знаешь, где другой выход из этого отеля? Деревом-то мы больше воспользоваться не можем.

Новое «гав!» сотрясло комнату. С дерева на пол посыпались сломанные ветки.

— Что там еще такое? — не мог я унять дрожь в коленях. Мне живо вспомнилось предсказание порн, назвавших меня предвестником зла. — Это волк?

— Э-э, нет, — откликнулся Блитцен. — Куда хуже. Там белка.

Глава XXIII

ИДУ НА ПЕРЕРАБОТКУ

Если кто-нибудь скажет вам «Это белка», не задавайте лишних вопросов, а просто бегите. Меня лично один ее лай напугал до дрожи в печенке.

На бегу к двери я подхватил на всякий пожарный казенный вальгалльский меч, хотя сомневался, что мне придется пустить его в ход. Увидев меня с мечом и в зеленой шелковой пижаме с логотипом отеля, любой бы помер от хохота гораздо раньше, чем я успел бы вытащить из ножен свое грозное оружие.

Вылетев в коридор, мы столкнулись с Ти Джеем и Мэллори, явно наспех и кое-как одетыми и с мутными заспанными глазами.

— Что это были за звуки? — хмуро осведомилась у меня Мэллори. — И почему в вашем номере гном и эльф?

— БЕЛКА! — рявкнул Блитцен, со стуком захлопнув за собой дверь.

Хэрт своим способом подтвердил то же самое, весьма ловко изобразив пару челюстей, раздирающих плоть.

Ти Джей дернулся, будто ему неожиданно врезали в челюсть.

— Магнус, что ты сделал?

— Мне обязательно нужно покинуть отель, прямо сейчас, только не останавливайте, — скороговоркой выпалил я.

Мэллори выругалась. Кажется, это было какое-то гэльское бранное слово. Наша маленькая коридорная компания — настоящий ООН по части ругательств.

— Останавливать? — переспросила она. — Да ни за что. Нас, конечно, потом отправят вкалывать в прачечной лет на девять, но мы все равно поможем тебе.

Такое самопожертвование привело меня в полное обалдение.

— Почему? Ты же меня почти не знаешь.

— Достаточно знаю, чтобы понять, какой ты идиот, — свирепо проговорила она.

— Имеет в виду, что соседи по коридору всегда должны защищать друг друга, — быстренько перевел Ти Джей. — Мы прикроем побег.

Дверь моего номера затряслась. От таблички с именем во все стороны потянулись трещины. Копье, украшавшее стену, брякнулось на пол.

— Икс! — проорал Ти Джей. — На помощь!

Дверь номера полутролля не открылась, а просто слетела с петель, и он с такой скоростью вывалился в коридор, словно все это время стоял за ней, ожидая, когда его призовут.

— Да? — коротко бросил он.

— Номер Магнуса. Белка, — был столь же лаконичен Ти Джей.

— Ладно, — кивнул полутролле и, вмиг достигнув трясущейся двери, подпер ее исполинской спиной.

Дверь трещала по-прежнему от мощных ударов изнутри, из номера раздавался осатанелый лай, но Икс стоял твердо.

— В чем дело? — выбрел из своего номера Хафборн Гундерсон. На нем были только боксеры со смайликами, зато в обеих руках он держал по обоюдоострому топору. — Надо убить этих гнома с эльфом? — с готовностью двинулся он к Блитцу и Хэрту.

— Нет! — взвыл Блитцен. — Гнома с эльфом как раз убивать совершенно не надо.

— Они со мной, — поторопился внести ясность я. — Мы уходим.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Белка, — добавил конкретики Ти Джей.

Лохматые брови Хафборна взмыли на орбиту.

— Белка в натуре?

— А то, — подтвердила Мэллори. — Там белка в натуре, а возле меня идиоты в натуре.

По коридору пролетел ворон и, усевшись на лампу, принялся на меня обвиняюще каркать.

— Полны штаны счастья, — сказала Мэллори. — Вороны учуяли вторжение твоих корешей, Магнус. Значит, валькирии долго ждать себя не заставят.

Со стороны лифтов послышался хоровой вой.

— Волки Одина, — сообщил Хафборн. — Удивительно дружелюбные существа, если только не вздумал нарушить границу или покинуть без разрешения отель. В таких случаях они разрывают на части.

Мужества мне слова его не прибавили. Я с трудом подавил желание с ревом удрать и забиться в какой-нибудь дальний угол. Пусть меня лучше лишит жизни белка или кто-нибудь из валькирий. Я даже скорей был готов еще раз получить топор в лоб. Все, что угодно, только не волки! От одной мысли о них ноги мои вдруг стали подкашиваться.

— Блитц, Хэрт, а вы по пути, случайно, какую-нибудь сигнализацию не задели? — дрожащим голосом спросил я.

— Зря думаешь, — укорил меня знаками Хэрт. — Мы обошли три древесных мины.

— Древесные мины? — Я не был уверен, что правильно его понял.

Хэрт кивнул в подтверждение.

— Счастливо, Магнус, — поиграл топорами Хафборн Гундерсон. — Волков я приторможу.

И он со всех ног устремился по коридору навстречу жуткому хоровому вою. Смайлики на его боксерах морщились и кривлялись, а он сам выкрикивал жутким голосом: «Смерть! Смерть!»

Мэллори повернулась ко мне. Щеки ее пылали то ли от радости, то ли от гнева. Поди у нее пойми.

— Я остаюсь с Иксом на случай, если белка все же прорвется, а ты, Ти Джей, веди их срочно на переработку.

— Лады, — кивнул он.

— На переработку? — забеспокоился Блиц, но никто ему ничего не ответил.

Мэллори обнажила меч.

— Не скажу, Магнус, что наша встреча доставила мне удовольствие. Ты настоящий гвоздь в подошве. А теперь вали отсюда по-быстрому.

Дверь моего номера опять содрогнулась. С потолка над ней посыпалась штукатурка.

— Ну, сильна белка! — проорал Икс. — Вы бы лучше поторопились!

Ти Джей приладил к винтовке штык.

— Вперед!

И первым пустился по коридору. На Ти Джея был, как всегда, синий мундир, в данный момент надетый поверх пижамы. Похоже, он даже спал в нем. У нас за спинами слышался волчий вой вперемешку с древнескандинавскими выкриками Хафборна Гундерсона.

На нашем пути распахивались двери. Эйнхериям, видно, хотелось выяснить, что за шум в коридоре, однако, увидев Ти Джея с выставленным вперед штыком, они спешно ныряли обратно в свои номера.

Лево-право, право-лево, — вскоре я окончательно потерял счет поворотам. Мимо нас пролетел со свирепым карканьем еще один ворон. Я попытался врезать ему.

— Не вздумай! — прокричал мне Ти Джей. — Они священны для Одина!

Мы добежали до того места, где коридор разветвлялся надвое, когда послышался резкий оклик:

— Магнус!

Мне зачем-то приспичило обернуться на голос. Слева на нас наступала Гунилла, и в обеих ее руках блестело по молотку.

— Еще один шаг, и я тебя уничтожу! — рявкнула она металлическим голосом.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

Ти Джей обернулся ко мне.

— Сверните еще раз направо, — быстро проговорил он. — Там будет люк, на котором написано «Переработка». Прыгайте прямо в него. Ну же, скорее!

— Но... — медлил я.

— Нет времени, — улыбнулся Ти Джей. — Убей за меня там несколько конфедератов, ну или монстров, или еще какую-нибудь нечисть, которая попадетсЯ.

И, направив свой штык на Гунилли, он с криком: «Бойцы Пятьдесят Четвертого Массачусетского не сдаются!» — пошел на нее в атаку.

Хэрт, схватив меня за руку, устремился вперед. Блицц, обогнав нас, первым заметил люк и рванул на себя крышку с надписью.

— Скорее! Скорее!

Хэрт первым нырнул в крошечную темноту.

— Ты следующий, сынок, — скомандовал Блицц.

Я чуть замешкался. Запах из люка живо напомнил мне жизнь на помойке, и неожиданно уют Вальгаллы показался мне совсем не плох.

Впрочем, очарование длилось недолго. За спиной моей взвыли волки. Они были уже совсем близко, и я сиганул в переработку.

Глава XXIV

У ТЕБЯ ОДНА РАБОТА

Переработка, как выяснилось, состояла в том, что весь мусор из Вальгаллы отправлялся напрямик на бостонское бейсбольное поле. Видимо, этим и можно объяснить большие проблемы с нападениями, которые часто возникают у команды «Ред Сокс» во время домашних матчей. Хэртстоун как раз вставал на ноги, когда я сверзился напрямик на него и вновь уложил на землю. Мы с ним почти распутались, но в это время из мусоропровода к нам стремительно присоединился Блитцен и пропахал мне грудь. Спихнув его, я попытался откатиться в сторону, боясь, как бы сверху не выкинули еще что-то тяжелое.

— Каким образом мы очутились в Фенуэй-парке? — прижав, наконец, вертикальное положение, любопытствовал я.

— Не спрашивай меня, — уныло выдохнул Блитцен. Его недавно еще прекрасный костюм из тончайшей шерсти теперь выглядел так, словно его пропустили через пищеварительный тракт улитки. — Все выходы из Вальгаллы, как известно, совершенно левые. Хорошо еще, что действительно в Мидгард выбрались.

Я поглядел на пустующие ряды красных скамей для обладателей самых дешевых билетов на матчи. Стадион сейчас очень смахивал на «Трапезную Павших Героев» перед тем,

как ее заполняли орды эйшхериев. Поле на зиму законсервировали. Оно было покрыто кусками обледневшей парусины, которая похрустывала у меня под ногами.

В Мидгарде мы оказались весьма ранним утром. Часов шесть утра, судя по тускло светлеющему на востоке небу.

Ну, и от кого же мы в таком темпе смывались? — поинтересовался я, выдохнув вместе с вопросом густой клуб пара. — Что это еще за белка-мутант?

— Рататоск, — ответил Блитц. — Бич Мирового Древа. Любого, кто посмеет залезть на ветви Иггдрасиля, рано или поздно ждет весьма неприятная встреча с этим монстром. Нам очень повезло, что сумели сбежать.

Хэртстоун глянул с тревогой в сторону занимающегося рассвета.

— Плохо для Блитцена, — бурно прожестикублировал он.

Блитц прищурился, словно в лицо ему било яркое солнце.

— Абсолютная правда. После этой истории на мосту я больше не в силах выдерживать прямого воздействия...

— То есть? — Я внимательно пригляделся к нему. — Да ты сереешь.

Он отвернулся, но мне уже все стало ясно: щеки его вдруг вылицили до цвета мокрой глины.

— Сынок, ты, вероятно, и раньше подметил, что я не часто оказывался с тобой рядом днем?

— Ну да, — кивнул я. — Хэрт пас меня днем, а ты — ночью.

— Именно так, — снова заговорил Блитц. — Мы, гномы-то, существа подземные. Солнечный свет нам смертельно опасен. Не настолько, конечно, как троллям. Я все же могу чуток времени провести на солнце. Но если меня что задержит на нем, начну каменеть.

Я вспомнил, в каком виде он возник на мосту Лонгфелло. Широкополая шляпа, скрывавшая верхнюю часть лица, огромные темные очки и перчатки. Такое забавное стилистическое решение, особенно если учесть, что оно сочеталось с дорожным знаком «Уступите дорогу утятам!».

— Значит, тебе просто надо от света прикрыться, и полный порядок? — не усмотрел здесь особой проблемы я.

— Это, конечно, несколько улучшает мое положение, — без особого воодушевления произнес Блитц. — Плотная одежда, солнцезащитный крем и так далее. Однако в данный момент, — указал он на свой костюм, — я абсолютно неподготовлен. А то, что мне на такие случаи подходило, я сбросил где-то на Мировом Дереве.

— После моста ноги у Блитца окаменели, — сообщил руками Хэрт. — И никакой ходьбы. Даже к ночи.

У меня подкатил ком к горлу. Вот вам и смешная попытка Блитца и Хэрта меня защитить! На самом-то деле они не только старались изо всех сил. Блитц, решившись выйти на дневной свет, вообще рискнул жизнью. У меня, конечно, скопилось много вопросов к этим двоим по поводу непопток с моей то ли смертью в жизни, то ли жизнью в смерти, но сейчас главное было в том, что Блитц вновь оказался из-за меня в смертельной опасности, и я предпочел поскорее ему помочь.

— Давай-ка устроим тебя по-быстрому где-нибудь в темноте.

Лучшим в создавшейся ситуации выбором оказался Зеленый Монстр — огромная стена высотой с четырехэтажный дом по левую сторону поля. Однажды, по-моему, в первом классе, нас водили к ней на экскурсию. С той поры я и помнил, что под игровым табло там есть служебные двери.

Одна из них оказалась незапертой, и мы сквозь нее проскользнули внутрь.

Не могу сказать, что там нам открылся чудесный и скрытый от посторонних взглядов мир спорта. Возле одной стены были сложены штабелями разобранные строительные леса. Возле другой лежали зеленые карточки с цифрами, которые во время матчей вставляют в табло. Вот и все, не считая спортивных матов да бетонных опор стадиона, покрытых, словно татуировкой, граффити, накопившимися за много десятков лет. Но мы же сюда явились не в поисках достопримечательностей. А главным качеством, которое нам сейчас требовалось, это пространство вполне обладало. В нем было темно.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Блитцен опустился на стонку матов и начал стягивать сапоги. Из них посыпались желуди, и я уставился на его пижонские носки с огурцовым орнаментом в тон жилету.

— Ну у тебя и прикид, приятель, — вырвалось у меня. — Стильненько смотришься.

Он гордо выпятил грудь.

— Спасибо, Магнус. Признаться, при свойственном мне тонком вкусе достаточно трудно было целых два года одеваться как оборванец. Ой, извини. Конечно, ничего личного, — спохватился он.

— Конечно, — даже и в мыслях у меня не было обижаться.

— Я ведь привык одеваться именно так, как сейчас, — успокоившись, продолжал он. — Всегда уделял большое внимание своему внешнему виду и вполне отдаю отчет себе в этой маленькой слабости.

Хэрт исторг нечто среднее между чихом и фырканьем и вопросительным жестом осведомился:

— Маленькой?

— Молчал бы уж, — буркнул Блитц. — Воображаю, как бы кошмарно ты выглядел без моих советов. Разве не я купил тебе твой полосатый шарф. — Он перевел глаза на меня, явно ища поддержки. — Этот черный его костюм и светлые волосы! Мне с первого взгляда сделалось ясно, что ему требуется яркая цветовая деталь. Вот я и внес в его гардероб легкую нотку дерзости при помощи красно-белого полосатого шарфа. Тебе не кажется, Магнус, что я совершенно прав?

— Ну да, — согласился я и торопливо добавил для ясности: — Только, пожалуйста, мне такого не предлагай. И носки в огурец тоже носить не буду.

— Мне изменил бы природный вкус, начни я тебе предлагать такое. На тебе подобные вещи выглядели бы ужасно, — хмуро глянул на свой шикарный сапог Блитцен и, резко свернув тему гламура, добавил: — О чем, значит, мы перед этим говорили?

— Ну, в первую очередь мне хотелось бы знать, зачем вы все эти два года за мной наблюдали?

— Тебе ведь уже было сказано: босс, — не замедлил с ответом Хэрт.

— Если не Локи и не Самира, выходит, Один? — я снова предпринял попытку выяснить его имя.

Блици засмеялся.

— Э, нет. Наш главный — Капо, умнее Одиша. Он, видишь ли, предпочитает сам оставаться в тени. Дал нам задание наблюдать за тобой и... — Он поперхнулся. — Стараться по мере сил сохранить тебе жизнь.

— Понятно, — пробормотал я.

Блици в смущении вытряс из сапога еще порцию желудей.

— Да, вот такое было у нас задание, а мы его провалили. «Сделайте так, чтобы он непременно остался жив, — сказал босс. — Приглаживайте за ним, но не вмешивайтесь в его решения. Он важная часть плана».

— Плана? — Я ни разу за все два года уличной жизни не ощущал себя частью чего-то подобного.

— Капо известно разное, — уклончиво отозвался Блици. — Будущее, к примеру. И он делает все возможное, чтобы события шли в правильном направлении и Девять Миров, закрутившись в хаос, не взорвались.

— Звучит неплохо, — одобрил я.

— Он сообщил нам, что ты — сын Фрея. В детали он не вдавался, но подчеркнул, что ты очень важен и мы должны тебя защищать. Когда же ты умер... — Блици снова оскесся. — Ну, в общем, теперь я так рад, что мы нашли тебя в Вальгалле. Может, еще и не все потеряно. Теперь мы должны доложить боссу и получить новые указания.

Хэртстоун руками добавил:

— Надеюсь, он нас не убьет.

— Я тоже, — без особого оптимизма подхватил Блици. — Но по-любому до встречи с боссом мы не имеем права тебя посвящать в подробности, Магнус.

— Даже несмотря на то, что я важная часть его плана? — мне было странно слышать такое.

— Как раз именно потому и не можем, — сообщил языком жестов Хэртстоун.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Но вы мне хоть можете рассказать, что здесь-то случилось после того, как мы с Суртом упали с моста? — потребовал я.

Блитц вытащил из бороды застрявший листочек.

— Ну, Сурт вместе с тобой в воде и исчез.

— То есть все-таки это был точно Сурт?

— Без сомнения, — уверенно подтвердил Блитц. — И, знаешь, неплохо ты с ним поработал. Это же надо смертному одержать победу над огненным великаном. Пусть ты даже и сам погиб, все равно впечатляет.

— Значит, я его убил?

— И не надейся, — самым определенным образом объявили мне руки Хэрта.

— Нет, — констатировал в свою очередь Блитц. — Но огненным гигантам страшно вредна ледяная вода. Полагаю, такое глубокое соприкосновение с ней отравило его в Муспелльхейм. А вот то, что ты отрубил ему нос, — это вообще с твоей стороны гениально. Теперь он уж точно не сможет перемещаться между мирами, пока силы не восстановятся.

— Несколько дней, — было мнение Хэрта.

— А может, и гораздо дольше, — с надеждой проговорил Блитц.

Я переводил взгляд с одного на другого — двух нелюдей, обсуждающих технику путешествия между мирами с видом двух автомобилистов, спорящих, как эффективнее разобрать и промыть карбюратор.

— С вами, ребята, все ясно, — вмешался я. — Вам удалось тогда смыться. А вот Рэндольф-то как?

Хэртстоун весьма выразительно сморщил нос. Мол, дядя твой хоть раздражает, но в полном порядке.

— Сынок, ты всех спас, — объявил мне Блитц. — Много людей и техники пострадало, но, кроме тебя, все выжили. Когда Сурт до этого наносил визиты в Мидгард, дела у смертных складывались далеко не так хорошо.

— Великий Чикагский Пожар, — уточнил Хэрт.

— Именно, — покивал Блитц. — Но и сейчас взрывы в Бостоне стали темой национальных новостей. Смертные до сих

пор ведут расследование. Основная их версия, что ущерб нанесен ударами метеоритов.

А чего удивительного? Я и сам так вначале решил. И только потом заподозрил: может, за все раскаленное, что на землю падает, Сурт как раз и ответствен?

— Но на мосту ведь полно народу видело Сурта. А один тип совершенно точно заснял его, — сказал я.

Блигг развел руками.

— Ты сильно бы удивился, сынок, если бы я тебе начал перечислять, какую уйму всего не замечают смертные. Впрочем, и гномы с эльфами мало от них отличаются в этом. А великаны к тому же большие доки по части очарованья.

— Очарованья? — воскликнул я. — Имеешь в виду, что все они модные и красивые?

— Да в моде они вообще профаны, — с презрением бросил Блигг. — А очарованье у них в смысле наведения чар. Великаны ведь от природы волшебники. Они с легкостью манипулируют восприятием и сознанием. Это им как раз плюнуть. Как-то один великан заставил Хэрта подумать, что я бородавочник. И Хэрт меня чуть не убил.

— Ни слова больше про бородавочника! — воскликнул молящими жестами тот.

— Ты прав, — моментально закрыл тему Блигг. — В общем, ты, Магнус, свалился в реку и умер. Спасатели извлекли из воды твое тело, но...

— Мое тело? — тихо взвыл я.

Хэртстоун, вытащив из кармана газетную вырезку, протянул ее мне.

Я прочитал некролог по себе. Там была фотка меня пятиклассника. Челка до самых глаз, стеснительная улыбка типа «как я попал-то сюда?» и футболка с надписью «Дропик Мёрфиз». Текст очень короткий. Ни слова, что я два года назад исчез, стал бездомным. О смерти мамы тоже совсем ничего. Только о том, что меня постигла безвременная гибель, меня пережили два дяди и кузина, и панихида состоится исключительно для членов семьи.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Но мое тело ведь здесь, — потыкал я себя в грудь. — Оно осталось со мной.

— Новое и усовершенствованное, — восхищенно пощупал Блитц мои бицепсы. — А прежние спасители вытащили из воды. Мы с Хэртом тоже тщательно обследовали реку. Никаких признаков Сурта. И новость похуже: никаких признаков меча. И раз он не вернулся на дно...

— А Рэндольф его раньше вас найти там не мог? — перебил я Блитца.

Хэрт покачал головой:

— У него меча нет.

— Выходит, тогда меч у Сурта? — предположил я.

Блитц зябко поежился.

— О таком лучше даже не думать. Есть шанс, что меч остался с твоим старым телом.

— Но каким образом? — засомневался я.

Блитц указал на Хэрта:

— Спроси у него. Он — эксперт по волшебству.

— Трудно без слов объяснить, — прожестикнул он. — Но раз ты предъявил на него права, он должен остаться с тобой.

— Но я вроде не предъявлял...

— Ты его вызвал и первым взял в руки, — продолжал растолковывать знаками Хэрт. — Поэтому есть надежда, что Сурту он не достался. Меч вообще должен был с тобой перейти в Вальгаллу. Не знаю уж, почему этого не получилось.

— Может быть, потому, что, когда мы падали в реку, он выскользнул из моей руки? — спросил я.

— Да, это, конечно, могло повлиять, — согласился Блитц. — Но, как бы то ни было, меч все равно, согласно традиции, должен отправиться с твоим телом в могилу или сгореть в твоём погребальном костре. Вот почему он вполне мог снова материализоваться рядом с твоим мертвым телом, а значит, нам следует заглянуть в твой гроб.

По новому моему телу от головы до ног пробежали мурашки.

— Ты хочешь, чтобы я пошел на собственные похороны?

— Нет, надо управиться до, — начал мне излагать план Блитцен. — Как сообщается в некрологе, твое тело сегодня выставят для прощания в ритуальном зале похоронного агентства. Служба и похороны состоятся позже. Если пойти туда прямо сейчас, там вообще никого не окажется. Ведь агентство пока закрыто. И вряд ли снаружи уже дожидаются толпы скорбящих.

— Вот уж спасибо за интересное поручение, — проворчал я.

— А мне надо пойти переговорить с боссом, — начал натягивать сапоги Блитцен. — По пути еще заскочу в Свартальфахейм и запасусь там насущно необходимыми средствами защиты от солнечного света.

— Заскочишь в мир темных эльфов? — не поверил я своим ушам.

— Между прочим, совсем не так трудно, как кажется, — махнул рукой он. — У меня большой опыт. И Бостон располагается в самом центре Иггдрасиля. Отсюда очень легко проскакать из мира в мир. Вот однажды мы с Хэртом сошли с тротуара на Кендалл-сквер и тут же случайно провалились в Нифльхейм.

— Ужасно замерзли, — добавил жестами Хэрт.

— За время, пока меня нет, Хэрт успеет как раз сводить тебя в похоронное агентство, — деловито проговорил Блитц. — А после мы с вами встретимся... где? — посмотрел он на Хэрта.

— Арлингтон, — показал тот жестами. — Железнодорожная станция.

— Заметано. — Блитцен поднялся на ноги. — Забери этот меч, сынок, и будь осторожен. Вне Вальгаллы ты можешь погибнуть, как и любой другой смертный. А последнее, что нам с Хэртом хочется, — это докладывать боссу о целых двух группах Магнуса Чейза.

Глава XXV

НУ И ОДЕЛИ МЕНЯ В ПОХОРОННОМ АГЕНТСТВЕ!

Положительных сторон в жизни бездомного достаточно мало, но одна точно есть: я знаю, где отыскать бесплатно одежду. Мы с Хэртом предприняли вылазку на Чарльзгейт, где стоит благотворительная коробочка, в которую сердобольные граждане складывают ненужную им самим одежду. Очень мило с их стороны. Теперь мне, по крайней мере, не придется шастать по Бостону в вальгальской пижаме.

Вскоре я уже блистал в художественно вытертых джинсах, охотничьей куртке и модно-дырявой футболке и больше прежнего начал смахивать на Курта Кобейна. Впрочем, мне сильно сомнительно, что Курт Кобейн сподобился бы нацепить на себя футболку с надписью «Австралийское турне группы Уигглз». Это, конечно, был полный отстой, и больше всего меня встревожило, что футболка мне оказалась в точности по размеру. Нехилые же у них фанаты!

Я поднял свой казенный меч.

— Хэрт, а с этим-то как? Сомневаюсь, что копам понравится, если они увидят меня с трехфутовым клинком.

— Волшебство, — прожестикнул мне немой эльф. — Прикрепи к ремню.

Едва я последовал его совету, меч начал мутировать и превратился в цепочку для ключей у меня на ремне. Вполне гармонировавшую, между прочим, с моей футболкой.

— Нормалек, — констатировал я. — Теперь мое унижение полно.

— Все равно меч есть меч, — жестами возразил мне Хэрт. — А смертные не способны видеть волшебных вещей. Между льдом и огнем — туман. Гиннунгагап. Он и скрывает внешность. Без слов объяснить это трудно.

— Ну да. — Я вспомнил, что мне говорила Гунилла про миры между льдом и огнем. И про Фрея, который был золотой серединой. Но, видимо, детям его не дано от рождения понимать, что вся эта ерунда означает.

Я перечитал некролог о себе в поисках адреса похоронного агентства и, отыскав его, обратился к Хэрту:

— Пошли оказывать мне последние почести.

Это была длинная прогулка по холоду. Меня мороз доставал не слишком, а вот Хэрт в своем кожаном облачении задубел и трясся. Губы у него потрескались и шелушились, из носа текло. По книгам и фильмам в жанре фэнтези, прочитанным и увиденным за время учебы в школе, я составил себе представление, что эльфы — это такие воздушные благородные существа неземной красоты. Хэртстоун подобному образу совершенно не соответствовал. Он был уж скорее похож на анемичного студента колледжа, которому пришлось несколько недель подряд голодать.

Правда, теперь я начал подмечать кое-какие черты, которыми люди не обладают. Зрачки его, например, отражали свет, как у кошек. Вены под очень прозрачной кожей просвечивали скорее не синим, а зеленью. И, несмотря на явно бездомный и неухоженный вид, от него никогда не воняло, как от обычных бродяг, немытым телом, спиртным и прогорклым жиром. Хэртстоун пах хвоей и древесным дымом. Всегда. Просто я раньше не обращал на это внимания.

Я бы его с удовольствием порасспрашивал по дороге про эльфов, но мне на ходу объясняться жестами нелегко, а ему было бы трудно читать по губам. А вообще разговаривать с ним как раз здорово. Ведь приходится полностью концентрироваться, и думать о всякой чуши уже не станешь.

Если бы все беседы на свете требовали такого внимания, люди бы не болтали попусту столько ерунды.

Едва мы пересекли площадь Копли, Хэрт резко затолкал меня в дверной проем какого-то офисного здания.

— Гомез, — прожестикнул он. — Ждем.

Гомезом звали местного патрульного, который прекрасно знал нас обоих. Имя мое, правда, ему известно не было, но, если он видел мою фотографию в новостях, сомневаюсь, что его бы сильно обрадовало встретить меня живого. Он и без того-то не отличался большим дружелюбием.

Я коснулся рукой плеча Хэрта, привлекая его внимание.

— Расскажи, как все там? Ну, где ты обычно живешь?

Лицо его стало настороженным.

— Альфхейм не очень отличается. Только там ночь отсутствует. Поэтому ярче.

— Ночь отсутствует? — поразился я. — Что, вообще?

— Вообще, — подтвердил Хэртстоун. — Я, когда первый раз увидел заход солнца... — Он как бы загнулся, а потом прижал обе ладони к груди — знак ужаснейшего испуга.

Я попытался представить себе, как вот жил себе парень в мире, где постоянно стоит только день, а потом вдруг раз — и солнце исчезло на горизонте в кровавом зареве. И впрямь ведь невесть что подумаешь.

— Ну да, понимаю, — кивнул я ему. — А у эльфов-то есть что-нибудь такое, чего люди боятся? Ну, например, эльфсейдер.

В глазах у него вспыхнул свет.

— Откуда ты знаешь про этот термин?

— Вчера мне на поле боя сказали, что мне удалось сделать именно то, что он значит.

И я рассказал ему, каким образом выбил оружие из рук атакующих, как заживил перелом у Блитца и как прошел сквозь стену огня на мосту Лонгфелло.

— Вот интересно, это один и тот же вид волшебства? — спросил я у Хэрта.

Тот какое-то время не отвечал, переваривая мои слова.

— Трудно сказать, — наконец задвигались его руки, и, если переводить на нормальную речь, я бы сказал, что он сейчас говорил осторожно, как бы с оглядкой. — Эльфсейдер бывает разный. Как правило, это мирное волшебство. Лечить. Расти. Останавливать жестокость, насилие. Научиться ему невозможно. Эльфсейдер — совсем другое, чем волшебство руи. Ты или родился с ним, или нет. У тебя есть. Ты — сын Фрея. Полагаю, тебе передались какие-то из его способностей.

— Значит, Фрей эльф? — возник у меня естественный вывод. Хэрт покачал головой.

— Фрей — лорд Альфхейма. Наш бог-покровитель. Ваны нам были очень близки. Их энергия и породила Альфхейм.

— Но почему ты упомянул об этом в прошедшем времени? Разве эльфы больше не могут общаться с деревьями, птицами и так далее?

Хэрт, возмущенно крикнув, с большими предосторожностями выглянул из нашего убежища, чтобы проверить, гут ли еще наш любимый патрульный.

— Нынче Альфхейм совсем не такой, — юркнув обратно, ответил он мне. — Почти никто не родится с эльфсейдером. Магией тоже почти никто не владеет. По мнению большинства современных эльфов, Мидгард — это просто миф о мире, в котором люди живут в замках и носят латы и обтягивающие чулки.

— Но ведь, наверное, тысячу лет назад так и было, — предположил я.

Хэрт кивнул.

— Тогда наши миры гораздо плотнее взаимодействовали. А теперь оба сильно изменились. Эльфы больше не работают, а сидят у экранов, смотря смешные эльфийские видео.

— Эльфийские видео? — не был уверен я, что правильно понял жестикуляцию Хэрта. А если правильно, то Альфхейм удручающе походил на Мидгард. — Выходит, о волшебстве ты знаешь не больше меня.

— Мне неизвестно, на что оно было похоже в стародавние времена, но я пытаюсь освоить. Всем пожертвовал ради попытки.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— То есть? — заинтриговал он меня.

Он снова выглянул осторожно из ниши на улицу.

— Томез ушел. Пошли.

И ни жеста в ответ на мой вопрос. То ли его не услышал, то ли проигнорировал.

Похоронное агентство располагалось возле Вашингтон-стрит и Чарльз-стрит, спрятанное в ряду таунхаусов Бей-Виллиджа, которые как-то совсем стушевались среди современных небоскребов из бетона и стекла. «Твайнинг и сыновья. Ритуально-мемориальные услуги» — гласила вывеска над входом.

Возле двери был вывешен список ближайших мероприятий. Мои проводы значились в нем первым номером. Магнус Чейз. Дата сегодняшняя. Прощание со мной должно было начаться в десять часов, но, судя по запертой двери и темным окнам, агентство пока еще не открылось.

— Пришел заранее на собственные похороны, — проворчал я. — Крайне тишичная ситуация.

Руки мои подрагивали. Перспектива узреть себя мертвецом мне казалась куда страшнее, чем сам процесс гибели.

— Ну? Вламываемся? — посмотрел я на Хэрта.

— Сейчас кое-что попробую, — азартно блеснули у него глаза.

Он извлек из-за пазухи кожаный кисетик, содержимое которого издавало уже знакомый мне звук.

— Руны? — догадался я. — А как ими пользоваться, ты знаешь?

Он лишь пожал плечами с таким видом, как отвечают: «А вот сейчас мы и выясним», — и, вынув одну из плашечек, постучал ею легонько по ручке двери. В замке шелкнуло. Дверь распахнулась.

— Неслабо, — понравилось мне. — Это срабатывает на любой двери?

Хэрт сунул плашечку с руной обратно в кисет, а его опустил за пазуху. Лицо его выражало смесь грусти и осторожности, точнее определить не могу.

— Я только учусь, — ответил он мне. — До этого пробовал только однажды, когда мы встретились с Блитцем.

— Ну и как же вы встре...

Хэрт решительным жестом заставил меня умолкнуть.

— История долгая. Блитц спас мне жизнь. Ты давай-ка лучше иди, а я здесь останусь. Мертвые тела человекoв... — Он фыркнул, пошегился и покачал головой.

Ничего себе эльфийская поддержка!

Внутренность похоронного агентства насквозь пропахла увядающими букетами. Потертый красный ковер и стены, лабранные панелями из темного дерева, делали это место похожим на огромный гроб. Прокравшись по коридору, я заглянул в первую же комнату, которая попалась мне на пути.

Она была обустроена как часовня. Стена в три окна с витражами. Стулья с откидывающимися сиденьями обращены к помосту с открытым гробом. Я это возненавидел с первого взгляда. Чтобы вам стало поштно, меня воспитывали вне всякой религии, и я привык считать себя атеистом.

Насмешка судьбы при такой позиции оказаться сыном древнескандинавского божества, отправиться после смерти в мир для геройских воинов и удостоиться прощальной церемонии в дешевой универсальной часовне для всех конфессий. Если там, наверху, и впрямь есть Всмогуций Босс Всей Вселенной, воображаю, как он в тот момент надо мной насмехался.

При входе в часовню был выставлен мой портрет, обрамленный траурной каймой из гофрированной бумаги. Та же самая идиотская фотография меня пятиклассника, а под ней притулился столик с тетрадкой для соболезнований.

У меня прямо руки чесались оставить там первую запись: «Спасибо за то, что явились на мои похороны. Магнус». Только кто, собственно, на них явится? Рэндольф. Ну, может, и дядя Фредерик с Аннабет, если они еще в городе. Или кто-то из прежних моих одноклассников. Ну и в том случае, если агентство сподобится выставить угощение, вполне вероятно, пожалуют какие-нибудь мои бездомные знакомые.

Хотя близко-то я общался только с Блитценом и с Хэртстоуном.

Мне вдруг стало ясно, что все эти размышления — просто попытка оттянуть момент встречи с собственным телом. Не знаю, сколько уж времени я еще переминался с ноги на ногу возле входа, никак не решаясь войти, когда наконец сказал себе: «Хватит!» — и двинулся к помосту.

При виде того, что лежало в гробу, меня прямо скрутило от тошноты.

Не то что мое неживое лицо показалось мне безобразным, но... Вы когда-нибудь слышали собственный голос в аудиозаписи? Он ведь кажется совершенно чужим. Вот и мое лицо мне предстало будто запечатленное неумелым фотографом. Вроде бы я и в то же время ничего общего.

Волосы тщательно зализаны. Кожа покрыта толстым слоем грима, видимо, с целью скрыть синяки и порезы. Губы застыли в дурацкой полуулыбке, какой я ни разу в жизни не улыбался. А этот дешевый костюм и синий галстучек! Всегда на дух не переваривал синий цвет. Довершали сей омерзительный образ руки, сложенные не на груди, а на животе — видимо, похоронщики таким образом закамуфлировали дыру, которую проделал у меня в брюхе ком раскаленного асфальта.

Нет, все это никуда не годилось! Я вцепился общими руками в край гроба, пытаюсь прийти в себя, но чувство протеста по-прежнему жгло меня с такой силой, будто мне вновь пропахали внутренности раскаленным асфальтом.

Мне-то раньше казалось, вопрос с моим телом четко улажен по моему вкусу. У нас с мамой был договор. Звучит, может, на первый взгляд жутковато, однако на самом деле все правильно. Мама взяла с меня обещание, что, когда умрет, я должен ее кремировать, а прах развеять в лесах Голубых холмов. Если же мне суждено уйти первым, она сделает то же самое и со мной. От идеи, что нас после смерти забальзамируют до состояния химически стабилизированного объекта, выставят на всеобщее обозрение в деревянной коробке, а после зарюют в землю, и ее и меня попросту воротило.

Нам хотелось остаться навеки с солнцем и свежим воздухом, пусть и невидимыми постороннему глазу пылинками.

— Прости меня, мама. Не смог я сдержать обещание. А теперь вот меня самого хоронят совсем не так, — проговорил я одними губами, и на глаза у меня навернулись слезы.

Ох, как же меня подмывало перевернуть гроб и поджечь это гнусное место! Но я должен был найти меч.

Вполне вероятно, он находился в гробу, но я пока его не видел. Набрал полные легкие воздуха и набравшись решимости, я повел ладонь вдоль обшивки гроба, словно нащаривая потерянную монетку. Безрезультатно.

«А если опять волшебство вмешалось и меч стал невидимым?» — подумалось вдруг. Я простер руку над гробом точно таким же образом, как на мосту Лонгфелло, но не почувствовал ни жара, ни вибрации.

Теперь оставался один вариант — проверить под телом.

Я кинул взгляд сверху вниз на мертвого Магнуса: «Прости, чувак!» — и принялся изо всех сил внушать себе, что это попросту неживая натура, ну, вроде садового пугала. Совершенно не человек уже и, конечно, не я.

Короче, я перекатил это на бок. Оно оказалось куда тяжелее, чем можно было предположить. А главное, зря старался. Только и увидал булавки, которыми похоронщики подкололи пиджак на спине, чтобы лучше сидел, да этикетку на белой ткани обивки: «50% сатин, 50% полиэстер. Сделано в Тайване».

Я опустил тело на спину. Волосы мертвого Магнуса расстрепались и вздыбились, будто какой-нибудь райский цветок. Старательно сцепленные кисти распались, а средний палец правой руки поднялся вверх в весьма характерном жесте.

Таким этот тип в гробу мне даже чем-то понравился. Хотя действительно стал на меня похож.

— Магнус? — дрожащим голосом раздалось у меня за спиной.

Я чуть не выпрыгнул из своей отстойной футболки.

В дверях стояла моя кузина Аннабет.

Глава XXVI

ЭЙ, Я ЗНАЮ, ТЫ МЕРТВ, НО ВОЗМОЖНО...

Даже не встретить я ее два дня назад в парке, все равно бы сразу узнал. Волнистые светлые волосы, точно такие же, как и в детстве. И столь решительный взгляд серых глаз, словно вдаль она четко видела цель, которую поклялась себе уничтожить. Одежда ее разительно отличалась от моей своим качеством: оранжевая куртка «Норд Фейс», черные джинсы и зимние ботинки с высокой шнуровкой. Но все же внешне нас легко было принять за родных брата и сестру.

Она уставилась сперва на меня, а затем на гроб, и лицо ее, искаженное потрясением, мало-помалу стало расправляться.

— Я знала, — произнесла она наконец. — Знала, что ты не умер.

В следующий же миг я оказался в ее объятиях. Как вы уже знаете, мне неприятно, когда меня кто-то касается, однако в объятиях Аннабет я расклеился и рассыпался.

— Ну вот... Видишь... — хрипло выдавил я из себя, часто-часто моргая, чтобы скрыть подступившие слезы, и постарался как можно мягче высвободиться из ее рук. — Действительно рад тебя видеть.

Она, сморщившись, поглядела на труп в гробу.

— Ну, мне, видимо, нужно сейчас воскликнуть: «А я думала, что ты умер, старая задница!»

Мои губы сами собой расплылись в улыбке. Десять лет минуло с той поры, как она последний раз обзывала меня задницей. Мне бы давно надо было увидеться с ней. Сам не пойму, зачем я от нее-то скрывался.

— Как я догадываюсь, тело фальшивое, — проговорила она. — Пытаешься всех убедить, что погиб?

— Не совсем. Хотя теперь уж пусть лучше так и считают, потому что...

Потому что я умер, умолкнув на полудфразе, добавил я про себя. Потому что попал в Вальгаллу, а теперь оттуда вернулся в компании гнома и эльфа. Ну как бы мне это все лучше ей объяснить?

— Слушай, — я повернулся ко входу в часовню. — Вот ты на улице, возле двери, не видела эль... ну, одного типа такого? Это там мой приятель на стреме стоит.

— Никого совершенно не видела, — покачала головой она. — Просто вопла в открытую дверь.

Я сильно забеспокоился.

— Мне надо проверить.

— Только сначала ты мне объяснишь, — потребовала она.

— Я... Честно, не знаю, с чего начать. Ну, я, в общем, в опасности и не хочу, чтобы ты тоже в ней оказалась.

— Не поздновато ль спохватываться? — скрестила она на груди руки. — Мне уже слишком много пришлось испытать таких ситуаций...

И, знаете, я ей с ходу поверил. Даже тени сомнения не испытал, что ей довелось пережить и узнать куда больше меня — возрожденного супервоина из Вальгаллы. От нее исходила такая твердость, такая уверенность в себе. А я научился безошибочно чувствовать подобное еще в приютах, где мигом определял, кто из парней просто так разводит пошты, а кто действительно самый опасный. Отмахнуться от Аннабет и сбежать мне совсем не хотелось, но в то же время нужно было ее уберечь от моих проблем.

— Рэндольфа чуть не убили на этом мосту, — сказал я. — Мне не нужно, чтобы и ты...

Она перебила меня свирепым смехом.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Рэндольф? Клянусь, я когда-нибудь запихну его трость ему в глотку! А, ладно, — резко махнула она рукой. — Простали. Короче, он так и не пожелал объяснить, зачем тогда тебя потащил на мост. Только все бляял, что ты в опасности из-за своего дня рождения, что это связано с нашей семейной историей, и он, мол, пытался тебе помочь.

— Он рассказал мне, кто мой отец.

У Аннабет потемнели глаза.

— Ты никогда не знал своего отца.

— Да, но, оказывается... — Я грянул головой. — Можешь, конечно, считать, что это звучит безумно... В общем, и происшествие на мосту, и гибель мамы два года назад, и то, кто действительно мой отец, — все это неразрывно связано.

Лицо Аннабет стало таким, словно домашний бассейн на ее глазах вдруг превратился в Тихий океан.

— Магнус... О боги!

«Боги, — мигом отметил я. — Она четко употребила множественное число!»

Аннабет, молитвенно сложив руки, стала расхаживать взад-вперед возле гроба.

— Я должна была догадаться, — с волнением начала она. — Рэндольф же постоянно трещал, что наша семья особенная и мы объект пристального внимания, но я даже не представляла, что ты... — Она резко остановилась и схватила меня за плечи. — Как жалко, что я не смогла узнать раньше. Мне удалось бы тебе помочь.

— Но я не уверен...

— Мой отец сразу же после твоих похорон улетает домой, в Калифорнию, — опять не дала договорить она. — А мне, по идее, нужно ехать поездом в Нью-Йорк. Но школа может и подождать. Я должна сейчас остаться с тобой. Я знаю такое место, где ты окажешься в безопасности.

Я отшатнулся.

Правильно ли я ее понял? И впрямь что-то знает или, просто стремясь помочь, выдает желаемое за действительное? А если на самом деле ей что-то известно, то что именно? Она связана с Девятью Мирами? С каким-нибудь иным волшеб-

ным измерением? Или вообще говорила совсем о другом? Но при любом варианте каждый нерв в моем теле предостерегал меня: не говори ей всей правды!

Ее стремление помочь подкунало меня и трогало, и я ни секунды не сомневался, что она совершенно искренна, а вот слова о месте, где я окажусь в безопасности... Я целых два года пробыл бездомным. А у нашего брата ни что в такой степени не вызывает решительного порыва к бегству, как чьи-нибудь подобные заверения.

Я напряженно соображал, как бы поделикатней отвергнуть ее предложение, когда в часовню ввалился Хэртстоун. Левое веко его опухло, полностью закрыв глаз, а руки так бурно жестикулировали, что мне с трудом удалось понять:

— Торопись! Опасность!

Аннабет резко обернулась и, увидев Хэрта, спросила:

— Кто?..

— Мой друг, — торопливо откликнулся я. — Мне действительно нужно скорей уходить. — Я взял ее за руки. — Слушай, я должен справиться сам. Это как...

— Квест¹? — перебила она.

— Я вообще-то хотел сказать, как гвоздь в собственной... но и квест вполне подходит к ситуации, — согласился я. — И если действительно хочешь помочь, прошу, сделай вид, будто вообще меня не видела. Дай мне только справиться. Потом, обещаю, тебя отыщу и ты все узнаешь. Ну ладно, мне надо идти.

Она судорожно вздохнула.

— Магнус, почти уверена, что смогла бы тебе помочь, но... — Она вытащила из кармана куртки сложенный вчетверо лист бумаги. — Недавно я на весьма тяжелом собственном опыте убедилась: когда люди хотят что-то сделать самостоятельно, лучше не вмешиваться. Даже если они тебе очень дороги и важны. Поэтому просто возьми вот это.

¹ Квест — жанр интерактивной компьютерной игры, где главный герой, управляемый игроком, все время решает задачи и головоломки.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Я развернул протянутый лист бумаги. Он оказался одним из тех самых флаеров, который Аниабет с дядей Фредериком раздавали прохожим.

— Второй из телефонных номеров мой, — пояснила она. — Позвони, когда справишься. Или если передумаешь... В любом случае позвони.

— Обязательно, — кивнул я и поцеловал ее в щеку. — Ты самая лучшая.

— А ты все-таки та еще задница, — выдохнула она.

— Знаю. Спасибо на добром слове. Пока.

И я побежал к Хэртстоуну, который от нетерпения уже прыгал на месте.

— Что случилось и где ты был? — начал было расспрашивать я, но он принужден по направлению к Арлингтону с такой скоростью, что мне даже на апгрейденных Вальгаллой ногах едва удавалось за ним поспеть. А эльфы-то, оказалось, прекрасно бегают, когда им это надо.

Возле ступеней станционной платформы возник Блицен. На нем были те самые широкополая шляпа и пальто, в которых он выступал на мосту Лонгфелло, только теперь к ним еще добавились куда более крупные солнечные очки, лыжный шлем, закрывающий все лицо, кроме глаз, кожаные перчатки и шарф. В левой руке он держал черную холщовую сумку. Этаким человек-невидимка, собравшийся в боулинг.

— Стоп! Стоп! — вцепился Блицен в Хэрта, чтобы тот не упал. — Что с твоим глазом? А меч-то нашли? — выпалил он на одном дыхании.

— Меча нет, — шумно лоя ртом воздух, пояснил я. — А глаз его связан с какой-то опасностью.

Хэрт похлопал в ладоши, привлекая наше внимание.

— Меня вырубили, — начал докладывать он руками. — Девушка спрыгнула на меня. Со второго этажа агентства. Приземлилась мне точно на голову. Очнулся в переулке.

— Девушка в похоронном агентстве? Аниабет? — вытаращился на Хэрта я. — Моя кухня?

Он покачал головой.

— Не она, а другая. Она была... — Руки Хэрта вдруг замерли в воздухе, и он впился взглядом в черную сумку Блитца. — Ты принес... его? — изумленно спросил он руками.

Слово «его» он показал буквально по буквам, поэтому я был уверен, что не ошибся.

Блиц чуть приподнял сумку вверх. Что выражало при этом его лицо, понять было трудно, однако ответ его прозвучал сурово:

— Да. Приказ босса. И первым делом нам надо... Магнус, — пронзил он меня испытующим взглядом из отверстий в своем лыжном шлеме. — Твоя кузина была в похорошном агентстве?

— Успокойся, с ней все в порядке. Она никому ничего не расскажет, — торопливо заверил я, мужественно борясь с желанием выяснить, что это за такой «он» лежит в его сумке.

— Но там была и другая девушка? — Взгляд Блитца по-прежнему оставался настроженным.

— Я не заметил ее. Вероятно, увидела, как я вхожу в агентство, и поднялась на второй этаж, — наплось у меня наиболее логичное объяснение.

Гном повернулся к Хэрту.

— И значит, потом она выпрыгнула на тебя, ты вырубился, а ей в это время удалось скрыться?

Эльф кивнул.

— Должно быть, тоже искала меч.

— И нашла, как ты думаешь? — задал новый вопрос Блиц. Хэрт решительно покачал головой.

— С чего это ты так уверен? — вмешался я.

— Потому что она вот там, — прожестикнул Хэрт.

Я глянул туда, куда он указывал. В четверти мили от нас по Арлингтон-авеню быстро шагала девушка в коротком коричневом пальто и зеленом платке, который я сразу узнал.

Заплывший глаз Хэрта был славяньким сувениром от Самиры аль Аббас, моей бывшей валькирии.

Глава XXVII

ИГРА ВО ФРИСБИ ОБНАЖЕННЫМ ОРУЖИЕМ

Достигнув северной оконечности парка, Сэм пересекла Бикон-стрит и направилась к мосту через Сторроу-драйв.

— Куда это она? — внимательно следил я за ее передвижениями.

— Видать, к реке, — отозвался Блитц. — Останки твои проверила в похоронном агентстве и...

— А можно с чуть меньшим пренебрежением о моих останках? — перебил его я.

— В общем, она не нашла меч, — деловито продолжил он, — и теперь идет проверять реку.

Сэм тем временем уже поднялась по винтообразному пандусу на пешеходную часть моста и с возвышения обернулась назад, заставив нас спрятаться за большим ноздревато-грязным сугробом. Летом, в наплыв туристов, следить за ней, затерявшись среди толпы, нам ничего бы не стоило. Но в чем прикажете затеряться, когда на тротуарах совершенно пусто?

— Не нравится мне это, — поправил съехавшие темные очки Блитц. — Если ее послали валькирии, еще полбеды, но...

— Из валькирий ее уволили, — внес ясность я и, пока мы сидели за сугробом, успел рассказать, что произошло на торжественном обеде.

Хэрт пришел в ужас. Запльвишее его веко стало точно такого же цвета, как лягушонок Кермит из «Маппет-Шоу».

— Дочь Локи? — безмолвно осведомился он. — Работает на своего отца?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Но мне лично в это не очень верится.

— Потому что она спасла тебя? — задал новый вопрос Хэрт.

Я опять лишь пожал плечами. Никак не хотелось верить, что Сэм играет в Команде Зла.

Да и отец ее, Локи, кто он на самом деле? Его заверения, что он полностью на моей стороне, все же, видимо, прочно застряли мне в голову.

Указав на запльвиший глаз Хэрта, я спросил знаком:

— Можно?

И так как протеста с его стороны не последовало, дотронулся. Подушечку моего пальца пронзила теплая искра. Синяк под глазом начал тут же бледнеть. Опухоль спала. Глаз Хэрта открылся.

Блигц фыркнул.

— Славно у тебя начинает получаться, Магнус.

Хэртстоун схватил меня за руку и принялся с такой тщательностью изучать мои пальцы, будто надеялся обнаружить на них остатки какого-нибудь волшебного эликсира.

— Да ладно тебе, — смущенно отдернул я руку. Мне совершенно не улыбалось стать парамедиком эльфов по имени Магнус Чейз. — Пока мы с вами здесь охлаждаемся, она, между прочим, уходит, — напомнил я им о Сэм. — За ней.

Сэм уже достигла эспланады, где протянулась дорожка для бегунов, по которой она и шагала вдоль течения реки. Мы двинулись по пешеходному мосту. Под нами двигалась бампер к бамперу плотная колонна постоянно гудящих машин. В этом заторе, судя по количеству строительной техники и мигающих проблесковых маячков на мосту Лонгфелло, был виноват лично я. Паша битва с Суртом вывела из строя почти целый его пролет.

Мы уже начали подниматься на эспланаду, когда потеряли Сэм из виду. Я рассчитывал, что снова ее замечу, едва мы миновем детскую площадку, однако моя экс-валькирия как испарилась.

— Лучше некуда, — посетовал я.

Блитц прохромал в тень, которую отбрасывала крыша неработающего киоска. Похоже, ему не слишком легко было двигаться с этой сумкой для боулинга.

— Ты как? — поинтересовался я.

— Ноги немного окаменели, а в остальном жить можно, не беспокойся, — произнес он таким тоном, словно как раз и хотел, чтобы я о нем беспокоился.

Хэрт с задумчивым видом походил взад-вперед мимо нас, и руки его задвигались в сожалеющих жестах.

— Вот был бы у меня лук, я бы ее сейчас пристрелил.

Блитц покачал головой.

— Лучше придержишься магии, мой друг.

Хэрт зажестичулировал сердито и резко:

— Не могу читать по твоим губам! И с бородой-то ужасно, а с лыжной маской вообще ничего не понять.

Блитц, поставив на землю сумку для боулинга, принялся одновременно говорить и жестикулировать:

— У Хэрта великолепно выходит с рунами. Он в рунной магии сведущ больше всех живых смертных.

— Ты под смертными подразумеваешь людей? — решил уточнить я.

Блитц фыркнул:

— Сынок, люди не единственные смертные. Так что я подразумеваю и их, и гномов, и эльфов. Великанов в учет не беру. Они странные. Боги, естественно, тоже случай особый. Ну и еще предсказатели из Вальгаллы. Всю жизнь теряюсь в догадках, что они из себя представляют. Но вот среди тех трех видов смертных, о которых я говорю, Хэртстоун — лучший из магов, а возможно, вообще единственный. И уж наверняка первый, кто за последние столетия посвятил этому жизнь.

— Я краснею, — показал Хэртстоун, хотя на его лице лично мне ничего такого заметно не было.

— Я это к тому, — продолжал тем временем Блиц, — что к магии у тебя настоящий талант, а тебе зачем-то приспичило становиться лучником.

— Эльфы были великими лучниками, — Хэрту явно хотелось освоить и это искусство.

— Тысячу лет назад, — поморщился Блиц и рубанул ребром ладони между большим и указательным пальцами другой руки — знак раздражения и досады тем, что друг хочет заняться совершенно не своим делом. — Хэрт просто романтик, — принялся объяснять он мне. — Мечтает о прежних днях. Он из тех эльфов, которые ездят на ренессансные фестивали.

Хэрт возмущенно крикнул.

— Всего один раз.

— Ребята, не лучше ли нам сейчас все-таки поискать Сэм, — напомнил им я.

— Бессмысленно, — в бешеном темпе задвигались пальцы Хэрта. — Она обыщет реку. Пускай зря тратит время. Мы уже обыскали.

— А что, если мы с вами проворонили меч? — засомневался Блиц. — Вдруг ей известен какой-нибудь способ его найти?

— Но он не в реке, — сказал я.

Блиц и Хэрт разом уставились на меня.

— Откуда такая уверенность? — спросил Блиц.

— Не знаю, но просто теперь, когда мы находимся рядом с водой, ясно чувствую то же, что возле своего гроба, — проговорил я, глядя на серую реку во льду. — Ну, это, знаете, все равно что взять в руки жестяную банку. Сразу ведь убеждаешься, пусто в ней или нет. Вот и с мечом у меня сейчас полное ощущение пустоты. Нигде здесь он мне знать о себе не дает.

— Взять в руки жестяную банку, — задумчиво повторил Блиц. — А ты не мог бы направить нас в таком случае к той, которая не пустая, а...

— Вот это было правильно, — прервал его голос Самир аль Аббас.

Стремительно вылетев из-за киоска, она пнула меня в грудь. Я врезался спиной в дерево. Мои легкие распластались, словно бумажный пакет, из которого хлопком ладони вышибли воздух. К тому времени, как я вновь обрел возможность дышать и видеть, Блитцен валялся кулем у стены киоска, руны из кисетика Хэрта рассыпались веером по земле, а над ним самим Сэм занесла свой топор.

— Прекрати! — попытался проорать я, но исторг лишь жалобное сопение.

Хэрт, увернувшись от топора, пошел было в атаку на Сэм, которая тут же выпадом заправской дзюдоистки подсекла его коленом. Эльф плашмя рухнул на спину.

Блитцен предпринял попытку встать. Шляпа его при этом съехала набок, очки слетели, и кожа вокруг его глаз немедленно начала сереть от дневного света.

Сэм развернулась, намереваясь вдарить по нему топором. Я впал в бешенство. Рука сама потянулась к цепочке на поясе. Стоило моим пальцам коснуться ее, она превратилась в меч. Моментально выхватив его из ножен, я им воспользовался как тарелкой фрисби. Со свистом пролетев по воздуху, он врезался в топор Сэм, выбил его у нее из рук и попутно едва не стесал ей лицо.

Она ошалело уставилась на меня, словно не веря происходящему.

— Какого Хельхейма?

— Ты первая начала, — парировал я.

Хэрт, изловчившись, вцепился руками ей в щиколотку. Она отфутболила его резким ударом ноги.

— Прекрати пинать моего эльфа, — потребовал я.

Она откинула назад платок, дав своим темным волосам рассыпаться по плечам, и приняла боевую позу в явной готовности сразиться со всеми нами одновременно.

— Не хочешь помочь мне, Магнус? Останься при мне моя прежняя сила, я бы вырвала из тебя душу за все беды, которые ты мне причинил.

— Допустим, — кивнул я ей. — Но, может, лучше расскажешь, зачем ты здесь? Вдруг мы сможем договориться и даже помочь друг другу.

Блитцен в гневе затряс своими очками, которые не успел еще донести до лица.

— Помочь? Ей? С какой это стати? За то, что она в похоронном агентстве оглушила Хэрта, а у меня по ее милости глаза сейчас превратятся в два куска кварца?

— Не надо было устраивать слежку за мной, — огрызнулась Сэм.

— Фи! — Блитцен поправил шляпу. — Кому надо было следить за тобой, валькирия. Мы просто ищем одно и то же. Меч.

Хэрт, все еще валявшийся на спине, показал из лежачего положения:

— Убейте ее, пожалуйста, кто-нибудь.

— Он это что — вздумал показывать мне неприличные жесты эльфов? — свирено воззрилась на него Сэм.

— Ошибаешься. Это просто АЯЖ — Американский Язык Жестов, — скороговоркой выпалил я, пока она не открыла вновь военные действия.

— Альфский Язык Жестов, — уточнил Блиц.

— Не важно, — поднял я ладони вверх. — Устраиваем перемирие и пытаемся договориться. А перебить друг друга, если понадобится, успеем и позже.

Сэм походила взад-вперед, бормоча себе что-то под нос, и в результате ей удалось отыскать сперва свой топор, а потом мой меч.

«Вот умница, Магнус, — пронеслось у меня в голове. — Теперь у нее все оружие».

Она кинула меч в мою сторону.

— Не надо мне было выбирать тебя для Вальгаллы.

Блитцен хмыкнул.

— Ну, на это никто из нас точно уж возражать не станет. Если бы ты не встряла тогда на мосту...

— Встряла? — вырвался у нее возмущенный вопль. — Да я забрала его уже мертвым. Ты и твой эльф что-то не счень

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

ему помогли своими пищащими стрелами и дурацким дорожным знаком.

Блиц гордо выпрямился во весь рост и выпятил грудь, отчего, впрочем, не сделался ни грознее, ни выше.

— Спешу довести до вашего сведения, что мой друг — великий волшебник рун.

— Да неужели? — без тени почтения проговорила Самира. — Мне как-то было не очень заметно, чтобы его волшебство подействовало на мосту против Сурта.

У Хэртстоуна сделался оскорбленный вид.

— Применил бы, — просигнализировал он. — Но меня отвлекли.

— Вот именно, — поддержал его Блиц. — А что до меня, валькирия, то я обладаю множеством навыков.

— Например? — задиристо осведомилась Самира.

— Например, я в первую очередь привел бы в порядок ваш безобразный костюмчик, — не остался в долгу обиженный гном. — Носить куртку такого цвета с зеленым платком — совершеннейший моветон.

— И кто это, интересно, мне здесь дает советы по стилю? — уперла она руки в бока. — Гном в лыжном шлеме и темных очках?

— У меня проблема во взаимоотношениях с солнечным светом, — закипятился Блиц.

— Ребята, прекратите. Заранее вам благодарен, — прервал их я и помог Хэрту подняться на ноги.

Он, кидая сердитые взгляды на Сэм, принялся собирать в кисет свои плашечки с рунами.

— Так, — снова заговорил я. — А теперь, Сэм, скажи, зачем ты ищешь меч?

— Затем, что он — мой единственный шанс. Затем, что... — Голос у нее дрогнул, и ярости как не бывало. — Затем, что я посчитала твою глупую храбрость достойной. Я наградила тебя Вальгаллой и в результате пожертвовала всем. Если я найду меч, есть надежда, что таны меня восстановят в правах. Я докажу им, что я... что я не...

— Не дочь Локи? — спросил ее Блитцен, но на сей раз в его голосе не прозвучало никакого ехидства.

Сэм опустила топор.

— Вот это мне было бы отрицать просто глупо. Но я работаю не на своего отца, а на Одина и верна ему.

Хэртстоун смерил меня критическим взглядом, в котором легко читалось: «И ты можешь такому верить?»

— Да, я ей доверяю, — произнес я отчетливо вслух.

— Это тоже тебе подсказывает твой баночный инстинкт? — проворчал Блитц.

— Возможно, — ответил я. — Слушайте, мы все четверо хотим найти меч, ведь так? И хотим, чтобы он не попал в руки Сурга.

— Если только Сурт уже не успел его получить, — подхватила Сэм. — И если сумеем разобраться в происходящем. И если предсказание норн окажется не таким ужасным, как прозвучало.

— Есть единственный способ это выяснить, — поднял Блитц вверх свою сумку для боулинга.

Сэм чуть попятилась.

— Что там?

Хэрт, сложив ладонь ковшиком, дважды хлопнул себя по плечу: знак босса.

— Ответы, — сказал Блитц. — Хотим мы этого или нет, но должны посоветоваться с Капо.

Глава XXVIII

ГОВОРИ С ГОЛОВОЙ. КРОМЕ НЕЕ-ТО, У НЕГО БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕТ

Мы следом за Блитцем спустились по эспланаде к причалу с покосившимся полосатым столбом.

— Здесь летом кагаются на гондолах, — сказал я, глядя на ледяную воду лагуны. — Но не думаю, что ты сейчас хоть одну найдешь.

— Нам сейчас просто нужна вода. — С этими словами Блитц сел на пристань и, потянув за «молнию», раскрыл свою сумку.

— О боги! — едва глянув внутрь, воскликнула Сэм. — Это что, человеческие волосы?

— Волосы? Да. Человеческие? Нет, — отрывисто проговорил Блитц.

— Ты хочешь сказать... — Сэм в полной оторопи прижала к груди скрещенные руки. — Нет, не может этого быть. Ты шутишь или действительно на него работаешь? И принес сюда?..

— Он настаивал.

Блитц раздвинул и опустил края сумки, и нам явилась оттуда... Ну да. Ни больше ни меньше. Отрубленная голова. И хотите верьте, хстите нет, но после двух дней, проведенных в Вальгалле, я этому даже не удивился.

Лицо у отрубленной головы было явно мужского пола. Кожа сморщена, как у печеного яблока. Ключки рыже-ржавых волос прилипли к черепу. Кожа вокруг плотно сомкну-

тых впавших век потемнела. Поросший густой бородой подбородок по-бульдожьему выдавался вперед, обнажая кривой частокол нижних зубов.

Блитц совершенно бесцеремонным образом плюхнул голову вместе с сумкой в воду.

— Слушай, чувак, боюсь, речному начальству это совсем не понравится, — заметил я.

Голова покачалась немного. Вдруг вода возле нее закрутилась, пошла пузырями. Лицо начало раздуваться и розоветь. Морщины на коже разгладились. И этот мужик без тела открыл глаза.

Сэм с Хэртом разом рухнули на колени, и она наградила меня тычком в бок, призывая последовать их примеру.

— Лорд Мимир, вы нам оказываете большую честь, — почтительно обратилась к голове Сэм.

Лорд Мимир открыл рот, исторгнув фонтан воды, а из глаз, ноздрей и ушей у него ее вылилось еще больше. Ну вылитый сом, которого только что вытащили со дна озера.

— О, как же я ненавижу... — Голова вновь исторгла солидную порцию влаги, и глаза его, которые были до этого мига белыми, обрели ярко-синий цвет. — Как же я ненавижу, когда приходится путешествовать в этой сумке!

Блитцен отвесил ему поклон.

— Извините, Капо, но выбор-то невелик. Либо сумка, либо аквариум, а он, как известно, средство для путешествия ненадежное. Чересчур легко бьется.

Голова заклокотала. Синие ее глаза, скользнув по лицам присутствующих, остановилась на моем.

— Долгий путь мне пришлось проделать, сын Фрея, чтобы поговорить с тобой. Надеюсь, ты это оценишь.

— Следовательно, вы и есть тот самый таинственный и секретный босс, — покивал ему я. — Выходит, Хэрт с Блитцем пасли меня целых два года по приказу отрубленной головы?

— Я бы на твоём месте, юнец, проявил бы все-таки уважение. — Голос Мимира напомнил мне голоса грузчиков из

«Юнион Холла», легкие которых были наполнены смесью табачных смол и морской воды.

— Говорил же тебе: «Капо», — хмуро на меня глядя, заже-
стикулировал Хэрт. — К-А-П-О. Перевод с итальянского —
голова. Так чему же ты удивляешься?

— Я Мимир, — объявил Капо-Голова, он же босс. — Когда-
то я был одним из могущественных асов. Потом разразилась
война с ванами. А в настоящее время у меня собственное
предприятие.

Внешность Мимира была столь отталкивающей, что я не
мог точно определить: разозлился он на меня или у него про-
сто рожа такая страшная?

— Вы на меня злитесь из-за того, что Фрей отрубил вам
голову? — спросил я.

— Злесь? — хмыкнул он. — Отнюдь. Если бы это случи-
лось, ты сразу бы понял.

Мне сделалось любопытно, как такое на нем отражается?
Может быть, начинает еще свирепее булкать?

— Твой отец был и впрямь отчасти причастен к тем об-
стоятельствам, в силу которых я лишился своего тела. Со-
гласно условиям мирного договора, боги той и другой сто-
роны обменялись пленными. Фрей и его отец Ньёрд стали
жить в Асгарде, а я вместе с асом Хёниром перебрался в Ва-
нахейм.

— И, видимо, это переселение не стало для вас удачным, —
предположил я.

Вода из ушей Мимира забила фонтаном.

— Выглядел я по сравнению с Фреем неважно. Он ведь
был у ванов таким выдающимся генералом. Красавец в бле-
ске и золоте. Их с Ньёрдом и в Асгарде немедленно окру-
жили всякими почестями. А нам вот с Хёниром пришлось
среди ванов совсем не так сладко. Ну, не произвели мы на
них впечатления.

— Да как же так? — мне интересно было узнать причину.

— Ну, Хёнир, скажу прямо, особой харизмой не обла-
дал, — заявил Мимир. — Ваны пытались советоваться с ним

но по поводу важных дел, а он в ответ на все их вопросы только невнятно бубнил: «Ну, можно и так. И по-другому тоже, в общем, будет неплохо». Я-то как раз пытался их направлять. Уговаривал, чтобы они занялись казино.

— Казино? — Мне показалось, что я его плохо расслышал.

— Именно, — подтвердил он. — В Ванахейм прибывают автобусы, полные пенсионеров. Быстрые, легкие деньги. А еще я им говорил: «У вас же полно драконов. С ними можно устроить скачки на небе. Это вам принесет огромную прибыль».

Я покосился на Блитца и Хэрта. Они с покорной почти-тельностью внимали боссу, и вид у них был такой, словно им уже приходилось слушать эту историю множество раз.

— Ну да что теперь говорить, — продолжал Мимир. — Ваны не поняли ценность и дальновидность моих советов. Мало того, ощутили себя обманутыми при обмене пленными. В виде протеста они отрубили мне голову и отравили ее Одину.

— Возмутительно. А могли бы иметь казино и драконьи бега, — живо отреагировал я.

Сэм постаралась меня заглушить громким кашлем, затем почтительно проговорила:

— Разумеется, что теперь и асы и ваны вас чтут, великий Мимир. И Магнус совсем не хотел оскорбить вас своими словами. Он не так глуп.

И она кинула на меня полный ярости взгляд под названием в-жизни-еще-не-встречала-подобного-идиота.

Вода вокруг головы Мимира забулькала в бешеном темпе. Она струилась теперь у него не только из глаз, но и из всех нор на коже.

— Забудь об обиде, сын Фрея. Я не держу ее. Один тоже сдержался от мести, когда получил мою голову. Всеобщий Отец ведь мудр. Он понимал, что асам и ванам нужно объединиться против общего врага. Я имею в виду Тριάд.

— М-м-м, — протянул вдруг Блицен, старательно поправляя шляпу. — Осмелюсь заметить, вы, вероятно, имели в виду великанов, босс?

— Ну да, их самых, — легко согласился с поправкой Мимир. — В общем, Один отнес меня в Йотунхейм, где находится тайная пещера с волшебным источником, что питает корни дерева Иггдрасиль. Там он поместил мою голову прямо в колодец. Вода возвратила мне жизнь, и я впитал все знания Мирового Дерева. Мудрость моя увеличилась в тысячи раз.

— Но вы остались по-прежнему только... отрубленной головой, — снова не удержался я.

Голова в воде гордо вскинулась.

— Это ни в коей мере не мешает мне успешно действовать во всех Девяти Мирах. Займы. Защита. Игровые автоматы патинко...

— Патинко? — переспросил я.

— О-о, это огромный рынок, — покивала мне из воды голова. — К тому же я постоянно работаю над проблемой недопущения Рагнарока. Он плох для бизнеса.

— Ну, наверное. — Убедившись, что эта беседа может продлиться еще невесть сколько времени, я все же решил сесть. Сэм и Хэрт тут же последовали моему примеру. Вот трусы!

— Один тоже время от времени приходит ко мне за советами, — сообщила с гордостью голова. — Я его консьильери. Советник. Колодец знаний находится под моей охраной. Иногда позволяю испить его вод путешественникам. Разумеется, не бесплатно. Такое должно иметь свою цену, — веско добавил он, и слово «цена» накрыло всех нас, как тяжелое душное одеяло.

Блитцен замер в столь неестественной позе, что я на какой-то момент испугался, не окаиенел ли он. Хэртстоун вперился взглядом в настил причала, словно его вдруг безумно заинтересовала структура дерева. Мне стала ясна причина, по которой мои друзья попали под власть Мимира. Испили из его вод, простите меня за двусмысленность, и оказались вынуждены заплатить за это двухлетним наблюдением за мной. Интересно, стоили ли того знания, которые им открылись?

— Ну и что же вы от меня-то хотите, Великий Мимир С Большими Связями? — нарушил я молчание.

Мимир выплюнул пескаря.

— Надо ли мне говорить тебе это, юнец? Ты сам уже все знаешь.

Меня подмывало ему возразить, однако, чем дольше я его слушал, тем явственней ощущал себя так, будто бы вместо воздуха мои легкие наполнялись чистым кислородом. Не скажу, чтобы Капо сильно меня вдохновлял. Тем не менее рядом с ним голова моя стала варить куда лучше прежнего и множество странностей, с которыми я столкнулся за последние несколько дней, сплелись в единый узор.

В памяти вдруг всплыла иллюстрация из детской книжки скандинавских мифов. Сюжет ее был столь ужасен даже в малышом варианте, что мое подсознание моментально меня от него заблокировало на многие годы. И вот теперь...

— Волк, — сказал я. — Сурт хочет освободить волка Фенрира.

У меня еще теплилась надежда, что кто-нибудь начнет мне возражать. Но Хэрт лишь склонил в согласии голову, а Сэм закрыла глаза, как в безмолвной молитве.

— Фенрир, — произнес дрожащим голосом Блитцен. — Я полагал, что никогда не услышу больше этого имени.

Мимир продолжал исторгать ручьями из глаз ледяную воду. Губы его изогнулись в полуухмылке.

— Ну-ка, сын Фрея, рассказывай, что ты знаешь про волка Фенрира?

Я поднял до самого горла молнию на своей охотничьей куртке. Ветер с реки мне стал казаться слишком холодным.

— Поправьте меня, если я в чем-нибудь ошибусь. И, если честно, хотелось бы мне ошибиться. Множество лет назад у Локи случился роман с великаншей, и у них родилось трое жутких детей.

— Я не одна из них, — быстро пробормотала Сэм. — И прошу воздержаться от шуточек. Я их все уже слышала.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Хэртстоун дернулся с таким видом, будто она прочла его мысли.

— Первым у них родился огромный Змей...

— Юрмунганд, — подсказала мне Сэм. — Мировой Змей, которого Один выкинул в море.

— Второй была Хель, — продолжил я. — Она стала кем-то вроде богини мертвых преступников.

— А третьим стал волк Фенрир, — тоном, исполненным боли и горечи, изрек Блитцен.

— Похоже, ты знаешь, о чем говоришь, — посетила меня догадка.

— Каждый гном о Фенрире знает, — принялся объяснять он. — Как раз в связи с ним асы к нам первый раз и обратились за помощью. Фенрир к тому времени окончательно разошелся и грозил сожрать всех богов. Они несколько раз его связывали, но он разрывал все цепи.

— И только гномы смогли сделать цепь, которая оказалась достаточно прочной, — вспомнил я.

— С тех пор-то, — кивнул мне Блитцен, — дети Фенрира и стали врагами гномов. — Он посмотрел на меня. Мое лицо отразилось в стеклах его очков. — Ты не единственный, кого волки лишили семьи, сынок.

Я испытал вдруг дикое для себя желание крепко его обнять. И разом перестал злиться на то, что он с Хэртом следил за мной столько времени. Мы оказались братьями не только по бездомной жизни, но и еще по какой-то причине. И все-таки что-то в последний момент удержало меня от нежностей. Из этого можно, наверное, вывести закономерность: если вам вдруг захотелось обнять гнома, значит, для вас настала пора двигаться дальше.

— В Рагнарок, то есть в судный день, первым событием станет освобождение Фенрира.

— В предании точно не сказано, как именно это произойдет, — дополнила меня Сэм.

— Один из путей — разрубить на нем путы, — сообщил Блитц. — Цепь Глейпнир практически неразрубаема, но...

— Меч Фрея, — заработал руками Хэрт. — Самый острый в Девяти Мирах.

— Сурт хочет освободить Волка мечом моего отца. Правильно? — обратился я к Мимиру.

— Недурно, — пробулькала одобрительно голова. — Вот мы и подходим к сути стоящей перед тобой задачи.

— Остановить Сурта, — принялся формулировать ее я. — Пойти меч прежде, чем он... Ну, если, конечно, Сурт еще его не нашел.

— Не нашел, — убежденно булькнул Мимир. — Уж можешь мне поверить. Такое событие повергло бы в трепет все Девять Миров, и воды Иггдрасиля приобрели бы вкус страха.

— Бр-р, — поежился я.

— Ты даже представить себе не можешь, какой это был бы вкус, — покровительственно поглядел на меня Мимир. — Но суть в том, что тебе надо поторопиться.

— Предсказания нори? — спросил я. — «Девять дней к востоку» и тэ дэ и тэ пэ?

Вода пузырилась из ушей Мимира.

— Почти уверен, что норны не говорили «и тэ дэ и тэ пэ», но в остальном ты полностью прав. Остров, где боги держат в плену Фенрира, доступен лишь в первое полнолуние каждого года. А оно начинается ровно через семь дней.

— И кто только придумал такое правило? — возмущился я.

— Я придумал, — ответила голова. — Так что закрой-ка рот и доберись до острова прежде Сурта.

Сэм подняла руку.

— Лорд Мимир, мне совершенно ясно, что нам обязательно нужно отыскать меч. Но я не понимаю, зачем нам везти его на остров? Ведь Сурт именно этого и добивается. Ну, чтобы он там оказался.

— Вы не понимаете, а я понимаю, — самодовольно запенилась водой голова. — Именно потому, мисс Аббас, я босс, а вы — нет. Ясное дело, везти меч на остров очень рискованно. Сурт и впрямь может им воспользоваться и освободить

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Волка. Но, с мечом или без, он найдет способ избавить его от пут. Я, кажется, упоминал, что могу видеть будущее, не так ли? Так вот, единственный, кто способен остановить Сурта, — это Магнус Чейз. При условии, если он найдет меч и научится правильно с ним обращаться.

Прошло с минуту, как я последний раз раскрыл рот, поэтому я себя счел в полном праве нарушить столь затянувшееся молчание.

— Достопочтенный Лорд Пузырей!

— Мимир, — строго фыркнул на меня он.

— Если этот меч играет такую важную роль, как же ему позволили целую тысячу лет проваляться на дне реки Чарльз?

Мимир пенно вздохнул.

— Мои постоянные подручные не задают мне столько вопросов.

Блицт крикнул.

— Вообще-то задаем, босс. Но вы просто нас игнорируете.

— Отвечаю тебе, Магнус Чейз, — не удостоила вниманием его реплику пенная голова. — Найти меч дано только потомку Фрея, вступившему в возраст зрелости. Многие предпринимали попытки, но или погибли, или вернулись ни с чем. В данный момент ты — единственный из живущих потомков Фрея.

— Единственный? Во всем мире?

— Во всех Девяти Мирах, — уточнил Мимир. — Фрей последнее время мало куда выходит. Твоя мама была, вероятно, и впрямь особой немисливо выдающихся качеств, иначе не привлекла бы до такой степени его внимание. С тех пор, как ты появился на свет, многие в Девяти Мирах стали ждать с нетерпением дня, когда тебе стукнет шестнадцать. И боги, и великаны, и букмекеры, ну и другие. Кто жаждет убить тебя, чтобы меч не попал в твои руки, а кто, наоборот, желает тебе успеха.

Затылок мне закололи тысячи раскаленных иголок. Мысль о том, что с самых первых дней жизни за мной, как

да подопытным кроликом, пристально наблюдала в свои асгардианские телескопы кучка богов, повергла меня в ужас и омерзение. Маме, должно быть, все это было известно, вот она и старалась изо всех сил обеспечить мне безопасность и привить необходимые навыки для выживания. А в ту ночь, когда волки напали на нашу квартиру, она пожертвовала своей жизнью, чтобы спасти мою.

Я встретился с сочащимся влагой взглядом Капо.

— Ну а вы-то чего хотите?

— Ты очень рискованная ставка, Магнус. В твоей жизни пересеклось множество судеб. Победив, ты отбросишь назад Силы Зла и отсрочишь приход Рагнарока. А проигрыш твой, наоборот, ускорит его наступление.

Горло сжало спазмом. Я шумно сглотнул.

— Ускорит? Насколько?

— Ну как тебе, к примеру, следующая неделя?

— Ох! — только и вырвалось у меня.

— Но я все же решил на тебя поставить, — продолжила голова. — Как только дети Фенрира расправились с твоей мамой, Хэрт и Блицц были посланы мной тебя охранять. Ты даже представить себе не можешь, сколько раз они спасали твою жизнь.

Хэрт показал мне семь пальцев.

Меня затрясло. Но совершенно не от открытия, что я семь раз был на грани гибели. Дети Фенрира, два омерзительных волка с голубыми глазами. Они меня повергали в дрожь.

— Эта маленькая команда тебе потребуется и дальше, чтобы добиться успеха, — указал взглядом Мимир на Блицца и Хэрта. — Хэртстоун посвятил жизнь изучению магии рун. Без его знаний победить тебе не удастся. И без такого умелого гнома, как Блиццен, — тоже. Он знаток гномских ремесел. А ты, возможно, встанешь перед необходимостью укрепить пути Волка или даже заменить их.

Блиццен заерзал.

— Ну, босс, мои ремесленные навыки... Вы же знаете...

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Прекрати, — осадил его тот. — Ни один гном не наделен столь отважным и преданным сердцем, как ты. Ни один гном не забирался столь глубоко в Девять Миров. И ни один гном не испытывает такого страстного желания навеки оставить Фенрира в его оковах. К тому же ты у меня на службе. Поэтому сделаешь то, что я прикажу.

Блитцен кивнул.

— Ну, если вы так вопрос ставите...

— А я? — вмешалась вдруг Сэм. — Какую роль вы отводите мне, лорд Мимир?

Он нахмурился, и вода вокруг его бороды пошла густозелеными пузырями.

— Ваше присутствие не входило в мой план. Судьба ваша скрыта облаком, мисс аль Аббас. Отвести Магнуса в Вальгаллу! Совершенно вразрез всему. Это не должно было произойти.

Сэм отвернулась. Губы ее крепко сжались и побелели от ярости.

— Нет, у нее должна быть роль, — решительно выступил я. — Совершенно уверен.

— Я не нуждаюсь в твоём покровительстве, Магнус, — сердито проговорила она. — А выбрала тебя потому, что... — Она рсеклась. — Потому что это должно было произойти.

Я вспомнил, что она мне сказала в Трапезной Павших Героев: «Нет, выбор не мог быть неправильным... Ведь мне говорили... Мне обещали...» Кто говорил и что обещал? Но сейчас неуместно было ей задавать такие вопросы.

Мимир какое-то время внимательно на нее глядел.

— Ну что ж, мисс Аббас, возможно, вы были правы, — наконец сказал он. — Вынув впервые меч из реки, Магнус не слишком-то хорошо с ним управился. Будем надеяться, что, став эйнхерием, он обрел достаточно сил. Если так, то решение ваше верно. Что, впрочем, не исключает, что вы внесли путаницу в его судьбу.

— Мы добьемся успеха, — с еще большим нажимом проговорил я. — Остается всего два вопроса: где меч и где остров?

Мимир кивнул, приобретя на мгновение сходство с гигантским поплавром.

— Вот мы и приблизились к сути проблемы, не правда ли? Для получения такой информации мне придется разорвать завесу между мирами, подмазать, где надо, и заглянуть в царства других богов.

— А вы не могли бы престо испить эту информацию из вашего волшебного колодца? — выдал самый короткий путь я.

— Мог бы, — подтвердил он. — Но это вам обойдется... — Он выдержал паузу. — Вы с Самирой аль Аббас готовы связать себя службой мне?

Лицо Хэрта застыло в тревоге. А Блитц напряжился, словно готовый с места в карьер подскочить ко мне с воплем: «Не соглашайся!».

— А не могли бы вы в качестве исключения сделать это бесплатно? — осведомился я у Капо. — У вас же тут свой интерес. Разве вы не хотите, чтобы работа прошла успешно?

— Исключения невозможны, юноша, — отрезал Капо. — И это отнюдь не жмотство с моей стороны. Просто так уж устроено: сколько готов заплатить, ровно столько и получишь. Доставшееся легко ничего и не стоит. В особенности это касается знания. Хочешь выиграть время, плати за необходимую информацию ее цену. А не желаешь платить, ищи ее сам. Только ведь это долгий и трудный путь.

— Прошу прощения, лорд Мимир, — скрестила почтительно на груди руки Самира, — но, хоть меня и выкинули из сестринства валькирий, я по-прежнему считаю себя на службе у Одина и к другому хозяину перейти не могу. Магнус, конечно, может решать как хочет, но...

— Мы сами все выясним, — подхватил я.

Наше решение привело Капо в полное замешательство. Он явно такого не ожидал.

— Интересный выбор, — изрек он с досадливым плеском. — Что же, счастливой попытки. Если добьетесь успеха и победите, предоставляю вам право бесплатно играть во

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

всех моих заведений с автоматами патинок. Ну а в случае неудачи увидимся на следующей неделе во время судного дня.

Голова бога вдруг бешено закрутилась и исчезла в льдистой воде лагуны.

— Слился, — констатировал я.

Хэрт сделался даже бледнее обычного.

— И что теперь?

Я вдруг почувствовал жуткий голод. Со вчерашнего вечера у меня ведь ни крошки во рту не было, а организм мой, видать, успел уже изрядно избаловаться регулярной викингской кормежкой на убой.

— Что делать? — переспросил я. — Да конечно же, где-нибудь поскорей пообедать.

Глава XXIX

ЛЫСЫЙ ОРЕЛ — ЛЮБИТЕЛЬ ФАЛАФЕЛИ

На обратном пути через парк мы в основном помалкивали. В воздухе пахло приближающейся метелью. Поднявшийся ветер по-волчьи выл. А может быть, просто посвистывал, как обычно делает сильный ветер, а мне просто везде мерещился волчий вой.

Блиц, прихрамывая, перемещался от одной тени к другой. Ярко-полосатый шарф Хэрта совершенно не соответствовал мрачному выражению его лица. Мне хотелось его расспросить на предмет рунной магии, раз он такой знаток в этой области и вообще единственный из живущих смертных, кто ею владеет. В основном-то меня интересовало, нет ли какой-нибудь руны, с чьей помощью можно взрывать волков, и желательно с безопасного расстояния. Но задавать Хэрту вопросы сейчас было явно бессмысленно. Он шел, глубоко засунув руки в карманы, а это у него значило: не хочу разговаривать.

Мы как раз проходили мимо моего старого доброго спального места под мостом, когда Сэм проворчала:

— Мимир. Я должна была знать, что он в это дело замешан.

Я ехидно на нее глянул.

— А не ты ли только что вся от почтения исходилась? Лорд Мимир, вы оказали нам честь, мы польщены...

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

— Естественно, если уж он нам явился, я должна была обращаться к нему почтительно, — перебила она меня. — Как-никак, один из старейших богов. Но он совершенно непредсказуем. Всегда трудно определить, чью он сторону занимает.

Блитцен хрым прыжком сиганул в тень от ивы, спугнув нескольких уток.

— Капо всегда на стороне тех, кто не хочет умирать. Неужели вам этого мало?

Сэм язвительно фыркнула.

— Поэтому-то вы на него и работаете, да? Исключительно по доброй воле и зову сердца. И, разумеется, вам даже мысли не приходило испить из его колодца в обмен на определенную плату.

Блитц и Хэрт понуро молчали.

— Ну, что и требовалось доказать, — тряхнула головой Сэм. — Но я не часть плана Мимира и пить его лимонад магических знаний не собираюсь.

— На лимонад непохоже, — возразил Блитц. — Больше напоминает пиво из корнеплодов с легким оттенком гвоздики.

Сэм повернулась ко мне:

— Тут явно что-то не складывается. Я понимаю, найти Меч Лета. Но тащить его после этого на остров, именно туда, где Сурт им и намерен воспользоваться в своих целях... — Она развела руками. — По-моему, крайне неосторожно и вряд ли мудро.

— Но меч-то будет уже у меня в руках и...

— Магнус, — не дослушала меня она. — Твой отец отдал меч, и за это в Рагнарок должен быть убит Суртом. Так уж назначено судьбой. Так написано в большинстве историй. А значит, меч все равно рано или поздно окажется у Сурта.

Меня от таких предсказаний кидало в жуть. Страшно было даже представить себе, что вот так живешь и загодя знаешь, какая смерть тебе суждена. Тут, по-моему, даже бог может спятить.

— А почему Сурт так ненавидит именно моего отца? — не понимал я. — Гораздо логичнее ему было бы выбрать для этого какого-нибудь большого и сильного бога войны.

— Сынок, — с хмурым видом проговорил Блитцен. — Сурт жаждет сеять смерть и разрушения. Он жаждет пустить безудержный шквал огня по всем Девяти Мирам. Бог войны не в силах такого остановить, а Фрей в силах. Он — бог сезонов расцвета в природе. Бог здоровья и новой жизни. Он — враг крайностей. Он сдерживает и лед и огонь. А Сурт не выносит препятствий у себя на пути. Поэтому твой отец его естественный враг.

«А как следствие, Сурт ненавидит меня», — отметил про себя я, а вслух поинтересовался:

— Но если Фрей точно знал, какая судьба его ждет, то зачем расстался с мечом?

— Известное дело зачем. Любовь, — тяжело вздохнул Блитц.

— Любовь? — вытаращился на него я.

Сэм поморщилась.

— Ненавижу эту историю. Лучше, Магнус, решай скорее, куда поведешь обедать?

Что до меня, то какая-то часть моего существа просто жаждала услышать эту историю, а другая напомнила мне слова Локи: «Решишься ли ты искать то, чего жаждет твое сердце, если тебе при этом будет известно, что после тебя ожидает совсем незавидная участь?»

Я уже убедился: у большинства скандинавских историй одна и та же мораль: знание не всегда равноценно заплаченной за него цене. Мне бы следовало хорошенько подумать об этом. Но я, на свое несчастье, всегда отличался большим любопытством.

— Ну, обед, полагаю, нас ждет вон там, впереди, — ответил я на вопрос Сэм. — Пошли.

Ресторанный дворик в так называемом Государственном транспортном здании Бостона, конечно, не шел ни в какое сравнение с Трапезной Павших Героев, но для бездомного

был почти что Вальгаллой. Во-первых, располагался он в теплом атриуме, во-вторых, в него мог спокойно прийти кто угодно, в-третьих, там всегда оказывались свободные столики и, в четвертых, он охранялся не полицейскими, а только частной службой охраны. Достаточно стакана с каким-нибудь напитком или тарелки с недоеденной едой, и можешь сидеть там хоть целую вечность.

Едва оказавшись внутри, Блитцен с Хэртстоуном направились напрямик к контейнеру, куда посетители скидывают с подносов обеды.

— Стоп, ребята, — гордо остановил их я. — Сегодня едим настоящую пищу. Я угощаю.

Хэрт, подняв удивленно брови, изобразил вопрос:

— У тебя что, есть деньги?

— У него здесь есть друг, — тут же напомнил ему Блитц. — Парень, который торгует фалафелью.

Сэм замерла.

— Что-о?

И она принялась с таким видом озираться по сторонам, словно до нее только сейчас дошло, где мы находимся.

— Спокуха, все схвачено, — поспешил ее успокоить я. — Я действительно знаю парня, который работает в «Фалафели Фадлана». Ты еще мне спасибо скажешь. У них потрясающе вкусно.

— Нет... Я... О боги, — похоже, ничуть не успокоилась Сэм и, натянув платок чуть не до самых глаз, тихо бросила: — Я не могу. Может, мне лучше вас подождать снаружи?

— Не дури, — решил я, что она стесняется есть бесплатно.

Блитц взял ее за руку.

— Если с нами увидят такую хорошенькую девушку, нам, возможно, достанется больше еды.

Сэм явно хотелось скорее слиться отсюда, но она все же позволила Хэрту и Блитцу усадить себя за столик. Видимо, следовало бы обратить побольше внимания на нее, а точнее, на то, как она неуютно здесь себя чувствует. Но стоит мне приблизиться на сто футов к «Фалафели Фадлана», как я забываю решительно обо всем на свете, кроме нее.

С менеджером этого заведения Абделем я успел за два года бездомной жизни наладить крепкие дружеские отношения. Думаю, я для него был чем-то вроде благотворительного проекта.

У него всегда оставались излишки еды. Чуть зачерствевшая пита, вчерашняя шаурма, пересушенный под лампой подогрева кебаб... За деньги уже посетителям этого не продашь, но ведь вполне съедобно. И вместо того, чтобы выкинуть такую еду на помойку, Абдель отдавал ее мне. Когда бы я ни явился к нему, мог наверняка рассчитывать на сэндвич с фалафелью или какую-нибудь другую вкуснятину. А в благодарность приглядывал за другими бездомными в атриуме, чтобы они прилично себя вели и не отпугивали посетителей, которые едят у Абделя за деньги.

В Бостоне вы не найдете ни одного квартала, где бы не было какой-нибудь иконы свободы. Тропа Свободы, вымощенная красным кирпичом. Старая Северная церковь. Монумент Банкер-Хилл. И еще многое в том же роде. Но лично мою свободу и независимость воплощали не все эти намятники истории, а «Фалафель Фадлана», которая надежно поддерживала меня с той самой поры, как погибла мама.

Мне не хотелось смущать Абделя компанией, которую я притащил с собой, поэтому я велел Блитцу и Хэрту оставаться за столиком, а к прилавку отправился вместе с Сэм. Она тащила следом за мной так медленно, будто ей стало вдруг тяжело ходить, и проделывала при этом какие-то диковинные манипуляции со своим зеленым платком, похоже, стараясь в нем спрятаться.

— Что с тобой? — наконец не выдержал я.

— Может, конечно, его сейчас здесь и нет, — с безумным видом пролетела она. — Или лучше всего сказать, что я твой репетитор.

Не врубившись, о чем она, я подошел вплотную к прилавку, а Сэм предпочла задний план, явно пытаясь укрыться за фикусом в кадке.

— Абдель здесь? — спросил я у парня на кассе.

Не успел он мне ответить, как из кухни, улыбаясь и на ходу вытирая руки о фартук, возник сын Абделя, Амир.

— Джимми, как жизнь? — поприветствовал он меня.

Я расслабился. После Абделя Амир здесь был следующим самым лучшим. Лет девятнадцати, стройный и привлекательный, с прямыми темными волосами, татуировкой арабским шрифтом на бицепсе и такой ослепительной белозубой улыбкой, что мог бы спокойно продать целый грузовик отбеливающей зубной пасты. В фалафельной он, как и все остальные, знал меня под именем Джимми.

— Жизнь нормально, — ответил я. — А как отец?

— Он сегодня в Сомервилле. Тебе поехать?

— Ты классный.

Амир рассмеялся:

— Да ладно тебе.

Тут он скользнул взглядом мне за плечо. Улыбку как стерло с его лица, а сам он остолбенел.

— Самира? Ты что здесь делаешь?

Она, еле переставляя ноги, проковыляла вперед.

— Привет, Амир. Я тут, видишь ли, Ма... то есть Джимми уроки даю.

— Ну да? — Амир уперся локтями в прилавок, бицепсы на его руках напряглись.

Этот чувак целыми днями пахал во всех заведениях своего отца, умудряясь при этом не посадить ни единого пятнышка на футболку.

— Разве ты не должна быть сейчас на занятиях? — продолжал удивляться он.

— Да ты понимаешь, — медленно начала она, явно избретая ответ на ходу, — мне за занятия с учениками вне кампуса начисляются дополнительные баллы. Вот я и взялась подтягивать Джимми и его одноклассников. — И она указала на столик, где Блитц с Хэртом вели на языке жестов яростный спор, выписывая руками круги и другие фигуры. — По геометрии их подтягиваю, но, боюсь, они в ней безнадежны.

— Безнадежны, — немедленно поддержал ее я. — Но фалафель поможет нам заниматься получше.

— Ладно, если чего, я тебя прикрою, — заговорщицки посмотрел Амир на Самире. — А тебя, Джимми, рад видеть. Так здорово, что с тобой все в порядке. А то вчера эта история на мосту... В газетах была фотография погибшего парня. Он так похож на тебя. Имя, конечно, другое, но мы все равно встревожились.

А мне, из-за полной заикленности на фалафели, даже в голову не пришло, что они запросто могут все сопоставить.

— Ах да. Я тоже видел газеты, — постарался, как мог, спокойно проговорить я. — Но со мной-то порядок. Видишь, с преподавательницей геометрии занимаюсь.

— Ну-ну, — улыбнулся Самире Амир.

Неловкость стусилась такая, что хоть топором разрубай.

— Ладно, Самира, большой привет от меня Джиду и Биби, — к счастью, заторопился он. — Идите к своим за столик. Сейчас притащу вам еду.

Сэм пробубнила нечто невнятное. То ли «спасибо, ты очень любезен», то ли «сдохнуть мне лучше бы прямо на месте», и мы присоединились к Блитцу и Хэрту.

— Ну и ну, — уселся я поудобней на стул. — Откуда ты знаешь Амира?

Самира надвинула еще ниже платок на лоб.

— Не придвигайся так близко ко мне, — процедила она сквозь зубы. — И постарайся выглядеть как ученик, с которым мы обсуждаем исключительно геометрию.

— Треугольники, — начал отчетливо я. — Четырехугольники. Только не понимаю, чего смущаться-то? — перешел я почти на шепот. — Амир — классный парень. А если ты знаешь семейство Фадлан, твой имидж, считай, для меня поднялся до уровня рок-звезды.

— Он мой кузен, — сердито выпалила она. — Двоюродный, а может, троюродный. Ну, что-то в этом роде.

Я перевел взгляд на Хэрта. Он сердито уставился в пол. Блитцен сидел без маски и очков. Искусственный свет, ве-

роятно, ему не вредил. Лицо его было мрачно, руки нервно возили взад вперед пластиковую вилку по столу. За время нашего с Сэм отсутствия они явно успели хорошенько поссориться.

— Но почему ты так нервничаешь? — вновь обратился я к Сэм.

— Ты когда-нибудь прекратишь? — раздраженно спросила она.

Я в виде капитуляции поднял вверх руки.

— Кажется, лучше начать по новой. Привет всем. Я Магнус, и я эйнхерий. Если уж мы не собираемся изучать геометрию, может, хотя бы обсудим, с чего начать поиски Меча Лета?

Ответа ни от кого из троих не последовало. Мимо, клюя на ходу какие-то крошки, вразвалку проковылял голубь.

Я оглянулся на фалафельную. Амир по каким-то причинам опустил металлическую штору. Странно. Ни разу раньше не видел, чтобы он в обеденное время закрывал заведение. Меня одолела тревога. Что, если он на Сэм за что-то обиделся и теперь снимет меня с довольствия?

Если так, это полная катастрофа. Просто с ума сойти.

— Что случилось с нашей едой? — произнес я вслух.

— Могу посодействовать с тем и с другим вопросом, — тоненьким голосом просипели у моих ног.

Я глянул вниз и, закаленный событиями последней экстрим-недели, не только не вздрогнул, но даже особенно не удивился, поняв, кто со мной говорит.

— Братцы, — спокойненько посмотрел я на остальных. — Этот голубь нам вроде хочет помочь.

Голубь тут же вспорхнул на наш стол. Хэрт вздрогнул, едва не свалившись со стула. Блитц воинственно выставил вперед пластиковую вилку.

— Здесь иногда обслуживают очень медленно, — просипел голубь. — Я, однако, могу ускорить доставку вашего заказа, а также сообщить, где следует искать меч.

— Это не голубь, — схватилась за топор Сэм.

Тот скосил на нее оранжевую бусинку глаза.

— Может, и нет, — не опроверг он ее утверждения, — но, если убьешь меня, никогда не получишь обеда, не найдешь меч и не увидишь снова своего суженого.

Глаза у Сэм стали такие, словно из них сейчас во все стороны полетят разрывные пули.

— О чем это он? Что там и где еще сужено? — не совсем разобрался я.

Голубь заворковал.

— Если хотите, чтобы «Фалафельная Фадлана» снова открылась...

— Да ты нам, никак, войну объявляешь? — разозлился я.

Меня подмывало схватить беспардонную итицу, однако что-то мне подсказало в последний момент, что даже при всех эйнхериевских апгрейдах попытка вряд ли пройдет успешно. Поэтому я просто спросил:

— Что ты сделал с Амиром?

— Пока ничего, — небрежно просипел он. — И обед вам сейчас доставят. Только одно условие: я начинаю есть первый.

— Ну, предположим, я тебе поверил, — осторожно произнес я. — Что ты хочешь в обмен на сведения о мече?

— Услугу за услугу, — внесло некоторую ясность нахальное пернатое. — Допускаю возможность торга. Ну, мы договорились или фалафельное заведение останется навсегда закрытым?

Блитцен покачал головой.

— Нет, Магнус.

Хэрт показал:

— Голубям доверять нельзя.

Сэм не мигая смотрела в упор на меня, и во взгляде ее мольба смешалась с безумием. То ли фалафель ей нравилась даже больше, чем мне, то ли ее волновало что-то совсем другое.

— Ладно, — сказал я голубю. — Тащи наш обед.

Железная штора немедленно взмыла вверх. Парень за кассой стоял, замерев неподвижной скульптурой, прижи-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

мающей к уху мобильник, однако мгновение спустя размозился, глянул через плечо и прокричал названия блюд в заказе столь будничным тоном, словно вообще ничего не произошло.

Голубь, снявшись с места, пролетел сквозь все кафе и исчез за прилавком фалафельной. Кассир, кажется, даже и не заметил его. Как, впрочем, не обратил внимание и на то, что почти тут же из его заведения вылетела птичка куда больше голубя, а именно лысый орел, держащий в лапах поднос, с которым и приземлился в центр нашего стола.

— Значит, теперь ты орел, — отметил я очевидное.

— Да, — произнес он прежним осипшим голосом. — Обожаю модификации. Вот ваша еда.

На подносе стояло все, что я только мог пожелать. Парящие квадратики пряного рубленого мяса в тесте. Горка бараньих кебабов с мятным йогуртовым соусом. Четыре свежих питы, украшенные сверху кусочками маринованных овощей и начиненных шариками из нутовой пасты с тахинной подливой.

— О Хельхейм! О да! — Я с торжествующим воплем жадно потянулся к подносу, но голубь меня клюнул в руку.

— погоди, погоди. Я первый.

Вы когда-нибудь видели, как орел поедает фалафель? Эта ужасающая картина теперь преследует меня в ночных кошмарах.

Не успел я и глазом моргнуть, как эта лысая тварь спылесосила с подноса все, кроме крохотного кусочка маринованного огурца.

— Эй! — жалобно взвыл я.

Сэм, вскочив на ноги, занесла над птицей топор.

— Это великан. Другого и быть не может.

— Уговор есть уговор, — спокойно отреагировав на ее слова, сытно рыгнул орел. — Что ж, перейдем к проблеме меча.

С яростным кличем мужчины, лишившегося своей законной фалафели, я выхватил меч и плашмя ударил им орла.

Не самый, согласен, разумный поступок с моей стороны, но я в тот момент был зол и ужасно голоден. К тому же не выношу, когда меня надувают, и питаю мало симпатии к лысым орлам.

Меч пришелся птице по спине и прилип к ней, словно намазанный суперклеем. Я попытался его оторвать, но держался он намертво, а руки мои столь же фундаментально приросли к рукояти.

— Ладно, — презрительно просипел орел. — Можем и так позабавиться.

И, волоча меня за собой, он со скоростью шестьдесят миль в час понесся сквозь дворик атриума.

Глава XXX

ЯБЛОЧКО ИЛИ ЖИЗНЬ

Я самым решительным образом добавил в свой список ненавистных занятий серфинг с орлом.

Этому кретину с лысой башкой совершенно не следовало взлетать, таща с собой на буксире достигшего зрелого возраста Магнуса Чейза. Тем не менее он именно это и сделал.

Блитор и Сэм за моей спиной выкрикивали крайне полезные рекомендации вроде: «Остановись! Не надо!» — пока орел знай себе тащил меня через ресторанный дворик, колотя моим бедным телом о столы, стулья и растения в кадках. Таким образом мы с ним добрались до раздвижных стеклянных дверей, пролетев сквозь которые проклятый орел взмыл вместе со мной над Чарльз-стрит. Мужик, спокойно себе обедавший в своей столовой на десятом этаже дома напротив, выстрелил изо рта картечью крошек из сырных кукурузных палочек «Читос». Вот так, видать, он удивился, когда мы просвистели мимо его окна, на котором остался хорошенький отпечаток моей подметки.

— Отпусти меня! — проорал я лысой пернатой твари.

— А ты уверен? — сипло прохохотал этот гад. — Ты лучше глянь-ка, где мы.

Я извернулся, лишь чудом избежав в последний момент столкновения с промышленным кондиционером, и, протара-

нив грудью кирпичную трубу, пропахал дальше за орлом, вошедшим в пике по другую сторону дома.

— Ну? — просинел он. — Ты созрел до переговоров насчет услуги за услугу?

— С голубем-мутантом, сожравшим фалафель? Нет уж, благодарю покорно! — был мой ответ.

— Как тебе будет угодно.

И он, резко поменяв курс, впечатал меня в пожарную лестницу. Я услышал треск собственных ребер. Грудь пронзило столь сильной и резкой болью, словно в легкие мне вонзили разом тысячи игл. Желудок свернулся от спазма, и хорошо еще, что был при этом пустым, иначе у них на пожарной лестнице вышло бы неаккуратненько.

Мы с орлом взмыли над церковью на Бойлстон-стрит, и он закружил меня над ее шпилем. В моей обалдевшей башке почему-то всплыли строки Лонгфелло о герое войны за независимость Поле Ревире, который огнями на Северной церкви должен был подать знак своим, откуда их собираются атаковать англичане: «Коли пехота — один огонь, а коли корабли, то два».

Я, видите ли, вдруг задумался, сколько бы этому Полу Ревире понадобилось огней, коли он вдруг увидел бы над своей головой орла с таким чуваком, как я, на буксире?

Я попытался восстановить повреждения в своем теле, но сконцентрироваться не удалось. Во-первых, боль была слишком сильной, а во-вторых, попробуйте сами сосредоточиться на самолечении, когда вас постоянно впечатывают то в стены, то в окна. Даже не знаю, сколько я выбил ногами стекол во время той славной прогулки.

— Услуга за услугу — вот все, что мне от тебя требуется, — просинел орел. — Я могу сообщить тебе, как найти меч, но и ты должен в процессе поиска кое-что мне доставить. Ничего такого особенного. Всего лишь яблоко.

— А в чем закавыка-то? — спросил я, уворачиваясь от очередного препятствия.

— Закавыка, как ты выражаешься, заключается в том... Ой, гляди-ка! Противоголубинные шипы! — радостно сообщил мне лысый летун.

По краям гостиничной крыши и впрямь тянулся частокол металлических шипов. Тот, кто видел когда-нибудь колючую проволоку времен Первой мировой войны, может легко себе представить, как это выглядело. Шипы на крыше, конечно, сделали не для уничтожения человечества, а чтобы птицы сюда не садились, но, ясное дело, живот мой они тоже были способны чудесенько обработать.

Я тихо взвыл в предвкушении. Не люблю слишком тесных контактов с колюще-режущими предметами. К тому же мой живот еще живо помнил шар из расплавленного асфальта.

— Нет, нет! Никаких шипов! — тут же вырвалось у меня. — Я согласен!

— Скажи: всем сердцем клянусь, что принимаю твои условия, — потребовал этот лысый с крыльями, по-прежнему буксируя меня в опасной близости от противоположных шипов.

— Но я ведь даже не знаю, о чем ты! Не знаю твоих условий! — проорал я.

— Повторяй: всем сердцем клянусь, что принимаю твои условия, — повторил крылатый убийца, свернув еще чуть поближе к проклятым шипам.

— Яблокам — да! Шипам — нет! — грянул я.

Он стал набирать высоту, скрежетнув носами моих ботинок по острию шипов. Мы взмыли в небо и описали торжественный круг над площадью Копли и приземлились на крышу Бостонской публичной библиотеки.

Меч тут же отклеился от спины орла, а руки мои освободились от рукояти. Это было бы здорово во всех отношениях, найди я еще другую точку опоры. Ухватиться-то мне теперь оказалось не за что, а ноги едва держались на выгнутой красной черепице крыши, которая шла вниз под крайне опасным углом, грозя низвергнуть меня с восьмидесятифутовой высоты на землю, покрытую сплошь смертоносным асфальтом. Чтобы не сверзиться, я сел на корточки и лишь после этого осторожно убрал в ножны меч, который тут же опять превратился в цепочку.

Я шумно перевел дух. Ребра болели. Руки были почти выбиты из суставов. Грудь до сих пор с такой ясностью ощу-

начала каждый кирпичик трубы, в которую я втесался, словно мне сделали татуировку с ее изображением.

Слева от меня, царя над бронзовыми грифонами, украшающими цоколь крыши, сидел на громоотводе орел.

Никогда прежде не думал, что у орлов существует какое-нибудь выражение лица, но на морде у этого сейчас было написано явное самодовольство.

— Рад, что ты внял доводам разума, — свысока заявил он мне. — Но, если честно, мне доставила удовольствие наша маленькая прогулка по городу, да и вести беседы наедине с тобой мне приятно.

— Ох, прямо в краску вогнал, разбежался, — проворчал я. — Это у меня просто кровь на лице.

— Чем тратить время на пустословие, выслушай лучше необходимую информацию, — продолжил орел. — После того как твой меч упал в реку, его снесло вниз по течению, и им завладела богиня Ран. Множество ценных вещей в итоге попадает к ней в сети.

— Ран? — никогда не слышал о такой я.

Орел щелкнул клювом.

— Морская богиня, у которой имеется сеть. Тебе нужно быть в курсе, кто есть кто.

— Но где я ее найду? Надеюсь, мне не придется спускаться на дно морское?

— Она может быть где угодно, — сказал орел. — Твоя задача — привлечь ее внимание. Сделаешь это ты при помощи одного моего знакомого по имени Харальд. Он держит лодку на Рыбьем пирсе и организует экскурсии по воде. Скажешь ему, что ты от Большого Мальчика.

— Большого Мальчика? — на всякий случай переспросил я.

— Ну, это одно из моих имен. Харальд сразу поймет, кого ты имеешь в виду. Уговори его взять тебя на рыбалку в Масчусетском заливе. Если сумеешь там навести достаточный шумер, то Ран не оставит тебя без внимания. Вот сразу и начинай с ней переговоры. Проси меч и одно из яблок Идуни.

— Эдем? — опять вынужден был переспросить я.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Ты что, собираешься по сто раз повторять каждое имя, которое я тебе называю? — просипел недовольно орел. — И-д-у-н-н, — произнес он по буквам. — Яблоки бессмертия, благодаря которым боги сохраняют молодость и энергию. Идунн — официальный дилер. У Ран наверняка завалось хоть одно лишнее яблочко. Сама-то она, доложу тебе, отнюдь не всегда вспоминает, что их следует регулярно есть. Да тебе, как только ее увидишь, это сразу же самому станет ясно. Ну вот, значит, получи яблоко, доставь мне его сюда, и я освобожу тебя от клятвы.

— Два вопроса. Первый: ты сбрендил?

— Нет, — отозвался с уверенным видом Большой Мальчик.

— Вопрос второй: каким образом можно поднять рыбалкой такой шухер в заливе, чтобы на него обратила внимание сама морская богиня?

— Смотря какая рыбалка. Скажешь Харальду, что тебе нужна специальная наживка. Он мигом смекнет. А коль заартачится, говори: «Большой Мальчик настаивает».

— Понятия не имею, о чем ты, — признался я. — Но, предположим, встречу я с Ран. Каким образом мне проводить с ней сделку?

— Это уже целых три вопроса, — уточнил орел. — Наводку ты от меня получил, а остальное — твои проблемы.

— Последний вопрос, — кинул я еще один пробный шар.

— Четвертый, — не преминул мне напомнить он.

— Что, например, если меч я добуду, но не стану возиться с этим твоим яблоком?

— Но ты ведь поклялся, — сказал орел. — Всем сердцем. А значит, связал себя накрепко обязательством. Это очень серьезно, особенно для эйнхерия. Нарушишь? Ну что же. Возможно, вдруг самовозгорись или вдруг обнаружишь себя в ледяном сумраке Хельхейма...

Я задумчиво пожевал губу: ни один из предложенных вариантов мне как-то не улыбался.

— Пожалуй, я клятву все же сдержу.

— Вот и ладненько. — Орел, покрутив своей лысой башкой, взмахнул крыльями. — Твои друзья на подходе, значит, пора мне уматывать. Увидимся снова, когда доставишь мне свеженький фрукт.

И, резко взмыв вверх, он исчез за стеклянными стенами небоскреба Хэинок, предоставив мне право самостоятельно искать выход с крыши.

Блитцен, Хэртстоун и Сэм неслись вниз во весь дух по площади Копли. Они достигли уже занесенной снегом лужайки, когда Сэм углядела меня на крыше и, резко остановившись, принялась указывать остальным в мою сторону.

Я в ответ замахал руками. С такой высоты я не мог ни услышать ее, ни разглядеть лица, но по жестам ее легко прочел:

— Какого Хельхейма ты там делаешь?

Я с некоторым трудом поднялся на ноги. Благодаря вальгальскому оздоровлению травмы мои уже начали заживать, но тело все еще сильно болело и двигаться было трудно.

Добравшись до края крыши, я глянул вниз и предпринял маневр, который для Магнуса довальгальской версии оказался бы просто невыполним. Сигая десятифутовыми прыжками с крыши на оконный карниз, с него — на кронштейн для флага, потом еще на какие-то небольшие выступы, наконец, мои ноги коснулись ступеней парадного подъезда. «Вы говорите, скорее вниз? — пронеслось у меня в голове. — Да никаких проблем».

Друзья приветствовали меня на тротуаре.

— Кто это был? — немедленно заинтересовался Блитцен. — Великан?

— Понятия не имею, — выдохнул я. — Мне только известно теперь, что его зовут Большой Мальчик и он любит яблоки.

И я подробно пересказал им весь наш разговор.

Хэртстоун, хлопнув себя по лбу, прожестикуюлировал:

— И ты поклялся?

— Ну, выбор-то у меня был невелик, — развел я руками. — Если бы не поклялся, он бы меня разодрал о противоголоубинные шипы.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Сэм с воинственным видом уставилась на небо, явно в надежде увидеть орла и метнуть в него свой топор.

— Ничем хорошим это не кончится, — бросила она мрачно. — Сделки с великанами до добра не доводят.

— Ну, как-никак, Магнус все же узнал, где находится меч, — был более оптимистично настроен Блитцен. — К тому же Ран все же богиня, а значит, должна занимать нашу сторону, правда ведь?

Сэм фыркнула.

— Видать, ты не слышал о ней того, что известно мне. Но выбора-то у нас действительно нет. Пошли искать Харальда.

Глава XXXI

НЕ ХОЧЕШЬ ВОНИ — ИДИ ДОМОЙ

Я никогда не испытывал отрицательных эмоций при виде лодок, пока моим глазам не предстала во всей красе лодка Харальда.

На носу ее крупными буквами значилось: «Глубоководные экскурсии Харальда с экстремально-смертельными испытаниями». Не многовато ли слов для двадцатифутовой шлюпки? Палуба была завалена мешаниной из веревок, ведер и коробок со снастями, а на бортах, словно украшения на рождественской елке, висели сети и буи. Корпус, когда-то по-видимому ярко-зеленый, выцвел и приобрел цвет использованной мятной жвачки.

Поблизости от своего роскошного судна сидел на перевернутом ведре сам Харальд в заляпанном пятнами желтом комбинезоне и такой грязной майке, что в сравнении с ней моя отстойная футболка казалась верхом совершенства и элегантности. Объемом этот мужик был с борца сумо. Одни руки его чего стоили. Толстые, как куски мяса на вертеле в «Фалафельной Фадлана». Ну да, я по-прежнему скорбел о еде.

Волосы у этого типа были вообще какие-то дикие. И спутанные лохмы на голове, и борода, и густая поросль на руках переливались на ярком свете беловато-голубыми искрами, словно он вынужден был провести всю студеную зимнюю ночь на улице и его хорошенькохватило морозцем.

Едва мы к нему подошли, он поднял на нас глаза от веревки, которую все это время с сосредоточенным видом сворачивал кольцами.

— Гном, эльф и двое людей явились на мой причал, — проговорил он рокочущим басом. — Это вы что, так шутите?

— Да нет, не шутим, — ответил я. — Мы пришли нанять у вас лодку для рыбалки. И нам требуется специальная наживка.

Харальд фыркнул, словно хотел нас подальше отплюнуть.

— Вы? Рыбачить на моей лодке? Размечтались.

— Нас прислал Большой Мальчик, — поторопился сообщить я.

Харальд сильно наморщил лоб. С его всклокоченной шевелюры легкой метелью посыпался снег, который заметно припорошил ему щеки.

— Большой Мальчик? — уставился он на меня. — Вы-то к нему каким боком?

— Ну, это совершенно вас не касается, — выступила вперед Сэм.

Порывшись в кармане нальто, она достала большую монету и кинула ее прямо в руку замороженному амбалу.

— Одну монету красного золота прямо сейчас, — деловито проговорила она. — И еще пять по завершении рыбалки. Ну, лодку даете?

— А что такое красное золото? — шепнул я ей в самое ухо.

— Валюта Асгарда и Вальгаллы, — тихим голосом отозвалась она. — Но с удовольствием принимается и в других мирах.

Харальд шумно понюхал монету, сияющую таким насыщенно-теплым светом, что казалось, она горит.

— Э-э, девочка, — протянул устроитель экскурсий с экстремально-смертельными испытаниями. — А в твоих жилах-то явно течет великанская кровь. Сразу видать по твоим глазам.

— Это тем более вас не касается, — вспыхнула Сэм.

— Что ж, плата достойная, — убрал он монету в карман своего заляпанного комбинезона. — Но лодка моя расчи-

тана только на двух пассажиров. Беру тебя и человеческого парня. Про гнома и эльфа забудьте. Они останутся на суше.

Руки у Блитцена были в перчатках, но даже сквозь них до меня отчетливо донесся возмущенный хруст его пальцев.

— Эй ты, мерзлот! — задиристо выкрикнул он.

— Я бы на твоём месте поостерегся называть морозного великана мерзлотом, — осадил его Харальд. — Мы этого на дух не переносим. К тому же ты, гном, по-моему, наполовину окаменел, а мне лишний якорь не требуется. Что же до эльфов, они вообще состоят из света да воздуха и на судне предмет бесполезный. Короче, два пассажира, и точка. Согласны — значит договорились. А нет, так проваливайтесь.

Кинув взгляд на друзей, я поманил их в сторонку.

— Обсудим?

Мы отошли подальше, чтобы Харальд не смог нас услышать.

— Этот чувак морозный великан? — спросил я.

Руки Хэртстоуна замелькали перед моим носом:

— Ледяные волосы. Безобразный. Большой. Да!

— Но... — Я замялся, ища слова поточнее. — Конечно, мужик он крупный, но все же не великан, ведь правда?

По гримасе, которую скорчила Сэм, мигом можно было понять, каким ограниченным и тупым показался ей мой вопрос. Подозреваю, она была не самым терпеливым репетитором по геометрии.

— Великаны не обязательно огромные. Некоторые — да. Другие обыкновенного роста, но могут, когда хотят, становиться громадными. А каких-то вовсе от человека не отличить. И размеры их, и повадки столь же разнообразны, как у людей. Ну, и есть среди них такие, которые могут перевоплощаться в кого угодно — орлов, голубей и еще во всякое разное.

— И чем, интересно, морозному великану так понравился причал в Бостоне? Доверять-то ему хоть можно? — задал я целых два новых вопроса.

— Ответ первый, — откликнулся Блитцен. — Морозных великанов везде полно. В особенности на севере Мидгарда.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

А можно ли доверять? Категорически нет. С него станет просто вас завести напрямик в Йотунхейм и бросить там в подземелье. Или он, например, превратит вас в наживку для своих экстремально-смертельных рыбалок. Нет, Магнус, тебе непременно следует настоять, чтобы мы с Хэртом отравились с вами.

Хэрт, похлопав его по плечу, принялся объяснять на пальцах:

— Великан прав. Я ведь тебе говорил: слишком много дневного света. Ты каменеешь, но из упрямства не признаешься.

— Да нет. Я в порядке, — упорствовал Блитцен.

Хэрт, приметив лежащее рядом пустое ведро, нахлобучил его на голову Блитцу, по форме которой оно немедленно промялось.

— Ну, может, и впрямь немножечко каменею, — покорно пробубнил тот.

— Уйди на какое-то время с улицы, — велел ему я. — С нами все будет в порядке. Хэрт, найди ему поскорее какое-нибудь подземное или другое убежище без дневного света.

Хэрт согласно кивнул и поделился на пальцах ближайшими планами:

— В библиотеку пойдём. Выяснить побольше всего о Фенрире. Там потом можем и встретиться.

— Идет, — согласился я. — Ну, Сэм, айда на рыбалку.

Мы возвратились к Харальду, который опять возился с веревкой, превращая ее в мастерски сделанную скользящую петлю.

— Ладно. Согласны. Два пассажира, — объявил ему я. — Но нам нужно как можно дальше зайти в Массачусетский залив и необходима специальная наживка.

— Всегда пожалуйста, маленький человек, — указал мне Харальд на ангар с отодвигающейся дверью. — Выбирай там наживку по вкусу, если, конечно, сможешь ее унести.

Стоило нам с Сэм отодвинуть дверь, на нас пахнуло такой жуткой вонью, что я чуть не грохнулся в обморок, а у моей экс-валькирии перехватило дыхание.

— Глаз Одина! — скривилась она от подступающей рвоты. — На поле боя и то пахнет лучше!

В ангаре свисала с мясных крюков впечатляющая коллекция гниющих туш, самой маленькой из которых оказалась креветка, длиною без малого с человека среднего роста, а самой крупной — бычья голова размером с автомобиль «Фиат».

Я жжал нос рукавом куртки. Ноль эффекта. В носу у меня творилось по-прежнему нечто невообразимое. Ну, словно там взорвали гранату, начиненную тухлыми яйцами, ржавчиной и сырым луком.

— Дышать больно, — прогудел я в рукав. — Как по-твоему, что из этих вкусняшек можно назвать специальной наживкой?

— Или играем по-крупному, или идем домой, — решительно указала она тупому бездомному парню на голову буйвола.

Я усилием воли принудил себя ее разглядеть. Черные выгнутые уши, розовый вывалившийся из пасти язык, похожий на волосатый надувной матрас. Белая шерсть, от которой поднимался пар. И блестящие слизью кратеры ноздрей.

— Как этот бык ухитрился вырасти до такого монстра? — повернулся я к Сэм.

— Видно, он родом из Йотунхейма, — предположила она. — У них там скот вырастает гораздо более крупным.

— Да уж. Маленьким это чудище не назовешь, — вновь перевел я взгляд на ужасную голову. — Слушай, у тебя есть хоть какое-то представление, что мы должны на это ловить?

— На глубине обитает полно разных чудищ, — пояснила мне Сэм. — Хорошо только, если это не... Не важно, — отмахнулась она. — Будем надеяться, это будет просто морское чудище.

— Просто морское чудище, — фыркнул я. — Ох, как же ты меня успокоила.

Я бы с большим удовольствием обошелся гигантской креветкой и вылетел с ней поскорее вон, но ощущение мне подсказывало, что для шухера, который должен привлечь внимание морской богини, требуется наживка куда серьезнее.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Ладно, хватаем голову, — в итоге решился я.

Сэм подняла топор.

— В общем-то, я совсем не убеждена, что она поместится в лодку Харальда, ну да...

И, не договорив, она метнула топор точнехонько в цепь, на которой висела наша специальная наживка. Голова быка рухнула на пол, как огромная безобразная пиньята, топор же самостоятельно прилетел прямым в руку своей хозяйки.

Мы с ней вместе вцепились в крюк и потащили свою смердящую добычу прочь из амбара. Убежден: прежний Магнус ее бы и с места не сдвинул. Но эйнхериевский апгрейд оказался весьма-таки кстати.

Умри мучительной смертью. Отправься в Вальгаллу. И обрети способность таскать по причалу огромные тухлые отрубленные головы! Ура Магнусу Чейзу версии номер два!

Мы наконец доплелись до лодки. Я изо всех сил дернул за цепь. Голова быка рухнула с пирса и врезалась в палубу.

Плавсредство Харальда угрожающе накренилось, но каким-то неясным мне образом снова выровнялось. Жуткая голова заняла половину его пространства, свесив с кормы язык и закатив левый глаз, будто у нее начиналась морская болезнь.

Харальд лениво поднялся со своего ведра. Если его и обозлила или шокировала моя манера кидать пятисотфунтовую голову к нему в лодку, он ничем своих чувств не выразил.

— Амбициозный выбор наживки, — только и бросил он с равнодушным видом, оглядывая гавань. Небо заметно темнело. В воздухе закружилась изморозь и как иголками заколола поверхность воды. — Ну что ж, отправляемся, — командовал Харальд. — Поистине славный денек для рыбалки.

Глава XXXII

МОЕ УВЛЕЧЕНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЫБАЛКОЙ С ЛИХВОЙ ОКУПАЕТСЯ

Это был ужасный день для рыбалки!

Море вздымалось огромными волнами, и в такт им вздымалось все у меня внутри, из-за чего я был вынужден то и дело свешиваться через борт лодки, сами догадываетесь, с какой целью. Холод меня доставал несильно, но лицо жалили льдистые струи дождя, а ноги морская болезнь превратила в игрушки-пружинки. А вот морозный великан Харальд спокойно себе стоял за штурвалом и громко пел на каком-то непонятно-гортанном языке, по-видимому, на йотунском.

Сэм тоже качка и шторм были явно ни о чем. Облокотившись о поручень на носу, она пристально вглядывалась в серую мглу, и зеленый ее платок то раздувался под ветром, то опадал, как жабры у выброшенной на берег рыбы.

— Давно у тебя хотел спросить, — нарушил молчание я. — Что ты все время возишься с этим платком? То на голову натянешь, то на шею повязываешь.

Она крепко прижала ладони к зеленому шелку, будто в стремлении защитить его от моих нападок.

— Это хиджаб. Я ношу его или когда хочу, или когда считаю, что мне нужно его носить. Ну, например, по пятницам, когда вожу бабушку в мечеть, или...

— Или когда видишь Амира, — подхватил я.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— А я-то уже почти надеялась, что ты на это не обратил внимания, — с досадой проговорила она.

— Голубь сказал, что Амир — твой суженый, — не дал я Самире уйти от ответа. — Вы что, с ним обручены? Тебе сколько? Шестнадцать?

— Магнус...

Она смерила меня очень тяжелым взглядом, но я и тут не заткнулся:

— Просто вот мое мнение, что, если это один из таких организованных браков, по-моему, это ужасно. Ты ведь валькирия. Значит, должна...

— Магнус, заткнись, пожалуйста! — Лодка ударилась о большую волну, окатившую нас фонтаном ледяной соленой воды.

Самира вцепилась в поручень.

— Мои бабушка с дедушкой — люди старых традиций. Они же в Багдаде выросли, но от режима Саддама Хуссейна сбежали в Штаты.

— И?..

— Они всегда дружили с Фадланами. Они наши дальние родственники. Очень успешные люди. А еще очень добрые и хорошие.

— Знаю, — вполне разделял ее мнение я. — Абдель потрясающий. И Амир тоже классный. Но все равно выходить по решению родственников насильно замуж, если сама человека не любишь...

— Да что ты несешь, — перебила она. — Я с двенадцати лет влюблена в Амира.

Лодка надсадно скрипела, то поднимаясь на волнах, то ухая вниз. Харальд продолжал исполнять йотунский вариант американской национальной туристической песни «Девяносто девять бутылок пива».

— А-а, ну это другое дело, — смущенно отреагировал я на реплику Сэм.

— Хотя по-любому это не твое дело, — хмуро бросила она мне.

— Ну да. Конечно. — Я уже сам был не рад, что затронул такую тему.

— Во многих наших даже традиционных семьях не просто стараются подыскать девушке хорошего жениха, но и прислушиваются к ее мнению, — сообщила она.

— И это прекрасно, — одобрил такую позицию я.

— Мне стало многое ясно, когда я подросла, — продолжала она. — Бабушка с дедушкой взяли меня к себе после смерти мамы. Но она-то без мужа меня родила, и для старшего поколения это весьма щекотливый вопрос.

— Понимаю, — покивал я, оставив при себе уточнение: «В особенности если твой незаконный родитель — отец зла Локи».

— Мама была врачом. Она обнаружила Локи в отделении скорой помощи, — похоже, прочла мои мысли Сэм. — Не знаю уж точно, что с ним случилось. Вероятно, перерасходо-вал энергию, пытаясь материализоваться в Мидгарде, часть его застряла между мирами, и в Бостоне он возник слабый, беспомощный, почти в предсмертной агонии.

— А она его вылечила, — догадался я.

Сэм стряхнула с запястья капли морской воды.

— Можно и так сказать. Отнеслась к нему очень по-доброму и внимательно. Все время, пока он не выздоровел, находилась подле него. Ведь Локи способен очаровать, когда хочет.

— Знаю, — вырвалось у меня, но я тут же спешно поправился: — Из всяких преданий, конечно. Ты сама-то когда-нибудь с ним встречалась?

Она смерила меня хмурым взглядом.

— Мне не нравится мой отец. В харизме, конечно, ему не откажешь, но что с того, если он лжец и убийца. Несколько раз являлся меня навестить, но я говорить с ним отказывалась. Это сводит его с ума. По-моему, для него хуже нет наказания, чем когда его игнорируют. Скромным и незаметным его уж точно не назовешь.

— Скромный и незаметный бог Локи, — повторил я, прекрасно ее поняв.

— Каким бы он ни был, — вздохнула Сэм, — мама меня воспитывала в основном одна и так, как считала нужным. Она была очень упрямая, волевая и всегда поступала по-своему. А в местной общине меня, конечно, считали товаром порченным. А как же иначе. Я ведь незаконнорожденная. Поэтому дедушка с бабушкой считают большим везением, что Фадланы благословили мой будущий брак с Амиром. Я ведь ему ничего не прибавлю. Богатства у меня нет, уважением наша семья теперь тоже не пользуется, значит...

— Да перестань! — Показалось мне все это полной доисторической чушью. — Ты умная, сильная. Настоящая валькирия. Вполне естественно, что Фадланы благословили вас. Не вижу причины особенно восхищаться.

Темные ее волосы метались под сильным ветром, вбирая в себя крошки льда.

— С валькирией тоже проблема. Моя семья... Ну, в общем, в ней по-другому на это смотрят. У нас со скандинавскими богами длинная-длинная история.

— А точнее? — заинтересовался я.

Она махнула рукой.

— Слишком долго рассказывать. Но если им станет известно про эту мою другую жизнь... Боюсь, мистер Фадлан не будет в восторге, что его старший сын берет в жены девушку, которая занимается сбором душ для языческих богов.

— Ну, если в этом смысле...

— Как могу, прикрываю свое отсутствие репетиторством по математике. Ну и немного валькирского волшебства. Порядочной мусульманской девушке ведь не полагается шлаться со всякими странными типами, да еще без сопровождения старших.

— Со странными типами? — хихикнул я. — Спасибо тебе на добром слове.

И тут я весьма живо представил себе: вот Сэм сидит, например, на уроке английского, вдруг мобильник ее начинает гудеть, и на экране высвечивается: «Вызывает Один». Она срывается в туалет, напяливает там на себя валькирский прикид и выпархивает из ближайшего окна прочь.

— Ну а когда тебя выгнали из Вальгаллы... Нет, мне очень жаль, конечно, что это случилось, но неужели ты в тот момент не подумала: «А может, и к лучшему? Хоть поживу спокойно».

— В том-то и дело, что нет, — покачала головой она. — Мне нужны обе жизни. И за Амира выйти хочу, когда придет время, и летать. Я ведь с самого детства об этом мечтала.

— Летать как на самолете или носиться по небу всадницей на волшебном коне? — спросил я.

— И то и другое, — сказала Сэм. — Я в шесть лет рисовала одни самолеты. Мечтала пилотом стать. Вот только ты много знаешь женщин-пилотов арабоамериканского происхождения?

— Полагаю, если тебе удастся, ты станешь первой.

— Правильно мыслишь, — одобрила Сэм. — Вот спроси меня про самолеты любое, уверена, что смогу ответить.

— То есть, когда ты стала валькирией... — начало кое-что доходить до меня.

— Для меня это стало таким потрясением, — подхватила она. — Ну как сбывшийся сон. Взлететь, когда хочешь. В любое мгновение. И к тому же еще делать что-то хорошее. Отыскивать честных, отважных и благородных людей, которые жизнью пожертвовали, защищая других, и отводить их в Вальгаллу. Ты хоть представляешь, как мне сейчас этого не хватает?

В ее вопросе звучала боль. Честные, отважные и благородные люди... Меня она тоже таким посчитала. И теперь, когда на нее из-за этого обрушилось столько бед, мне хотелось сказать ей, что все будет отлично и мы обязательно найдем способ вернуть ее вторую жизнь.

Но я промолчал. Что я ей мог обещать, когда даже не был уверен, что мы выживем в этой славной морской прогулке?

Из рубки раздался вопль Харальда:

— Смертные! Насаживайте на крючки наживку! Мы приближаемся к месту славной рыбалки!

— Нет, — покачала головой Сэм. — Идем дальше.

Толстую рожу Харальда перекосило от злости.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Дальше небезопасно. Там...

— Ты свое золото получить-то хочешь? — спокойно отреагировала на его злобный вид Сэм.

Харальд еще сильнее скривился, пробормотал какое-то явно неприличное йотунское ругательство, однако послушно прибавил обороты в моторах, и лодка устремилась вперед.

— Откуда ты знаешь, что нам нужно дальше? — повернулся я к Сэм.

— Просто чувствую. Видимо, это передалось мне с кровью отца. Одно из немногих преимуществ родства с ним. Всегда могу точно определить, где прячутся самые злобные монстры.

— Вот радость и счастье, — поежился я.

Нас окружала почти непроглядная серая мгла. Вглядываясь в нее, я вспомнил про Гиннунгагап — первобытный туман между льдом и огнем, и мне показалось, что мы в него-то сейчас прямиком и вливаем. Море, наверное, вот-вот исчезнет, а нас поглотит мир вечного забвения. Или я все-таки ошибаюсь? Дедушка с бабушкой ведь наверняка заволнуются, если Сэм не придет домой к ужину.

Лодка содрогнулась. Море потемнело.

— Ну вот. Теперь чувствуешь? Мы перешли из Мидгарда в воды Йотунхейма, — сообщила Сэм.

Я указал налево. В нескольких сотнях ярдов от нас в тумане виднелась гранитная башня.

— Да это же Грейвский маяк. Выходит, мы совсем близко от порта.

Сэм схватила одну из удочек великана, больше похожую не на орудие для рыбалки, а на шест для прыжков в высоту.

— Миры нахлестываются один на другой, Магнус. Особенно в районе Бостона. Беги за наживкой, — бросила она на одном дыхании.

При моем приближении Харальд сбавил до минимума обороты в моторах.

— Рыбачить здесь слишком опасно, — попытался он меня остановить. — Да и наживку эту вам вряд ли удастся забросить.

— Заткнись, Харальд! — выкрикнул я и, чуть не сбив его с ног торчащим в сторону рогом быка, поволок голову к носу лодки.

Мы с Сэм внимательно изучили крюк, основательно загнивший в череп наживки.

— Вполне сойдет за рыболовный крючок, — пришла к заключению моя многоопытная валькирия. — Привязываем цепь к тросу на удочке.

Мы пропытели несколько минут, пока нам удалось крепко соединить цепь с тонким, плетеным из стальной проволоки тросом, из-за которого катушка на удилице весила никак не меньше трех сотен фунтов, а затем совместными усилиями сбросили бычью голову с носа лодки.

Она стала медленно погружаться в ледяную пену, и до тех пор, пока не исчезла из вида, мертвый глаз быка взирал на меня с укоризной, словно пытаясь сказать: «Некруто, чувак».

Харальд проковылял тяжелой походкой к нам, волоча за собой огромное кресло, которое погрузил для устойчивости всеми четырьмя ножками в имевшиеся на палубе отверстия для якорных цепей, а затем еще зафиксировал стальными тросами.

— Будь я тобой, человек, пристегнулся бы, — указал он на кожаные ремни, которыми было снабжено кресло.

И фасоном своим, и этими самыми ремнями оно, по-моему, очень напоминало электрический стул, но я все же послушно сел в него и пристегнулся.

— Ну и зачем это надо? — спросил я у Сэм, которая уже протягивала мне удочку.

— Ты ведь поклялся всем сердцем, — напомнила мне она. — Теперь пути назад нет.

— Да ладно, — махнул рукой я и принялся рыться в хламе, который принес вместе с креслом Харальд.

Подходящими к случаю мне показались кожаные перчатки. Я напялил их на руки. Ну подумаешь, велики всего на какие-нибудь четыре размера. Сэм вручила мне удочку и подобрала перчатки себе.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

У меня вдруг возникло совершенно не связанное с происходящим воспоминание, как мы с мамой смотрели фильм «Челюсти». Ей почему-то казалось, что мне нужно его увидеть, хотя она и предупредила заранее: «Знаешь, Магнус, он очень страшный». Но мне было не страшно, а просто скучно. Действие развивалось томительно медленно, а барахольная резиновая акула вообще вызывала смех.

— Пожалуйста, пусть я поймаю резиновую акулу, — пробормотал я.

Харальд вырубил зажигание, и нас окутала тишина. Ветер стих. Волны исчезли, словно море вдруг затаило дыхание. Лишь морось шуршала о лодку со звуком песка, ударяющего в лобовое стекло машины.

Сэм, стоя у поручней, метр за метром травила трос, и голова быка уходила все глубже в пучину. Наконец трос обмяк.

— Наживка уже на дне? — спросил я.

Сэм закусила губу.

— Не знаю, но думаю...

Договорить она не успела. Трос издал такой звук, словно кто-то изо всех сил вдарил огромным молотком по пиле, и натянулся. Если бы Сэм не стала вертеть катушку, я бы, наверное, улетел в космос. Удочку чуть не вырвало у меня из рук, но мне все же каким-то чудом удалось ее удержать.

Кресло скрипело с жалобным стоном. Ремни впились мне в ключицы. Лодка кренилась вперед, едва не черная носом воду. Борта угрожающе трещали, из них с громким хлопанием начали вылетать заклепки.

— Кровь Имира! — возонил Харальд. — Мы разваливаемся на части! Трави трос!

Трос и правда, стремительно улетая за борт, уже дымился от трения о поручень. Сэм схватила ведро и начала его поливать водой.

Я стиснул зубы. Мышцы мои превратились в теплое дрожжевое тесто. Но в тот момент, когда руки мои уже готовы были разжаться, тянуть перестало. Трос гудел, как

провод на высоковольтной вышке, и светился в воде, словно лазерный луч.

— Что происходит? — поинтересовался я. — Оно отдыхает?

Харальд, исторгнув ругательство на йотунском, добавил:

— Не нравится мне все это. Морские монстры обычно так себя не ведут. Даже самые крупные экземпляры.

— Крути катушку! — скомандовала Сэм. — Прямо сейчас.

Я повернул рукоятку. Представьте себе, что вы соревнуетесь в армрестлинге с Терминатором, и вам станет ясно, насколько легко у меня это получилось. Удилище гнулось. Катушка скрипела. Сэм поддерживала трос, чтобы он не терся о поручень, но даже и с ее помощью дело у меня продвигалось туго.

Плечи мои онемели. Спину скрутило от боли. Пот, несмотря на холод, лился с меня градом. Все тело дрожало от напряжения, и сил почти не осталось. Предположение меня посетило только одно: наверное, я тяну со дна затонувший в годы Второй мировой эсминец.

Сэм изо всех сил подбадривала меня воодушевляющими восклицаниями:

— Не спи, идиот! Тяни же сильнее!

В воде показался темный овал диаметром в добрых пятьдесят футов. Вокруг него вскипали и бились волны.

Харальд, которому сверху, из капитанской рубки, было виднее, что происходит в воде, взвизгнул совсем не по-великански:

— Руби трос!

— Нет, — решительно возразила Сэм. — Слишком поздно.

Харальд, схватившись за нож, кинул его в направлении троса, но Сэм метко сбила его полет своим топором.

— Прочь, великан! — проорала она.

— Но мы не имеем права вытаскивать это! — взвыл жалобно Харальд. — Он же...

— Да знаю я, знаю, — отмахнулась от него Сэм.

Удилище почти выскользнуло у меня из рук.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Помоги! — крикнул я.

Сэм в броске достигла меня, ухватилась за удочку и втиснулась рядом со мной в кресло, прижавшись вплотную ко мне. В другой обстановке меня такое смутило бы, но тогда я вообще не мог ни на что обращать внимание.

— Может, мы все погибнем, — пробормотала моя валькирия, — но Ран наш шухер наверняка привлечет.

— Почему? — спросил я. — Что мы такое поймали?

Наша добыча вылетела на поверхность и открыла глаза.

— Познакомься с моим старшим братом, Мировым Зме-ем, — ответила Сэм.

Глава XXXIII

СТАРШИЙ БРАТЕЦ СЭМ ПРОСЫПАЕТСЯ НЕСКОЛЬКО НЕ В ДУХЕ

Вы думаете, Змей открыл просто два обычных глаза? Да нет, он врубил два зеленых прожектора, каждый размером с батут. Свет его радужки был до того ослепителен, что казалось, все в мире до конца дней окрасится для меня в цвет лайма.

Впрочем, я не особо расстраивался по этому поводу. Конец моих дней, похоже, должен был наступить весьма быстро. Бугристый лоб монстра и его сходящая на нет морда придавали ему больше сходства с гигантским угрем, чем со змеем, а блестящая пятнистая шкура напоминала зелено-коричнево-желтую камуфляжную форму. (Это я вам сейчас так спокойно его описываю, а тогда в моей переключившейся от страха башке угрожающей барабанной дробью стучало: «Ну и змеюка! Теперь нам всем точно кранты!»)

Монстр разверз свою жуткую пасть и оглушающе зашипел, исторгнув горячее облако пара, от которого у меня задымилась одежда, а дыхание сперло коктейлем из вони проглоченной головы быка и змеиного яда. Зубной пастой и освежающими полосканиями для рта эта тварь явно пренебрегала, а вот зубной нитью, похоже, пользовалась. Зубы Мирового Змея сияли двумя рядами ослепительно-белых треугольников. Впечатлял и размер самой пасти. В нее запросто поместилась бы лодка Харальда вместе с дюжиной еще таких же.

Крюк, на который была насажена наша наживка, прочно засел в глотке змея там, где у нас расположен маленький язычок, и чудище не испытывало, как мне показалось, от этого никакой приятности.

Пытаясь освободиться, он елозил из стороны в сторону. Трос скрежетал по его зубам, моя удочка завалилась набок, лодку мотало так, что заклепки вновь начали вылетать, борта трещали, но мы оставались по-прежнему на плаву и трос не рвался.

— Сэм, почему он нас еще не убил? — тихонько спросил я.

Она прижалась ко мне так близко, что я ощутил ее дрожь, и шепнула:

— Кажется, он к нам приглядывается, а может, даже пытается поговорить.

— И что же, по-твоему, он говорит?

Она шумно сглотнула.

— По-моему, «Как вы посмели?».

Змей опять зашипел, выплюнув порцию яда, капли которого зашипели и запузырились на палубе, точно серная кислота.

— Бросьте удочку, дураки, — проскулил за нашими спинами Харальд. — Из-за вас он нас всех убьет.

Я попытался поймать взгляд змея.

— Привет, мистер Йормунганд! Можно я буду вас называть мистер Йо? Уж извините, что потревожили. Ничего личного. Просто нам с вашей помощью нужно привлечь кое-чьё внимание.

Мистеру Йо слова мои не понравились. Он резко взметнулся вверх, голова его зависла над нами, а затем резко ухнула вниз у самого носа лодки, подняв высоченные волны.

Мы с Сэм оказались в зоне этого водопада, и я вместо фалафели досыта пообедал соленой морской водой, а также ею надышался или, верней, окончательно пришел к выводу, что мои легкие не способны дышать морской водой. Глазам моим ее тоже досталось в большом количестве. Но самое-то прикольное, что лодка наша так и не потонула.

Когда качка наконец унялась, а плеск воды стих, я обнаружил себя по-прежнему крепко сжимающим в руках удочку, а монстра — на тросе, который выдержал его натиск и не порвался. Змей в упор взирал на меня, и в светящихся его фарах без труда читался вопрос: «Почему ты вообще еще жив?»

Я тоже не сводил глаз с мистера Йо, но боковым зрением одновременно засекал, что поднятое им цунами пронеслось дальше и, достигнув маяка, с чудовищной силой ударило и него. «Не хзатало еще мне вдобавочек к катастрофе на мосту устроить наводнение в Бостоне», — с ужасом пронеслось у меня в голове.

Я вспомнил, почему Йормунганда прозвали Мировым Змеем. Согласно древним легендам, он обладал таким длинным телом, что оно, наподобие монструозного телекоммуникационного кабеля, опоясывало по дну морей и океанов всю землю, и хвост свой этот гигантский тип в основном предпочитал держать во рту. Ну что же, у всех свои привычки и склонности, и не мне его осуждать, сам до двухлетнего возраста с ссской не расставался. А наживка наша явно ему показалась достойной. Иначе бы ради нее он от хвоста не отвлекся.

А самое главное вот в чем: едва Мировой Змей принимается шевелиться и сотрясаться, как весь мир делает то же самое.

— Ну и теперь-то что? — ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил я.

— Глянь-ка направо, Магнус, — глухо откликнулась Сэм. — Только, пожалуйста, постарайся не впадать в панику.

«Да чего тут стараться, — пронеслось у меня в голове. — Большой паники, чем от мистера Йо, уж точно не может быть». Это я так считал, пока не увидел.

По сравнению с Мировым Змеем она казалась совсем крохотной. Всего лишь каких-нибудь два средних человеческих роста. Лицо ее, может, когда-то и было красиво, но теперь перламутровую кожу избородили морщины, глаза цвета зеленых водорослей помутнели, а волнистые светлые воло-

сы сильно тронула седина. Туловище явления облегла блуза из серебряных кольчужных звеньев, инкрустированных морскими уточками, ниже талии же, вокруг ее бедер и ног, крутилась в водяном смерче, как юбка вращающейся танцовщицы, широченная серебряная рыбачья сеть, внутри которой мелькали, будто стекляшки в калейдоскопе, льдины, дохлая рыба, мусорные пакеты из пластика, автомобильные покрышки, тележки из супермаркетов и прочая дрянь в том же роде.

Эта женщина плыла по направлению к нам, и по мере того, как она приближалась, края ее юбки-сети все ошутимее бились о борта нашей лодки и царапали шею Мирового Змея.

— Кто посмел отвлечь меня от работы? — грозным баритоном осведомилась она.

Морозный гигант Харальд вдруг завизжал так пронзительно, словно рвался завоевать первое место по визгу среди своих собратьев, и, перебравшись на нос, кинул за борт горсть золотых монет, а затем повернулся к Сэм:

— Скорее, девочка! Деньги, которые ты должна мне! Отдай их сейчас же Ран!

Сэм нахмурилась, но монеты все-таки бросила. К моему удивлению, они не ушли на дно, а точнехонько зарулили в сеть Ран, где принялись тут же поворачиваться вместе с остальным мусором.

— О великая Ран, — завывал Харальд. — Сжался! Не убивай меня! Бери мой якорь! Бери двух этих людей! Можешь взять даже мою коробку с обедом!

— Молчать! — грянула морская богиня, и Харальд, мигом заткнувшись, стал, приседая и лебезя, отступать к корме.

— Спустишь в трюм, — всхлинул он. — И там буду молиться.

Ран перевела на меня изучающий взгляд. Так смотрят охотники на добычу, прикидывая, достаточно ли она крупна для мясного филе.

— Отпусти Йормунганда, смертный, — потребовала она. — Мне совершенно не нужно, чтобы сегодня произошел всемирный потоп.

Мировой Змей поддержал ее громким шипением.

— Молчать, мурена-акселерат! — осадила она его точно как же, как Харальда. — У меня из-за твоих дрыганий ил поднялся со дна, и я перестала там что-либо видеть. Сколько раз уже говорила тебе: не соблазняйся тухлыми бычьими головами. Они в этих водах не водятся.

Мистер Йо обиженно рывкнул и попытался сорваться с троса, но безуспешно.

— О великая Ран, — обратился к богине я. — Меня зовут Магнус Чейз, а это Самира аль Аббас. Мы прибыли сюда, чтобы заключить с вами сделку. И, кстати, мне интересно, неужели вы сами не можете перерубить этот трос?

Ран исторгла поток столь забористых древнескандинавских ругательств, что ее окутало облако пара. Она была теперь совсем близко от нас, и я мог как следует разглядеть содержимое ее сети. Кроме мусора, там крутились какие-то призрачно-бледные лица, которые, словно бы задыхаясь и вытаращив от ужаса глаза, пытались выбраться на поверхность воды. А еще на серебряное плетенье сети схватилось несколько рук.

— Беспольный эйнхерий! — высокомерно бросила мне богиня. — Ты прекрасно сам знаешь ответ на вопрос, который мне задал.

— Да неужели? — Я скорее не удивился, а решил ее подначить.

— Ты дитя вана. — Богиня нахмурилась, явно пытаясь что-то сообразить. — Сын Ньёрда? — произнесла она с вопросительной интонацией и шумно втянула ноздрями воздух. — Нет. Скорее ты ему внук. Пахнешь гораздо слабее.

— Все правильно, Магнус, — хлопнула себя по лбу Сэм. — Ты же сын Фрея, а он сын Ньёрда — бога кораблей, моряков и рыбаков. Вот почему наша лодка не утонула, а тебе удалось поймать Змея. — И, покосившись на Ран, она быстро добавила: — Но нам это все, естественно, было известно и раньше.

— А известно ли тебе, эйнхерий, — рывкнула морская богиня, — что с тем, кто вытаскил на поверхность Мирового Змея, он связан не только тросом и удочкой, но и судьбой! Решай же немедленно, перерезать ли тебе сейчас трос, чтобы

Змей оказался снова на воле и снова впал в сон, или позволить ему окончательно пробудиться и уничтожить твой мир.

У меня пробежал холодок по затылку. Похоже, что вместе с ним исчезли остатки моей решимости. Я глянул на Мирового Змея. Его сияющие зеленым глаза-прожекторы были покрыты, словно вторыми веками, тонкой прозрачной мембраной.

— Хотите сказать, он пока только частично проснулся? — спросил я у богини.

— Если бы он пробудился полностью, все восточное побережье уже ушло бы под воду, — внесла ясность Ран.

Я промямлил что-то невразумительное, изо всех сил сопротивляясь порыву откинуть подальше от себя удочку и, став уменьшенной копией Харальда, с паническим визгом кинуться прочь по палубе.

— Ладно уж, отпущу его, — все-таки удалось мне взять себя в руки. — Но сперва, о великая Ран, ты должна нам пообещать, что согласна провести с нами доверительные переговоры. Предлагаем бартер.

— Бартер с тобой? — завертела с удвоенной скоростью своей юбкой-сетью богиня. Лед и пластик потрескивали и хрустели, тележки из супермаркетов с лязгом врезались одна в другую. — По всем правилам ты, Магнус Чейз, должен принадлежать мне, — властно произнесла она. — Ты ведь погиб в воде. А утонувшие души — моя безраздельная собственность.

— Нет, он погиб в бою, — решительно возразила Сэм. — А значит, принадлежит Одину.

— Технические детали! — с досадой рявкнула Ран.

Лица в ее сети разевали рты, задыхались и немо зывали о помощи. Ох, как же права была Сэм, когда уверяла меня, что можно попасть после смерти в места куда хуже Вальгаллы! «Спасибо тебе, валькирия!» — мысленно поблагодарил я ее, глядя на этих бедняг, а вслух произнес:

— Ну что же, раз мы не договорились, пожалуй, позволю-ка я мистеру Йо до конца проснуться. У меня-то, собственно, на сегодня никаких планов не было.

— Нет! — прошипела Ран. — Ты даже не представляешь, как трудно шерстить дно, когда Йормунганд разволнуется! Отпусти его!

— И ты обещаешь провести с нами доверительные переговоры? — повторил вопрос я.

— Да, да. Договорились. Я не желаю, чтобы сегодня начался Рагнарок.

— Поклянись всем сердцем, — решил я воспользоваться методом лысого орла.

— Я богиня и знаю, что этим клясться нельзя, — заартачилась Ран.

Я обменялся взглядами с Сэм. Она пожала плечами и прогнула мне свой топор, которым мне удалось с одного удара перерубить трос.

Йормунганд, вспенив поверхность воды пузырями кипяще-зеленого яда, кинул на меня злобный взгляд:

— В ДРУГОЙ РАЗ УЗНАЕШЬ, МАЛЕНЬКИЙ СМЕРТНЫЙ!

Едва он исчез, юбка-сеть Ран замедлила ход до скорости небольшого шторма.

— Прекрасно, эйнхерий, — сказала богиня. — Мы договаривались о бартере на доверии. Что тебе требуется?

— Меч Лета, — ответил я. — Он был со мной, когда я упал в реку Чарльз.

У Ран заблестели глаза.

— Ладно, отдам тебе меч, но в обмен хочю тоже кое-что ценное. Твою душу. Думаю, это будет эквивалентный обмен.

Глава XXXIV

МОЙ МЕЧ ЕДВА НЕ ПОПАЛ НА ЕВАУ

— А я так не думаю, — возразил я.

Ран оглушительно рыкнула, словно кит, страдающий изжогой.

— Внук того самого Ньёрда, который вечно сует во все нос, явился ко мне с просьбой о бартере. Потревожил Мирового Змея. Прервал мои поиски. И после этого еще смеет оспаривать мое вполне щедрое и разумное предложение? Меч Лета ведь артефакт. Самое важное поступление в сети моей коллекции за много последних лет. Душа твоя — очень скромная за него цена.

— Леди Ран, — поднялась из рыбацкого кресла, держа топор, Сэм. — На душу Магнуса уже предъявил право Один. Магнус теперь эйнхерий, и изменить это невозможно.

— К тому же моя душа вряд ли окажется ценным приобретением для вашей коллекции, — нашелся я. — Она у меня совсем маленькая. И работает как-то не очень. Да я вообще так давно ей не пользовался, что даже не знаю, в исправном ли она у меня состоянии.

Ран явно заколебалась, боясь прогадать. Юбка-сеть завертелась с бешеной скоростью. Плененные души забились в попытке обрести волю. Пластиковые пакеты начали лопаться, как пупырышки на противоударной оберточной пленке. Пространство вокруг заполнил столь удушающий

запах гниющей рыбы, что я с сожалением вспомнил о нашей старой доброй наживке для мистера Йо.

— В таком случае, что же ты можешь мне предложить равноценное стоимости меча? — осведомилась богиня.

Хороший вопрос. А действительно, что?

Я напустил на себя задумчивый вид, ну, словно прикидываю варианты, хотя, если честно, у меня в тот момент их не было ни одного, и мне оставалось лишь тупо следить за коловращением юбки-сети. Впрочем, она-то и натолкнула меня на одну идею.

— Вы говорите, я помешал вашим поискам. А что именно вы искали? — вкрадчиво начал я.

— Разное, — куда более мягким тоном, чем прежде, отозвалась богиня, а в зеленых ее глазах засветился жадный огонь. — На дне лежит много потерянных ценностей. Как раз в тот момент, когда вы потревожили Змея, я увидела колпак для колеса от «Шевроле Малибу», цена которого минимум сорок долларов. Представь себе, просто валяется на дне залива. Но Мировой Змей все взбаламутил, и он исчез, — с трагическим видом всплеснула она руками.

— Значит, вы подбираете всякий хлам, то есть я, конечно, имел в виду прекрасные ценные вещи, — спешно исправил формулировку я.

Сэм кинула на меня взгляд из-под прищуренных век. Помоему, ей показалось, что я окончательно спятил, хотя на самом-то деле все было наоборот! Мне только сейчас начала становиться ясной система ценностей Ран.

— Вы слышали о мусорном пятне в Тихом океане? — простерла она мечтательно обе руки по направлению к горизонту.

— Да, я слышала, леди Ран, — откликнулась Сэм. — Это плавающая свалка размером со штат Техас. Жуткое дело.

— Она прекрасна! — воскликнула восхищенно богиня. — Когда я впервые ее увидела, то была просто потрясена. Моя коллекция по сравнению с ней ничто. Много столетий все кораблекрушения в северных водах по праву принадлежали мне. Любое, что оказалось в пучине, было к услугам моей коллекции. Но стоило мне увидеть это прекрасное мусорное

пятно, как я убедилась, сколь оказались жалкими мои многовековые усилия. С той поры я полностью посвящаю все силы и время обследованиям морского дна, чтобы пополнить сеть новыми поступлениями. Вот и твой меч нашелся только благодаря моим своевременным и оперативным действиям.

Я понимаю ее кивнул. Мне действительно было теперь с ней все ясно. Дама-помоечница. Я хорошо успел изучить этот психотип и за время жизни на улице научился с ним обращаться.

За бортом лодки плавал разнообразный мусор. Покачивалась на куске пенопласта серебряная чайная ложечка. Погнутое восьмеркой велосипедное колесо, подгоняемое волной, врезало по призрачной голове, заточенной в сети морской богини, и унеслось прочь.

— Леди Ран, — начал я. — Ваш муж Эгир ведь бог моря, правда? И вы с ним живете в золотом дворце на самом дне океана.

Богиня настороженно нахмурилась.

— Не понимаю, к чему ты клонишь?

— Да вот просто мне интересно, что муж-то ваш думает о вашей прекрасной коллекции.

— Эгир! — выкрикнула с таким видом Ран, словно отплевывалась от волоса, залетевшего в рот. — Был он когда-то великим творцом мировых штормов, а ныне его занимает лишь изготовление медовухи. Раньше это его увлекало в разумных пределах, но теперь он поистине перешел все границы. Все время или торчит в магазинах, торгующих хмелем, либо устраивает с друзьями экскурсии по медоварням. Я уж не говорю о том, как он стал выглядеть внешне. — Она брезгливо поморщилась. — Эта фланелевая рубашка, джинсы-скинни с подвернутыми штанинами, очки, манера подравнивать себе бороду... И все время твердит о каких-то мелких лимитированных партиях свежесваренной медовухи. Мелкие партии! Да что о них говорить, когда у него котел шириною в целую милю!

— Ну конечно же. Ясное дело, что это вас раздражает, — подхватил я. — Но неужели же он не находит время, даже чтобы полюбоваться вашими потрясающими сокровищами?

— Он ведет свою жизнь, я — свою, — отрезала Ран.

Сэм продолжала бурлить меня ошарашенным взглядом, но я попросту четко следовал плану, который наметил, и вполне ясно себе представлял реакцию собеседницы.

Дело в том, что по уличной жизни знавал я одну такую даму-помощницу из Чарльзтауна. Муж ей оставил в наследство шикарный особняк на Бикон-стрит стоимостью в шесть миллионов долларов. Жизнь в одиночестве дома, однако, ее подавляла. Ну не чувствовала она себя там счастливой и предпочла своим роскошным условиям улицы, по которым изо дня в день толкала тележку из супермаркета, собирая в нее пластиковые украшения для газонов и жестяные банки. Она, видите ли, ощущала себя при деле. И жизнь ее как бы наполнилась содержанием.

— Напомни, о чем это мы говорили? — нахмурилась Ран.

— О Мече Лета. Вернее, что я могу за него предложить вам по бартеру, — напомнил я.

— Вот именно, — подтвердила она.

— Так вот, мое предложение. Вы отдаете мне меч, а за это ваша коллекция остается у вас, — ответил ей я.

Сеть мигом подернулась льдом.

— Ты грозисься забрать мои вещи? — воинственно проговорила богиня.

— Ну что вы. Разве я мог бы пойти на такое? Вполне понимаю всю ценность...

— Любой предмет здесь уникален! — не дала мне договорить она. — Взять хоть эти подсолнухи, — указала она на плавающие в воде желтые пластиковые цветы на длинных зеленых стеблях. — Они давно сняты с производства. Мне любой за них десять долларов выложит.

— Ясное дело, — не стал спорить я. — Но если вы мне не вернете Меч Лета, сюда явится его искать Сурт вместе с полчищем огненных великанов, и я сомневаюсь, что они вам окажут такое же уважение.

Ран презрительно фыркнула.

— Сыновьям Мусспеля до меня не добратся. Мое водное королевство для них смертельно опасно.

— Вы забыли, наверное, что у Сурта полно союзников, — вступила в беседу Сэм, наконец понявшая ход моих мыслей. — Они начнут вам мешать, станут вас раздражать и в конечном итоге присвоят ваши сокровища. Сурту необходим Меч Лета, и он в погоне за ним способен на все. А как только его захватит, начнется Рагнарок, и вы не сможете ничего собирать. Океан закипит, а ваша коллекция будет попросту уничтожена.

— Нет! — проверещала богиня.

— Да, — возразил решительно я. — Но если вы отдадите мне меч, он у меня окажется в безопасности и у Сурта не будет причины вас беспокоить.

Ран помолчала, задумчиво глядя на мусор, который крутился у нее в юбке.

— И каким же образом ты, сын Фрея, намерен хранить безопасность надежней меня? — поинтересовалась она. — Ты же не сможешь вернуть этот меч своему отцу. Фрей отказался от права владеть им в тот самый момент, когда уступил его Скирниру.

Мне в очередной раз захотелось найти отца, этого летнего бога-резвунчика, и как следует ему врезать. Что его дернуло отдавать свой меч? Любовь? Неужто боги такие же идиоты, как люди? По идее они должны быть умнее. Хотя вон богиня Ран охотится за всяким мусором вроде колпаков для автомобильных колес, а ее муженек как одержимый варит медовуху.

— Сам стану им пользоваться, — ответил я Ран. — Или в Вальгаллу сдать на хранение.

— То есть ты даже еще не решил, — подняла свои водяные брови богиня. — А ты, дочь Локи, — воззрилась она на Сэм, — каким образом встала на сторону богов Асгарда? Отец твой им больше не друг.

— При чем тут отец? Я валькирия, — объяснила Самира.

— Девушка, грезящая полетами, которую таны выдворили из Вальгаллы, — с кривой улыбкой проговорила Ран. — Не понимаю, зачем ты по-прежнему лезешь из кожи вон, чтобы заслужить их одобрение? Для полетов они тебе не нужны. Знаешь прекрасно, что с кровью отца...

— Отдайте нам меч, леди Ран, — сердито оборвала ее Сэм. — Это единственный способ отложить Рагнарок.

— Ты даже звучишь, как Локи, — с затаенной обидой проговорила морская богиня. — Он тоже умеет так хорошо убеждать. Сперва льстит. Потом переходит к угрозам. Как-то даже заговорил мне зубы до такой степени, что я отдала ему свою сеть. Ну и пошли проблемы. Он сумел разгадать мою тайну плетения сети. Сперва этому научились боги, а потом люди. И вскоре это мог делать каждый, кто захотел. Моя пароботка! Мой товарный знак. Вот почему с тех пор меня не так легко уговорить. Лучше оставлю меч у себя и рискну пообщаться с Суртом.

Я, отстегнув ремни, встал с рыбацкого стула, переместился на нос и уставился в глаза Ран.

Дам-помощниц мне, в общем, скорее жалко, и я до этого никогда их не запугивал. Но сейчас я хотел, чтобы Ран приняла меня всерьез.

— Видите эту цепочку на моем поясе? Это подлинный меч из Вальгаллы. Вряд ли у вас в коллекции есть что-нибудь подобное.

Ран потянулась было ко мне, но отдернула на полпути руку.

— Вижу сквозь волшебство, не врешь. Но зачем мне меняться на...

— Новенький меч взамен старого, — быстро проговорил я. — Клинок у него блестит куда лучше. Он вообще только раз побывал в бою. Без проблем двадцать баксов выручите. А вот у Меча Лета продажной цены вообще нет.

Богиня явно заколебалась.

— Может, и так, но...

— Другой вариант, — не давал ей опомниться я. — Я просто у вас заберу Меч Лета. Ведь он моя собственность.

Ран зарычала. Ногти на пальцах у нее вытянулись и стали похожи на зубы акулы.

— Ты, никак, угрожаешь мне, смертный?

— Нет, — сохранял из последних сил я спокойствие. — Просто вы должны знать. Я чувствую меч свой в ваших се-

тях. — Ох, как же я нагло ей лгал! — Однажды я уже его вытащил со дна реки Чарльз и так же спокойно теперь достану из вашей коллекции. Учтите, что это самое острое оружие во всех Девяти Мирах. Вам действительно нужно, чтобы он вашу сеть порезал, рассыпал все ваши сокровища и выпустил на свободу все души? Думаете, если они удерут, то по-прежнему станут отстаивать вашу сторону в битвах?

Глаза Ран заметались.

— Ты не посмеешь.

— Меняю меч на меч, — ровным голосом повторил я. — Ну и, как компенсацию за все наши хлопоты, подкиньте еще яблочко Идунн.

— Ты раньше не говорил про яблоко, — прошипела она.

— Ну, это же вам вообще ничего не стоит. — У меня даже достало сил улыбнуться ей. — Знаю, у вас обязательно завалось лишнее молодильное яблоко. Исполните две наших просьбы, и мы покинем вас с миром, предотвратим Рагнарок, а вы сможете дальше без всяких помех продолжать свои поиски. Но если откажетесь... — Я выдержал короткую паузу. — Наверное, сами знаете, что может сделать сын Фрея, вооруженный его мечом.

Прозвучали мои слова очень дерзко и самоуверенно, а вот душа у меня уходила в пятки. Я был почти уверен, что Ран расхохочется мне в лицо, потопит лодку, а души наши сделает частью своей коллекции. Но, невзирая на это, я продолжал ей твердо смотреть в глаза.

Она молчала. Я мысленно открыл счет. Шея моя успела покрыться холодным потом, и я произнес про себя цифру двадцать, когда услышал:

— Согласна.

Богиня махнула рукой, и Меч Лета, вылетев из ее юбки-сети, очутился в моей ладони, взбадривая своим тихим гулом каждую клетку моего тела.

Я бросил цепочку за борт.

— Жду яблоко.

Из сети вылетел фрукт. Будь у Сэм похуже реакция, он засветил бы ей ровненько промеж глаз, но она, в последний

момент увернувшись, его поймала. Яблочко выглядело так себе. Напоминало пожухлый гольден. Сэм, однако, к нему отнеслась с такой опаской, будто от него шло радиоактивное излучение, и торопливо засунула в карман куртки.

— Теперь убирайтесь, как обещали, — хмуро проговорила Ран. — Одно только скажу тебе на прощание, Магнус Чейз. Ты еще пожалеешь об этих переговорах. Я отныне твой враг. Муж мой Эгир, лорд волн, узнает об этом тотчас, как мне удастся его извлечь из очередной лавки, торгующей хмелем. Так что очень рекомендую тебе никогда не пускаться больше по морю. В следующий раз родство с Ньёрдом тебя не спасет. Если попадешь в мои воды, я утащу твою душу на самое дно.

— Спасибо, — кивнул я ей. — Очень приятная перспектива.

Ран начала кружиться, пока ее силуэт не стал походить на порохобразный туман. Юбка-сеть обернулась вокруг нее, как скрученные в клубки спагетти. Затем все это погрузилось в воду и скрылось.

— Интересный у вас какой разговор с ней вышел, — содрогнулась всем телом Сэм.

За нашими спинами заскрипели ступени лестницы, и над палубой показалась башка морозного великана.

— Интересный? Ты назвала это интересным разговором?

Он поднялся на палубу, сжав угрожающе кулаки и буравя нас гневным взглядом. С сине-ледяной бороды его струилась капель.

— Ладно еще поймать Мирового Змея, но прогневить Ран... Знай я такое заранее, никогда бы не взял вас на борт, пусть даже по просьбе Большого Мальчика. Я океаном на жизнь зарабатываю. Ах, лучше б мне было сразу выкинуть вас за борт.

— Удваиваю ваш гонорар, — объявила Сэм. — Десять монет из красного золота, если доставите нас обратно до порта.

— Хорошо, — не смог устоять мерзлот Харальд и обреченно поплелся в рубку.

Я разглядывал обретенный Меч Лета. Он был у меня в руках, но мне пока еще не было ясно, как с ним поступить. Сталь клинка сияла словно бы изнутри. Руны на ней свети-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

лись серебром. От меча шло тепло. Оно прогревало воздух вокруг, растопило лед на поручнях лодки, а меня наполнило ощущением той самой силы, которое приходило, когда я начинал кого-то лечить. В моих руках было скорее не оружие, а магический ключ, открывающий те ощущения, которые я считал для себя навсегда потерянными. Ну, будто мы с мамой вновь гуляем в Голубых холмах и солнечный ветерок ласкает мое лицо.

Сэм вдруг протянула руку в огромной кожаной перчатке и стерла слезу у меня со щеки.

А я и не понял, что плачу!

— Извини, — выдавил я из себя севшим голосом.

— Ты действительно мог вызвать меч из сети морской богини? — глянула она на меня с тревогой.

— Понятия не имею, — пожал я плечами.

— В таком случае это было просто безумство с твоей стороны, — покачала головой Сэм. — Но получилось у тебя потрясающе.

Я опустил меч. Он по-прежнему продолжал гудеть, похоже, о чем-то со мной говоря.

— Сэм, а Ран правду сказала? Ты действительно можешь летать, даже если не станешь снова валькирией? Это благодаря тому, что отец твой...

Доверительность с ее лица мигом стерло, и оно стало каменным.

— Не имеет значения, — жестко бросила она.

— Ты уверена? — все же хотелось знать мне.

Она, старательно отводя от меня глаза, медленными движениями прикрепила топор к поясу.

— Так же уверена, как и ты в том, что мог вызвать Меч Лета.

Моторы взревели. Лодка начала разворот.

— Постою возле Харальда у руля, — объявила Сэм. — Хочу убедиться, что он действительно нас везет в Бостон, а не в Йотунхейм.

Но мне-то было совершенно ясно: она просто хочет сейчас отойти от меня подальше.

Глава XXXV

НЕХОРОШО ГАДИТЬ НА ГОЛОВУ ИСКУССТВУ

Отдав мне пожухлое молодильное яблоко, Сэм оставила меня в доках Бостонского порта и ушла. Не то чтобы ей хотелось смыться, объяснила она, но бабушка с дедушкой убьют ее за опоздание к ужину, поэтому опаздывать еще больше нельзя. Словом, мы с ней условились встретиться утром в общественном парке, после чего она пошла домой, а я направил стопы к площади Копли.

Тащиться по улицам с ярко сияющим мечом было довольно дискомфортно, и я решил с ним немного на эту тему посоветоваться. (Только, пожалуйста, не подумайте, что я спятил, со мной все нормально.)

— Ты не можешь волшебным образом превратиться во что-то поменьше? — спросил его я. — Только лучше не в цепь. На дворе-то не девятые.

Слов конкретно я от него в ответ не услышал, но гул его приобрел какие-то разговорные интонации, будто он меня спрашивал: «Ну и во что же именно?»

— Не знаю, — сказал ему я. — Во что-то карманно-компактное. Например, в авторучку.

Меч загульсировал, словно в приступе хохота. Готов поспорить на что угодно, он мне сказал сквозь смех на гудящем своем языке: «Меч-авторучка! В жизни не слышал подобной глупости!»

— Есть идея получше? — полюбопытствовал я.

Меч съезжился, превратившись в белый камень с руной, висящий на золотой цепочке. На белом фоне чернел символ:

— Руна Фрея, — пробормотал я. — Не очень люблю украшения, ну да ладно. Сойдет.

Надевая кулон на шею, я понял, сколь мудро он был устроен. Держался он на цепочке как на магните. Достаточно потянуть, и рунная плашечка оказывалась у меня в руках, а как только это происходило, она превращалась в меч. Если же он мне больше не требовался, мне надо было только послать ему мысленный сигнал, и готово дело: на ладони моей лежала белая плашечка и я мог ее примагнитить к цепочке.

— Круто, — оценил я, толком не понимая, что же на самом деле произошло.

Меч ли впрямь услышал мою просьбу и выполнил? Я ли сам сотворил это волшебство? Или у меня просто глюки, а в действительности на шее моей висит огромный светящийся клинок?

Но так как никто из прохожих не обращал на меня внимания, я убедился, что все же ношу на шее рунный кулон. Он-то точно не мог никого насторожить. Руну Фрея большинство считают за элементарную латинскую букву «Ф». Ну, вроде как я ношу ее, таким образом обозначив, что моя жизнь — фуфло.

К тому времени как я добрался до площади Копли, стало совсем темно. Не найдя в условленном месте встречи ни единого признака Блитцена и Хэртстоуна, я встревожился. Куда они делись? Библиотека-то уже закрыта. Мысли мои перекинулись на Большого Мальчика. Если он ожидает меня на крыше библиотеки, то мне неохота карабкаться вверх по стенам.

Этот день выдался слишком тяжелым и длинным, и я, несмотря на всю обретенную силу супервоина-эйнхерия,

совершенно вымотался. К тому же живот у меня подводило от голода. Если Большому Мальчику нужно яблоко, пускай сам и приходит за ним. Иначе я его просто слопаю.

Я сел на ступеньку лестницы, ведущей к парадному входу в библиотеку, и мне показалось, что камень подо мной качается, как лодка Харальда на волнах. По обе стороны от меня высилось по бронзовой статуе величественных дам, восседающих на мраморных тронах. Одна олицетворяла науку, другая — искусство. Вид у них тоже был какой-то уставший; руки вяло лежали на подлокотниках тронов, словно им очень хотелось уйти и передохнуть. Головы дам покрывали платки, а глаза взирали на меня из-под полуприкрытых век с немим вопросом: «Ну что, молодой человек, тяжеленькая неделька вам выдалась?»

Редкий случай: я был один, и к тому же в данный момент мне ничего не угрожало. Когда я в последний раз такое испытывал? В похоронном агентстве? Вот только вопрос: считается ли, что человек один, если с ним в комнате лежит его собственное мертвое тело?

Похороны наверняка уже давно состоялись. Я представил себе, как мой гроб опустили в промерзшую землю могилы. Дядя Рэндольф, опираясь на трость, скорбно хмурится. Дядя Фредерик в разных носках и ботинках потрясен и расстроен. Аннабет... Вот что она, интересно, чувствовала, провожая в последний путь мое тело?

Кинулась в Бостон, надеясь меня разыскать. Узнала о моей смерти. Затем выяснила, что я не умер, но все равно оказалась вынуждена идти на мои похороны и скрывать, что мы с ней только что виделись.

У меня не было никаких сомнений: она сдержит свое обещание. И все-таки встреча с ней меня сильно вывела из равновесия. В голове вертелись вопросы, на которые я не мог ответить. Она говорила, что может помочь мне, но чем? Она знает место, в котором я, по ее словам, могу быть в безопасности, но что это за место?

Я вытащил из кармана куртки потрепанный флаер со своей фотографией и призывом любому, кто видел меня,

позвонить. Под текстом был напечатан телефонный номер Аннабет. Я глядел на него, пока не запомнил. Она ждала от меня объяснений, но время для них пока не настало. Достаточно и того, что Хэртстоун из-за меня получил по кумполу и упал без сознания. Блитцен наполовину окаменел. А Сэм выгнали из сестринства валькирий. Я не чувствовал никакого права впутывать в свои приключения еще и Аннабет.

По предсказанию норн, волк Фенрир через семь дней будет освобожден от пут. Если я не сумею это предотвратить, грянет Рагнарок и Сурт поглотит огнем все Девять Миров, а я уже никогда не найду маму и не добьюсь, чтобы те, кто убили ее, понесли наказание.

Я был готов помешать планам Сурта, однако стоило мне представить себе встречу с самим Фенриром, как внутри у меня все сжималось, оставляя единственное желание — забиться поглубже в свой старый спальный мешок, крепко зажмурить глаза, заткнуть пальцами уши и мысленно повторять: «Тебе просто почудилось, Магнус. Ничего страшного не происходит».

Надо мной нависла широкая тень, и мгновенье спустя орел Большой Мальчик, избрав себе в качестве посадочной площадки стацию слева от меня, сделал свои дела ей на голову.

— Чувак, ты только что наклал на голову самому Искусству, — проинформировал его я.

— Да неужто? — приподнял хвостовые перья Большой Мальчик, изучая плоды своей деятельности. — Ну да. Так и есть. Но, полагаю, дама сия к такому давно привыкла. А ты-то, как я погляжу, умудрился выжить на своей рыбалке.

— Удивлен? — спросил я.

— Изрядно, — подтвердил лысый орел Большой Мальчик. — Яблоко мне доставил?

Я вынул заветный плод из кармана и бросил ему.

Большой Мальчик, схватив его левой лапой, тут же принялся есть.

— Да. То самое, — с довольным видом подтвердил он.

Я, как вы уже знаете, повидал много странного. Но орел, пожирающий яблоко на обгаженной голове Искусства, уверенно занял место в верхней двадцатке моей коллекции.

— Может, теперь мне все-таки скажешь, кто ты на самом деле? — счел я момент подходящим для выяснения.

Большой Мальчик рыгнул.

— Что ж, полагаю, что ты заслуживаешь ответа. Признаюсь, на самом деле я не орел.

— Ну, я просто в шоке от такой твоей откровенности.

Орел отклевал еще кусок яблока.

— Боюсь, негусто появится у тебя друзей среди богов, когда они выяснят, что ты мне помогал.

— Вот спасибо за хорошую новость. Я и так уже в черном списке у Ран и Эгира.

— А-а, — пренебрежительно отмахнулся крылом Большой Мальчик. — Эти двое ненастоящие боги. Не асы и не ваны, а так, серединка на половинку. Их можно скорей отнести к великанам. Хотя разделение на богов и великанов никогда не отличалось особенной внятностью. Наши кланы за все годы заключили множество смешанных браков.

— Наши кланы? — переспросил я. — Ты имеешь в виду...

Орел начал расти. Вокруг него смыкались густые тени, подчеркивая и без того гигантскую фигуру пожилого мужчины, резвящегося на коленях у статуи Искусства.

Сапоги его были подбиты железом. Выше моему взгляду предстали бриджи из кожи, а над ними туника из орлиных перьев, изготовленная в полном противоречии закону об охране исчезающих видов животных. В темную шевелюру Большого Мальчика вкралась обильная проседь. Лицо покрывала частая сетка морщин.

— Вы лорд? — спросил я, заметив на предплечье золотой нарукавник, инкрустированный Кровавыми камнями, очень похожий на те, которые носили таны в Вальгалле.

— Вообще-то, точнее, король. — Большой Мальчик откусил еще кусок молодильного яблока, после чего его волосы потемнели, а часть морщин на лице исчезла. — Утгард-Локи к твоим услугам.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Локи? — рука моя потянулась к кулону с руной. — Тот самый знаменитый Локи?

Лицо короля-великана сделалось кислым.

— Сколько же раз мне еще отвечать на этот вопрос. Тот самый знаменитый Локи, — передразнил меня он, изобразив пальцами на слове «знаменитый» кавычки. — Во где у меня это уже сидит, — провел он ребром ладони по горлу. — Да, меня называли Локи, прежде чем этот тип на свет появился. Локи, чтобы ты знал, самое популярное имя у великанов. Так что я к тому самому знаменитому не имею ровно никакого касательства. Повторяю, меня зовут Утгард-Локи из Внешних Земель. Король горных великанов. Я уже много лет за тобой наблюдаю.

— И не надоело?

— Отнюдь, — покачал головой великанский король. — Ты ведь куда интереснее тупых детей Тора, которые вечно меня задирают. Из тебя получится замечательный враг.

— Ну, я прямо обалдеваю. — Рука моя потянулась к кулону. — Мы что же, теперь враги?

— Ой, перестань, — покачал головой король. — Нет у тебя пока никакой нужды вытаскивать меч. А кулончик-то стильненький, — пригляделся он. — Когда-нибудь мы с тобой и впрямь обнаружим себя по разные стороны баррикады. Чему быть, того не миновать. Но на данный момент я доволен, что могу ограничиться наблюдением. Очень мне любопытно, как ты научишься пользоваться мечом. Надеюсь, сумеешь не убить себя. Этого старого мешка с дымом Сурта давно пора хорошенько унизить.

— Рад, если этим вас позабавлю, — усмехнулся я.

Запихнув в рот остаток яблока, великан проглотил его не разжеывая, после чего стал выглядеть лет этак на двадцать пять. Крупный стройный красавец в расцвете лет с рельефным лицом без единой морщинки.

— Кстати о Сурте, — снова заговорил он. — Огненный Лорд пойдет на все, чтобы меч у тебя не остался. Фора у тебя есть до утра. Потом он узнает, что ты его нашел.

Я отпустил кулон. Руки мои налились тяжестью и обшкли.

— Разве сил у него не убавилось после того, как я отрубил ему нос и сбросил с моста в ледяную воду?

— О да, еще как убавилось, — издал басовитый смешок великан. — В данный момент он бесится и катается в Муспелльхейме кипящим безносом шаром огня. Ему нужно еще основательно восстановиться, чтобы как следует проявить себя в день полной луны.

— И тогда он попробует освободить волка, — уточнил я.

Может, мне и не следовало выбалтывать это самопровозглашенному своему врагу, но что-то в меня вселяло уверенность, что он превосходно осведомлен.

— Именно, — подтверждая мою догадку, кивнул Утгард-Локи. — Нет никого на свете, кто жаждал бы так наступления Рагнарока, как Сурт. Он с самого начала времен мечтает пожрать огнем все Девять Миров и знает, что в Рагнарок ему это удастся. Не могу ему посочувствовать. Мне вполне нравится существующий миропорядок, и жить интересно. Но огненных великанов не уговоришь. У них только одно на уме: жечь, жечь и жечь. Впрочем, могу сообщить и хорошую новость: до дня полной луны Сурт тебя не убьет. Не сможет. Он для этого пока слишком слаб. А теперь новость похуже: у Сурта полно подручных.

— Ненавижу подручных! — вырвалось у меня.

— И, между прочим, опасность тебе грозит не только с их стороны, — продолжал Утгард-Локи. — Бывшие твои товарищи по Вальгалле тоже тебя разыскивают. Им не понравилось, что ты без спроса удрал.

Мне живо представилось, как капитан Гунилла кидает и меня молоток, который, кружась, врезается в мою переносицу.

— Ну зашибись, как все здорово, — проговорил я вслух.

— Я бы на твоём месте, Магнус, постарался к рассвету покинуть Мидгард, — дал совет великан. — Таким образом ты хоть на время собьешь всех врагов со следа.

— Покинуть землю. И впрямь, что может быть проще? — хихикнул я.

Утгард-Локи, соскользнув с колен Дамы-Искусства, предстал мне в свой полный рост. Такая вот каланча, длиной не меньше двенадцати футов.

— Я знал, Магнус Чейз, что ты быстро учишься. Нам с тобой предстоит новая встреча. Наступит момент, когда ты будешь нуждаться в помощи, и оказать тебе ее сможет только Утгард-Локи. А сейчас нам пора попрощаться. Тебя уже ждут друзья.

Тень вокруг великана резко сгустилась, и он исчез, а на том месте, где он стоял, возникли невесть откуда Блитцен и Хэртстоун.

Хэрт метнулся от меня в сторону, как напуганная кошка. Блитцен уронил сумку.

— Рог Хеймдалла! Откуда ты взялся, сынок?

— Откуда? Да я уже битый час здесь торчу. С великаном беседовал.

Хэрт подкрался ко мне вплотную и ткнул пальцем в грудь, явно желая удостовериться в моей подлинности.

— Мы здесь уже много часов, — показал он мне. — Ждали тебя. Разговаривали с великаном. А ты только сейчас неожиданно появился.

Мне стало немного не по себе.

— Давайте-ка обменяемся информацией.

И я первый начал рассказывать обо всем, что произошло с тех пор, как мы с ними расстались. Про рыбалку с Харальдом, мистера Йо, помочную даму Ран (классное, между прочим, имечко для рэперского дуэта!) и, наконец, про свой разговор с королем-великаном Утгардом-Локи.

— Не нравится мне все это, — потербил бороду Блитцен. С наступлением темноты он избавился от своей противосолнечной одежды, и теперь гардероб его составляли баклажанного цвета костюм-тройка с зеленой гвоздикой в петлице и розовато-лиловая рубашка. — Часть из того, что тебе сказал великан, мы с Хэртом тоже от него слышали, но нам он по имени не представился.

— Сюрприз! — показал мне пальцами Хэрт и раскрыл сложенными большим и указательным пальцами уголки век на обоих глазах, что в переводе значило «офигеть!». — Утгард-Локи, — четко, по буквам прожестикуюлировал он великанское имя. — Самый могущественный колдун Йотунхейма. Может создать любую иллюзию.

— Нам еще повезло, — подхватил Блитц. — Ему ничего бы не стоило заставить нас сделать или увидеть все, что угодно. Например, шагнуть с крыши или случайно убить друг друга. И даже сожрать стейк-тартар, — скривился он от омерзения. — Вообще-то мы и сейчас вполне можем еще пребывать под властью иллюзии, — с подозрением поглядел Блитц на меня и Хэрта. — Вдруг великан прикинулся кем-то из вас? — И он с силой врезал Хэртстоуну по руке.

— Ой! — прожестикуюлировал тот и наступил Блитцу на ногу.

— Ну, вроде бы нет, — чуть успокоился гном. — Но все равно это очень плохо. Ты дал яблоко бессмертия королю великанов.

— Ну и что именно это значит? — надоели уже мне его многозначительные намеки.

— Честно сказать, не знаю, — потербил он зеленый цветок у себя в петлице. — Но Утгард-Локи уже вернул себе этим яблоком силу и молодость. И не надейся, что в Рагнарок он выступит на твоей стороне.

— Знай я, что это Утгард-Локи, я бы его расспросил про магию, — с запоздалым сожалением прожестикуюлировал Хэрт.

— Ты и так про нее достаточно знаешь, — не поддержал его Блитц. — А великанам нельзя ни в чем доверять. Он запросто мог бы тебе наплевсти какую-нибудь чушь. Мне кажется, вам двоим сейчас лучше лечь и поспать. Эльфы не могут долго бодрствовать без солнечного света, да и ты, Магнус, выглядишь так, словно вот-вот упадешь от усталости.

Блитц не преувеличивал. Ноги у меня подкашивались, а друзья двоились в глазах, и тут нечего было сваливать ни на какие иллюзии. Я просто элементарно устал.

Мы разбили наш маленький лагерь в дверном проеме библиотеки. Прямо как в старые добрые времена, с той только разницей, что теперь были гораздо лучше экипированы. Блицц вытащил из сумки три пуховых спальных мешка, сменную свежую одежду для меня и бутерброды, которые я улепел с такой скоростью, что даже не разобрался, с чем они были. Хэрт забрался в мешок и немедленно захрапел.

— Ты тоже давай, — сказал мне Блицц. — А я заступлю, как всегда, на ночную вахту. Завтра пойдем навещать моих родственников.

— В мир гномов? На твою родину? — ушам своим не поверил я.

— На мою родину, — с оттенком тревоги подтвердил Блицц. — Мы с Хэртом сегодня кое-что проанализировали и пришли к выводу, что нам недостаточно информации о конструкции цепи, которой связан Фенрир. А получить нужные сведения мы можем только в Нидавеллире. — Он посмотрел на кулон у меня на шее. — Позволишь взглянуть на меч?

Сняв рунный камень с цепочки, я положил между нами с Блиццем Меч Лета. Его сияние ярко высветило из тьмы лицо гнома и его сияющие глаза.

— С ума сойти, — пробормотал он. — Костяная сталь. А может, даже еще что-нибудь куда более редкое.

— Ты Джей из Вальгаллы говорил мне про костяную сталь.

Блиццен провел рукой в воздухе вдоль клинка, не касаясь его.

— Обычная сталь — это сплав железа с углеродом. Кузнецы используют уголь. Но в него можно добавить и кости. Врагов, чудовищ и даже умерших предков.

Я поглядел на клинок, размышляя, нет ли в его составе частиц каких-то моих далеких прапра... ну там бабушек или дедушек?

— Когда меч правильно выкован, — продолжал тем временем свою лекцию Блицц, — костяная сталь способна разить существ сверхъестественных. Такое оружие представляет

опасность даже для великанов и богов. Но чтобы оно таким стало, оно должно быть закалено в крови, и желательно существа того типа, которое предстоит сразить.

— Меч Лета сделан именно так? — поехидился я.

— Не знаю, — к счастью, ответил Блитцен. — Меч Фрея сработан ванами. Их методы — для меня тайна. Возможно, он ближе к магии Хэрта.

А мне-то казалось, гномы большие доки не только по части цепей и Блитц хоть частично раскроет мне тайну меча.

Я покосился на Хэрта, по-прежнему samozабвенно хранящего в своем мешке.

— Ты говоришь, он много знает о магии? Нет, я не сомневаюсь, но почему же он ей тогда так мало пользуется? При мне вот один только раз отпер дверь без ключа. Он еще-то по этой части что-нибудь может?

Блитц с таким видом коснулся ладонью спального Хэрта, словно оберегал его от моих нападков.

— Магия вытягивает из него силы. Поэтому он прибегает к ней лишь в крайних случаях. К тому же его семья... — Блитц тяжело вздохнул. — Современные эльфы не одобряют занятия магией. Родители Хэрта стыдили и осуждали его за то, что он ей увлекся. Поэтому он до сих пор стеснялся ей пользоваться в чем-то присутствии. У Хэртстоуна вообще комплекс. Он, видишь ли, не оправдал надежд, которые на него возлагали родители. Оказался совсем не тем сыном. И магия, и... — Блитц коснулся ушей. — Ну, сам понимаешь.

Я едва удержался от крепкого слова в адрес этих родителей. Разве Хэрт виноват, что родился глухим!

— Эльфы, — пожал плечами Блитц. — У них пониженная толерантность. Воруют носы от всего, что не кажется им идеальным. И от музыки, и от литературы, и от изобразительного искусства, и даже, как видишь, от собственных детей.

Я чуть не крикнул, что это ужасно, но вовремя спохватился: люди-то в данном случае от эльфов мало чем отличаются.

— Ты все же ложись скорей спать, сынок, — принялся уговаривать меня Блитцен. — Завтра у нас будет важный

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

и трудный день. Чтобы Фенрир был надежно связан, нам придется прибегнуть к помощи одного гнома, и она обойдется недешево. А ты для прыжка в Нидавеллир должен быть бодрым и полным сил.

— Для прыжка? — спросил я. — Что еще за прыжок?

Блицт кинул на меня такой взгляд, словно мне вскорости предстояли еще одни собственные похороны.

— Утром ты должен суметь взобраться на Мировое Дерево.

Глава XXXVI

УТЯТА!

Можете назвать меня психом.

Я считал, Мировое Дерево — это такое очень большое дерево, а не утка с выводком утят.

— Ну вот, — объявил нам Блитцен. — Это и есть перекресток вселенных.

Хэртстоун с благоговейным видом встал на колени.

Я глянул на Сэм, которая, смывшись с урока физики, уже успела примкнуть к нам. Она не смеялась.

— То есть... — Я в полном обалдении смотрел на объект, возле которого мы находились. — По-моему, это вообще-то просто скульптурная группа «Уступите дорогу утятам!».

— А символику ты не усматриваешь? — спросил Блитцен. — Она же здесь просто кричит. Девять Миров. Девять уток. Это портал. Суть мироздания. Центр дерева. Место, с которого легче всего перепрыгивать с одной утки... то есть я имею в виду из одного мира в другой.

— Ну, если ты так уверен...

Я тысячу раз проходил мимо вот этих самых бронзовых уточек. Какой там еще портал? Они были вываяны по сюжету какой-то там детской книжки, в которой мама-утка с утятами переходила одну из бостонских улиц. Ну, симпатичная сценка. Вполне миленько смотрится в общественном парке. Родителям с детишками в теплое время года полюбилось

фотографироваться на ее фоне. А в Рождество на головы утки с утятами надевают маленькие красные санта-клаусовские шапочки. Но при чем тут центр мироздания?

Сейчас на утке с утятами шапочек уже не было, их по самые шеи запорошил снег, и выглядели они весьма одиноко.

Хэртстоун провел над скульптурной группой руками тем самым жестом, которым проверяют на электроплите, не горячая ли конфорка, а затем, повернувшись к Блитцу, показал головой.

— Что и требовалось доказать, — сказал тот. — Мы с Хэртом чересчур часто перемещались, и сейчас лимит наш исчерпан. Нам не удастся сегодня активизировать уток. Магнус, это придется сделать тебе.

Я ожидал разъяснений, но Блиц просто молча взирал на скульптурную группу. Сегодня он облачился в новый головной убор, который решил протестировать. Это был белый шлем с темной вуалью, доходящей ему до самых плеч. Ткань ее, по его словам, была разработана лично им и блокировала девяносто девять процентов солнечного света, позволяя одновременно видеть его лицо и не скрывая его модного костюмчика. Выглядел он, как пчеловод в трауре.

— Готов попытаться, — нарушил я затянувшееся молчание. — Но каким образом мне их активировать?

Сэм с явной тревогой оглядывала окрестности. По ее припухшим глазам было видно, что как следует выспаться ей сегодня не удалось, а обветренные руки в мозолях словно хранили живые воспоминания о нашей вчерашней экстрим-рыбалке. Куртку она поменяла на черный шерстяной тренч, в остальном же ее одежда изменений не претерпела: зеленый хиджаб, топор, щит, джинсы, зимние ботинки. Иными словами, полное снаряжение модной экс-валькирии.

— Делай что хочешь, но поторопись, — сказала она. — Мы находимся слишком уж близко от входа в Вальгаллу, и мне это совсем не нравится.

Но я не знаю, что делать, — уже начал злиться я. — Это же вы, братцы, постоянно прыгаете из мира в мир.

— Слишком часто, — уточнил сожаляющим жестом Хэрт.

— Видишь ли, — подхватил Блицц, — чем чаще путешествуешь между мирами, тем труднее это становится делать. Это как, например, с машиной. Если мотор перегрелся, приходится ждать, пока он остынет и отдохнет от чрезмерной нагрузки. К тому же одно дело просто прыгать из мира в мир и совершенно другое, когда приходится предпринимать путешествие со строго определенной задачей. Сынок, мы с Хэртом не очень уверены, куда точно нам надо.

— Ну а ты? — посмотрел я на Сэм.

— Пока я была валькирией, это мне было легко, но теперь... — Она покачала головой столь же решительно, как и Хэртстоун. — Ты, Магнус, сын Фрея — бога роста и плодородия. У тебя, надеюсь, получится уговорить ветви Иггдрасиля. Они ведь должны поплотнее сомкнуться, чтобы нам удалось на них прыгнуть. К тому же ведь поиск-то твой. Значит, и шансов определить направление у тебя больше, чем у всех нас. Попробуй представить себе, что скульптура — центр, и найди от нее самый короткий путь.

Начни она мне объяснять что-то из области высшей математики, я и то, наверное, понял бы лучше.

Ощущая себя совершенным кретином, я все же послушно опустился на колени перед любимой скульптурной группой бостонской малышни и коснулся ладонью утенка, замыкавшего бронзовый строй. По моей руке пополз холод. Меня словно окутали лед, темнота, туман, — словом, что-то настолько враждебное и неприветливое, что от этого было вшору кинуться без оглядки прочь.

— По-моему, это самый короткий путь в Нифльхейм, — объявил я друзьям.

— Молодец, — похвалил меня Блицц. — Туда нам как раз и не надо.

Я уже потянулся к следующему утенку, когда издали крикнули:

— Магнус Чейз!

Обернувшись на голос, я увидел на другой стороне Чарльз-стрит капитана Гуниллу с двумя другими валькириями, стоявшими по бокам от нее, а за ними — строй эйнхериев. Выражение лиц большинства из них было от меня скрыто дальностью расстояния, но мрачно-серая физиономия полутролля Икса, которая возвышалась над всеми, не обещала мне радостной встречи. Гунилла явно переманила моих соседей по этажу под свои знамена, и они вышли сражаться против меня.

Я затрясся от ярости. Если бы только мог, отправился бы прямо сейчас на рыбалку с огромным мясным крюком и Гуниллой в виде наживки. Рука моя потянулась к кулону с рунной.

— Нет, Магнус, нет, — остановила меня Сэм. — Сосредоточься на утках. Нам надо как можно скорей уйти в другой мир.

Прибывшие вместе с Гуниллой валькирии, выхватив из-за спин сияющие копья, направили их острия в мою сторону и скомандовали эйнхериям приготовить оружие. Гунилла метнула в нас два из своих молоточков.

Один из них Сэм отразила щитом, второй сбила с курса в воздухе топором, и вместо нас он воизлился по самую рукоятку в ствол ивы. Три валькирии на той стороне улицы взмыли в воздух.

— Я с ними всеми не справлюсь, — предупредила Сэм. — Либо мы спешно отсюда уходим, либо они нас схватят.

Я попытался сосредоточиться на утках, но мне мешали ярость и паника.

— Дайте мне больше времени!

— У нас его нет, — как раз в этот момент отбила щитом еще один молоточек Сэм. Удар был столь сильный, что щит треснул посередине.

— Хэрт, — ткнул его в руку Блитцен. — Теперь уже надо.

Эльф крепко нахмурился, сжал губы и, запустив руку в кисетик, достал из него рунную плашечку, сжал в ладонях, как держат пойманную птицу, и что-то принялся ей

поормотать безмолвно, лишь губы его шевелились, а затем подбросил плашечку в воздух, и она взорвалась над нами, превратившись в пылающую золотым светом руну:

Р

Расстояние между нами и отрядом карателей капитана Гунилды вдруг увеличилось. Валькирии продолжали лететь к нам на бешеной скорости. Мои товарищи по этажу вытащили оружие и ринулись на нас в атаку. Однако ни те ни другие не приближались к нам ни на шаг.

Мне это напомнило дешевые мультки 1970-х, в которых сэкономили на картинках. Герои перемещались, а фон не менялся, и выходило как бег на месте. Чарльз-стрит спиралью вилась вокруг наших преследователей, и они неслись по ней, как хомяк в колесе, а я наблюдал впервые собственными глазами то, о чем мне рассказывала в Вальгалле Сэм. Руны в умелых руках и на самом деле были способны менять реальность.

— Райдо, — произнес с одобрением Блитцен. — Руна колес, дорог и путей. Видишь, Хэртстоун добыл тебе чуть-чуть времени.

— Всего лишь секунды. Торопись, — пояснил Хэрт и тут же рухнул на руки Сэм.

Я быстренько пробежал ладонями по бронзовым уткам и, дойдя до четвертой, почувствовал именно то, что требовалось.

— Вот оно, — выпалил я.

— Ну так и открывай! — подогнал меня Блитцен.

Я вскочил на ноги. Каким образом мне удалось догадаться, что делать, не знаю. Сорвав руну с цепочки и сжав в руках меч, тут же начавший урчать, как безумный кит, я сперва постучал им плашмя по утке, а затем рубанул снизу вверх воздух. Он вдруг раскрылся, будто передо мной раздвинули занавески. Тротуар исчез, а на его месте возникли ветви дерева. Ближайшая, шириной с Бикон-стрит, нависая над серой мглой, простиралась тремя футами ниже наших ног.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Скорее! Прыгайте! — прокричал я, заметив, что прорубленный мною занавес начал опять задвигаться.

Блитцен, не мешкая ни секунды, прыгнул. С Чарльз-стрит слышался яростный ор Гуниллы. Она вместе с двумя валькириями все еще вертелась в мультяшном колесе. Эйнхерии, спотыкаясь, следовали за ними.

— Ты проклят, Магнус Чейз! — проорала Гунилла. — Мы будем тебя преследовать до конца!

Послышался громкий хлопок. Это лопнул заговор Хэрта. Эйнхерии от неожиданности попадали на мостовую лицами вниз. Валькирий сила инерции протащила мимо нас дальше. Судя по звону стекла, они, вероятно, втесались в окна какого-то здания на Арлингтон-стрит.

Не дожидаясь, пока мои боевые соседи по этажу подоспеют сюда, я схватил Хэрта за левую руку, а Сэм — за правую, и мы втроем прыгнули на Мировое Дерево.

Глава XXXVII

БЕЛКА ЗАБИЛА МНЕ ГОЛОВУ НЕХОРОШИМИ МЫСЛЯМИ

По деревьям я лазить любил всегда.

Мама к этому относилась нормально и начинала нервничать, только когда я забирался выше двадцати футов.

— Тыковка, — обращалась она ко мне в таких случаях с тревожными нотками в голосе. — Эта ветка может тебя не выдержать. Ты не мог бы чуть-чуть спуститься?

На Мировом Дереве проблемы с хрупкими ветками не было. Меня выдержала бы любая из них. Ширина самых крупных превышала Межштатную автомагистраль Девяносто три, а самые маленькие и хилые могли потягаться объемом со стволами красного дерева. Про ствол самого Иггдрасиля вообще молчу. Степень его огромности просто нечем сравнить, а каждая щель на его поверхности, казалось, служила окном в какой-нибудь из миров. Представьте себе необъятную колонну с множеством ниш, нашпигованных миллионом мониторов, показывающих одновременно разные фильмы, и вам станет ясно, о чем я.

Ветер ревел, едва не срывая с меня принесенную Блицем новенькую джинсовую куртку. Пространство за листвой дерева тонуло в мутно-белом мерцающем мареве. Внизу не проглядывалось никакой тверди, лишь сплошное перекрестие веток. Я понимал, конечно, что дерево где-то гораздо ниже пустило корни в твердую почву, но ощущение было

такое, словно оно целиком парит в воздухе, и от этого голова у меня кружилась. Казалось, Иггдрасиль со всем своим содержанием, включая родной мой Мидгард, просто плавает в туманном небытии Гиннунгагапа.

Только бы не упасть. Иначе я в лучшем случае ударюсь о какую-нибудь из нижних ветвей и сломаю шею, а в худшем обреку себя на вечное падение в Великое Белое Ничто.

Видимо, я за своими размышлениями чересчур наклонился вперед. Блитцен цепко схватил меня за руку.

— Аккуратней, сынок. У тех, кто впервые понал на Дерево, всегда чуть кружится голова.

— Ну да. Так и есть.

Хэртстоун по-прежнему висел на нас с Сэм. Несколько раз он делал попытку встать на ноги, но ноги его подгибались под какими-то немислимыми для людей углами.

Сэм споткнулась. Разбитый щит выскользнул у нее из руки и, кружась, рухнул в бездну.

Она опустилась на корточки. По глазам ее было видно, что ей едва удастся справиться с паникой.

— Когда я могла летать, Иггдрасиль мне нравился больше, — с вымученной улыбкой призналась она.

— Слушай, а как ты считаешь, Гунилла с компанией сюда не могут за нами проследовать? — спросил я.

— Вряд ли, — сказала Сэм. — Если даже они попадут сюда сквозь другой портал, их вынесет на какую-нибудь другую ветку. Но все равно нам следует двигаться побыстрее. Долгое пребывание на Иггдрасиле плохо влияет на психику.

Хэрт наконец сумел встать.

— Я в порядке, — объявил он. — Отпустите.

Руки его, однако, от слабости так тряслись, что я едва разобрал смысл его жестов.

Мы проследовали вдоль по ветке дальше.

Меч Лета гудел у меня в руке и тянул вперед. Похоже, ему было известно, куда нам надо идти, и я очень надеялся, что правильно его понимаю.

Ветер усилился и теперь дул на нас отовсюду. Ветки под ним раскачивались, то накрывая нас тенью, то слепя светом,

и вдруг над нашими головами пронеслось пятно величиной с каню.

— Не расслабляйся, — напутствовал меня Блитц. — Ты должен снова вызвать в себе ощущение, которое помогло тебе отыскать нужный портал, и найти выход.

Пройдя еще с четверть мили, мы увидели ветку поменьше, гнившую от ствола перпендикулярно нашей, но несколько ниже нее. Меч мой начал гудеть громче прежнего и оцумо потянул меня влево, к ней.

— Полагаю, нам надо туда, — глянул на остальных я.

Перебраться на ветку пониже — плевое дело, если речь идет о нормальном дереве. Но нам-то пришлось скользить до нее десять футов вниз, перебираясь с одного выступа на стволе к другому. А тут еще этот воющий ветер, который раскачивал ветви в разные стороны. Каким чудом мы не свалились, трудно сказать, но в результате все мы, счастливо избежав Тумана Забвения и ударов падающих сучков, благополучно достигли цели.

Продвигаться по новой ветке оказалось гораздо труднее. Она была тоньше той, по которой мы шли до этого, да к тому же качалась под ветром. Вскоре меня вообще распластал свалившийся сверху лист. Он накрыл меня полностью, словно кусок тяжелой зеленой парусины. Сбросив его с себя и проследовав за друзьями дальше, я обнаружил на ветке у себя под ногами отверстие, а в нем — горную цепь с заснеженными вершинами. Ну, полное впечатление, что стоишь в самолете с прозрачным полом!

Вскоре мы оказались вынуждены лавировать сквозь лабиринт из кочек лишайника, похожих на кучи горелой пастилы и столь же липких. Я случайно оперся рукой на одну из них, и она в ней так крепко залипла по самое запястье, что мне с трудом удалось ее вытянуть.

Чуть позже кочки стали редеть и сделались ниже, напоминая уже не кучи, а горело-пастилочные диваны. А потом наша ветка вдруг разделилась на полдюжины мелких отростков. Идти по ним было совсем уж опасно, а меч, словно уснув у меня в руке, не давал никаких подсказок.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Ну? — выжидающе глянула на меня Сэм.

Я, толком еще не зная зачем, опустил голову вниз, где тянулась толстая ветка. В центре ее зияло дуло величиной с ванну-джакузи, из которого струился теплый и мягкий свет.

— Вот он, наш выход, — объявил я.

— А ты уверен? — как-то наморщился Блитцен. — Нидавеллир не теплый и не светится.

— Меч меня больше не тянет, значит, наверное, мы на месте, — объяснил ему я.

Сэм тихонько присвистнула.

— Неслабый нам предстоит прыжок. Если мы промахнемся...

— Э-и-а-к, — по буквам прожестикублировал Хэрт.

В нас врзался порыв ветра. Хэрт споткнулся и, прежде чем я успел подхватить его, попал обеими ногами в лишайник.

— Хэрт! — попытался вытянуть его за руки Блитц, но вязкая мерзость не отпускала.

— Попробуем его вырезать мечом Магнуса и моим топором, — предложила Сэм. — Только это займет много времени. Надо ведь осторожно, иначе ноги ему заденем. Но, в общем-то, все могло обернуться хуже.

Ну и, как только она об этом сказала, хуже и обернулось.

— Гав! — неожиданно оглушило нас сверху.

Блитцен резко присел. Черная вуаль на его белом шлеме взметнулась вверх.

— Рататоск. Проклятая белка, — процедил он сквозь зубы. — Всегда возникает в самый неподходящий момент. Попоритесь там со своим вырезанием.

Сэм рубанула лишайник, и топор в нем увяз.

— Все равно что рубить плавающую резину, — с досадой проговорила она. — Быстро не справимся.

— Оставьте меня и идите, — прожестикублировал Хэрт.

— Гав! — взорвалось еще ближе и громче, и дюжиной веток выше над нами пронеслось что-то темное и громадное.

Я взял меч наизготовку.

– Ну что ж, зададим Рататоску жару, а?

Сэм глянула на меня с ужасом.

– Даже не вздумай. Он совершенно неуязвим. У нас только два варианта: бежать или умереть.

– Бежать без Хэрта мы не можем, — ответил я. — А умереть... На этой неделе мне уже дважды приваливало такое счастье.

– В таком случае прячемся, — сорвала с головы хиджаб Сэм. — Я имею в виду себя и Хэрта. Больше двоих накрыть не сумею. Так что вы с Блитцем бегите на поиски гномов. Встретимся позже.

– Ты с Хэртом под этим спрятаться собираешься? — указала я на ее зеленый платок. Великанская кровь ей, что ли, со страху бросилась в голову и временно помутила разум? — Да тебя, Сэм, даже одну не укроет этот кусочек шелка. Рататоск тебя мигом узреет.

Сэм встряхнула платок, и он вдруг увеличился до размера простыни, а зелень его пошла переливчатым светом, пока не слилась по тону с кочкой лишайника.

– Видишь? Все правильно, — просигнализировал мне руками Хэрт. — Уходите.

Сэм, устроившись рядом с ним, набросила сверху хиджаб, и они просто слились с лишайником.

– Сейчас или никогда, Магнус, — дернул решительно меня за руку Блитцен и указал выразительным взглядом на нижнюю ветку.

Дупло значительно сузилось и было готово вот-вот закрыться.

Листва над нашими головами зануршалась, и сквозь нее продрался Рататоск.

Вам когда-нибудь приходилось видеть танк «Шерман»? Тогда представьте себе на минуту, что он оброс густой рыжей шерстью и несется на полной скорости вниз по стволу необъемного дерева. Но даже это было бы менее жутко, чем Рататоск. Зубы его белели, как воплощенный ужас, когти на лапах смахивали на острейшие ятаганы, а желтые, цвета серы, глаза горели от ярости.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

От его оглушительного боевого клика мои барабанные перепонки едва не лопались, а в мозг устремились потоком, вытесняя все остальные мысли, отвратительные оскорбления:

Ты проиграл.

Никто не любит тебя.

Ты мертвец.

Шлем у твоего гнома дурацкий.

Ты не смог спасти маму.

Я упал на колени. Дыхание перехватило. Горло сжалось от спазма. Возможно, я прямо там, на месте, и умер бы, но верный мой Блитцен, собравшись из всех своих гномичьих сил, поднял меня рывком на ноги и влил звонкую пощечину.

Сбитый с толку и оглушенный, я не слышал его, но смог прочесть по губам:

— Прямо сейчас, сынок.

И, вцепившись мне в руку своими твердыми мозолистыми пальцами, он срыгнул с ветки, увлекая меня за собой в бушующий ветер.

Глава XXXVIII

Я ТЕРЯЮ САМООБЛАДАНИЕ В ФОЛЬКВАНГЕ

Я стоял на залитом солнцем лугу, совершенно не понимая, как нас туда занесло.

Вдали тянулись гряды зеленых холмов, покрытых яркими полевыми цветами. Ветерок нес запах лаванды. Свет был мягкий, теплый, густой, как свежее сливочное масло.

Мысли мои шевелились с трудом и вяло. Свет... Солнечный свет опасен для гномов... Я ведь, кажется, путешествовал с гномом. Он влепил мне пощечину и спас жизнь...

Ну да. Блитц.

Он стоял слева от меня с непокрытой головой, держа свой шлем с вуалью под мышкой.

— Блитц, здесь светло, — испугался я, что он сейчас превратится в камень.

Он повернулся. Лицо его было мрачно, взгляд блуждал в каких-то неясных далих.

— Все в порядке, сынок, — глухо произнес он. — Это не солнечный свет. Мы ведь уже не в Мидгарде.

Слова его до меня доходили словно сквозь слой пергамента, потому что от жуткого лая этой проклятой белки мужского пола в ушах трещало и булькало, а в голове по-прежнему колотились мерзкие мысли.

— Рататоск... — было начал я, но продолжить не смог. Стоило мне произнести вслух его имя, как захотелось за-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

биться куда-нибудь в темный угол и там свернуться калачиком.

— Ну да, — понимающе кивнул Блиц. — Его лай гораздо страшней, чем его укусы. Белка... — Он, онустив глаза, начал часто-часто моргать. — Самое разрушительное существо на Мировом Дереве. Носится взад-вперед по стволу и передает оскорбления от орла, который живет на самой вершине, дракону Нидхёггу, который живет в корнях дерева, и обратно.

Я прислушался. Со стороны холмов доносилась негромкая музыка, если это только были не глюки в моих контуженных лаем ушах.

— А зачем это нужно белке?

— Он изо всех сил старается как можно больше навредить дереву, — принялся объяснять мне Блиц. — Вот и поддерживает постоянно ярость в орле и драконе. Врет им. Несет друг про друга всякие мерзости. Дракон, внав в злобу и раздражение, жует и раздирает когтями корни Мирового Древа, чтобы его уничтожить. А взмахи орлиных крыльев сеют смерчи и ураганы, от которых ломаются ветви дерева и происходят кошмарные разрушения во всех Девяти Мирах. Рататоск не жалеет сил, чтобы ярость обоих животных не проходила. Вот они постоянно и соревнуются, кто скорее погубит свою часть Иггдрасиля.

— Безумие! — ужаснулся я. — Рататоск ведь и сам живет на нем.

Блиц со скорбной гримасой развел руками.

— Мы все обитаем на нем, сынок. Но ведь и среди людей находятся разрушители. Их просто съедает жажда превратить мир в руины, а ведь они и сами могут погибнуть вместе с тысячами и миллионами остальных.

В моей голове барабанной дробью билась зловредная болтовня проклятой белки мужского пола.

«Я проиграл! Я не смог спасти маму!» — перекорезивало мне мозги.

Зловредная тварь расчетливо билась по самым болезненным точкам, повергая в отчаяние и лишая способности обрабатывать. Я вполне мог представить себе, до какой ярости

и жажды мести доводил Рататоск своим гавканьем орла и дракона.

— Но ты-то как смог сохранить ясный ум? — удивился я Блитцу. — Он же тебе, наверное, тоже что-то нагавкал.

— Ну да, — подтвердил гном. — Только я все это сам частенько себе повторяю. Ладно, сынок. Пора двигаться.

И он с такой скоростью устремился к холмам, что мне, несмотря на его короткие ноги, пришлось попрыгать, поспекая за ним.

Мы перешли ручей, в котором, как на картинке в какой-нибудь детской книжке, сидела на листке лилий маленькая симпатичная лягушка. В небе над нашими головами носились спиралями голуби и соколы. Казалось, они затеяли игру в салочки. Обстановка вокруг была до того идиллической, что я совершенно не удивился бы, появившись вдруг из зарослей полевых цветов хор милых пушистых зверей, исполняющих диснеевские песенки.

— Догадываюсь, что это не Нидавеллир, — сказал я, когда мы начали подниматься на холм.

Блитцен фыркнул:

— Нет, это гораздо хуже.

— Альфхейм? — пробовал угадать я.

— Еще хуже, — остановился Блитцен, чуть-чуть не дойдя до гребня холма. — Иди сюда, — поманил он меня к вершине. — Надо закрыть эту тему.

— Ну ни фиги себе! — вырвалось у меня, едва мне открылся вид с другой стороны холма.

Впереди простиралась до самого горизонта луга. Они были сплошь усеяны разноцветными пледами для пикников, на которых сидели группы людей. Бесчисленные группы, явно пришедшие сюда отдохнуть и понаслаждаться жизнью. Они ели, громко смеялись, болтали. Кто-то наяривал на музыкальных инструментах, другие запускали змеев, третьи перепасовывались пляжными мячами. Вообразите себе самый большой концерт на открытом воздухе минус сцену и выступление знаменитых артистов, и вы поймете, что мне открылось с вершины холма. На кое-ком из этих участников

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

гигантского пикника я заметил воинские доспехи и оружие, которое, судя по мирному и благостному их виду, применять им не сильно-то и хотелось.

Две девушки вроде затеяли вялый поединок на мечах, но, скрестив их пару раз, опустили руки и с удовольствием занялись болтовней. Еще один тип развалился с мечом в шезлонге и, занятый флиртом с девушкой, которая сидела слева от него, время от времени лениво парировал выпады чувака, отдыхающего в шезлонге по его правую руку.

Блитц указал мне на гребень холма, возвышавшегося на расстоянии полумили сбоку от нас. На вершине его поблескивал замок из золота и серебра, формой смахивающий на перевернутый Ноев ковчег.

— Сессрумнир, — объяснил мне гном. — Дворец множества мест. Надеюсь, нам повезет и ее не окажется дома.

— Кого?

Блитц, не ответив на мой вопрос, двинулся к пикниковому лугу.

Едва мы туда спустились, с одного из ближайших пледов раздался окрик:

— Эй, Блитцен! Что случилось, чувак?

Гном так скрипнул зубами, что даже я услышал.

— Привет, Майлз, — поздоровался он с мужиком на пледе.

— И ты не хворай, — весело ответил ему Майлз, поднимая лениво меч, потому что какой-то тип в пляжных шортах столь же лениво замахнулся на него топором.

— Умри! — грянул он, но тут же, расхохотавшись, добавил: — Шутка. — И, бросив на землю топор, с удовольствием принялся уминать шоколадный батончик.

— Ну, Блитц, и что же тебя привело сюда? — полюбопытствовал Майлз.

— Рад был с тобой повидаться, — скороговоркой выпалил Блитц и, схватив меня за руку, потащил вперед.

— Ну да, было круто! — прокричал вслед нашим удаляющимся спинам Майлз. — Не пропадай!

— Кто это? — поинтересовался я.

— Никто, — бросил Блитц.

— Откуда же ты его знаешь?

— А я и не знаю, — был явно не расположен сейчас мой друг к каким-либо объяснениям.

Чем ближе мы подходили к дворцу, тем чаще и больше встречных радостно приветствовали Блитцена, а от некоторых удаивался приветствия даже я. Сыпались щедрые комплименты. Иные расхваливали мой меч, другие ботинки или волосы, а одна девушка даже воскликнула: «Ну до чего симпатичные уши!» Короче, полнейший бред.

— Они все какие-то...

— Глухие? — подхватил Блитцен.

— Да нет, скорее расслабленные.

Он прыснул.

— Это Фолькванг. Поле армии. Можно перевести и как Народное Поле Боя.

Я стал озираться. Не здесь ли, в этом Фольквангене, или как его там, моя мама? Правда, меня почти тут же одолели сомнения. Слишком уж неподходящая для нее была обстановка. Все с удовольствием предаются безделью. Ни намекать хоть на какую-нибудь активность. Да окажись тут Натали Чейз, все эти вояки давно бы уже шагали под ее руководством в десятимильный пеший поход, а потом бы она еще их заставила разбить где-нибудь лагерь с палатками и готовить обед на костре.

— Как-то слабо они все похожи на армию, — отметил я вслух.

— Возможно, и так, — согласился Блитцен. — Но все же они в свое время тоже пали в бою, а отвагой и мощью ничем не уступают эйнхериям. Просто у них отношение к жизни другое. Это же филиал Ванахейма. Ну, как бы та же Вальгалла, только в ванской версии.

Я попытался вообразить, что мне предстоит здесь остаться навечно. В Вальгалле о таких пикниках или игре в пляжный мяч оставалось только мечтать, но зато для скуки не было времени. Нет, вряд ли мне тут бы понравилось больше.

— Значит, одна половина достойно отдавших концы попадает сюда, а другая в Вальгаллу? — снова заговорил

я с Блитценом. — Но как решается, кто куда? Монетку, что ли, подкидывают?

— В этом хоть был бы какой-то смысл, — отозвался он.

— Все же не понимаю, — продолжал я. — Я вроде нашел портал в Нидавеллир. Почему же мы здесь очутились?

— Ты нашел путь, который нам нужен для нашего поиска, — уточнил он. — Он ведет нас к цели через Фолькванг, и, к сожалению, я догадываюсь о причине такого маршрута. Давай-ка, пока у меня еще не иссякла решимость, скорее пойдем и выкажем уважение.

Когда мы оказались возле ворот, я наконец смог отчетливо разглядеть дворец. Он не просто был выстроен в форме перевернутого корабля, а им и являлся на самом деле. Ряды высоких сводчатых окон были в действительности прорезями для множества весел. А строительным материалом для покатых стен служили положенные внахлест золотые пластины, которые скреплялись серебряными гвоздями. Над парадным входом нависал козырек, который, если вернуть корабль в нормальное положение, превратился бы в трап.

— Дворец-корабль? — посмотрел я на Блитцена.

— Что? — нервно щипал он зеленую гвоздику у себя в петлице. — Напрасно ты так удивляешься. В этом нет ничего необычного. Все согласно традиции твоих древнескандинавских предков. Они часто делали здания, просто перевернув свои корабли. Ну а в случае с Сессрумниром, как только придет судный день, его достаточно будет перевернуть, и на воду встанет корабль достаточного размера, чтобы в него поместились все воины Фолькванга, которые на нем двинутся навстречу собственной смерти. Ну, примерно как мы сейчас.

Он завел меня внутрь.

Я ожидал, что меня окутает сумрак корабельного трюма, однако внутри дворец походил на готический собор. Потолок устремлялся ввысь и, постепенно сужаясь, доходил до самого киля. Воздух пронизывали полосы мягкого света, струившегося из окон. Дворец состоял из огромного единого пространства — ни комнат, ни перегородок. Просто много удобных диванов, кресел, напольных подушек и гамаков,

каждый из которых висел на отдельной стойке, и большинство из них было занято samozабвенно храпящими воинами.

«Надеюсь, все полмиллиона здешних воинов хорошо друг к другу относятся, — подумал я. — Уединиться-то здесь от тех, кто тебе неприятен, нет». И я конечно бы не был самым собой, если бы меня мимоходом не озадачила проблема, куда вся эта армия ходит, куда ходит вся эта уйма народа, когда им настает пора посетить туалет?

Центр помещения занимал выстланный персидским ковром проход, по обе стороны которого выстроились рядами жаровни с округлыми золотыми боками, а в самом конце находился помост, и на нем стоял трон.

Блитц, полностью игнорируя громкие приветствия воинов «Здорово, чувак! Добро пожаловать домой, гном!», быстро прошествовал вместе со мной к трону.

«Добро пожаловать домой? — засели мне в голову слова воинов. — Но мы ведь не в Нидавеллире».

Перед помостом плясал в очаге веселый огонь, и повсюду блестели кучки украшений с драгоценными камнями, словно сперва они валялись по всему полу, а затем кто-то их смел в аккуратные островки-холмики. По обе стороны от ступеней помоста, ведущего к трону, обосновалось по белой кошке, величиной с саблезубого тигра.

Трон был из резного белого дерева — мягкого, маслянистого, как местный свет. Мне показалось, что это лина. Спинка, задрапированная накидкой из ткани, похожей на мех под крыльями сокола, даже на взгляд поражала какой-то уютной мягкостью. Ну а на троне сидела самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

Выглядела она лет на двадцать. Сияющая вокруг нее золотая аура объяснила мне слова Блитца о том, что свет здесь особенный. Его излучала на все эта прекрасная энергичная женщина.

Свои светлые волосы она заплела в длинную косу, падавшую ей на красивое загорелое плечо, которое белый топик с американской проймой оставил открытым, как и гладкий живот. Юбка, длиной до колена, была схвачена на талии

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

пояском из плетеного золота. На нем висели нож в ножнах и связка ключей. Шею женщины обхватывало воротничком прекрасное украшение — кружевное ожерелье из золота и драгоценных камней, напоминающее фактурой сильно уменьшенную сеть Ран, в которой вместо мусора краснели рубины и сияли бриллианты.

Женщина посмотрела на меня. От взгляда ее лазурно-голубых глаз и улыбки по моему телу от головы до ног разлилось тепло. Я был заполнен им без остатка и испытывал лишь одно желание: пусть она вечно не отводит от меня глаз и вечно станет мне так улыбаться. Вели она мне прыгнуть с Мирового Дерева в никуда, я бы без размышлений кинулся вниз.

Мне вспомнилось, как изобразил ее иллюстратор в моей детской книжке скандинавских мифов. Сколь же далек он был от действительности!

И этот дурацкий текст под картинкой: «Богиня любви была очень хорошенькой, и у нее были кошки».

Я бухнулся на колени перед своей родной тетей, сестрой-близняшкой своего отца.

— Фрея!

— Мой дорогой Магнус! — ответила мне она. — Как мне приятно увидеть тебя воочию. — Она повернулась к Блитцену, который стоял, свирепо уставившись на свои ботинки. — Как ты?

— Со мной все нормально, мама, — вздохнув, откликнулся он.

Глава XXXIX

ФРЕЯ ХОРОШЕНЬКАЯ! У НЕЕ ЕСТЬ КОШКИ!

— Мама? — Я был так поражен, что даже и не заметил, как произнес это вслух. — Твоя, Блитцен, мама?

Гном пнул меня в щиколотку.

Фрея продолжала мне улыбаться.

— Полагаю, мой сын тебе не сказал. Он очень скромный. Блитцен, ты замечательно выглядишь, но все же поправь, пожалуйста, воротничок.

Блитцен тут же послушался, бормоча под нос:

— Был несколько занят. Спасал жизнь бегством.

— И, дорогой, — продолжала Фрея, — ты уверен насчет жилета?

— Да, мама, — проворчал он. — Совершенно уверен. Жилеты опять возвращаются в моду.

— Ну, тебе, конечно, виднее, — согласилась с Блитценом Фрея и подмигнула мне: — Он гениален по части фасонов и тканей. Гномы недооценивают его мастерство, а я считаю, он просто нашел себя в этом и создает прекрасные вещи. Знаешь, он собирается открыть собственный...

— Ну, в общем, мы... — на мой взгляд, резковато и слишком громким голосом перебил ее Блитцен, — мы сейчас пребываем на стадии поиска.

Фрея захлопала в ладоши.

— Потрясающе! Вы стремитесь попасть в Нидавеллир, чтобы выяснить там побольше о цепи Глейннир, а Мировое Дерево вас ненавязчиво направляет сперва ко мне.

Одна из кошек принялась драть когтями персидский ковер, размочалив на пух и нитки кусок стоимостью в несколько тысяч долларов. Я старательно отгонял от себя невольню пришедшую в голову мысль, на сколько клочков эта зверюга способна разделить меня, если ей что-нибудь не понравится.

— Итак, леди Фрея, — обратился я к тете, — вы сможете нам помочь?

— Разумеется! — воскликнула она. — А главное, что вы сможете помочь мне.

— Ну, началось, — буркнул Блитцен.

— Сын, пожалуйста, будь повежливее, — мягко бросила Фрея. — Магнус, — вновь обратилась она ко мне, — в первую очередь мне интересно, как ты справляешься со своим мечом?

Ну и что мне было на это ответить? Я снял с цепочки рунный кулон. Он тут же превратился в Меч Лета, который я даже как-то еще не считал своей собственностью. Он в присутствии Фрей помалкивал, явно прикинувшись мертвым. Может, кошек ее испугался?

— У меня пока даже времени не было им попользоваться, — объяснил я тете. — Я же его только что забрал у Раи.

— Да. Знаю. — По чуть наморщенной переносице Фрей можно было понять, что морская богиня не пользуется у нее симпатией. — А потом ты доставил Утгарду-Локи в уплату за информацию молодильное яблоко. Возможно, не самый дальновидный поступок, ну да не стану тебя осуждать. Скажем так, это было твое решение.

— Ты только что именно осудила, — кинул на нее язвительный взгляд Блитцен.

— Хорошо хоть, меня не пообещал Утгарду-Локи, — проигнорировав выпад сына, продолжала она. — Великаны в обмен на свои услуги обычно требуют молодильные яблоки и меня себе в жены. — Она перебрехала косу за спину. — Эти их притязания до того меня утомляют.

Я, честно сказать, понимал великанов. Мне самому было трудно просто смотреть на тетю, а не восхищенно таращиться. Ни в теле ее, ни в лице не существовало ни одной области, чтобы сосредоточить на ней равнодушный взгляд. Ох, какие глаза, и губы, и даже открытый пупок! Мысленно я, конечно же, осудил себя: «Это же мама Блитцена и моя тетя!»

Поблуждав ошалелым взглядом, я принял решение сосредоточиться на ее левой брови, в которой вроде бы не было ничего особенно упонительного.

— Короче, пока еще я ничего не убил этой бровью, то есть мечом, разумеется, — произнес я вслух.

Фрея склонилась ко мне.

— О, дорогой. Этот меч. Убивать — самая скромная из его возможностей. Тебе первым делом следует с ним подружиться. Ты еще не пытался?

Я живо представил себе, как мы с Мечом Лета сидим рядышком в кинотеатре, а между нами стоит картонное ведро с попкорном. Или вот, например, волоку его на поводке прогуливаться по парку.

— И как же мне с ним подружиться? — полюбопытствовал я у тети.

— Ну, если ты вынужден спрашивать, — пожала она плечами.

— Может, я лучше просто его оставлю вам на хранение, а, тетя Фрея? — предложил я. — Это же ведь оружие ванов, а вы сестра Фрея. Думаю, ваши несколько тысяч воинов смогут его охранять от Сурта...

— О нет, — ответила с грустью она. — Он уже у тебя в руках. Ты вызвал его из реки. Предъявил свое право им владеть. Теперь нам осталось только надеяться, что Сумарбрандер, то есть Меч Лета, позволит тебе собой пользоваться. Только ты, единственный на всем свете, способен ему помешать оказаться у Сурта. Это твоя работа.

— Ненавижу эту работу! — выкрикнул я.

Блицт угостил меня локтем по ребрам.

— Не говори такого, сынок. Ты оскорбляешь меч.

Я опустил глаза на клинок с сияющими рунами.

— Прости меня, длинный острый кусок металла, если обидел тебя. Только вот у меня вопрос: если в твоей власти позволить кому-нибудь или нет тобой пользоваться, то зачем же тебе давать разрешение злему огненному гиганту? По-моему, лучше бы ты вернулся к Фрею или просто остался здесь с его прекрасной сестрой.

Меч ничего не ответил.

А Фрея сказала:

— Магнус, тут дело нешуточное. Ты ведь прекрасно знаешь: мечу суждено рано или поздно оказаться у Сурта. Это судьба, и меч не в силах ее избежать, как и ты не избежишь своей.

Я представил себе, как посмеивается, развалившись с удобством на троне Одина, Локи. Мы не можем изменить судьбу, но способны менять детали и этим против нее восстаем.

— К тому же, — тем временем говорила мне Фрея, — меч никогда не подарит мне своей дружбы. Я ведь тоже отчасти ответственна за его потерю, и он возмущен мной не меньше, чем Фреем.

Может быть, у меня в тот момент чересчур разыгралось воображение, но я вдруг почувствовал, что Сумарбрандер заметно потяжелел и стал холоднее.

— Но все-таки он меч Фрея, — возразил я.

— Был им, — буркнул Блитцен. — Ты ведь знаешь уже: Фрей отдал его за любовь.

Кошка, сидевшая справа от трона Фрей, перекатилась через бок и, лежа на спине, потянулась. Я глянул на ее пушистый живот, прикидывая, скольких воинов она сможет съесть и переварить за один присест.

— Увы, я и впрямь причастна к этой истории, — продолжала Фрея. — Твой отец сел на трон Одина из-за меня. Я в тот момент переживала скверный период и бродила в скорби и одиночестве по всем Девяти Мирам. Фрей хотел, чтобы трон помог ему меня отыскать, а увидел с него мечту сердца — морозную великаншу Герд. И влюбился в нее без памяти.

Я таращился на тетину левую бровь. Не могу сказать, что ее рассказ улучшил мое представление об отце.

— Влюбился с первого взгляда в... морозную великанышу? — не укладывалось у меня в голове.

— Она была так красива, — выдохнула Фрея. — Серебро к его золоту. Холодок к его теплоте. Зима к его лету. Ты же, наверное, слышал: противоположности притягиваются. Они стали бы идеальной парой, но великаныша не могла выйти замуж за вана. Семья ее никогда бы не допустила такого. Фрей это понял и впал в отчаяние. Посевы прекратили расти. Лето лишилось тепла. Тут-то слуга и лучший друг Фрея и стал выяснять, что с ним происходит.

— Скирнир, — сказал я. — Чувак, которому достался меч.

— Да, — хмуро бросила Фрея. — Он самый.

Блитцен попытался с таким видом, будто ждал, что мама сейчас взорвется, а я убедился, что Фрея способна быть не только прекрасной, но и вселяющей ужас своим могуществом. Попадись она мне на поле боя, скачущая с копьём и щитом вместе с валькириями, точно бы уж постарался сбежать подальше.

— Скирнир взялся не позже чем через двенадцать дней доставить моему брату Герду. Фрей был готов на все ради этого, и меч, который просил за услугу слуга, показался ему очень скромным вознаграждением. Сумарбрандер же... — Фрея чуть помолчала. — Воображаю, что он почувствовал, когда его любимый хозяин его предал. Он позволил Скирниру собою пользоваться, но вынужденно и безо всякой охоты. Ну вот, Магнус, — вздохнула тетя. — Теперь ты знаешь, почему меч никогда не вернется к Фрею и отчего ему суждено в Рагнарок умереть. Ведь он окажется безоружным.

В моей кладовой ругательств и выражений не было подходящего для такой ситуации. Даже «полный торец» прозвучало бы слишком мягко.

Я вспомнил предупреждение Локи по поводу трона Одина. Только бы мне удалось оказаться на нем. Мое сердце жаждало одного: найти маму. Готов ли я отдать меч, если только такой ценой узнаю, где она? Да, конечно. Готов даже

с риском погибнуть и ускорить наступление судного дня. Так имею ли я после этого право осуждать отца?

Блиitzen схватил меня за руку.

— А ну-ка, сотри уныние с лица, сынок. Я в тебя верю.

Взгляд Фрей снова стал мягким и ласковым.

— Выше нос, Магнус. Ты научишься пользоваться мечом. Я имею в виду, что станешь не просто размахивать им и рубить, это доступно каждому грубому солдафону, а постигнешь его удивительные возможности и превратишься в грозного противника для своих врагов.

— Полагаю, инструкция по его применению к нему не приложена?

Фрея встретила мою шуточку нежным и мелодичным смехом.

— Жаль, я не получила тебя в свой Фолькванг. Ты был бы ценным приобретением для лагеря моих последователей. Но раз Вальгалла первой заполучила тебя, значит, именно так и следовало.

Я хотел возразить ей, что порны, эйнхерии и капитан Гунилла придерживаются на сей счет противоположного мнения, но мысль о капитане Гунилле тут же заставила меня вспомнить о нашем стремительном бегстве на Мировое Дерево и о том, что Сэм и Хэртстоун, видимо, до сих пор там прячутся под волшебным платком от белки-убийцы мужского пола.

— Тетя, наши друзья... — начал я. — Ну, нам пришлось разделить с ними на Иггдрасиле. Вы не знаете, удалось им добраться сюда в безопасности или нет?

Фрея словно взгляделась куда-то вдаль.

— Да, я их вижу... Они не в Фолькванге. Ох, погодите-ка, вроде бы потеряла. Ай! — Она поморщилась, но почти тут же с облегчением выдохнула: — Ну, кажется, обошлось. На данный момент с ними полный порядок. Очень находчивая парочка. Но, чувствую, здесь они не появятся. Пора вам продолжить путь. Они будут вас ждать в Нидавеллире, что возвращает нас к вашим поискам.

— И к тому, что просишь нас чем-то помочь тебе, — встал Блитцен.

— Именно, мой дорогой, — подтвердила Фрея. — Вас привела сюда необходимость. Она ощущается очень сильно, когда путешествуешь по Мировому Дереву. Именно из-за этого мой бедный сын оказался рабом Мимира.

— Давай-ка не будем снова об этом, — вскинулся Блитцен.

— Хорошо-хорошо, — не стала с ним спорить Фрея. — Вернемся к главному. Как вы уже знаете, гномы сделали цепь Глейшпир, которой связан волк Фенрир.

— Мама, — закатил глаза Блитцен. — Каждый ребенок знает об этом из стихотворения, которое учат в детском саду.

— Стихотворения, которое учат в детском саду? — уставился на него я, ибо в жизни не учил, не читал и не видел ничего подобного.

— Ну да, — ответил мне Блитц и продекламировал:

Поставили гномы важную цель:
Сделали славную крепкую цепь.
Прочна и надежна их цепь Глейшпир.
Закован навеки в нее Волк Фенрир.

— Разве люди этого в детстве не учат? — удивленно спросил он.

— Да по-моему, нет, — пожал я плечами.

— Как бы там ни было, — вмешалась богиня, — гномы много могут тебе рассказать о конструкции этой цепи и о том, как можно ее заменить.

— Заменить? — Я превратил погрузивший меч в рунный камень, но и кулон повис на цепочке, как гиря, сильно давя мне на шею. — А я думал, нам нужно просто не допустить Сурта до старой.

Фрея с задумчивым видом коснулась пальцем верхней губы.

— Очень не хочу разочаровывать тебя, Магнус, но все же предупреждаю: даже если ты не позволишь Сурту отобрать меч, а семьдесят пять процентов из ста, что у тебя это получится, он все равно найдет способ освободить Фенрира. Вот

тогда вам и станет необходима новая цепь, чтобы он вновь оказался связан.

— Воодушевляющая перспектива, — произнес я одеревеневшим вдруг языком. — Кажется, прошлый раз, когда волка решили лишить свободы, связан он оказался только после того, как все боги объединили усилия.

— Потребовались целых три попытки, множество хитростей и уловок, — начала мне рассказывать Фрея. — Бедный Тюр на этом потерял руку. Но не волнуйся. Волк больше не кунится, если ты тоже положишь ему руку в пасть. Если дойдет до того, что его нужно будет связывать, ты будешь вынужден изобрести какую-нибудь новую хитрость.

Я готов был поклясться, что Майлз и близко не сталкивался на народном поле боя с такими проблемами. Может, пойти и предложить ему махнуть на время. Пускай поднимет адреналин, погоняется за Фенриром, а я пока вместо него пляжный мяч попинаю.

— Фрея, а вы хоть знаете, где сейчас этот волк находится?

— На Лингви. Острове Вереска. — Она снова коснулась пальцем верхней губы. — Дайте-ка сообразить. Сегодня шестнадцатое, День Тора.

— Вы хотите сказать, четверг? — влез я с новым вопросом.

— Именно это я и сказала. Значит, Остров появится через шесть дней. В полнолуние. Двадцать второго. Это День Водана.

— Это будет среда? — опять потребовал уточнения я.

— Именно, — подтвердила богиня. — Поэтому у вас есть достаточно времени до того, как найдете волка, чтобы добыть мне сережки. С Островом, правда, есть кое-какие трудности. Координаты его каждый год меняются. Виной тому ветви Иггдрасиля, которые раскачиваются на ветрах пустоты. Но, полагаю, гномы смогут вам подсказать верный маршрут. Во всяком случае, отец Блитцена умел это делать. По-видимому, умеют и остальные.

При слове «отец» Блитцен нахмурился, посуровел и, аккуратно вытащив из петлицы гвоздику, швырнул ее в огонь очага.

— Что именно, мама, ты хочешь и какую роль в этом отводишь нам? — осведомился очень официальным тоном он.

— О, желание мое очень просто, — легонько прошлась она пальцами по золотому ожерелью-воротничку. — Я хочу, чтобы ты заказал мне сережки, которые смогут составить достойный ансамбль моему ожерелью Бризингамен. Что-нибудь симпатичное. Не слишком яркое, но эффектное. В этом я, Блитцен, вполне доверяю твоему прекрасному вкусу.

Блитцен кинул исполненный ярости взгляд на ближайшую кучку драгоценностей, в которой, среди всего прочего, поблескивали дюжины, если не сотни, серег.

— Ты же знаешь, с кем мне придется встретиться и говорить в Нидавеллире, — угрюмо произнес он. — Только ему одному хватит навыков для создания цепи взамен Глейпнира.

— Знаю, — кивнула Фрея. — К счастью, он также и превосходный ювелир и вполне сможет выполнить оба заказа.

— Все бы прекрасно, если бы данный конкретный гном не желал моей смерти, — угрюмо глянул на маму Блитцен.

— Спустя столько времени? Да быть не может, — отмахнулась небрежно она.

— Гномы очень злопамятны, мама, — явно не разделял ее оптимизма Блитцен.

— Ну, в таком случае его может смягчить щедрость вознаграждения, а это я вам обеспечу. — И Фрея крикнула звонко: — Дмитрий! Ты нужен мне!

С одного из диванов тут же резко вскочили на ноги три молодых чувака и, подхватив музыкальные инструменты, кинулись к трону. Одежда на них была одинаковая: гавайские рубашки, шорты-бермуды и сандалии. Прическами эти парни тоже не различались — длинные волосы, волнами забранные назад. Один держал гитару, второй — барабаны-бонги, третий — треугольник.

Чувак с гитарой отвесил Фрее поклон.

— К вашим услугам, миледи.

Тетя мне заговорщицки улыбнулась, будто вот прямо сейчас я узнаю о чем-то необычном.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Магнус, это Дмитрий и его группа «Близнецы», — торжественно объявила она. — Самая лучшая группа из всех, о которых ты никогда не слышал. Они умерли в тысяча девятьсот шестьдесят втором году, можно сказать, как раз на пороге грядущей славы. Очень грустная и трагическая история. Спасая от неизбежного столкновения школьный автобус, полный детей, со своей машиной, они свернули с шоссе в обрыв, где нашли гибель, а я их за самоотверженность взяла в Фолькванг.

— Мы вам так благодарны, миледи, — подхватил Дмитрий. — Быть среди ваших домашних для нас огромное удовольствие.

— Дмитрий, мне надо поплакать, — объявила Фрея. — Будь любезен, исполни песню про моего пропавшего мужа. Я ее обожаю.

— А я ненавижу, — буркнул едва слышно Блитцен.

Треугольник в руках гавайского чувака загудел. Дмитрий врезал по струнам гитары.

— А зачем твоей маме плакать? — шепнул на ухо Блитцену я.

Он, повернувшись ко мне, поднес два пальца ко рту, будто бы собираясь вызвать рвоту.

— Сейчас сам все поймешь.

Тут Дмитрий с трагическим видом завыл:

Од Одур, любовь моя,
Где же ты и где же я?

— Где же ты и где же я? Од Одур, любовь моя, — подхватили хором два остальных члена группы.

— Сладкий нежный Од Одур, ты меня покинул, я тоскую без твоих поцелуев, милый, — вновь вступил Дмитрий.

Соло на треугольнике. Барабанная дробь. Бряцанье гитары.

— Ее мужем-богом был ас по имени Одур, — прошептал мне Блитцен под прикрытием этого шума. — Сокращенно его звали Од.

— И он пропал? — спросил я, мысленно прикидывая, какое из имен этого аса мне кажется более идиотским, сокращенное или полное?

— Две тысячи лет назад, — внес ясность Блитцен. — Фрея пустилась на его поиски и сама исчезла почти на столетие. Из-за этого Фрей и полез на трон Одина. Хотел узнать, где сестра. А она просто зря потратила время. Од так и не отыскался.

Богиня наклонилась вперед, поднося к лицу сложенные горстью ладони, судорожно вздохнула, и мы вдруг увидели, что она плачет, но не слезами, а маленькими гранулами розового золота.

— О, Одур! — всхлипывала она. — Почему ты меня покинул? Мне до сих пор не хватает тебя!

— Од Одур, любовь моя, где же ты и где же я? — продолжало заливаться трио.

Горсть Фрей тем временем наполнилась золотом, и в тот момент, когда его оказалось в ней с верхом, она прокричала:

— Спасибо, Дмитрий! Достаточно!

Дмитрий с друзьями отвесили синхронный поклон, и группа, которую я лучше вообще никогда бы не слышал, оглянулась восвояси.

Фрея подняла сложенные горстью ладони. В воздухе тут же возник мешочек из кожи и завис точнехонько под ее руками. Она высыпала в него наплаканное золото.

— Вот, сын, держи, — передала она мешочек Блитцену. — Если Эйтри-младший будет хоть мало-мальски разумен, такого вознаграждения ему покажется более чем достаточно.

— Проблема как раз в том, что он неразумен, — без особого воодушевления принял золото из рук матери сын.

— Но все равно ты добьешься успеха, — с уверенным видом проговорила Фрея. — Судьба моих сережек в твоих руках.

Я поскреб затылок.

— Спасибо вам, леди Фрея, за слезы и все такое прочее, но только не понимаю, почему вы не хотите сами пойти в Нидавеллир? Неужели вам не доставило бы удовольствия

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

выбрать сережки самой? Ведь половина удовольствия от покупки — это сам процесс шоппинга.

Блитцен смерил меня предупреждающим взглядом.

У Фреи похолодели глаза, и она нервно прошлась изящными пальцами по ажурному ожерелью.

— Процесс шоппинга в Нидавеллире, Магнус, для меня решительно исключен. Ты же знаешь, что приключилось, когда я покупала у гномов Бризингамен. Тебе хочется повторения?

Если честно, то я понятия не имел, о чем идет речь, но она не дав мне возможности расспросить, продолжала:

— В Нидавеллире со мной каждый раз случается какая-нибудь беда. Вины моей в этом нет. Просто гномам известно, какую слабость я питаю к изысканным украшениям. Поверь уж, будет гораздо лучше, если я пошлю туда вас. Ну а теперь прошу меня извинить. Настало время нашего ежевечернего пира на свежем воздухе с необязательным боем. До свидания, Магнус. До свидания, дорогой Блитцен.

Пол разверзся у нас под ногами, и мы ухнули вниз.

Глава XL

МОЙ ДРУГ ПОЯВИЛСЯ ИЗ... НЕТ, Я СТЕСНЯЮСЬ ЭТО ПРОИЗНЕСТИ

Я не помню, как приземлился.

Просто вдруг обнаружил себя на темной холодной улице в разгар ночи. Вдоль обоих тротуаров тянулись ряды обычных вагонкой трехэтажных таунхаусов. В конце квартала тускло светились давно не мытые окна таверны с неоновой навеской над входом.

— Мы где-то на южной окраине Бостона, в районе Дигригит, — бросил я Блитцену.

Он покачал головой:

— Мы в Нидавеллире, сынок. И впрямь похоже на южную окраину Бостона, а точнее, она походит на Нидавеллир. Я уже много раз тебе повторял: Бостон — узы Девяти Миров. Они все здесь сливаются воедино и друг с другом взаимодействуют. На южной окраине определенно присутствует гномичий дух.

— Мне казалось, что Нидавеллир со всеми его пещерами находится глубоко под землей. А на самом деле здесь даже клаустрофобии не испытываешь.

— Сынок, над твоей головой и есть потолок пещеры, — вновь огорошил меня Блиц. — Просто он на большой высоте и прячется над задымленным воздухом. Дня здесь не бывает. Постоянно темно, как сейчас.

Я, задрав голову, посмотрел на свинцовые облака. После чертога Фрей мир гномов казался гнетущим. В то же время

для жителя Бостона в нем было гораздо больше близкого и реального, чем в безмятежном, сияющем ровным ласковым светом Фолькванге. Любопытный бостонец, занеся его в земли Фрей, скорее решил бы, что у него крыша съехала, чем поверил в реальность происходящего. А вот помести ему в это холодное место с грязными облаками парудругую закусочных «Данкин Донатс», он и не врубится, что это уже не его родной город.

Блиц откинул темную вуаль на шлем, и все это хитроумное сооружение превратилось в маленький черный носовой платок, который он сунул в карман пиджака.

— Нам пора двигаться.

— Не хочешь поговорить о том, что произошло в Фолькванге? — спросил я.

— А о чем, собственно, говорить? — пожал он плечами.

— Ну, во-первых, что мы кузены.

Блиц снова пожал плечами.

— Мне, разумеется, это приятно, сынок, но дети богов не придают особенного значения подобным вещам. Семейные связи здесь так перепутаны. Стоит задуматься, так с ума сойдешь. Все друг другу в какой-то степени родственники.

— Но ведь ты полубог, и это, по-моему, здорово, — возразил я.

— Полубог, — поморщился Блицен. — Не выношу это слово. Предпочитаю формулировку «рожденный с мишенью на спине».

— Формулируй, как хочешь, Блиц, но Фрея — твоя мама. Достаточно важное сведение, но ты мне почему-то забыл о нем сообщить.

— Ну да, она моя мама, но я не единственный: многие другие свартальфы тоже ведут свое происхождение от нее. Поэтому здесь, внизу, родство с ней не особо-то и котируется. Она же как получила Бризингамен? Несколько тысяч лет назад отправилась прогуляться по Нидавеллиру, и ей на глаза попались четыре гнома, которые делали ожерелья. У них-то она и увидела Бризингамен, который настолько ее поразил, что ей захотелось им обязательно завладеть. Гномы

были не против, но на своих условиях. В качестве платы они потребовали, чтобы каждый из них стал на один день мужем Фреи.

— И она... — Я едва было не буркнул: «Вышла за четырех гномов? Какая гадость!», но, вовремя вспомнив, кто мне об этом рассказывает, спохватился и промолчал.

— Да, — подтвердил с несчастным видом Блиц. — Она приняла их условие, и у нее родились четыре ребенка-гнома, по одному от каждого из однодневных мужей.

Я задумался.

— погоди. Если она выходила за каждого из четырех гномов-ювелиров только на один день, а беременность длится... Нет, что-то здесь не стыкуется.

— Ой, только не начинай, — схватился за голову Блиц. — Боги живут по своим законам. Ожерелье она получила, но после ей стало стыдно. Ей хотелось сохранить в тайне эти замужества, но любовь к украшениям гнала ее вновь и вновь в Нидавеллир, и она выбирала себе еще что-нибудь, а гномы за это каждый раз...

— Ну ни фигя себе! — Никогда бы я не подумал такого про свою красавицу тетю.

Блицен ссутулился.

— Теперь понял разницу между темными эльфами и обычными гномами? Свартальфы, как правило, выше ростом и гораздо красивее, в нас ведь течет кровь ванов. Мы происходим от Фреи. Вот ты назвал меня полубогом, а я ощущаю себя счетом, ну, или чеком за покупку. Отец мой сделал для Фреи пару сережек, а она за них расплатилась замужеством. Не устояла перед его мастерством. А он — перед ее красотой. Теперь старые серьги наскучили ей и она жаждет новых, но отправилась за ними, ясное дело, меня. Асгард ее поberi. Не хочется оставаться еще с одним маленьким Блиценом на руках.

Горечь, с которой он это сказал, была способна вызвать сочувствие даже у куска железа. Мне захотелось его утешить, заверить, что все понимаю, но слова застряли у меня в горле. Куда мне понять глубину его горечи! Отца своего я,

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

конечно, не знал, зато у меня была любовь мамы, и больше мне ничего не требовалось.

А что было у Блитцена? Он ведь сказал мне тогда на эспланаде, мол, я не единственный, кого волки лишили родных. Имел в виду своего отца?

— Пошли, — отвлек он меня от дальнейших мыслей по этому поводу. — Если мы еще хоть ненадолго останемся на этой улице, нас как пить дать ограбят. Гномы ведь красное золото чувуют за милю. — Он указал на неоновую вывеску. — Заскочим-ка мы с тобой в таверну Набби. Утощу тебя чем-нибудь.

Таверна немедленно мне доказала, что мое прежнее представление о крае гномов было все-таки верным. Заведение представляло собой вызывающий острое чувство клаустрофобии полутемный туннель с такими низкими сводами, что я из опаски втесаться башкой в потолок невольно пригнулся. Стены таверны были увешаны старыми постерами боев с изображениями гномов-качков в масках для рестлинга и подписями под ними вроде: «Донор-Уничтожитель против Мини-Убийцы. Всего один бой!».

За разномастными столами сидело на разномастных стульях с дюжину разнокалиберных гномов. Те из них, которые были, как Блитцен, свартальфами, вполне могли сойти за обычных людей, а другие, поменьше, больше напоминали фарфоровых садовых гномов. Несколько завсегдаев оглядели нас, но, кажется, их совершенно не удивило, что в таверну вошел человек. Может быть, они просто во мне такового не распознали. «Неужели я так похожу на гнома?» — меня порядком встревожила эта мысль.

Но полностью я офигел от другого. Из колонок на полную мощь гремела песня Тейлор Свифт «Пустое пространство».

— Гномам нравится человеческая музыка? — теряя чувство реальности, спросил я у Блитцена.

Он то ли меня не расслышал, то ли не захотел отвечать, а я весьма живо представил себе картинку: Фрея и Тейлор Свифт устраивают в Нидавеллире веселый девичник.

По мере того как мы с Блитценом двигались по проходу и направлению бара, мне все отчетливей становилось ясно: мебель здесь была не просто разномастной. Каждый стол и стул представляли собой уникальные экземпляры. Несомненно ручная работа, из разных видов металла. Штучные материалы. Штучный дизайн. Даже ткань и рисунок обивки на стульях ни разу не повторялись. Один из столов был сделан в форме повозки со стеклянной столешницей. Другой выглядел как шахматная доска с кисточками, инкрустированными оловом и латунию. Разнообразие стульев впечатляло не меньше — от вполне традиционных до таких, у которых вручную регулировалась высота сиденья, или с помощью пульта менялись и наклон спинки и другие параметры, или смонтированный в конструкцию вентилятор при желании мог охладить перегревшегося посетителя.

У левой стены три гнома играли в дартс. Кольца мишени вращались и выпускали пар. Один из гномов как раз кинул дротик, который, жужжа и вращаясь, полетел к цели, словно миниатюрный дрон. Он еще не достиг мишени, когда второй игрок ловким броском поразил его в воздухе и сбил на пол.

— Отличный удар, — только и оставалось буркнуть первому игроку.

В этот момент мы как раз добрались до стойки бара, за которой нас встретил сам Набби. Сразу понять, что это именно он и есть, мне, конечно же, помогли, во-первых, высокоразвитые способности к дедукции, а во-вторых, надпись «Привет! Я Набби», которая красовалась на его заляпанном пятнами желтом фартуке.

Сперва я решил, что это самый высокий гном, которого мне приходилось до сих пор видеть, но, глянув за стойку, заметил, что он просто стоит на довольно высоком помосте, собственного же роста в нем не больше двух футов, включая черную шевелюру, торчавшую на его голове, как иглы морского ежа. Глядя на гладко выбритое лицо Набби, я понял, почему гномы по большей части предпочитают отпускать

бороды. Подбородок у него просто отсутствовал, а ротик был кисло поджат.

— Привет тебе, Блитцен, сын Фрей, — смерил он нас столь брезгливым и неприязненным взглядом, словно мы перед тем, как к нему явиться, вывалялись в грязи. — Надеюсь, на сей раз в баре не будет никаких взрывов?

— Я тебя тоже очень рад видеть, Набби, сын Лоретты, — поклонился Блитцен. — А про те взрывы... Хочу, справедливости ради, заметить: гранаты принес не я. А теперь познакомься с моим другом Магнусом, сыном... ну да, Натали.

Набби кивнул мне, и я заметил, что брови у него двигаются, как живые гусеницы.

Я хотел было забраться на барный стул, но Блитцен меня остановил.

— Позволь спросить, Набби, можно ли моему другу воспользоваться этим прекрасным стулом и какое у него имя, а также история? — с крайне официальным видом произнес он.

— Имя он носит ОТДЫХ ДЛЯ ЗАДНИЦЫ, — сообщил Набби. — Смастерил его Гонда, и в свое время он служил надежной опорой для тухеса знаменитого мастера-кузнеца Алвиса. Пользуйся им на здоровье, Магнус, сын Натали. А ты, Блитцен, садись на ДВОРЕЦ ДЛЯ СЕДАЛИЩА — один из прославленных стульев среди множества остальных, изготовленных вашим покорным слугой. Ему довелось пережить и выстоять Великую Барную Битву в четыре тысячи сто девятом году н. л.

— Большое спасибо, — начал усаживаться Блитцен на стул из полированного дуба с обитым вельветом сиденьем. — Отличный ДВОРЕЦ ДЛЯ СЕДАЛИЩА, — похвалил он.

Набби перевел взгляд на меня, определенно ожидая еще одного комплимента. Я покосился на сооружение из стали без малейшего признака мягкой обивки, и оно показалось мне не ДВОРЦОМ ДЛЯ СЕДАЛИЩА, а скорее МАГНУСО-ИСПЫТАНИЕМ, но тем не менее я с улыбкой ответил:

— Отличная вещь.

Блитцен постучал костяшками пальцев по прилавку.

— Налей-ка мне медовухи, Набби, а моему другу...

— Мне, если можно, содовой или чего-то еще в этом роде, — торопливо проговорил я. Медовуха, конечно, штука отличная, но все же бьет по мозгам, а мне хотелось в этом гномичьем краю сохранить абсолютно светлую голову.

Набби, кивнув, наполнил два кубка и поставил их перед нами. Тот, что предназначался Блитцену, был золотым внутри, а снаружи серебряным с очень искусной резьбой-орнаментом, изображавшей танцующих гномов.

— Твой кубок зовут Золотой Чашей, — пояснил ему Набби. — Сделал его отец Дарби. — А этот, — указал он на кубок из золота, стоявший передо мной, — называется Папа Бум и автор его ваш покорный слуга. Коли не хочешь, чтоб он сделал бум, проси доливать его прежде, чем осушишь до дна.

Я очень надеялся, что это он просто прикалывается, но все же стал из опаски, как бы и впрямь не бумкнуло, пить маленькими глотками, следя за степенью убывания газировки.

А Блиц с удовольствием дул свою медовуху.

— Отличный кубок, — начал расхваливать он. — Просто создан, чтоб от души насладиться выпивкой. Спасибо, Набби, за гостеприимство, но у нас вообще-то к тебе есть дело. Нам нужно поговорить с Джуниором.

У хозяина бара набухла и запульсировала жилка на левом виске.

— Может, хочешь какие желания перед смертью высказать? — мрачно осведомился он.

Блиц, вытащив из кожаного мешочка одну слезу из красного золота, пустил ее по прилавку к хозяину заведения.

— Это тебе. Просто за то, что его позовешь. Скажи Джуниору: у нас есть еще. Все, что нам требуется, — это получить шанс на бартер.

При слове «бартер» я ощутил дискомфорт куда больший, чем моя задница от ДВОРЦА ДЛЯ СЕДАЛИЩА. У меня еще были вполне свежие ощущения от переговоров с богиней Ран. Набби, похоже, тоже не был в восторге. Какое-то время на его хитром лице чередовались с частотой проблескового

маяка выражения страха и жадности. Наконец последняя победила. Он схватил золотую каплю.

— Ладно. Вы наслаждайтесь пока нанитками, а я пойду позову.

И, сирыгнув со своего помоста, он скрылся за дверью кухни.

— Несколько вопросов, — требовательно посмотрел я на Блитца.

— Всего несколько? — хмыкнул он.

— Что значит четыре тысячи сто девятый п. л.? Это год или...

— Гномы ведут летоисчисление от момента создания нашего вида, — не дослушав меня, принялся объяснять Блитцен.

— Что? — Я заподозрил, что на моем слухе опять стали сказываться последствия лая проклятого Рататоска.

— Сотворение мира, — продолжил Блитцен. — Ты разве не знаешь об этом? Боги убили самого большого великана Имира и воспользовались его плотью для создания Мидгарда. А под ним возник Нидавеллир. Это случилось после того, как личинки прогрызли в мертвом теле Имира туннели. Некоторые из этих личинок и превратились при содействии богов в гномов.

Блитцен явно гордился этой историей, но мне она показалась не слишком-то симпатичной, и я решил, что сделаю все от себя зависящее, чтобы скорей ее удалить из своей долговременной памяти.

— Перейдем к следующему вопросу, — торопливо ушел я от темы трупных личинок. — Зачем моему кубку потребовалось давать имя?

— Гномы очень гордятся тем, что они ремесленники, и уважают вещи, которые делают, — ответил Блитц. — Вы, люди, производите тысячи плохих стульев, которые год спустя просто выходят из строя и отправляются на помойку. Гном же делает стул с расчетом, что он прослужит владельцу всю жизнь, а кроме того, будет единственным в своем роде. Кубки, мебель, оружие... У каждой вещи, которую мы создаем, есть душа, а значит, она достойна носить свое имя.

Я внимательно разглядел гравировку на своем кубке. Как же изящно влетались руны в волнообразный орнамент! Я конечно бы предпочел, чтобы мастер назвал его ПИ ЗА ЧТО НЕ ВЗОРВУСЬ, но все равно вещь была превосходной.

— А почему ты назвал Набби сыном Лоретты, а меня — сыном Натали? — задал я новый вопрос.

— У гномов матриархат, и родословные наши прослеживаются по материнской линии. По-моему, гораздо логичнее вашего патриархального метода. Каждый из нас ведь рождается лишь от одной биологической матери. Ну, разумеется, если ты не бог Хеймдалл. У него было девять биологических матерей. Но, сам понимаешь, с ним случай отдельный.

В моем мозгу, кажется, начали плавиться нервные клетки, и я вновь поспешил сменить тему.

— Сэм мне сказала, что красное золото — это валюта Асгарда. Но почему же Фрея тоже его выплакивает?

— В Асгарде золото не такое чистое, а у Фреи оно самой высшей, подлинно стопроцентной пробы и представляет собой огромную ценность. За тот мешочек его, который она нам дала, любой гном не задумываясь пожертвовал бы правым глазом.

— То есть этот чувак Джуниор за него с нами договорится?

— Или договорится, или порубит нас на мелкие кусочки, — ответил Блитцен. — Поешь-ка начосов, пока мы ждем.

Глава ХLI

БЛИТЦ ЗАКЛЮЧАЕТ ПЛОХУЮ СДЕЛКУ

Должен отдать Набби должное: он нам подал отличные предсмертные начосы с соусом гуакамоле.

Я успел слопать половину, когда в таверне возник Джуниор. При виде его у меня вдруг как-то сразу возникло желание опустошить ПАНУ БУМА и на фиг взорваться. Слишком уж хилыми показались мне наши с Блитцем шансы в переговорах с этим старым гномом.

Выглядел Джуниор лет на двести. Края его лысины, усыянной старческими пигментными пятнами, облепляли редкие клочки серых волос. Реденькая борода выглядела как потрепанная мочалка. А глаза были карие, злобные и металлись по бару с таким выражением, словно при каждом взгляде на что-нибудь он говорил: «Я это ненавижу. И это тоже. А это вовсе терпеть не могу». Сам он по части физической формы выглядел совершенно не устрашающе. С ногами у него вообще была явно полная лажа, и шел он, опираясь на позолоченные ходунки. Зато его с двух сторон сопровождало по гномичьему охраннику, каждый из которых мог запросто претендовать на роль манекена для тренировок национальной футбольной лиги.

Все посетители, кроме нас с Блитцем, живенько смылись. Ну просто сценка из старого вестерна.

Мы с Блитцем встали. Блитц поклонился.

— Спасибо, что согласился встретиться с нами, Джуниор.

— Плюнуть и растереть мне твое спасибо! — рывкнул милый старый гном.

— Садись-ка, пожалуйста, на мой стул, — вежливо продолжал Блитцен. — Его зовут ОТДЫХ ДЛЯ ЗАДНИЦЫ работы мастера...

— Нет уж, — отрезал Джуниор. — Лучше постою на своих ходунках БАБКА-КОВЫЛЯЛКА. Самая знаменитая вещь из гериатрических товаров. Изготовлены Няней Бемби — моим личным ассистентом.

Я до боли закусил щеку, полагая, что если сейчас рассмеюсь, то вряд ли улучшу и так напряженную обстановочку.

— Это Магнус, сын Натали, — поторопился меня представить Блитцен.

Старый гном перевел на меня злобный взгляд.

— Знаю я, кто он. Нашел Меч Лета. Не мог подождать, пока я умру. А мне совершенно не в жилу вся эта ерунда с Рагнароком. Слишком уж стар для такого.

— Ну, извините уж, — развел я руками. — В следующий раз, когда захочу, чтобы Сурт меня угрохал, а после в Вальгаллу отправиться, обязательно прежде спрошу у вас разрешения.

Блитцен зашелся от нервного кашля. Оба телохранителя жадно глянули на меня в явной надежде, что благодаря моей скромной персоне день для них пройдет не так скучно, как можно было предполагать.

— А ты мне нравишься, — последовала неожиданная реакция Джуниора. — Дерзкий какой. Ну-ка, давай поглядим твой клинок.

Я продемонстрировал ему фокус с кулоном. Руны на клинке под тусклым неоновым освещением таверны переключались оранжевым и зеленым.

Оглядев внимательно меч, старый гном поцокал языком.

— И впрямь Меч Фрея. Плохая новость.

— Может, теперь ты готов нам помочь? — попытал счастье Блитцен.

— Помочь? Тебе? — просипел Джуниор. — Твой отец был моим заклятым врагом. Ты подорвал мою репутацию. И по-

сле этого смеешь ко мне обращаться за помощью? Железные у тебя нервы, Блитцен, отдам тебе должное.

Вены на шее у Блитца вздулись, а мышцы так напряглись, что пуговица на тщательно накрахмаленном воротничке его рубашки только каким-то чудом не лопалась.

— То, о чем я хочу тебя попросить, к нашей семейной вражде отношения не имеет, — все же пашел в себе силы спокойно проговорить он. — Мы должны помешать Фейриру освободиться.

— Ну да, конечно. Речь только об этом, — отозвался с глумливым видом Джуниор и кинул взгляд на телохранителей, которые тут же заухмылялись, выказывая поддержку хозяину. — А то, что именно мой отец, Эйтри-старший, оказался единственным из всех гномов, которому хватило мастерства и способностей создать цепь Глейпнир, в то время как твой папаша всю жизнь сомневался в качестве его работы? Это как тебе? К делу, конечно, отношения не имеет, да?

Блитцен вцепился в мешочек с золотыми слезами. У меня было сильное опасение, что он сейчас долбанет им Джуниора по лысой башке, но он и на сей раз проявил завидную выдержку:

— Меч Лета находится здесь. Через шесть мидгардианских ночей Сурт планирует освободить Волка. Мы собираемся сделать все, чтобы его остановить. Цепь Глейпнир до сих пор служила верой и правдой, но согласись, Джуниор, она могла выработать свой срок. Поэтому нам нужна точная информация о ее состоянии и, что еще важнее, иметь при себе новую цепь на случай, если потребуется замена. А ты единственный, у кого хватит таланта ее сделать.

Джуниор приложил ладонь к уху.

— Повтори-ка последнюю фразу, пожалуйста.

— Ты талантливый, старый, упрямый... — Блитцен осекся. — Ты единственный, у кого хватит таланта ее сделать, — покорно повторил он.

— Что верно, то верно, — самодовольно ухмыльнулся Джуниор. — И уж так вышло, что у меня уже готова цепь на

замену. Прошу только учесть: я сделал ее не из-за каких-то проблем с Глейпниром и не из-за поганых отзывов твоего семейства о ее качестве. Просто люблю быть заранее ко всему готовым. В отличие, должен добавить, от твоего родителя, который, как последний идиот, в одиночку отправился проверять волка Фенрира и, конечно же, был убит.

Мне вовремя удалось преградить путь Блитцену к Джуниору, иначе он точно бы на него напал.

— Эй, парни! — крикнул им я. — Сейчас не время. Джуниор, если у вас есть новая цепь, то давайте обсудим цену. Плюс нам потребуется еще пара крутых сережек.

— Ха! — громко выдохнул старый гном и вытер ладонью губы. — Ясное дело, потребуется. Их, без сомнения, заказала мать Блитцена. Чем платить-то собираетесь?

— Покажи ему, Блитцен, — потребовал я.

Глаза у него еще были бешеные от ярости, но он все-таки, развязав мешочек, высыпал на ладонь несколько золотых слезинок.

— Гм-м-м, — протянул Джуниор, теребя свою хилую бороду. — Цена вроде приемлемая. Точнее, была бы такой, если бы мне ее предложил не Блитцен. Я продам вам и то и другое за этот кисет с золотыми слезами, но прежде должен с тобой поквитаться за честь семьи. Я вызываю тебя на поединок, сын Фреи. Традиционные правила и традиционные ставки.

Блитцен попятился к бару, где, прижавшись к прилавку, до того съезжился, что я вдруг почти поверил в его происхождение от личинки (срочно удалить из долговременной памяти!).

— Джуниор, — жалобно проговорил он. — Ты же знаешь, я не могу. Никак не могу.

— Скажем, завтра, когда засветится мох, — словно не слыша его, сказал старый гном. — Команду судей пускай возглавит нейтральная сторона. Ну, к примеру, хоть Набби, который, конечно же, не подслушивает нас сейчас под прилавком.

С внутренней стороны барной стойки послышался грохот.

— Сочту для себя за большую честь, — раздался оттуда же голос Набби.

— Ну вот и славненько, — ухмыльнулся Джуниор. — Я бросил тебе вызов по всем правилам. Значит, согласно нашим древним традициям, мне предстоит отстоять честь своей семьи, а тебе — своей.

— Я... — Голова у Блитцена упала на грудь. — Где мы встречаемся? — глухо осведомился он.

— У кузнечных горнов на Кеннинг-сквер, — назвал место Джуниор. — О, это будет занятно! Ну а теперь пойдете, мальчики, — указал он охранникам в сторону улицы. — Нужно как можно скорей рассказать Няне Бемби.

Едва он, шаркая и стуча позолоченными ходунками, исчез вместе с двумя своими охранниками, Блитцен, безвольно опершись грудью о стойку, осушил до дна свой кубок.

Над прилавком тут же возникла голова Набби. Он начал наливать Блитцену новую порцию медовухи. Его гусеничные брови выписывали тревожные зигзаги.

— За счет заведения, — подвинул он услужливо кубок к Блитцену. — Приятно было с тобой общаться.

Ну, будто уже собирался на его похороны!

Вскоре он удалился на кухню, оставив нас с Блитцем в обществе Тейлор Свифт, жаривший во всю мощь из колонок песню «Я знаю разные края», которая здесь, в подземном мире гномов, звучала особенно выразительно.

— Может, все-таки объяснишь, что случилось? — потребовал я от угрюмо молчавшего друга. — Какой такой еще поединок, когда засветится мох? И когда этот мох засветится?

Блитцен уставился на содержимое кубка.

— Мох начинает светиться утром. Это гномичий вариант рассвета. А поединок... — Голос его сорвался. — Да ерунда все это. Уверен, ты сможешь продолжить поиски и без меня.

Именно в этот момент дверь бара резко отворилась, и Сэм с Хэртстоуном влетели внутрь так стремительно, словно их выпихнули из пронесшейся мимо машины.

— Они живы! — радостно проорал во всю глотку я. — Блиц, посмотри!

Хэрт стремительно торпедировал Блитца, едва не выбив его из стула. Тот с рассеянным видом похлопал его по плечу.

— Ну да, дружище, я тоже рад тебя видеть.

Хэртстоун, кажется, от избытка чувств утратил способность общаться жестами, а может, у него просто были заняты руки, потому что он ими стискивал Блитца в крепких объятиях.

Сэм, в отличие от него, меня обнимать не стала, но по ее улыбке было понятно, что и она очень рада. Кожу ее покрывали царапины, к одежде и волосам прилипли листья и мелкие веточки, но серьезных травм она явно не заработала.

— Классно, Магнус, что ты еще не умер! — воскликнула она весело. — Я все-таки предпочла бы, чтобы это случилось в моем присутствии.

— Спасибо тебе, аль Аббас, на добром слове, — в тон ей отреагировал я. — Что там с вами случилось-то после того, как мы ушли?

— Ну, мы, сколько могли, продержались в укрытии под хиджабом.

— Кстати, а как это получается? У тебя что, хиджаб-невидимка?

— Не невидимка, а камуфляж. Всем валькириям выдают платки из лебяжьего пуха, чтобы при случае можно было под ними спрятаться. Вот я свой и превратила в хиджаб.

— Но ведь вы с Хэртом превратились не в лебедей, а в кочку лишайника.

— Платок может в разное превращаться. В общем, мы дождались под ним, пока Рататоск не унесся. Мне, между прочим, от его лая до сих пор плохо, а вот на Хэрта он не подействовал. Ну а потом мы полезли дальше по Иггдрасиллю.

— Нас пытался съесть лось, — жестами подхватил пришедший в себя Хэртстоун.

— Лось? — переспросил я.

Хэрт раздраженно хмыкнул и начал показывать мне по буквам:

— О-л-е-н-ь. Для него тот же жест, что для лося.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Теперь понял, — покивал я. — Значит, олень вас пытался сожрать?

— Да, — подтвердила Сэм. — Это был то ли Двалинн, то ли Дунейр. Один из оленей, которые бродят по Мировому Дерезу. Мы сумели удрать от него, но впопыхах попали не на ту ветку, и нас занесло в Альфхейм.

Хэртстоун, вздрогнув, подал мне знак:

— Ненавижу!

— Короче, мы все-таки выбрались и теперь уже здесь, — подытожила Сэм. — Вы-то как? — озадаченно поглядела она на Блитца, на котором просто лица не было.

Я торопливо рассказал им с Хэртом о визите к Фрее и встрече с Джуниором. Услышав о вызове на поединок, Хэрт покачнулся и вынужден был схватиться одной рукой за барную стойку, чтобы не рухнуть на пол, а другой показал мне по буквам:

— И-з-г-о-т-о-в-л-е-н-и-е.

Затем он отчаянно потряс головой.

— Что значит — изготовление? — не понял я.

— Так называется поединок гномов, — пробубнил в кубок Блиц. — Состязание в ремесленных навыках.

Сэм постукала пальцами по своему топору.

— Судя по твоему виду, ты не очень-то доверяешь собственным навыкам.

— У меня мусорный уровень ремесла, — продолжал смотреть в кубок Блиц.

— Это неправда, — энергичными жестами возразил Хэрт.

— Но будь я даже великолепным ремесленником, Джуниор самый искусный из ныне живущих гномов, — ничуть не воодушевила Блицца поддержка друга. — Он уничтожит меня.

— Да ладно. Все ты отлично сделаешь, — стал уверять его я. — А нет, найдем другой способ добыть эту цепь.

Блиц исторг тяжкий вздох.

— Все обстоит куда хуже, сынок. Проигравший платит традиционную цену, то есть лишается головы.

Глава XLII

ПИР СО СПРИНГ-РОЛЛАМИ В ПРЕДДВЕРИИ ОТСЕЧЕНИЯ ГОЛОВЫ

Мы завалились в квартиру Блитцена. Может, это и мало о чем вам скажет, но по гномичьим меркам мы забрались на огромную высоту, а точнее, на третий этаж таунхауса, который стоял на противоположной стороне от торгового центра Свартальфмарт (вполне себе настоящего торгового центра, в точности как у людей).

Блитцен повел себя как радушный хозяин. Просто-таки удивительно, если учесть предстоящую ему завтра утром потерю головы. В первую очередь он извинился, что у него не убрано (хотя, на мой взгляд, квартира была стерильно чистой), затем засунул в микроволновку спринг-роллы и вытащил из холодильника литр диетического напитка «Сержант Пеннер» и упаковку с шестью бутылками медовухи Фьялара. Каждая из бутылок являла собой изделие уникальное и формой, и цветом стекла. Очередная ручная работа.

Мебели в доме Блитцена оказалось немного, но она отличалась стильностью и удобством. Диван в форме буквы «г», кресла, которые наводили мысль о космической эре. Вероятно, у каждой из этих вещей тоже были свои имена и они пользовались заслуженной славой среди другой гномской мебели для гостиных, но Блитцен нам их не представил. На кофейном столике лежала аккуратная стопка журналов. «Ежеквартальное обозрение последних тенденций гномичь-

ей моды и гномичьих интерьеров» — прочел я на обложке верхнего.

Пока Сэм и Хэрт, усевшись на диванчике по обе стороны от Блитца, пытались его ободрить, я, охваченный злостью на самого себя, бродил взад-вперед по гостиной. Конечно же, все случилось исключительно по моей вине. А ведь Блиц и до этого целых два года постоянно рисковал из-за меня жизнью, хотя мог преспокойно жить здесь, наслаждаясь роллами и пенящейся медовухой. Он чуть не погиб на мосту, защищая меня от Сурта дорожным знаком. А вот теперь вообще сложит голову в ремесленном поединке с гномом-аксакалом.

Эта гномичья философия ремесла сильно перевернула мое отношение к миру вещей. В Мидгарде-то большинство из них производят непрочными. Да к ним и относятся как к чему-то временному. Сломалось или надоело — выброси на помойку и купи новое. Этот мусор сильно меня поддерживал во время бродячей жизни. Кое-чем из выброшенного другими людьми я еще мог воспользоваться, иное даже продавал, а уж совсем никуда не годное служило мне топливом для костра.

Я попытался представить себе, как живут в Нидавеллире, где каждая вещь представляет собой произведение искусства и сделана до того прочно, что может служить владельцу пожизненно. Все, вплоть до чашки или какого-нибудь там стула. Это что же, каждое утро перечислять заслуги своих ботинок, когда суешь в них ноги? По-моему, утомительно и раздражает. Но, с другой стороны, почему бы нет, если ботинки действительно классные?

Мысли мои перескочили на Меч Лета. Фрея сказала, мне нужно с ним подружиться. Тогда, выходит, он может думать и чувствовать? Но ведь и Блицен мне объяснял, что у каждого сделанного вручную предмета обязательно есть душа. В таком случае я, вероятно, неправильно до сих пор обращался с Мечом Лета. Видимо, надо к нему относиться как к Блицену, Хэрту, Самире. Ну, чтобы он себя ощутил еще одним моим верным спутником.

— Блитцен! — отвлек меня возглас Сэм. — Но у тебя все же должна быть какая-нибудь специальность. Чему тебя обучали в коммерческой школе?

— Моде, — жалобно шмыгнул он носом. — Я сам создал программу курса обучения. Но кутюрье среди гномов непризнанное ремесло. А они предполагают, что я буду чеканить золотые слитки или возиться с какими-нибудь механизмами. А я в этих областях почти совершенно некомпетентен.

— Ничего подобного! — активно выразил возражение Хэрт.

— Ну, кое-что, конечно, могу, — отозвался Блитц. — Но не на поединке.

— Одного не пойму, — вмешался я. — Почему проигравший должен умереть? И вообще, как они определяют, кто выиграл?

Блитцен мрачно уставился на обложку журнала «Новые тенденции гномичьей моды. Весна-лето. Сто вариантов одежды из волчьей кожи».

— Каждый из соревнующихся делает три предмета по выбору. А судьи оценивают каждый из них с точки зрения качества, красоты, точности исполнения, ну и прочего. Выигрывает получивший большее количество баллов. А проигравшего ожидает смерть.

— Думаю, все же у вас не очень часто происходят такие поединки, — предположил я, прикинув, что если бы каждого второго мастера здесь лишали головы, то все эти прекрасные вещи давно уже некому было бы создавать.

— Ну, голова — это традиционная ставка, — объяснил Блитцен. — Большинство гномов теперь на ней не настаивает. Просто Джуниор упрям и старомоден, да к тому же меня ненавидит.

— Из-за цени Глейпнир и твоего отца?

Хэрт резко мотнул головой, призывая меня заткнуться, но Блитцен похлопал его по колену.

— Все нормально, дружище. Я им расскажу. Они это заслужили.

Он откинулся на спинку дивана. Лицо его неожиданно стало спокойным. Казалось, что он смирился с идеей собственной гибели, и это уже сильно обеспокоило меня. Лучше бы он метался по комнате и колотил кулаками по стенам.

— Как вы уже знаете, предметы, которые делают гномы, имеют пожизненную гарантию, — начал он. — А ведь гномичья жизнь может длиться несколько сотен лет.

Я глянул на бороду Блитца. Она и впрямь у него без единого седого волоса или он красит ее?

— Тебе-то сколько лет?

— Двадцать, — ответил он. — А вот Джуниору уже около пятисот. Отец его, Эйтри, был одним из прославленных ремесленников за всю историю гномов. Он прожил больше тысячи лет и сделал множество важных предметов для богов.

— Даже я о нем слышала, — кивнула Сэм, откусив маленький кусочек от спринг-ролла. — Про него говорится в старых легендах. Он сделал молот Тора.

— Да. Но самая главная из его работ, несомненно, Глейпнир. Она гораздо важнее, даже чем Молот Тора. Ведь благодаря ей Волк не может освободиться и начать судный день.

— Ну, пока что ты не сказал мне ничего нового, — отметил я.

— Проблема в том, что цепь делалась впопыхах. Боги потребовали срочной помощи. Они уже дважды пытались связать Фенрира мощными цепями и знали, что их окно возможностей закрывается. Волк же день от дня все больше креп и дичал, и было ясно: вскоре он станет неуправляемым. А Эйтри... В общем, он сделал, что мог, учитывая, как ему пришлось торопиться. До сих пор цепь держалась, но тысяча лет — очень много даже для гномичьей цепи. Особенно если ее постоянно пытается разорвать самый сильный волк во Вселенной. Мой отец Били, тоже великий мастер цепей, долгие годы пытался убедить Джуниора, что пора готовить Глейпниру замену. Но тот ничего не хотел слушать. Мол, он постоянно навещает остров, где находится Волк, проверяет состояние цепи и убежден, что она в полном порядке.

Ему казалось, что мой отец попросту подрывает репутацию его семьи. Кончилось тем, что папа...

Голос Блитца сорвался.

Хэртстоун показал ему:

— Ты не обязан рассказывать дальше.

— Нет, я в порядке, — провел по глазам ладонью гном. — Джуниор пользовался влиянием и сумел настроить народ против моего отца. Наша семья потеряла доходы. Никто не хотел покупать изделия Били. Кончилось тем, что отец сам собрался на остров для проверки Глейннира. Хотел таким образом доказать свою правоту и вынудить Джуниора заняться изготовлением новой цепи для замены. Назад он не вернулся. Спустя несколько месяцев гномичий патруль обнаружил... — Блитц, уставившись на пол, покачал головой.

— Разодранную одежду. На берег вынесло, — договорил за него руками Хэртстоун.

Сэм приложила ко рту подушечки пальцев. То ли она уснула уже освоить язык жестов, то ли это у нее вышло случайно, но получилось у нее:

— Блитц, мне так жаль!

— Ну-у, — вяло пожал тот плечами. — В общем, теперь вы все знаете. А Джуниору смерти моего отца мало. До сих пор нышет злобой. Хочет меня ошозорить и убить.

Я поставил стакан на кофейный столик.

— Думаю, выскажу общес мнение. Надо заставить этого Джуниора запихнуть свою БАБКУ-КОВЫЛЯЛКУ в собственный зад...

— Магнус! — остановила меня Сэм.

— Да этот старый паршивый гном просто обязан завтра потерять свою голову! — раздухарился я. — Вот и давайте соображать, как поступим, чтобы Блитцен выиграл поединок.

— Спасибо тебе за поддержку, сынок, — с трудом поднялся на ноги Блитцен. — Но тут уже ничего не поделаешь. Вы извините, но я...

И он побрел в спальню, войдя в которую закрыл за собой дверь.

Сэм стиснула добела губы. Я заметил, что у нее из кармана до сих пор торчала веточка Иггдрасиля.

Хэртстоун, размотав шарф, бросил его на диван. Было заметно, что темнота Нидавеллира плохо сказывается на его самочувствии. Вены на шее позеленели сильнее обычного, волосы наэлектризовались и вздыбились, как ветви дерева или стебли цветов, тянущихся к солнцу.

— Джуниор очень хорош, — показал он и начал изображать, будто рвет в воздухе лист бумаги, а затем отбрасывает клочки в сторону. — Безнадежно.

Меня подмывало схватить одну из бутылок и как следует шваркнуть ею в стену.

— Но Блитц ведь что-то все же умеет делать руками. Ты сам говорил. Или просто старался его утешить?

Хэрт, не ответив мне, встал и, дойдя до серванта в столовой, нажал на его поверхности невидимую постороннему глазу кнопку. Крышка серванта немедленно распахнулась, как ракушка, и мы увидели, что под ней находится световая панель, которая в следующий момент засветилась теплыми солнечными лучами.

— Солярый! — воскликнул я и вдруг догадался, каким образом Блитцен спас Хэрту жизнь. — Когда ты впервые попал в Нидавеллир, он сделал для тебя это, чтобы ты не погиб без дневного света, да?

Хэрт кивнул.

— Когда я впервые попробовал магию рун, у меня получилось не совсем правильно. Я случайно попал в Нидавеллир и чуть не умер. Блитцен добрый, умный и может работать руками. Но не под давлением. Состязание не для него.

Сэм, сгорбившись, обхватила руками колени.

— Но мы-то что-нибудь можем для него сделать? Неужели у тебя нет какого-нибудь волшебства ему в помощь?

— Кое-что есть, — подтвердил Хэрт. — Использую перед поединком. Но недостаточно.

Я перевел его ответ для Самире, а потом спросил:

— Может, я тоже что-нибудь могу сделать?

— Защити его, — тут же начали объяснять руки Хэрта. — Джуниор готовит подлянку.

— Готовит подлянку? — Не ожидал я такого от гнома — приверженца старых традиций. — Но это же против правил.

— Я слышала о таком, — сказала Сэм. — В гномичьих поединках можно сколько хотите противника подставлять. Если никто не заметил, то все в порядке. Подлянка должна быть обставлена как случайность, ну или хотя бы так, чтобы судьям оказалось нечего предъявить. Но, если я правильно понимаю, Джуниору для победы над Блитцем совершенно не требуется прибегать ни к каким уловкам.

— Он будет прибегать! — определеннее прежнего заявил жестами Хэрт. — Ненависть.

— Ну, значит, буду защищать Блитца, — согласился я.

— Этого мало, — вновь зажестикულიровал Хэрт и, повернувшись к Самире, добавил: — Надо подставить Джуниора. Только тогда у нас будет победа.

Стоило мне перевести ей это, она посерела, как гном на полуденном солнце.

— Нет! — с яростью замахала она указательным пальцем перед лицом Хэртстоуна. — Категорически нет, и конечно!

— Тогда Блитц умрет, — хмуро показал Хэрт. — Да ты ведь раньше-то делала.

— Что ты делала раньше? О чем он? — не понял я.

— Хэртстоун, ты обещал никому об этом не говорить, — с возмущением посмотрела она на него, а затем повернулась ко мне с таким видом, что было ясно: на свой вопрос ответа не получу.

— Извините, мне нужно на воздух, — только и бросила она нам, выбегая за дверь квартиры.

— Она что, взбесилась? — уставился я на Хэрта.

Он враз как-то съезжился. Было видно, что утратил надежду.

— Ошибка, — ответил он мне скупым жестом, а затем влез в солярий и повернулся лицом к свету.

От его тела на полу возникла волнообразная тень.

Глава XLIII

НАЧИНАЕМ СОЗДАНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ВОДЯНЫХ ПТИЦ

Кеннинг-сквер походила на баскетбольную площадку, ну разве что не было корзин для мяча. Такой вот прямоугольник потрескавшегося асфальта, обнесенный оградой из проволочной сетки. По одну ее сторону тянулся ряд каменных колонн с резьбой, как на тотемных столбах: драконьи головы, многоножки и лица троллей. С другой расположились трибуны, заполненные гномской публикой. А в центре площадки стояли две открытые кузницы с разного вида наковальнями, мехами для раздувания пламени в горне, несколькими крепкими столами и стеллажами, полными множества инструментов, сильно смахивающих на пыточные.

Зрители явно готовились провести здесь много часов. Они притащили с собой еду в корзинках для пикников и даже в портативных холодильниках и пледы. Несколько предприимчивых гномов припарковали с внешней стороны ограды свои фургоны-лавочки с едой. На одной из них с надписью «Сладости Айри ручной работы» красовался логотип: вафельный конус с выглядывающими сверху тремя шариками разноцветного мороженого. Возле другой, с вывеской «Буррито от Бамбурра к завтраку», уже выстроилась очередь из двадцати гномов, и я пожалел, что перед выходом из квартиры Блитца наелся черствыми пончиками.

Появление Блитца на площадке для поединка публика встретила аплодисментами. Впрочем, я не назвал бы их бурными и переходящими в овацию. Сэм с нами не было. Она так вчера и не возвратилась в квартиру Блитцена и здесь пока тоже не появилась, и я не знал, злиться ли мне на нее за это или, наоборот, впасть в тревогу.

Джуниор уже находился на месте и стоял в выжидающей позе, опираясь на свою позолоченную БАБКУ-КОВЫЛЯЛКУ. Два охранника вытянулись с ним рядом. Одежда на всех троих была одинаковая: комбинезоны и кожаные рукавицы.

— Мох уже десять минут как светится, Блитцен, — презрительно объявил старый гном. — Что, голову от подушки пораньше не мог отодрать?

У Блитцена был такой вид, будто он вообще эту ночь не спал. Глаза ввалились и покраснели. Лицо осунулось. А утром еще он извелся, решая, что на себя надеть, и в результате остановил выбор на серых брюках с черными подтяжками, стильной белой рубашке, остроносых черных туфлях и мягкой шляпе с круглой плоской тульей с загнутыми сверху полями. Словом, как бы там ни сложилось с поединком, но первый приз в номинации «самый элегантный кузнец» ему точно был обеспечен.

Он рассеянно огляделся.

— Начнем?

Толпа отреагировала приветственными возгласами. Блитцен направился к кузнице. Следом за ним шел Хэртстоун. После ночи в солярии лицо его приобрело розоватый оттенок, словно кожу ему натерли паприкой. Перед тем как мы вышли из квартиры, он совершил рунный заговор, вселяющий в Блитца бодрость, сосредоточенность и уверенность в своих силах, из-за чего сам в результате изрядно лишился сил и с трудом на чем-либо сосредотачивался. Все же, собравшись, он начал бросать дрова в огонь, а Блитц в это время бродил по кузнице, разглядывая стеллажи с инструментами и корзину с железной рудой.

Джуниор уже развел у себя бурную деятельность, носясь взад-вперед на своих ходунках и покрикивая на телохра-

нителя, от которого требовал подать ему то кусок железа, то мешок с колотыми костями, то еще что-нибудь. Второй секьюрити в это время стоял на страже, кидая бдительные взгляды по сторонам и изо всех сил следя, чтобы какая-нибудь внезапность не помешала работе босса.

Я пытался нести такую же вахту для Блитца, но, полагаю, внушал окружающим куда меньшее опасение, чем накачанный гном в комбинезоне. (Ну да, сравнение с ним самооценку мою абсолютно не поднимало.)

По прошествии часа игравший во мне изначально адреналин полностью выработался и я стал отчетливо понимать, зачем зрители притащили с собой еду, питье и все прочее. Работа руками — спорт весьма медленный. Время от времени, когда Джуниору удавалось с особенной ловкостью ударить молотом по заготовке или в нужный момент охладить раскаленный металл в бочке с водой, трибуна разражалась аплодисментами и одобрителем гулом. Набби и два других судьи постоянно расхаживали между кузницами, делая записи на своих планшетках. Я же топтался на месте с мечом в руках, изо всех сил стараясь не выглядеть идиотом.

Впрочем, как вскоре выяснилось, стоял я не зря. Мне так и осталось неясно, откуда вдруг вылетел дротик, который точнехонько устремился в сторону Блитцена. Прежде чем я хоть что-то сообразил, мой меч, взметнувшись в воздух, вырезал его на лету из неба. Зрители разразились аплодисментами. Был бы им очень признателен, если бы ощущал хоть в какой-то мере свою заслугу.

Некоторое время спустя из задних рядов вдруг вынесся на площадку какой-то внезапный гном.

— Смерть! — завопил он, взмахивая топором и целясь им в Блитца.

Я врезал ему по кумполу рукоятью меча. Гном свалился на землю. Благодарная публика снова вежливо мне похлопала, и двое каких-то гномов из первых рядов уволокли террориста за ноги прочь.

Джуниор деловито выковывывал из раскаленного докрасна металла цилиндрическую конструкцию, размером со ствол

дробовика. На столе у него уже были сложены какие-то более мелкие детали, которые он, по всей видимости, собирался объединить с той, что делал сейчас. В чем заключалась его задумка, я не догадывался, но работал он быстро и ловко. Как ни странно, БАБКА-КОВЫЛЯЛКА совершенно не замедляла темпа его действий. То есть передвигался-то он в пространстве, конечно, с трудом, но на месте держался вполне уверенно, руки же у него, несмотря на возраст, вполне сохранили крепость и ловкость. Видимо, он успел их здорово накачать, размахивая несколько сотен лет подряд молотом у наковальни.

Блитцен, низко склоняясь над рабочим столом, соединял при помощи миниатюрных плоскогубцев со щечками, тонкими как иголки, причудливо выгнутые металлические фрагменты. Хэрт, весь в испарине, стоял рядом, то поднося ему инструменты, то раздувая мехами пламя в кузнечном горне.

Я старался изо всех сил отогнать от себя тревогу и по поводу абсолютно измученного вида Хэрта, и из-за того, что Сэм по-прежнему так и не появилась, и, конечно же, из-за Блитцена, который, похоже, уже рыдал над своим проектом, и инструменты уже несколько раз падали у него из рук.

— Десять минут до первого перерыва! — громким голосом возвестил Набби.

Блитцен, всхлипнув, прикрепил очередной кусочек металла к уже оформившейся конструкции, которая теперь походила на утку. Причем большая часть зрителей следила не за его работой, а за кузницей Джуниора, который, пристроив к своему цилиндру другие детали, проковывал к горну и принялся нагревать все сооружение. Наконец оно заалело. Старый гном, осторожно придерживая его щипцами, опустил на наковальню и занес для удара молот.

Мгновением позже что-то пошло не так. Джуниор взвыл. Молот, еще не дошедший до цели, свернул резко вбок. От удара цилиндр расплющился, пристроенные к нему детали веером разлетелись в разные стороны. Джуниор, бросив мо-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

лот, прижал ладони к лицу и понятился на подкашивающихся без БАБКИ-КОВЫЛЯЛКИ ногах.

— Что? Что случилось? — бросились ему на подмогу охранники.

Мне не все удалось расслышать из их разговора, но главное я усек: в момент, когда Джуниор опускал молот на наковальню, его тянуло между глаз какое-то насекомое.

— Вы его поймали? — поинтересовался один из качков.

— Нет, улетела, сволочь, — в сердцах махнул рукой старый гном. — Да чего вы стоите?! Скорей! — разорался он. — Металл остывает!

— Время! — возвестил Набби об окончании первого тайма.

Джуниор, вцепившись в свою КОВЫЛЯЛКУ, затопал ногами и разразился многоэтажной бранью, срывая зло на охранниках, а я пошел к Блитцену.

Он ссутулился над наковальней. Шляпа сдвинута на затылок. Одна из подтяжек лопнула.

— Как дела, чемпион? — спросил бодренько его я.

— Ужасно, — указал с обреченным видом он на свое творение. — Я сделал утку.

— Ну-у... это... да... — принялся шарить я у себя в блоке памяти, пытаюсь нашарить что-то для комплимента. — Классная утка, — наконец констатировал я, ощущая себя полнейшим болваном. — Вот у нее здесь крылья, а здесь вот клюв.

Хэртстоун в полном изнеможении сел на асфальт.

— Утки, — принялся он показывать мне. — Как чего, так одни только утки.

— Мне очень жаль, — простонал Блитцен, — но в стрессовых ситуациях меня всегда тянет к водоплавающим птицам. Почему, сам не знаю.

— Да перестань ты париться, — сказал ему я. — У Джуниора-то вообще получился полный облом. Первый тур для него считай что накрылся.

Блитц уныло пытался отчистить белую рубашку от сажи.

— Не будем строить напрасных иллюзий. Для Джуниора первый подход всегда что-то вроде разогрева. У него осталось еще два шанса, и он уничтожит меня.

— Знаешь что, Блитц, прекрати, — пресек я его нытье и вынул из нашей сумки бутылки с водой и крекеры с арахисовым маслом.

Хэрт накинулся на еду и питье, как эльф, которого не кормили неделю, Блитцен же только выпил глоток воды.

Утолив голод и жажду, Хэртстоун откинулся на спинку и направил себе на лицо луч фонарика, стремясь хоть подобным образом насытить свою кожу светом.

— Никогда не испытывал склонности к этому, — причитал тем временем Блитцен. — Волшебные предметы. Ремесленные поединки. Нет, мне хотелось совсем другого. Создавать качественную одежду и продавать ее по разумной цене в собственном магазине.

Я вспомнил, что говорила Фрея: «Блитц гениален по части фасонов и тканей. Гномы недооценивают его мастерство, а я считаю, он просто нашел себя в этом и создает прекрасные вещи. Знаешь, он собирается открыть собственный...» Вот оно, слово, которое Блитц не дал ей произнести. Он мечтает о магазине собственной одежды.

— Значит, ты пил из колодца Мимира, чтобы найти ответ, каким образом сможешь осуществить мечту? — только сейчас меня осенило.

— Не только, — нахмурился он. — Я хотел, чтобы гномы перестали смеяться над тем, что я делаю. И еще — отомстить за смерть папы и восстановить доброе имя своей семьи. Но все это как-то не сочеталось друг с другом. Вот я и пошел за ответом к Мимиру.

— И что ты узнал от него? — спросил я.

Блитцен пожал плечами.

— Назначил четыре года служить ему. Вроде как именно в этом процессе я получу тот ответ и знания, которые мне и необходимы. Только пока мне так ничего не стало яснее. А теперь я просто умру.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Нет, нет! Твоя мечта сбудется! — тут же решительно возразили ему жесты Хэрта.

— Интересно, каким это образом? — бросил на него Блиц потерянный взгляд. — Знаешь, без головы не очень легко кроить и шить.

— Да не останешься ты без головы, — твердо проговорил я, и это были не просто слова утешения, потому что в груди и в области солнечного сплетения у меня вдруг засвербило и потеплело.

Я мог бы запросто объяснить такое явление изжогой от съеденных утром пончиков, если бы вместе с ним в моей голове не начали с лихорадочной скоростью возвращаться мысли. Мой меч способен превращаться в кулон... Хиджаб Сэм может служить камуфляжем... значит...

— Блиц, — выдохнул я. — Ты сможешь создать целых два необыкновенных предмета.

— Больше похоже, что я опять впаду в панику и наделаю уток, — обреченно произнес он.

— Но ты же любишь делать одежду, вот ей и займись, — принялся я излагать ему план.

— Сынок, это не ателье, а кузница, — немедленно возразил мне он. — Да и искусство моды почетом у гномов не пользуется.

— А что ты скажешь насчет доспехов? — уже подходил я к сути.

Блицен задумался.

— Это, пожалуй, годится, но...

— Модная бронированная одежда, — навел я наконец его напрямиком на тему.

Блицен, разинув рот, с минуту тарачился на меня, затем воскликнул:

— Злата Балдра! Возможно, это идея, сынок!

И, вскочив резко на ноги, он засуетился у кузницы, собирая разбросанные инструменты.

Хэрт повернулся ко мне с сияющим лицом. Буквально сияющим, потому что он продолжал светить на него фонарем.

Улыбнувшись, он постучал кулаком свободной руки себе по затылку, что означало: «Ты гений».

С началом следующего тайма я поменялся с Хэртом обязанностями. Он встал на стражу, а я — возле горна, поддерживая мехами огонь. Работка, скажу я вам, та еще. Все равно что крутить педали на велотренажере возле раскаленной духовки.

Потом Блитцен меня отозвал с мехов помогать. Я в подобной работе полный профан, и он был вынужден мне постоянно давать указания.

— Нет, сынок, это ты положи на место, а мне подай другие щипцы. Ну-ка, держи ровнее и так, чтобы оно у тебя в руках не тряслось. Нет, не под этим углом, — то и дело одергивал меня он, но, как я убедился, это ему определенно пошло на пользу, и с каждым подобным окриком в нем прибавлялось уверенности и сноровки.

Вскоре я потерял счет времени. Что именно делает Блитцен, мне было не особенно ясно. Из-под рук его появлялся какой-то узкий довольно длинный предмет из крепко соединенных друг с другом колечек. Мысли мои перескочили на Меч Лета, который снова стал рунным кулоном у меня на шее.

Я вспомнил, как, едва двигаясь от голода и усталости, брел с ним вместе от доков к площади Копли и пытался понять, почему он то гудит, то молчит, то сам ведет мою руку, а то тяжело повисает в ней без малейших признаков одушевленности. «Но если у него и впрямь есть душа, — думал я, исполняя одновременно все указания Блитцена, — значит, наверное, мне следует с ним обращаться не как с колюще-режущим предметом, а как с личностью».

— Спасибо тебе, — произнес я тихо, — за то, что ты снес этот дротик. Без твоей помощи мой друг бы погиб. Прости, что сразу тебя не поблагодарил.

Мне показалось, кулон стал теплее, но утверждать это наверняка не берусь. Ведь я стоял возле пылающего горна. Но мне все равно захотелось спросить: «Сумарбрандер, ответь мне, пожалуйста, тебе нравится, когда я с тобой

разговариваю? Мне очень жаль, что я раньше был к тебе невнимателен».

Кулон загудел с такой интонацией, будто не верил моим словам.

— Нет, я теперь уверен: ты не просто оружие, которым можно рубить, — продолжал убеждать его я. — Ты...

Меня отвлек громкий возглас Набби:

— Десять минут до обеденного перерыва!

— О боги! — засуетился Блитцен. — Ну не могу я быстрее. Дай мне, сынок, молоточек для текстурирования.

Руки его теперь просто мелькали, подхватывая инструменты, которыми он наводил последние штрихи на свое творение, или, точнее, длинную узкую полоску сцепленных колец. Я так и не усекал пока, что это за штука, но Блитц трудился над ней так страстно и тщательно, словно от результата зависела его жизнь, как, впрочем, и обстояло на самом деле.

Сложив и сгруппировав все кольца в определенном порядке, он сложил получившуюся кольчужную ткань и, придав таким образом ей задуманную форму, запалял шов.

— Галстук! — сообразил я. — Блитцен, я понял!

— Спасибо. Заткнись, — осадил он меня и, подняв на вытянутой руке паяльную лампу, громко выкрикнул: — Я закончил!

Ровно в этот момент со стороны кузницы Джуниора послышался грохот, сменившийся тут же столь оглушительным воплем старого гнома, что вся публика повскакала на ноги.

Джуниор, уронив молот, прижал ладони к лицу и, продолжая выть, сел на асфальт. Я глянул на его рабочее место. Там остывал щербатый расплюсченный в блин металл. Телохранители уже суетились вокруг хозяина.

— Проклятая тварь! — убрал ладони с лица, свирепо прорычал Джуниор, у которого из переносицы сочилась кровь. Он глянул на руки, но, видимо, трупа тягнувшей его твари не обнаружил, потому что взревел: — Где ж она? Я ведь ее прихлопнул!

Набби и два других судьи кинули в нашу сторону хмурые взгляды. Похоже, они заподозрили, что налет насекомого-камикадзе наших рук дело. Мы трое лишь развели руками и пожали плечами. Да кажется, судьи и сами дотумкались, что нам такое было бы не под силу, даже при всем горячем желании.

— Время обеда! — объяви Набби. — Последний тайм состоится во второй половине дня.

Наша троица в темпе посла. От уныния Блитца даже следа не осталось, и он рвался скорее продолжить работу.

— Я понял, что сделаю, — слезил на месте от нетерпения он. — Поймал идею. Сынок, я теперь у тебя в долгу.

Я посмотрел на кузницу Джуниора. Телохранители буравили меня угрожающими тяжелыми взглядами и словно бы невзначай поигрывали в воздухе увесистыми кулаками.

— Замечательно, делай, — ответил я Блитцену. — Главное, дожить до конца поединка, потому что, может быть, нам придется биться за право уйти отсюда. Эх, жалко все-таки, что с нами нет Сэм.

Не успел я произнести ее имя, Хэрт кинул на меня очень странный взгляд.

— Ты чего? — спросил я.

Но он, покачав головой, продолжил уписывать сэндвич с кресс-салатом.

Третий тайм кончился весьма быстро. Я даже и не заметил, как прошло время, настолько был занят на сторожевом посту. Джуниор, видимо, не поскунился нанять еще несколько саботажников, и мне по их милости постоянно приходилось сталкиваться с чем-нибудь новеньким. То из толпы зрителей стремительно вылетало копьё, то метко пущенное гнилое яблоко угрожало врезаться Блитцену в голову. Меч Лета сбил в воздухе паровой дрон. Затем нам с ним пришлось отражать атаку трех гномов в зеленых комбинезонах из спандекса, вооруженных бейсбольными битами. Верный Сумарбрандер вовремя направлял мою руку, и теперь я не забывал его благодарить.

Я почти научился распознавать слова за его гулом.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Ну да, — отвечал он мне. — Вроде неплохо сработали.

Он словно постепенно оттаивал от обиды за мое прежнее равнодушие.

Блитц теперь плел из колец что-то крупное. Кольчужная ткань у него получалась широкой и необычной формы. Хэртстоун, пыхтя, носился вокруг, поднося необходимые материалы и инструменты.

— Удача! — кинув на стол ролик для вальцевания, выкрикнул Блитцен.

И в тот же момент Джуниор потерпел свое самое сокрушительное поражение. Не помогло даже то, что телохранители весь третий тайм стояли вплотную к нему, бдительно охраняя от нового нападения насекомого-камикадзе. Джуниор как раз наносил завершающий удар молотом, когда с небес на него спикировала черная точка. Слепень укусил старого гнома в лицо с такой силой, что тот по инерции крутанулся вбок. Воя и спотыкаясь, он махал во все стороны молотом, угодив сначала в телохранителей, которые рухнули без сознания на асфальт, а затем расплющил все, что лежало на двух рабочих столах, а в итоге одним ударом отправил третье свое творение прямо в пламя кузнечного горна и лишь после этого сам рухнул поблизости от своих бездыханных секьюрити.

Окажись это кто другой, мне бы стало его очень жалко. Но так как это произошло со мстительным, злобным и подлым Джуниором, честно признаюсь, я засмеялся.

События были в разгаре, когда раздался звон колокольчика Набби.

— Поединок окончен! — объявил он. — Время оценивать созданное соперниками и убить проигравшего.

Глава XLIV

ДЖУНИОР ВЫИГРЫВАЕТ МЕШОЧЕК СО СЛЕЗАМИ

Именно в этот момент в поле моего зрения возникла Сэм. Я увидел, как она пробивается в мою сторону сквозь толпу. Платок ее был опущен на пол-лица, куртку покрыли сажа и пепел, словно она ночевала в печной трубе. Я чуть не начал с ходу орать на нее за то, что она так надолго пропала в момент, когда нам очень не помешала бы ее помощь, но стоило мне приглядеться к ее лицу, злость моя испарилась. Под глазом у Сэм красовался фингал, губа распухла.

— Что с тобой? Ты в порядке? — встревожился я.

— Ничего страшного, — поморщилась она. — Так, небольшая стычка. Давай-ка послушаем, что скажут судьи.

Зрители теперь сгрудились возле двух столов, на которых лежали произведения Джуниора и Блитцена. Друг наш стоял, заложив руки за спину с вполне уверенным в себе видом, несмотря на то что рубашка его была вся усеяна копотью и пятнами, брюки держались только на одной помочи от подтяжек, а шляпа была не только грязна, но и мокра от пота.

Джуниор выглядел несравненно хуже. Рожа в крови, перекошена. Руки вцепились в ходунки, но было заметно, что даже с их помощью он едва стоит на ногах. Взгляд тяжелый и угрожающий. Ну вылитый киллер, у которого что-то пошло не так на работе и он в результате сам едва сумел смыться.

Трое судей расхаживали вокруг столов, изучая со всех сторон изделия соперников и отмечая что-то на своих планшетках.

Наконец Набби повернулся к зрителям. Его брови-гусеницы торжественно выгнулись, губы растянулись в многозначительной улыбке.

— Ну, стало быть, — начал он, — в первую очередь позвольте мне высказать благодарность всем, кто почтил присутствием этот впечатляющий поединок, спонсировали который Таверна Набби, весьма знаменитая среди прочих известных таверн, построенных Набби, а также Дом Крепкой Медовухи Набби, единственный раз отдавая которой вам никакой другой уже не захочется. Ну а теперь попросим участников поединка рассказать нам о своих творениях помер один. Блитцен, сын Фрей, начнем с тебя.

— Это утка, — был краток наш друг.

— И в чем ее смысл? — выжидающе глянул на него Набби.

— Вот я нажимаю ей на спину, — именно это и сделал Блитцен. Утка медленно начала раздуваться в длину и ширь и в результате сделалась в два раза больше, став похожей на перепуганную рыбу-шар. — Вот. Сами извольте видеть, — прокомментировал произошедшее автор изделия. — Она увеличилась.

Второй судья почесал озадаченно бороду.

— И это все?

— Да, — с достоинством подтвердил Блитцен. — Незаменимая вещь для тех, кому нравятся как маленькие металлические утки, так и металлические утки размером побольше.

— Коллеги, — повернулся к Набби и второму судье третий арбитр. — Это, на мой взгляд, возможно, вполне применимо в качестве либо садового украшения, либо приманки во время охоты, либо в качестве темы для обсуждения.

— Спасибо, Блитцен, — снова взял слово Набби. — Теперь послушаем Джуниора, сына Эдны. Каково твое первое творение?

Старый гном, стерев с лица кровь, которая продолжала сочиться у него из переносицы, поднял со стола то, что было

первоначально железным цилиндром, а теперь представляло собой коряво-расплюснутую фигню с какими-то криво приделанными по бокам штуковинами и пружинками.

— Самонаводящаяся противотроллевая ракета, — принялся пояснять он. — Коли не пострадала б, могла бы уничтожить любого тролля за полумиллю отсюда. Оружие потрясающей мощи и многоразового использования.

По толпе пронесся одобрителный гул.

— Оно в рабочем состоянии? — осведомился второй судья.

— Нет! — рявкнул Джуниор. — Пострадала после последнего удара молота. Но если б работало...

— Но оно не работает, — вмешался третий судья. — А в таком случае, позвольте полюбопытствовать, что же оно собой практически представляет?

— Беспольный и погнутой цилиндр, — смерил его взглядом убийцы Джуниор. — И в том не моя вина.

Судьи тихо посоветовались, снова поместили что-то в своих планшетках, и Набби сказал:

— Итак, результатом первого тайма явились увеличивающе-уменьшающаяся утка против бесполезного погнутого металлического цилиндра. Должен отметить, соперники пока идут почти на равных. Блитцен, пожалуйста, продемонстрируй нам свой второй результат.

Блитцен с гордостью поднял над головой свой кольчужный галстук.

— Пуленепробиваемый галстук! — торжественно провозгласил он.

Судьи синхронно опустили планшетки.

— Что? — вытаращился на Блитцена Набби.

— Ну-ка, признайтесь, — будто не слыша его вопроса, продолжил тот. — Не испытывал ли кто-то из вас затруднения, когда, надев пуленепробиваемый жилет, убеждался, что не может подобрать к нему соответствующий пуленепробиваемый аксессуар?

Из толпы поднялась одинокая гномичья рука.

— Что и требовалось доказать, — кивнул Блитцен. — А мой галстук не только моден, но и убережет вас от любой

пули, вплоть до тридцать восьмого калибра. Вы можете повязать его как в классическом варианте, так и в виде шейного платка.

Судьи, нахмурившись, застрочили в планшетах, публику же охватывало все большее воодушевление, и многие гномы кидали такие взгляды на свои рубашки, словно им сделалось совершенно ясно, что без кольчужного галстука они просто как бы не до конца одеты.

— Джуниор, — обратился к старому гному Набби. — Покажи теперь ты второе изделие.

— Кубок бесконечности, — ткнул пальцем в кусок покоренного железа старый гном. — Может вместить в себя бесконечное количество любой жидкости. Превосходное приспособление для собравшихся в путешествие по безводным пустошам.

— Только он, как бы это сказать, выглядит несколько деформированным, — явно старался выразиться поделикатней Набби.

— Слепень угребышный, молоток ему в задницу, снова мне все испохабил, — хрипло прорычал Джуниор. — Превратил перл моего творения в утильсырье.

— В утильсырье, — отозвался, как тихое эхо, Набби, сделав соответствующую запись в планшете. — Ну, Блитцен, давай-ка ты.

Блитцен поднял со стола блестящую ткань.

— Кольчужный жилет. Применим как в ансамбле с кольчужным костюмом, так и в качестве верхней одежды, если вы предпочли неформальный стиль. Великолепно смотрится с джинсами, с элегантной рубашкой...

— И со щитом, — жестами подсказал Хэртстоун.

— И со щитом, разумеется, — озвучил его слова автор бронбойного жилета.

Третий судья подался к нему поближе и внимательно разглядел кольчужную ткань.

— Полагаю, ведь это может служить неплохой защитой, коллеги, — объявил он. — Во всяком случае, в ней вы не по-

страдаете, если кто-то на дискотеке вам нанесет удар ножом в спину.

Второй судья, кивнув, сделал пометку.

— А какие-нибудь волшебные свойства к этому прилагаются? — посмотрел он на Блитца.

— Нет, — ничуть не смутился наш друг. — Зато он двусторонний. Серебряный снаружи и золотой внутри. Так сказать, два жилета в одном. Какие бы украшения вы ни надели, вы можете...

— Ясно, — прервал его Набби и сделал себе пометку, а затем повернулся к Джуниору. — Ваш последний предмет, пожалуйста, сэр.

Старый хмырь до такой степени рассвирепел, что у него даже сжатые кулаки стали красные.

— Подлое жульничество! — рявкнул он. — Я никогда еще не проигрывал ни одного поединка. Всем вам известна сила моего выдающегося дарования. А этот подлец... Этот фигляр и ничтожество Блицен подлым образом изловчился разрушить мое... мой...

— Эйтри Джуниор, сын Эдны, — осадил его строгим голосом Набби. — Каков ваш последний предмет?

Джуниор резко выкинул свой томатного цвета кулак в сторону горна.

— Какого тролля теперь болтать, чем он был! Нет его больше. Туда улетел, там и спекся.

Толпа потрясенно затихла. Судьи, сбившись в кружок, начали совещаться. Зрители в немом нетерпении ерзали.

— Нам трудно далось решение, — наконец обратился к присутствующим Набби. — Обстоятельства вынудили нас делать выбор между расплавленной кучей мусо... — осекся он. — Бесплезным хла... — снова осечка. — Пострадавшими цилиндрами, — наконец выговорил хоть что-то внятное он. — И кольчужной жилеткой, кольчужным галстуком и увеличивающе-уменьшающейся уткой Блицена, — пошло половчее дело у главы судейской коллегии. — Надо отметить, что дуэлянты шли, я бы так выразился, ноздря в ноздю, однако победу мы все-таки присудили Блицену, сыну Фреи.

Публика заплодировала. Многие зрители изумленно охали, словно не веря происходящему, а одна гномиха в форме медсестры, — возможно, она и была известнейшей среди других медсестер Нидавеллира НЯНЕЙ БЕМБИ, — вообще хлопнулась в обморок.

Хэртстоун прыгал на месте, и концы его полосатого шарфа реяли в воздухе не хуже любого знамени победы. Я искал взглядом Сэм, но она пряталась где-то в гуще толпы.

Джуниор злобно таранился на свои по-прежнему крепко сжатые кулаки. По-моему, он прикидывал, не стоит ли врезать себе самому по морде, а потом заорал:

— Ну и пошли вы все! Подавитесь моей головой! Не желаю жить в мире, где Блитцен одерживает победу в поединке ремесленников!

— Нет, Джуниор, я не могу тебя убивать, — устало произнес Блитцен, в котором одержанная победа явно не вызвала ни гордости, ни злорадства.

— Не хочешь? — разинул от ошаления рот старый гном.

— Нет, — подтвердил Блитц. — Ты просто отдашь мне серьги и цепь, как было условлено. И еще публично признаешься, что отец мой был полностью прав насчет старой цепи. Она нуждалась в замене еще сто лет назад.

— Никогда! — провозил Джуниор. — Подрывать репутацию своего отца не позволю!

— Как знаешь, — махнул рукой Блитц. — Придется мне, видимо, все же идти за своим топором. Боюсь только, он у меня чуть-чуть затупился.

Джуниор с таким шумом сглотнул, что, наверное, стало слышно даже в задних рядах, и уставился с вожделием на пуленепробиваемый галстук.

— Ладно, была, в общем, у Били своя доля правды, — выдавил из себя старый гном. — Нуждалась Глейпнир в замене.

— А ты был не прав, очерняя его, — с укором проговорил Блитцен.

У старого гнома начался тик сразу в обеих щеках.

— Был не прав. Признаю.

Блитцен резко откинул голову, словно пытался что-то найти в мутной сери, служившей здесь небосводом. Губы его беззвучно зашевелились. Я не большой мастак читать беззвучные речи, но все же уверен, что он сказал:

— Я очень люблю тебя, папа. Прощай.

Затем Блитц требовательно посмотрел на старого гнома. Тот щелкнул пальцами. Один из охранников, голова у которого была туго перебинтована, а ноги после контузии молотом едва двигались, подковылял, пошатываясь, к Блитцену.

— Вот, — вручил он ему маленькую бархатную коробочку.

— Серьги для твоей мамы, — последовало пояснение Джуниора.

Блитцен открыл коробочку. Внутри лежали две крохотные кошки из золотой филигранны с золотом — точь-в-точь как на ожерелье Бризингамен. Драгоценные зверьки вдруг потянулись, словно бы пробуждаясь от сна, и, поморгав изумрудными глазками, задрыгали бриллиантовыми хвостами.

Блитц захлопнул крышку.

— Пойдет. А где цепь?

Телохранитель бросил ему моток, похожий на свернутую веревку для запуска змеев.

— Издеваетесь? — спросил я. — Разве этой фигней удержишь Волка Фенрира?

Джуниор смерил меня своим фирменным взглядом убийцы.

— Лучше уж помолчал бы, сопляк, коль ничего не смыслишь в таких делах. Ты ж о Глейпнир представления не имеешь. А она такая же тонкая и легкая. Прочность ей придают парадоксальные ингредиенты. Но эта, новая, будет гораздо прочней.

— Парадоксальные ингредиенты? Это еще что такое? — повернулся я к Блитцу, который, ощутив веревку, кивнул и даже присвистнул от одобрения.

— Он имеет в виду компоненты, которые, по идее, не могут существовать. Работа с ними безумно сложна и очень опасна. Глейпнир состоит из сплава звуков кошачьих шагов, птичьей слюны, дыхания рыб и женских бород.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Ну, тот компонент, который был в твоём списке последним, не так уж парадоксален, — возразил я. — У чокнутой Элис из Чайна-тауна есть борода, и довольно густая.

Джуниор фыркнул.

— Зубоскалить — не цепь сотворить. А она, говорю тебе, много сильнее, чем Глейпнир. Имя я ей дал Андскоти, то есть Противник. И состоит она из самых зубодробительных парадоксов во всех Девяти Мирах. Вай-фай без лагов, искренность политиков, принтеры, не дающие сбоев в работе, блюда во фритюре, полезные для здоровья, и захватывающие лекции по грамматике.

— О да, — отдал я должное старому злыдню. — Такого действительно не существует.

Блиц бережно спрятал цепь и сережки в рюкзак, а из него извлек мешочек с золотыми слезами.

— Спасибо тебе, — отдал он его Джуниору. — Будем считать, наша сделка завершена. Ещё только один вопрос. Как добраться до острова, где связан Фенрир?

— Я бы сказал тебе, Блицен, если бы мог, — покачал на ладони мешочек с золотом Джуниор. — Уж поверь, что не отказался бы от удовольствия поглазеть на Волка, который тебя раздирает на части, как твоего панашу. Но, увы, где остров, не знаю.

— Да ведь ты говорил...

— Говорил, что время от времени проверяю цепь. Только это неправда. А на самом-то деле мало богов и гномов знают, где появляется Остров Волка. Те же, кому известно, поклялись сохранять это в тайне. Как уж отцу твоему удалось найти его, ума не приложу. Но если тебе позарез приспичило, попробуй у Тора выведать. Во-первых, он точно знает, а во-вторых, болтлив.

— Но где нам его найти? — спросил я.

— Без понятия, — признался Джуниор.

— Спросить у Сэм, — показал Хэртстоун. — Она про богов много знает.

— Точно, — обрадовался я и крикнул: — Сэм, иди к нам! Что ты прячешься?

Толпа перед ней расступилась.

У Джуннора при виде Самеры выкатились глаза, а из горла вырвался сдавленный писк:

— Ты! Это ты!

Сэм поднесла ладонь к разбитой губе, изо всех сил пытаясь ее прикрыть.

— Простите, мы разве с вами знакомы?

— Кончай прикидываться! — И старый гном при активной поддержке БАБКИ-КОВЫЛЯЛКИ ринулся в ее сторону. Лысина у него стала цвета углей в раскаленном горне, казалось, даже остатки волос стали розовыми. — Знал я и раньше оборотней! — выкрикивал он на ходу. — Этот платок у тебя того же цвета, что крылья слепня! А фингал я тебе поставил, когда пытался прихлопнуть! Ты в стоворе с Блитценом! Друзья! Коллеги! Честные гномы! Убейте этих мошенников!

Меня охватила гордость. Вот так бы работали в каждой команде. Мы не стовариваясь сделали синхронный разворот и, подобно машине с хорошим мотором, рванули прочь во имя спасения собственных шкур.

Глава XLV

Я ЗНАКОМЛЮСЬ С ДЖЕККОМ

У меня неплохо выходит сосредотачиваться на нескольких делах одновременно. Вот и сейчас я, охваченный ужасом, целеустремленно смывался с места событий и вместе с тем разговаривал с Сэм.

— Слепень? — орал я на бегу. — Ты можешь в него превращаться?

Она резко прогнулась, и вовремя: над ее головой просвистел и унесся прочь дротик на паровом ходу.

— Сейчас не время, — бросила она коротко.

— Ой, простите, — издевательски поклонился ей я, одновременно надбавив хода. — Я, конечно же, должен у вас спросить о месте и времени, когда мы сможем поговорить о технике обратной.

Хэртстоун и Блитцен шпарили впереди нас, а за ними неслась орава из тридцати озверевших гномов, дистанция между ними и нами, увы, стремительно сокращалась, а выражения на их лицах, равно как и широкий ассортимент имевшегося при них оружия уникальной ручной работы, не предвещали, что встреча будет приятной.

— Сюда! — нырнул в переулочек Блитцен.

Хэртстоун в этот момент на него не смотрел, а потому призыв не услышал и профигачил с торпедной скоростью мимо.

— Мать! — раздался из переулка вопль Блитцена. Я считал было это зачином какого-то длинного и забористого гномичьего ругательства, но продолжения не последовало. Мы с Сэм добежали до поворота, и нам все стало ясно. Блитцен барахтался и сопротивлялся в сети из световых лучей, которая возносила его стремительно ввысь. — Моя мать. Хочет скорей получить проклятые новые серьги! Догоняйте Хэртстоуна! А я с вами встречусь...

И в этот миг гном наш исчез.

— Это действительно сейчас было? — покосился я на Са-миру.

— Меня в данный момент больше занимают другие проблемы, — вскинула она на изготовку свой топор, и была права.

Орава гномов нас наконец нагнала, и мы оказались в полукольце оскалов, белеющих сквозь густые гномичьи бороды, бейсбольных бит и острых палашей. Я сперва не врубился, чего они медлят, но вскоре из-за их спин послышался голос Джуниора.

— Погодите, — прохрипел он. — Я... — Хрип. — Убью... — Снова хрип. — Первым.

Толпа расступилась. Старый хмырь пер к нам на своей КОВЫЛЯЛКЕ в сопровождении двух охранников. Он глянул сперва на меня, а потом на Сэм. — Не вижу Блитцена с эльфом, — просипел он. — Ну да ладно. Отыщем и их. Ты, сопляк, особо меня не интересуешь. Беги. Возможно, я даже позволю тебе остаться живым. А вот девчонка-то явно дочь Локи. И прямо сейчас помрет в жутких корчах за то, что меня укусила и испохабила мое творчество.

Я сорвал руинный камень с цепочки. В руке у меня засиял Меч Лета. Гномы понялились. Учужали, гады, опасность.

— Не собираюсь бежать, — объявил я Джуниору. — Придется уж вам иметь дело с нами двоими.

Меч загудел, и я, внимательно его выслушав, счел лишним добавить:

— Маленькая поправочка. Нас не двое, а трое. Его зовут Сумарбрандер, Меч Лета. Не знаю уж, кем он сделан, но точ-

но уж знаменитость среди других знаменитых мечей и сейчас собирается наподдать вам по коллективной заднице.

— Спасибо за правильный перевод, — поблагодарил меня меч.

Сэм изумленно присвистнула, а потрясенные лица воинства гномов красноречивее слов свидетельствовали, что слова меча — не плод моего воспаленного воображения.

Я поднял Сумарбрандера вверх.

— Ты говоришь? Ну конечно же, ты говоришь. У тебя множество обалденных способностей.

— Вот именно. — Голос у Сумарбрандера был несомненно мужской, и я наконец увидел, что он исходит из рун на клинке, которые при каждом произнесенном им слове начинали вибрировать и ярко мигать, как световой индикатор на эквалайзере.

Я окинул гномичье войско высокомерным и наглым взглядом. Вот, мол, у меня есть диско-меч, а у вас даже близко к нему ничего не лежало.

— Как, Сумарбрандер, ты смотришь на то, чтобы этой оравой заняться? — осведомился я вежливо у меча.

— А почему бы и нет, — немедленно проявил он готовность. — Ты хочешь их мертвыми или...

Гномы в панике отступили еще подальше.

— Нет, просто сделай так, чтобы они отсюда свалили, — конкретизировал задачу я.

— Какой-то ты скучный, — разочарованно выдохнул меч. — Ну ладно, если ты так уж хочешь. Теперь отпусти меня.

Я, конечно, уже доверял ему, но на какой-то миг меня все-таки одолели сомнения. Согласитесь, когда тебя окружили, не самый разумный шаг расстаться с оружием.

Старый хмырь Джуниор, уловив мои колебания, заорал:

— Взять его! Этот молокосос даже мечом своим не умеет пользоваться!

— Зато рядом с ним стоит экс-валькирия, и она-то великоленно умеет пользоваться своим топором! — тут же воинственно-звонко воскликнула Сэм.

— Ха! — выверился на нее Джуниор. — Берем их, ребята! БАБКА-КОВЫЛЯЛКА, активируйся!

Из ходунков тут же вылезли спереди два ряда кинжальных лезвий, а сзади забушевали огненным выхлопом два ракетных мини-двигателя, и Джуниор устремился к нам на умопомрачительной скорости, равной одной миле в час. Воодушевленное его войско взревело и перешло в наступление.

Я отпустил меч. Он завис на секунду в воздухе, а затем взялся за дело. Вы не успели бы даже скороговоркой выпалить «сын Эдны» за тот миг, как все гномы лишились оружия, которое, частью разрубленное пополам, а частью — вообще на мелкие кусочки, усеяло землю. Кинжальные лезвия и ракетные двигатели с КОВЫЛЯЛКИ Сумарбрандер попросту сбрил. Та же участь постигла и тридцать множественных гномичьих бород, которые, покачиваясь в воздухе, мягко легли на траву, оставив в скорби и изумлении своих недавних владельцев. Между прочим, могли бы порадоваться, что хоть на головах волосы сохранились.

— Кому-то добавить? — спросил меня меч, вися между мной и гномами.

Гномы, живенько развернувшись, рванули прочь.

Джуниор тоже рванул ковылять обратно на своей БАБКЕ, оря проклятия в адрес секьюрити, чесавших уже на квартал впереди него, а затем склочным голосом проверещал через плечо мне:

— Это еще не конец, сопляк! Сейчас возвращусь назад с подкреплением!

Сэм опустила топор.

— А симпатично все вышло, да?

— Мне тоже так кажется, — вполне разделял ее мнение я. — Большое спасибо тебе, Сумарбрандер.

— Де нада, — почему-то ответил мне по-испански он, но я понял, что это значит «не за что». — Но я вот о чем сказать тебе хочу, — голос его стал задумчивым. — Сумарбрандер какое-то слишком длинное имя. Оно мне, в общем-то, никогда и не нравилось.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Допустим. — Разговор получался какой-то сверхдоверительный. При таком неплохо бы посмотреть в лицо собеседнику и в глаза, а у него-то на что смотреть? На руны? На острие клинка? — И как тебе хочется, чтобы я тебя называл? — обратился я непосредственно к мигающим рунам.

— А тебя как зовут? — задумчиво прогудел меч.

— Магнус.

— Хорошее имя, — одобрил он. — Зови меня Магнус.

— Ты не можешь быть Магнусом, — постарался поделikatнее втолковать ему я. — Меня ведь уже так зовут.

— А как ее имя?

— Сэм. Но ты и Сэм быть не можешь, — торопливо добавил я. — Мы ведь иначе запутаемся.

Меч покачался легонько из стороны в сторону.

— Ну а какое другое хорошее имя мне подойдет со всеми моими талантами?

— Ну, я еще недостаточно хорошо тебя знаю... — Вопрос привел меня в некоторую растерянность, и я кинул взгляд на Сэм, но она только головой помотала: дескать, твой меч, тебе и решать. — Если честно, ну, может быть, Джек, — лякнул я первое, что пришло в голову.

— Джек! Замечательно! — воскликнул меч.

С волшебными говорящими мечами трудность одна: лицо у них не имеется, а значит, и выражения не углядишь. Вот поди и пойми, когда они шутят, а когда говорят на полном серьезе.

— То есть ты хочешь, чтобы я называл тебя Джеком?

— Да, — подтвердил он. — Это благородное имя, достойное королей и острых режущих предметов.

— Договорились. Тогда еще раз большое спасибо, Джек, за то, что спас меня с Сэм. Ну а теперь ты не возражаешь? — Я потянулся к нему, собираясь вновь превратить в кулон, но он увернулся.

— Я бы не посоветовал. Обратная сторона моих выдающихся способностей. Едва ты положишь меня снова в ножны или повесишь в виде кулона на шею, на тебя сразу накатит такая усталость, как будто бы ты сам сделал все, что я.

Я даже представить себе не мог, как бы себя почувствовал, если бы мне действительно удалось покромсать на клочки столько оружия да еще побрить такое количество гномов. Видать, валялся бы на земле бездыханный.

— Но что-то я раньше усталости не замечал.

— Так ты раньше меня ни для чего серьезного и не использовал, — объяснил мне Джек.

Железная логика, не поспоришь. Впрочем, какой ей еще и быть у меча?

Вдалеке завывала сирена воздушной тревоги. Я с ходу отменил подозрение в том, что этот подземный край хоть раз подвергался налетам бомбардировщиков. Значит, эта сирена орала в честь наших скромных персон.

— Пора двигаться, — сказала Сэм. — Во-первых, нужно скорее найти Хэртстоуна, а во-вторых, сомневаюсь, что Джуниор пошутил насчет подкрепления.

Первую задачу оказалось решить проще простого. Не прошли мы и двух кварталов, как буквально влетели в Хэрта, который несся на всех парах отыскивать нас.

— Какого Хельхейма вы еще здесь? — спросил он. — И где Блитцен?

Я рассказал про золотую сеть Френ.

— Он обещал с нами встретиться позже. А вот Джуниор прямо сейчас созывает Национальную Гвардию Гномов.

— Твой меч улетает, — предупредил меня Хэрт.

Я повернулся к зависшему в небе Джеку.

— Извините, забыл познакомить вас. Джек, это Хэрт. Хэрт, это Джек.

— Он говорит? — зажестикублировал эльф. — Я у мечей по губам читать не могу.

— Что он сказал? — спросил в свою очередь Джек. — Я не умею читать жесты эльфов.

— Ребята, с этим потом, — указала взглядом за наши спины Сэм.

Из переулка в нескольких кварталах от нас на улицу заворачивало железно-монументальное транспортное средство на гусеничном ходу с орудийной башней.

— Танк? — прибалдел я. — У Джуниора и это есть?

— Рвать когти нам надо, — порекомендовал Джек. — Разумеется, я потрясающий, но если танк покромсаю, устойчивость может тебя убить.

— Лучше не надо, — внял его доводам я. — Но каким образом мы сможем выбраться из Нидавеллира?

Хэртстоун похлопал в ладоши и, когда я к нему повернулся, скомандовал:

— Нам сюда.

Мы помчались следом за ним, петляя по переулкам и спшибая неожиданно попадавшиеся на пути мусорные баки уникальной ручной работы, у которых, возможно, тоже имелись души и имена.

Позади нас глухо ахнуло. Нас обдало горячей воздушной волной. Окна в домах затряслись. Сверху дождем посыпались мелкие камешки.

— Танк сотрясает гномичье небо! — проорал я на полном ходу. — Кажется, нам кранты.

Хэрт свернул на какую-то новую улицу, и мы понеслись вдоль двух бесконечных рядов таунхаусов, обшитых светлой вагонкой, на крылечках которых сидели гномы, сопровождавшие наш пробег мимо приветственными помахиваниями. Иные из этой публики даже успевали заснять нас на видео с помощью уникальных смартфонов ручной работы, а значит, как я понимал, наша попытка бегства вскорости станет достоянием гномичьего интернета, весьма знаменитого среди других известнейших интернетов.

Продолжив стремительный кросс, мы еще какое-то время спустя достигли наконец точки, в которой должна была находиться южная оконечность Бостона. Тут-то нас и подстерегла неожиданность. Улица не перешла в М-стрит-Бич, а завершилась глубоким крутым обрывом.

— Ой, ну это нам очень кстати, — проныхтела, осадив бег, Сэм.

— Базуки! — донесся до нас голос Джуниора. — Целься по правому флангу!

Мы замерли на краю пропасти. На дне ее угрожающе ревели река.

— Прыгаем, — показал нам Хэртстоун.

— Ты шутишь? — не сомневался в последствиях я.

— Мы с Блитценом раньше так делали, — сообщил Хэрт. — Река уносит из Нидавеллира.

— Куда? — хотелось на всякий случай узнать мне.

— По-разному, — получил я весьма туманный ответ от эльфа.

— Как-то не слишком воодушевляет, — поejala Сэм.

Хэртстоун указал назад. На противоположной оконечности улицы уже собиралось гномичье воинство, оснащенное танками, джипами, гранатометами и примкнувшей ко всему этому целой оравой геронтологических гномов на бронированных ходунках.

— Прыгаем, — не видел иного выхода я.

Меч Джек висит рядом со мной.

— Вот сейчас тебе лучше бы взять меня, босс, — посоветовал он. — А то вдруг опять потеряюсь.

— Но ты говоришь, я тогда окажусь таким вымотанным...

— Может быть, даже сознание потеряешь, — подтвердил Джек. — Но, с другой стороны, похоже, ты и так умрешь.

Учитывая глубину разверзшейся перед нами пропасти, у него, извините за пессимизм, были все основания для подобной гипотезы.

Я превратил меч в кулон и едва повесил его на шею, как ноги мои подкосились.

Сэм успела меня подхватить.

— Хэртстоун, бери с другой стороны, — скомандовала она.

На глаза мне надвинулась мутная пелена. Сознание уплывало, но я еще ощутил, как Сэм с Хэртом помогли мне спрыгнуть с обрыва. А для чего же еще нужны друзья?

Глава XLVI

СУДНО МИРОВЕЦКОЕ ИЗ НОГТЕЙ МЕРТВЕЦКИХ

Когда мне во сне вдруг начало сниться, будто я вдруг проснулся, мне сразу сделалось ясно, что со мной случилась беда.

Мы с Локи стояли на палубе огромного корабля.

— Вот и ты наконец, — сказал он. — А я-то уж волновался, куда пропал?

— Что это на вас? — поразила меня его одежда.

— Впечатляет, да? — широко улыбнулся он иссеченным шрамами ртом.

На нем был белый адмиральский китель, увешанный сияющими медалями, а под ним, совсем не по форме, черная майка с принтом, изображающим Джека Николсона, как он выглядел в фильме «Сияние», и надписью «А во-от и Локи!».

— Где мы? — спросил я.

— Ну конечно же, нас обоих здесь нет, — старательно начал полировать медали рукавом кителя Локи. — Я все еще крепко привязан к каменной плите, и на лицо мне капает яд змеи, а ты умираешь на берегу реки в Йотунхейме.

— Что я делаю?

— Ну, может, ты еще и выживешь, а может, нет, — не очень-то обнадеживающе прозвучали слова бога. — Так что, вполне вероятно, сейчас нам выдалась последняя возможность поговорить. Мне было надо, чтобы ты это увидел. Нагльфар — корабль из ногтей. Он почти достроен.

Судно стало видно отчетливее. По форме — корабль викингов, по размерам — с авианосец. На главной палубе запросто можно было устроить Бостонский Марафон. Поручни оснащали щиты. От кормы до носа протянулись изваяния тридцатифутовых волчьих голов с хищно оскаленными зубами. Ну а каких, интересно, еще можно мне было здесь ожидать изваяний?

Я глянул в просвет между двумя щитами. Корабль стоял у доков, пришвартованный плетеными металлическими тросами. Серое море кипело льдинами. Я провел ладонью по поручню, выкрашенному белой эмалью. Поверхность оказалась шероховатой, как рыба чешуя. Словно не высохшую еще краску присыпали жемчужной крошкой. Палуба мне показалась сперва стальной, но, приглядевшись, я понял, что она сделана из какого-то другого материала. Не дерево и не пластик, но что-то очень знакомое.

— Из чего он построен-то? — обратился я к Локи. — Вы вроде сказали, что он из гвоздей, но я вот ни одного не вижу.

— Слушай ухом, а не брюхом, — расхохотался он. — Я сказал, не из гвоздей, а из ногтей. Естественно, гвозди здесь ни к чему. Судно полностью состоит из ногтей с пальцев рук и ног мертвецов.

Палуба поплыла у меня перед глазами. Не знаю, реально ли испытать тошноту во сне, но меня вполне явственно замутило от отвращения. Я словно стоял на трупах, невольно пытаюсь представить себе, скольких покойных лишили ногтей, чтобы построить такую громадину.

— Но зачем это было надо? — полюбопытствовал я у Локи, немного придя в себя.

— Потрясающе омерзительно, правда? — На изувеченных губах Локи заиграла столь заразительная улыбка, что я едва сам не заулыбался ему в ответ. — Твои далекие предки, жившие в старые добрые времена, знали: ногти сохраняют частицу души, или сущности, или, как вы теперь выражаетесь, ДНК своего владельца. Поэтому смертные обязательно в течение всей своей жизни предавали огню обрезки состриженных ногтей. После кончины их ногти тоже сжигали, чтобы

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

они не пошли на строительство этого вот корабля. Однако, как видишь, нашлось все же много таких, кто этим правилом пренебрегал.

— Вы выстроили себе боевой корабль из ногтей?

— Ну, вообще-то он сам себя строит, — заговорщицки подмигнул мне Локи. — И формально находится во владении Сурта и огненных гигантов. Но с наступлением Рагнарока из гавани его выведу я, а его экипаж составят многие сотни бесчестных мертвых из Хельхейма, возглавляемых капитаном Гимиром. Все они беззаботно или несчастливо померли без оружия в руках, похоронены без соблюдения ритуалов и посмертного маникюра-педикюра. Я поведу это судно в Асгард, и мы уничтожим богов. Славное, можешь поверить мне, будет зрелище!

Я посмотрел на берег в опаске, что там уже собирается вся эта армия, но туман вдруг настолько сгустился, что мне теперь не было видно даже причала. Промозглая сырость пронизывала меня до костей. У меня, несмотря на обычную холодостойкость, начали стучать зубы.

— Зачем вы мне это показываете?

— Затем, что ты, Магнус, мне нравишься. У тебя есть чувство юмора, драйв. Крайне редкие качества для полубога. И еще более редкие для эйнхериев. Рад, что дочка моя тебя отыскала.

— Самира... — только сейчас сопоставил я. — Вот почему она может превращаться в слепня. Она оборотень. Как и ты. Это у нее от тебя.

— О да, — кивнул горделиво Локи. — Она папина дочка. Не любит этого признавать, но многое от меня унаследовала. Способности, красоту, острый ум. И в других умеет распознавать таланты не хуже, чем я. Вот и тебя ведь заметила, друг мой.

Чуть не взыв от пронзившей меня резкой боли, я схватился за живот.

— Мне что-то хреново.

— Стоит ли удивляться такому на грани смерти? Вообще-то, надеюсь, ты все же проснешься. Ведь если сыграешь

в ящик прямо сейчас, твоя смерть окажется просто бессмысленной, а все, что ты успел сделать, потеряет значение.

— Большое спасибо вам за моральную поддержку.

— Я тебя вызвал сюда, чтобы ты понял перспективы. С наступлением Рагнарока вместе с цепью Фенрира порвутся и все остальные связи. Швартовы у этого судна. Пути, удерживающие меня. Даже если Сурту окажется не под силу отобрать у тебя меч, это будет лишь временная отсрочка. Одна связь порвется, и лопнет все. Распустится, как большой гобелен, если из него вытянуть связующую нить.

— Хотите уговорить меня отказаться? А я-то думал, вам тоже нужно отсрочить Рагнарок как можно на дольше.

— О да. Мне нужно, — он резко поднял вверх обе руки. Заявляя его оказались ободраны и кровоточили, словно он долго пробыл в слишком тугих наручниках. — Я, Магнус, полностью на твоей стороне. Взгляни-ка на изваяния этих волчьих голов. Они еще не завершены. А разве может быть что-то стыднее, чем вступать в сражение на недостроенном корабле?

— Ну и чего вы хотите?

— Того же, о чем мы с тобой говорили раньше. Помочь тебе изменить детали твоей судьбы. Кто еще из богов, кроме меня, озаботился бы разговором с тобой по-дружески и на равных.

Глаза у них с Сэм были очень похожи — яркие, напряженные, будто в их недрах, как в земном шаре, кипела раскаленная лава. Но у Локи на это накладывались жестокость и холодный расчет, которые совершенно противоречили его подкупающе-дружелюбной улыбке. Мне поневоле вспомнилось, как Сэм без обиняков назвала его вором, лжецом и убийцей.

— То есть, значит, теперь мы с вами друзья и на равных? — проговорил я вслух.

— Вполне можем стать ими, — ответил он мне. — Знаешь, у меня есть идея. Выкинь из головы Остров Волка. Забудь о необходимости встречи с Суртом. Я знаю место, где меч окажется в безопасности.

— У вас?

Локи рассмеялся.

— Не искушай меня, парень. Нет, нет и нет. Я имею в виду твоего дядю Рэндольфа. Он понимает, как важен и ценен меч. Всю жизнь посвятил его поискам и мечтал изучить его свойства. Может, ты и не знаешь, но дом его защищен очень сильной магией. Отнеси меч ему, и он его сохранит, а сам воспользоваться им не сможет. Главное, меч таким образом не попадет в руки Сурта, а значит, мы выиграем много времени.

Первым моим желанием было, расхохотавшись ему в лицо, ответить твердое «нет». Ясно, что он пытался меня обмануть, но как и зачем, я пока не понял, поэтому счел за лучшее унять эмоции.

— Подозреваешь, это ловушка? — продолжил вкрадчивым голосом он. — Что ж, я вполне понимаю тебя. Только прошу на минутку задуматься, зачем Мимир тебе посоветовал доставить меч ровно туда, где он нужен Сурту? Какой в этом смысл? Может быть, эта старая отрубленная голова просто играет с тобой? Знаешь, сколько он надувает при помощи автоматов патинко? Сам-то сообрази: откажешься от его плана, значит, и Сурт не сможет мечом завладеть. Так зачем же идти на риск?

Аргументы его обволакивали меня мягким уютным коконом.

— Говорите вы гладко, — резко принялся выбирать я. — Вам бы подержанными машинами торговать.

Локи задорно мне подмигнул.

— Теперь принято говорить «побывавшими в чем-то употреблении». Но, Магнус, настал момент сделать выбор. Возможно, ты больше не обретешь способности говорить. Но если сейчас согласишься внять моим доводам, обещаю, что подслащу наш с тобой договор весьма недурным бонусом. Мы с моей дочерью Хель тут поговорили на одну тему...

— Поговорили о чем? — заколотилось у меня сердце.

— Лучше я предоставлю ей рассказать об этом самой, — ушел от ответа Локи. — А сейчас... — Он склонил голову,

словно прислушиваясь к чему-то. — Наше время уже на излете. Возможно, ты очень скоро проснешься.

— Вы ведь кого-то убили? За это и связаны, да? — вырвалось у меня прежде, чем я даже успел подумать, что лягну такое.

Улыбка его стала каменной. Вокруг глаз собрались злые морщинки, которые разом его состарили лет на десять.

— Значит, решил разговор хороший испортить? Да, я убил бога света Балдра — прекрасного и бесящего своей идеальностью сына Одина и Фригг. — Локи шагнул вперед и, тыкая пальцем мне в грудь при каждом произнесенном слове, отчеканил: — И — вернись — все — назад — я — сделал — бы — это — снова.

Разум мой просто вопил: «Стоп, Магнус, хватит!», но вы же знаете: я не больно прислушиваюсь к голосу разума.

— И почему вы его убили?

У Локи на выдохе, пахнущем миндалем, как цианистый калий, вырвался краткий хриплый смешок.

— Тебе ведь уже было сказано: он приводил меня в бешенство. Фригг так пеклась о нем: «Ах, бедный мой мальчик, измучился от кошмарных снов по поводу собственной смерти!» Добро пожаловать в реальность, Балдр. Каждому ведь иногда снятся дурные сны. Но Фригг охватывал ужас, даже когда ее дорогое дитячко стучалось обо что-нибудь своей драгоценной маленькой ножкой. Словом, она взяла обещание у всего сущего, что никто и ничто не причинит ни малейших страданий ее дорогому сынку. Ей дали клятву боги, деревья и даже камни. Ты только представь, каково это — выудить клятву у камня, но Фригг удалось. А потом в честь свершившегося события боги устроили праздник и принялись просто так, для прикола, швырять в прекрасного Балдра стрелы, мечи и даже друг друга. Все от него отскакивало, не долетев, словно этот красавчик был окружен силовым полем. Мистер Совершенство превратился в мистера Неуязвимость. Прошу прощения, но мне стало от этого тошно.

Я заморгал от рези в глазах. Ненависть в голосе Локи жгла воздух.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— И вы нашли способ его убить?

Локи самодовольно хмыкнул.

— Омела белая. Фригт совершенно о ней забыла. И впрямь, казалось бы, суцная малость. Но я сделал из нее дротик и вручил его слепому брату Балдра — богу по имени Хег. Он так расстраивался, что не может принять участия в общем веселье. Ну, я и утешил беднягу. Направил его руку с дротиком прямо в братца. И худшие опасения Фригт сбылись. Получил идеальный юноша по заслугам.

— За то, что был слишком красивым и популярным?

— Да, — кивнул Локи.

— За то, что его все любили?

— Именно. — Он склонился ко мне так близко, что мы едва не уткнулись друг в друга носами. — Только не убеждай меня, будто не совершал никогда ничего подобного. Воровство из машин, из карманов. Ты ведь выбор свой останавливал на тех людях, которые тебе не нравились. Богатых, красивых, заносчивых снобах, потому что они тебя раздражали.

Мне стало еще холоднее. Зубы выбивали громкую дробь.

— Ой, да оставь, пожалуйста. — Локи, вновь отступив назад, разочарованно поглядел на меня. — Ну, убил я одного бога. Большое дело. Он отправился прямиком в Хельхейм, где отныне почетный гость во дворце моей дочери. А вот меня наказали... Хочешь узнать, как меня наказали?

— Связали и положили на каменную плиту. А сверху на вас капает яд змеи. Я все знаю.

— Знаешь? — переспросил Локи, задрал рукава, под которыми обнажились запястья в шрамах. — Это следы вечной пытки, но богам показалось мало обречь на муки меня одного. Они еще отыгрались на двух любимых моих сыновьях Вали и Нарви. Вали был превращен ими в волка, и боги себе на потеху смотрели, как он раздирает брата. Потом застрелили и Нарви. Выпотрошили кишки из обоих моих ребят... — Голос у Локи сорвался. — В общем, не стану ходить, Магнус Чейз, я вокруг да около. Связали меня не веревками.

В моей груди вдруг возник на месте чего-то важного опустошающий холодок. Возможно, меня покидала вера, что во Вселенной есть справедливость.

— И это бэги?

— Именно, Магнус, боги, — глухо проговорил он. — Помни об этом, когда повстречаешь Тора.

— А я повстречаю его?

— По-видимому. Боги даже не трудятся делать вид, что ставят добро выше зла. Асов подобные мелочи не касаются. Для них кто сильнее, тот и прав. Вот после этого и скажи мне: ты хочешь выступить в бой на их стороне?

Палуба затряслась у меня под ногами, на ней за клубился густой туман.

— Пора тебе уходить, — быстро проговорил Локи. — Помни наш разговор. Пусть искусственное дыхание от козла принесет тебе максимум пользы и наслаждения.

— Что? Что вы имели в виду?

Локи, окинув меня злорадным взглядом, махнул рукой и растворился вместе со своим судном в мутно-сером ничто.

Глава XLVII

Я ПСИХОАНАЛИЗИРУЮ КОЗЛА

Локи мне не соврал: я и впрямь очнулся с козлиной мордой у себя на лице.

Время для небольшого признания. До сих пор я целовался всего единственный раз с Джеки Молотов в седьмом классе за рядом скамей в школьной аудитории для танцев. Слабовато, конечно, для человека шестнадцати лет, но, знаете, после мне было как-то не до того. Сами знаете, жизнь на улице и все такое прочее. Прости меня, Джеки, но я и вспомнил-то о тебе только во время процесса этого удивительного искусственного дыхания.

Меня всего скрючило и начало выворачивать наизнанку. Очень мило со стороны реки, что она оказалась рядом со мной, иначе бы вышло неаккуратненько. Ощущал я себя совершенно разбитым. Ноги словно сломали в нескольких местах, а потом наспех склеили скотчем. Во рту стоял вкус травы и старых медных монет.

— О, да ты жив, — проблеял козел скорее не радостно, а разочарованно.

Я с тихим стоном принял сидячее положение. Козел оказался с большими рогами и густой свалывшейся шерстью, в которой запутались веточки, листья и всякая другая фигня.

Вопросы, вопросы, вопросы... Что это за такой искусственнодыхательный говорящий козел? Почему у него из па-

сти такой странный выхлоп? Неужели и впрямь жрет монетки? Но в первую очередь я спросил о другом:

— Где мои друзья?

— Эльф и девушка? Ой, да они мертвы, — весело проблеял мой рогатый реаниматор.

— Нет! Нет! — Мне стало холодно, пусто и жутко.

Козел указал острием рогов чуть в сторону. Там, на каменном пляже, лежали в застывших позах Хэртстоун и Сэм.

Подобравшись к ним на еще нетвердых ногах, я приложил руки к шеям обоих. Пульс прощупывался. У меня потемнело в глазах, но уже не от горя, а от нахлынувшего облегчения.

— Они живы, — слабым голосом сообщил я козлу.

— Ох, — выдохнул он в ответ. — Несколькими часами больше, несколькими меньше, потом все равно умрут.

— Да что с тобой не так? — раздражал меня его пессимизм.

— Все, — проблеял меланхолично козел. — Веселая жизнь — это одна сплошная...

— Не важно, — мешала мне сконцентрироваться его болтовня. — Просто немножечко помолчи, а?

— Конечно, зачем тебе знать о моих проблемах. Никто не хочет. Если я стану плакать или еще что-нибудь, не обращай внимания.

Продолжая держать пальцы на шеях друзей, я старался влить в их артерии как можно больше тепла.

Сэм отреагировала на мое лечение почти сразу. Веки ее затрепетали, глаза открылись, она вздохнула, повернулась на бок, и ее стало тошнить, что показалось мне добрым знаком. На глазах возвращалась к жизни.

Хэрт, увы, пребывал в состоянии куда худшем. И я ощущал сквозь кончики пальцев, что дело гораздо серьезнее: охлаждения и воды, которой он наглотался полные легкие. Где-то в недрах самой его сущности стусился плотный комок темных эмоций, подавлявший желание жить. Эту беспросветную черноту я мог сравнить только с собственным состоянием в момент гибели мамы. Поэтому вдруг невольно и вспомнил, как руки мои соскользнули с пожарной лестницы, а надо мной взорвались окна нашей квартиры.

Но горе Хэртстона было даже сильнее этого. Не знаю уж, что там он пережил, но шедшая из него чернота готова была меня поглотить. Я усилием воли заставил себя подумать о чем-то счастливом, и перед мысленным моим взором почти наяву возник один из самых радостных дней. Мы с мамой собираем дикую чернику на Хэнкок-Хилл. Воздух столь чист, что нам виден вдаль Куинси-Бей, блестящий на горизонте. Я ухватился за эту картину и направил поток тепла в грудь Хэрта.

Глаза его наконец распахнулись.

С минуту он на меня потрясенно таращился, а затем, ткнув мне легонько пальцем в лицо, показал знак света.

— Что ты имеешь в виду? — растерялся я.

Сэм застонала и, опираясь на руку, немного приподнялась.

— Он имеет в виду, что ты, Магнус, сияешь.

Я поглядел себе на руки. Можно было подумать, меня окунули в свет Фолькванга. Теплая маслянистая аура на глазах бледнела, но я чувствовал, как она покалывает мне кожу.

— Похоже, когда приходится много лечить, я начинаю светиться, — не находил другого объяснения я.

— Красиво, конечно, — улынулась уголком рта Сэм. — Но все-таки постарайся не вспыхнуть. Что с Хэртом?

Он с моей помощью уже сумел сесть.

— Как себя ощущаешь, дружище?

Сложив колечком большой и указательный пальцы, он сделал вид, будто подкидывает воображаемый круг. Знак, что он себя ощущает ужасно.

Это не удивило меня. Скорей было странно, что он не кричит от боли, стоявшей комом в его душе. В процессе лечения мне отчетливо передались его мысли. Они прямоком текли в мою голову, точно таким же образом, как слова меча Джека, когда я впервые понял, что он со мной говорит.

— Хэрт, когда я тебя лечил, то...

Он решительным жестом отверг продолжение:

— Позже. А пока просто спасибо тебе.

Я молча кивнул. Продолжать расспросы было бессмысленно.

— Ты должен лучше заботиться о своем эльфе, — подковыляв к нам поближе, назидательно проблеял козел. — Ему требуется полноценный солнечный свет, а не эта йотунхеймская тусклость. В реках же эльфы, чтобы ты знал, не тонут.

— Козел говорит? — напрягся Хэртстоун.

— Ну да. Говорит, — оставалось лишь подтвердить мне.

— Я умею читать язык жестов, — горделиво проблеял козел. — Кстати, позвольте представиться. Меня зовут Тангниостр, что означает Скрипящий Зубами, потому что... Ну, в общем, это у меня происходит на нервной почве. Полным именем меня никто не называет. Так что зовите меня просто Отис.

Сэм с усилием встала на ноги. Хиджаб ее сполз с головы и болтался на шее.

— Что же тебя привело сюда, Отис, как это место ни называлось бы? — полюбопытствовала она.

Отис вздохнул.

— Я потерялся, что характерно. Пребывал в процессе весьма тщетных поисков обратной дороги в лагерь, но вместо этого обнаружил здесь вас. Полагаю, вы теперь меня убьете и съедите на обед?

Я поглядел на Сэм.

— Ты собиралась убить козла?

— Нет, а ты?

Я, покачав головой, перевел взгляд на Отиса.

— Мы совершенно не собираемся убивать тебя.

— Но если вам надо, не возражаю, — к большому нашему удивлению сказал он. — Хозяин постоянно меня убивает.

— Да неужели? — несколько прибалдел я.

— Именно так, — продолжал козел. — Я, видите ли, говорящая еда на четырех копытах. Мой психоаналитик усматривает в таком положении основную первопричину того, что мой жизненный тонус понижен. Но сам я больше склоняюсь к мнению, что корень проблемы зарыт в моих детских годах.

— Извини, а кто твой хозяин?

— Т-о-р-я-с-е-н-п-е-н-ь, — по буквам показал Хэрт.

— Правильно, Тор, — подтвердил Отис. — Только его фамилия не Ясенень. Вы, случайно, его по пути сюда не встречали?

— Нет. — Я подумал о своем сне. В носу у меня до сих пор не выветрился запах миндаля, а в ушах звучало предупреждение Локи: «Боги даже не трудятся делать вид, что добро ставят выше зла. Асов подобные мелочи не касаются. Для них кто сильнее, тот и прав. Помни об этом, когда повстречаешь Тора». Джунior посоветовал нам найти Тора. Река принесла нас каким-то образом напрямик туда, где он должен быть. Вот только я теперь не был уверен, что мне хочется здесь находиться.

Сэм подняла хиджаб на голову.

— Я не большая поклонница Тора, но, если он сможет нам указать путь к Острову Волка, с ним надо поговорить.

— Замечательное решение, — усмехнулся я. — Вот только козел заблудился и тоже теперь не знает, где он.

— Спроси у Джека, — указал на рунный кулон у меня на шее Хэртстоун.

Я взял в руки камень. Едва он превратился в меч, как принялся возбужденно гудеть и мигать рунами.

— Слушай, я рад, что ты выжил. — Голос его звучал весело. — Ой, а это ведь Отис! — воскликнул он. — Значит, Тор должен быть где-то поблизости.

— У тебя, значит, есть говорящий меч, — восхитился козел. — Меня ни разу еще не убивали говорящим мечом. Наверное, это прикольно. Хорошо бы еще у тебя это получилось одним ударом по горлу.

— Отис, — вмешался Джек. — Неужели ты даже не узнаешь меня? Я меч Фрея, Сумарбрандер. Мы встречались на празднике в Билскирнарсе. Вы с Локи еще перетягивали канат.

— Ой, да, — покивал рогами козел. — Я тогда был столь смущен.

— Джек, — спешно вмешался я. — Мы ищем Тора. Ты не можешь нам указать, в каком направлении надо идти к нему?

— Плевое дело, — немедленно потянул меня за собой меч. — Я считаю в этом направлении сильную концентрацию грома и горячего воздуха.

Мы с Сэм помогли Хэрту встать на ноги. Выглядел он так себе. Губы бледно-зеленые, а походка такая, будто он только что покрутился как следует на карусели для взрослых.

— Отис, нельзя ли нашему другу сесть на тебя верхом? — нашла выход из ситуации Сэм. — Так мы смогли бы добраться быстрее.

— Да милости просим, — проявил широту души козел. — Ездите на мне. Все, что угодно. Только вот должен предупредить вас: это Йогунхейм. Если мы пойдем по неправильному пути, то напоремся на великанов. И тогда нас всех изрубят в куски и пустят на жаркое.

— Мы не пойдем по неправильному пути, — пообещал я. — Правда вель, Джек?

— О да, — прогудел он. — Скорей всего, да. Шестьдесят процентов за то, что мы выживем.

— Джек... — замедлил я ход.

— Не напрягайся. Шучу, — хохотнул он.

И мы двинулись под его командой вверх по течению, сквозь туманное утро с крутящимися снежинками и сорокапроцентным шансом превратиться в жаркое для великанов.

Глава XLVIII

ХЭРТСТОУН ТЕРЯЕТ СОЗНАНИЕ КУДА КАПИТАЛЬНЕЕ, ЧЕМ ДЖЕЙМС ГРЕЙС (ХОТЯ Я ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮ, КТО ЭТО)

Йотунхейм с виду походил на Вермонт минус реклама разнообразной продукции из кленового сиропа. Вершины темнеющих гор припорошены снегом, у подножия его просто заносы, так что проходы практически заткнуты, а сосны щетинятся сосульками.

Джек висел в воздухе во главе нашего маленького отряда, указывая нам путь вдоль реки, русло которой петляло зигзагами сквозь скованные морозом каньоны. Нам пришлось карабкаться по крутым тропам вдоль подмерзших водопадов, и от усилий меня кидало то в жар, то в дрожь, ибо испарину, выступающую на теле, немедленно остужал леденящий ветер.

Словом, весело было аж жуть.

Мы с Сэм старались держаться поближе к Хэрту. Она — просто для подстраховки, я же — в надежде влить в него еще сколько-нибудь фрейского света, который во мне пока еще оставался. Увы, он сейчас почему-то на это не реагировал, по-прежнему был очень слаб, и нам оставалось только следить, чтобы он ненароком не соскользнул с козла.

— Ты там держись, — напутствовал его я.

Он ответил мне едва заметным жестом. Вероятно, хотел сказать: «Извини», — но не уверен, что это действительно так.

— Просто расслабься и отдыхай. — Не хотелось мне, чтобы он понапрасну расходовал силы.

Он что-то сумрачно пробурчал и, пошарив в кисете с рунными плашечками, вложил мне одну из них в ладонь, одновременно тыкая себя в грудь. Мол, вот моя руна.

Я такой руны не знал:

Сэм, поглядев на нее, нахмурилась.

— Это перт.

— И что это значит?

Сэм внимательно посмотрела на Хэрта.

— Ты пытаешься объяснить, что случилось с тобой? Хочешь, чтобы Магнус узнал?

Хэртстоун сделал глубокий вдох, будто готовясь к спринту, и отозвался жестом:

— Магнус почувствовал боль.

Я стиснул в кулаке плашечку с руной.

— Ну да. Что-то темное. Когда лечил тебя.

— Мне рассказать ему? — снова внимательно посмотрела Сэм на Хэртстоуна.

Тот ей кивнул с трудом и, уронив голову на шею козла, закрыл глаза.

Мы прошли еще чуть вперед, прежде чем Сэм начала:

— Когда мы с Хэртом попали в Альфхейм, он рассказал мне о своем прошлом. Всего я, конечно, не знаю, но его родители... они... — Она мучительно подбирала слова.

— Пожалуйста, продолжай, — проблеял козел. — Я обожаю печальные саги.

— Заткнись, — угрюмо бросила Сэм.

— Ладно, — согласился козел.

Я смотрел на лицо Хэртстоуна. Во сне оно выглядело таким безмятежным.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Я знаю от Блитцена, что родители Хэрта так и не примирились с его глухотой, — сообщил я Сэм.

— На самом деле все обстояло гораздо хуже, — сердито проговорила она. — Гадкие же они у него.

В ее голосе вдруг послышались ядовитые интонации Локки, словно она была бы совсем не прочь выпустить в предков Хэрта по дроту из омелы.

— Брат Хэртстоуна, Эндирон, умер в детстве. Хэртстоун был в этом совершенно не виноват, но родители начали вымещать свое горе на нем. Он постоянно слышал от них, что лучше бы умереть ему, а не брату. Ну, конечно же, — горько усмехнулась она. — Эльф-инвалид. Кара богов. Разочарование для родителей. Что он ни делал, все вызывало у них лишь одно раздражение.

Я стиснул в кулаке рунную плашечку.

— И боль от этого до сих пор терзает его.

Сэм положила руку на щиколотку спящего Хэрта.

— Он не рассказывал мне, в какой обстановке рос, но, думаю, это было худшее из всего, что мы с тобой можем себе представить.

Я посмотрел на руну. Теперь мне было понятно, почему ему так хотелось стать магом.

— И этот символ...

— Ну как бы пустая чаша, которая опрокинулась набок, — подхватила Сэм. — То ли из нее что-то вылилось и ее надо снова наполнить, то ли встряхнуть в ней и кинуть кости судьбы.

— Сложно все как-то, — похлопал глазами я.

Сэм сняла с брючины Хэрта прилипшую козью шерсть.

— По-моему, он себя с этой руной отождествляет. Вода из колодца Мимира предоставила Хэрту на выбор два варианта. В первом он обретал дар речи и слух, но должен был бы отправиться снова в Альфхейм и вести там обычную жизнь для эльфа, оставив мечты о магии. А во втором...

— Он познал бы магию, — уже догадался я, — но остался таким, как есть. Глухим и немым, нелюбимым семьей. Жут-

кий выбор. Сволочь все-таки этот Мимир. Знать бы тогда, наступил бы ему ботинком на рожу.

Сэм покачала головой.

— Мимир в данном случае просто четко озвучил выбор. Магия совершенно несовместима с нормальной жизнью. Способность осваивать ее тайны приходит лишь к тем, кто познали огромную боль. Надо себя опрокинуть, превратиться в пустую чашу. Так пришлось поступить даже Одину. Он пожертвовал глазом, чтобы испытать из колодца Мимира, но это было всего лишь началом. Охваченный жаждой познания рун, Один заставил себя провисеть в петле на ветви Мирового Дерева целых восемь дней без питья и еды.

— Как-то, по-моему, это неправильно, — стало корезить меня от одной мысли о такой самопытке.

— Но необходимо, — возразила Сэм. — А он еще перед тем, как влезть в петлю, пронзил себе бок копьём и висел, изнывая от боли, жажды и голода, пока руны ему не открылись. Невыносимые физические страдания превратили его в пустой сосуд, свободный для тайны рун.

Я поглядел на Хэртстоуна. Даже не знаю, чего мне больше хотелось. Обнять его, ободряюще хлопая по спине, или, разбудив, назвать полным психом? Он сознательно сохранял в себе боль. Да никакая магия таких жертв не стоит.

— Но мне-то магия безо всяких там мук дается, — начал я спорить с Сэм. — А ведь я с ее помощью и лечил, и в огонь входил, и оружие у врагов из рук выбивал.

— Это другое, Магнус, — сказала она. — Волшебство у тебя в крови. Оно передалось тебе от отца. А способности, как известно, от нас не зависят. Они или есть от рождения, или нет. И кстати, эльфсейдер, которым ты пользуешься, гораздо слабее возможностей рун.

— Слабее? — Я не хотел спорить, чья магия лучше, но то, что делал при мне Хэртстоун, на мой личный взгляд, не очень-то впечатляло.

— Я же, по-моему, говорила тебе еще в Вальгалле: руны — тайный язык Вселенной. Тот, кто их изучил, способен на-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

столько менять реальность, насколько ему позволяют сила и воображение.

— Тогда почему же все не изучат руинную магию?

— Именно потому, что это связано с невероятной жертвой. Большинство скорее расстанется с жизнью, чем обречет себя на муки Хэртстоуна.

Я поправил ему размотавшийся шарф. Мне теперь кое-что становилось ясно. Он принес себя в жертву руинной магии из-за своего прошлого. Видимо, пережив такое, заманчиво оказаться в силах менять реальность. Вот, например, когда я лечил его, он назвал меня братом. Легко ли ему далось это? Ведь единственный-то его брат умер.

— Ну да, — произнес я вслух. — Он и впрямь превратил себя в руну перт. Полая чаша.

— И наполняет себя новой силой, — добавила Сэм. — Я не знаю всех значений этой руны, но перед тем, как мы прыгнули с обрыва в реку, он достал и подкинул в воздух именно плашечку с ней.

Мое сознание помутилось тогда в тот самый момент, когда я коснулся Джека, поэтому я ничего не помнил.

— И что случилось, когда он ее подкинул? — спросил я у Сэм.

— Нас вынесло сюда, — проговорила она с ударением на последнем слове, — а Хэрт впал в то состояние, в котором до сих пор и находится, — покосилась она на по-прежнему крепко спящего эльфа. — Может, конечно, я ошибаюсь, но, по-моему, перт для него — как последний бросок, ну, последний шанс, когда других просто не остается и полагаешься лишь на волю судьбы.

Я давно уже с такой силой сжимал плашечку Хэрта, что на ладони появились синяки. Раз он вручил ее мне, я просто обязан ее сохранить для него. А Хэрт пусть пока хоть какое-то время передохнет. Никто не в силах волоочь такую ношу один. С этими мыслями я засунул руну в карман.

Теперь мы шли молча. Джек завис над стволом упавшего над водой дерева, чтобы мы по нему пересекли реку. Я перед

тем, как ступить на него, огляделся, страхась нападения какой-нибудь великанской белки. Но все было вроде спокойно, и мы с осторожностью перебрались на противоположный берег.

Снег на нем оказался такой глубокий и рыхлый, что мы в основном продвигались вперед прыжками с валуна на валун, а козел Отис громким бляением строил гипотезы, кто из нас первым упадет и умрет.

— Лучше бы ты первым заткнулся, — осадил его я. — Эх, нам бы сейчас снегоходы.

— Для этого тебе нужен Уэль, — на полном серьезе воспринял мое пожелание Отис.

— Это еще кто такой? — никогда не слышал такого имени я.

— Бог снегоходов, — проблеял козел. — Он-то и изобрел их. А еще лыжи, луки и много всего остального, но что конкретно, не знаю.

Понятия до сих пор не имел о наличии снегоходного бога, но не поскупился бы в тот момент, вылетев он нам навстречу, ревя мотором, из чащи леса. Увы, он не вылетел, и мы потащились дальше без вспомогательных средств.

Чуть погодя впереди, на вершине горы, замаячил каменный дом. То ли сероватый свет, то ли горы играли шутки с моим восприятием окружающего, но я был не в состоянии определить: или дом очень маленький и нам до него рукой подать, или, наоборот, он очень большой, но находится далеко от нас? Впрочем, я не особенно удивлялся такому. Знал ведь уже: великаны не только живут иллюзиями, но даже дышат ими.

— Видишь тот дом? — спросил Джек. — По-моему, лучше в него не входить.

И возражений с моей стороны не последовало.

Мы шли, шли и шли. Серый свет не мерк, значит, до вечера было, судя по всему, еще далеко. Русло реки несколько сузилось, и вода превратилась в ревущий поток. Вдоль противоположного берега высились скалы. За деревьями слышался рев водопада.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Ну да. Вот теперь я вспомнил, — сказал вдруг Отис.

— Что именно? — полюбопытствовал я.

— Зачем ушел. Должен был привести кого-то на помощь хозяину.

— И в чем же Тору потребовалась помощь? — стяхнула с плеча снег Сэм.

— Пороги, — откликнулся Отис. — Я полагаю, нам следует поторопиться. Мне же велели: «Возвращайся как можно скорей», а я целый день за вами пронаблюдал.

— Это что же, выходит, мы целый день провели без сознания? — не верилось мне.

— Как минимум, — подтвердил Отис.

— Он прав, — утвердительно помотался в воздухе Джек. — Согласно моим внутренним часам, сегодня воскресенье, девятнадцатое число, а сражались мы с этими гномами в пятницу. Следовательно, ты всю субботу проспал.

— Целый день потеряли! — поморщилась от досады Сэм. — Трое суток всего осталось до появления острова, а мы еще даже не знаем, где Блитцен.

— Возможно, это моя вина, — смущенно проблеял Отис. — Я, конечно же, должен был вас спасти раньше. Но реанимировать человека дыханием рот в рот... Не сразу мне удалось на такое решиться. Конечно, мой психоаналитик порекомендовал мне комплекс специальных дыхательных упражнений...

— Вот что, ребята, — прервал его Джек. — Мы на сей раз действительно близко.

И он полетел через лес, а мы следовали за ним, пока деревья не кончились.

Теперь перед нами был пляж, усеянный острыми камнями и ледяными глыбами.

Берег напротив дыбился и вздымался утесами, которые устремлялись вершинами в небо. Порожистость русла здесь достигала пятого уровня, и вода вела вечный бой с огромными валунами. Чуть выше течение по бокам сжимало две каменные колонны, высотой с небоскребы, и река, вздыбившись, пробиралась вперед, как поставленный вертикально

лист стали. Походило это скорее не на водопад, а на лопнувшую посередине дамбу.

Здесь Йотунхейм утратил сходство с Вермонтом и стал больше напоминать Гималаи или другое подобное место, не предназначенное для смертных.

Ярящиеся каскады воды настолько притягивали внимание, что какое-то время не удавалось сосредоточиться ни на чем другом. Поэтому я не сразу заметил небольшой лагерь. Палатка. Яма для костра. И... нервно трусящий взад-вперед по берегу еще один козел с густой темной шерстью, который, увидав нас, перешел на галоп и понесся навстречу.

— Это Марвин, мой брат, — перекрикивая шум водопада, проблеял Отис. — Настоящее его имя Танигриснир, то есть Скалозуб, но...

— Отис! Отис! — орал на бегу Марвин. — Где ты был?

— Я совершенно забыл, что делал! — прокричал в ответ Отис.

Было заметно, что черный козел раздражен. Губы его задралась, обнажив два ряда передних зубов. Видимо, за такое свое умение он себе и заработал соответствующее имечко.

— И это ты называешь, помощь привел? — уставился на нас желтыми глазами навывкате Марвин. — Два тщедушных человечка и мертвый эльф.

— Он не мертвый, — внес ясность я. — Где Тор?

— Там, — указал Марвин рогами на реку. — Бог грома вот-вот потонет. Если вы не придумаете, как ему помочь, я вас убью. Кстати, рад познакомиться.

Глава XLIX

ТВОЯ ПРОБЛЕМА — МЕЧ В НОСУ

Я ничего не мог поделать с собой.

При звуке имени «Тор» у меня немедленно возникал в мозгу образ такого смешного большого комического супергероя из фильмов и комиксов. Яркие колготки из спандекса, красная накидка, из-под шлема с маленькими пушистыми голубиными крылышками выбивается светлая шевелюра, как у златовласки.

Реальный Тор оказался гораздо страшнее. И краснее. И рыжее. И грубее. И ругался не хуже матроса с богатым словарным запасом.

— Сколько еще, спили вам рога, можно шляться? — орал он. — Где моя, забодай вас олени, помощь?

Дальше шло еще много всего, так сказать, с наилучшими пожеланиями в разные части тела. Я, конечно, поднаторел в этом плане за годы жизни на улице, но столь забористых и смачных ругал мне еще никогда не приходилось слышать.

Он стоял возле противоположного берега, утопая по грудь в бурно пенящейся воде, и, если бы не держался за одинокий кустик, торчащий из совершенно гладкого каменного утеса, его унесло бы вниз по течению, где острые пороги разделяли реку на несколько водопадов, попав в которые Тор был бы мигом размолот в паштет.

Кустик уже трещал, готовый в любой момент вырваться с корнем, а Тор орал:

— Помои в глаза вам и бороды в задницы! Это ты, что ли, Отис? Где моя артиллерия? Где поддержка с воздуха? Куда, коньком по гривам, делась моя кавалерия?

Нас от него еще отделяло достаточное расстояние, и бог грома виделся мне сквозь туман и взвесь воды весьма фрагментарно. Рыжие волосы до плеч, густая курчавая рыжая борода, руки с бицепсами-шарами, как у культуриста, выглядывавшие из-под кожаной рубашки. Железные рукавицы с крагами. И кольчужный жилет, который Блитцену наперняка показался бы очень модным.

— Я здесь, босс, — проблеял, едва мы приблизились, Отис. — Привел двух ребят и мертвого эльфа.

— Он не мертвый, — снова внес уточнение я.

— Он полумертвый, — согласился на компромисс Отис.

— Какого Хельхейма толку от них?! — взревел Тор. — Мне нужно, чтобы эту великаншу убили! Убили немедленно!

— Великаншу? — начал в недоумении озираться по сторонам я.

— Экий ты глупый, — легонько боднул меня Марвин. — Туда вон гляди, — указал он мне рогом в сторону водопада.

Туман на вершине утеса как раз в это время рассеялся, и я наконец усек суть проблемы.

— Святой Хеймдалль, — сдавленным голосом проговорила Сэм.

То, что мне показалось сначала каменными колоннами величиной с небоскреб, было на самом деле ногами. Огромнейшими ногами с такой серой и грубой кожей, что они ни фактурой, ни цветом не отличались от каменных утесов. Великанша была столь высокой, что Годзилла бы рядом с ней показался карликовым пуделем, а небоскреб Сирс-Тауэр выглядел бы дорожным предупредительным конусом. Платье ее, доходящее до середины бедер, было сшито из стольких инкур, что, похоже, на него пришлось известить по несколько дюжины различных видов животных. Лицо великанши, находящееся где-то в области стратосферы, мрачно-каменным

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

выражением напоминало физиономию президентов, выбитые на горе Рашмор. На голове ее ураганом вились густо-черные волосы. Она обхватила своими гигантскими кулачищами вершины холмов по обеим берегам реки. Видимо, даже ей нелегко давалось сдерживать потоки воды.

Взгляд великанши был направлен вниз, где крошка громовой бог, извиваясь и корчась, боролся с течением, губы ее кривились в злорадной улыбке, ноги сдвигались плотней и плотней, и вода, бурля возле ее лодыжек, устремлялась к Тору со все более сокрушающей мощью.

Он пытался кричать, но вода заливалась ему в рот. Голова уже уходила под воду. Кустик чудом еще держался, но скобочился, и корни у него лопались один за другим.

— Она смоег его в никуда! — проблеял трагически Марвин. — Сделайте что-нибудь, люди!

«Что, например?» — пытался сообразить я, а вслух произнес:

— Он ведь бог. Что ему стоит улететь или вдарить по великанше молнией? Или молотом. У него что, нет молота?

Марвин оскалился и зарычал. Рычать у него получалось не хуже, чем скалиться.

— И как же мы, идиоты, сами такого не сообразили? — наградил он меня убийственно-ироничным взглядом. — Да если бы Тор мог сделать хотя бы одно из того, о чем ты сказал, не отпуская при этом куст, думаешь, стал бы он столько времени в реке прохлаждаться?

У меня вертелся на языке вопрос, каким образом великанша может смыть Тора в никуда, то есть убить, если он бог, а значит, бессмертен? Но мне тут же вспомнился Мимир, который навечно теперь живет в виде отрубленной головы, и Балдр, сраженный дротиком из омелы и превратившийся в вечного гостя Хель. Сложно все как-то было у этих богов.

Я глянул на Сэм.

Она лишь развела руками.

— Против такой великанши у меня средств нет.

Хэртстоун что-то пробормотал во сне. Веки его затрепетали. Он просыпался, но было ясно, что творить магию он сможет еще не скоро.

Я понял: из всех друзей рассчитывать сейчас можно только на одного.

— Джек, — обратился я к висевшему рядом со мной мечу.

— Да? — прогудел в ответ он.

— Видишь огромную великаншу, которая перекрыла реку?

— Технически я вообще ничего не вижу, потому что у меня нет глаз, — отозвался Джек. — Но все-таки да, я вижу ее.

— А как ты думаешь, тебе удастся взлететь, ну, и убить ее, что ли? — подошел я к сути проблемы.

Джек загудел в замешательстве.

— Хочешь, чтобы я справился с великаншей ростом в две тысячи футов?

— Ну да, что-то вроде.

— Тогда хватай меня и подкинь с такой силой, как ты никогда еще ничего не кидал, — принялся объяснять мне он. — При этом ты должен быть убежден, что мы с тобой поступаем правильно. И будь готов испытать весьма неприятные ощущения, когда снова возьмешь меня в руки. Ну, как если бы ты с великаншей справился сам.

«Ну, естественно, я от такого мигом дам дуба, но выбора-то никакого нет, — подумал я с вдруг накатившим снокойствием. — Тор нам необходим. Мы без него не отыщем остров».

Я скользнул взглядом по Сэм, Хэртстоуну и двум асоциальным говорящим козлам. Для каждого из них я сейчас был последней надеждой.

— Давай все-таки сделаем это, Джек.

Теперь надо было сосредоточиться. Был ли я убежден, что поступаю правильно? Судьба Тора меня волновала мало. Я ведь даже не знал его, и мне было по сути плевать, что у него там за терки с великаншей и почему ее так забавляет процесс его утопления методом перекрытия русла реки. Но мне было совсем не плевать на Сэм, Блитцена и Хэртстоуна.

Они рисковали жизнями, чтобы помочь мне сюда добраться. И, сколько ни убеждал бы меня в обратном Локи, мне обязательно надо было остановить Сурта. Волк должен остаться в цепях. Он воплощал для меня все зло на свете. Маму убили два его сына. Мимир говорит, Фенрир послал их убить меня, но мама пожертвовала собой, чтобы я не погиб, и жертва ее не должна оказаться напрасной.

Огромная серая великанша стояла преградой к тому, что я должен был совершить. А значит, от нее надо как можно скорее избавиться.

Я со всей силой подкинул меч.

Джек устремился вверх со скоростью бумеранга на ракетной тяге, а потом...

Ну, в общем-то, я не совсем уверен, что правильно разглядел. Слишком уж на большой высоте это все творилось. Джек вроде бы зафигачил этой гигантской тетке ровно в нос. Она выгнула спину. Злобная ее рожа скривилась, будто она вот-вот чихнет. Кулаки, сжимающие вершины утесов, разжались. Руки плетями повисли вдоль серого тела. Колени великанши начали подгибаться, и в тот момент, когда Джек показался из ее носа наружу, она стала падать прямо на нас.

— Линяй! — крикнул Джек, спиралью снижаясь ко мне.

— Бегите! — проорал я друзьям.

И тут великанша рухнула ничком в реку.

Я не усек процесса. Чересчур уж стремительно все развивалось. Мне только на дереве стало ясно, что зафигачила нас всех туда поднявшаяся стена воды. Впрочем, остались живы, и ладно.

Тело великанши коренным образом изменило ландшафт. На месте реки образовалось обширное ледяное болото. Оно пузырилось, плевало брызгами. Это река, ударяясь о тело мертвой леди великанши, пробивала себе новое русло. Пляж ушел на шесть инчей под воду. Тора тоже не наблюдалось.

— Ты убил его, — проблеял мне Отис. — Великанша, видать, на него и свалилась.

Правая рука великанши вдруг начала подниматься. Я чуть не рухнул с дерева. Если Джек ее не убил, а лишь времен-

но вырубил, нам всем кранты. Рука, однако, вновь рухнула в воду, а из подмышки чудища-тетки, кряхтя, отплевываясь и ругаясь, с трудом вылез Тор.

Пока мы слезали с дерева (Хэрту пришлось немного помочь), бог, прошествовав по спине великанши, спрыгнул в болото и направился к нам. Голубые глаза его были воспалены, а лицо выражало такую ярость, что дикие кабаны, взглянув на него, давно бы уже смылись к мамочкам.

— Ну, и как вам понравилось это, сеньор? — горделиво запис со мной рядом поблескивающий от соплей великанши Джек.

— Если в ближайшие две минуты выживу, то отвечу, — пообещал я.

Разъяренный бог грома и молний подступал ко мне. Вода текла с его рыжей бороды на упакованную в кольчугу обширную грудь. Кулачищи в железных перчатках были крепко сжаты.

— Это, — губы его вдруг расплылись в улыбке, — было потрясающе.

Кулак, размером с кувалду, разжался, и он с такой силой хлопнул ладонью мне по плечу, что суставы у меня хрустнули.

— Приглашаю тебя на обед. Забьем Отиса и Марвина.

Глава I

НИКАКИХ СПОЙЛЕРОВ. ТОР НЕ СМОГ ПОСМОТРЕТЬ НОВЫЕ СЕЗОНЫ ЛЮБИМЫХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ

Да, мы убили обоих козлов.

Перед этим Тор гарантировал, что утром они возродятся как новенькие, главное, не сломать им кости. Отис принялся уверять, будто регулярная смерть с последующим возрождением чрезвычайно способствует его психотерапевтическому лечению. Марвин попросту рявкнул: мол, чем вести себя как трусливый хилак, лучше взялся бы поскорее за дело.

Марвина убивать было гораздо легче.

За два года бездомной жизни я сполна познал трудности добывания пищи. Однако убийство животного и разделка туши для собственного ужина стали для меня совсем новым опытом. Вытаскивать с голодухи из урны недоеденный бутерброд, конечно, дело привычное. Но попробуй-те-ка освежать козла, нарезать мясо, а затем заняться жаркой его на вертеле, тщательно игнорируя козьи головы, которые таращатся на вас мертвым взглядом из кучи отбросов. Только не думайте, что я после этого превратился в вегетарианца.

Едва мои поздри учуяли запах готовой козлятины, меня одолел жуткий голод, и я, совершенно забыв об ужасной сцене забоя козлов, накинулся на кебабы из Отиса, вкуснее которых не ел ничего на свете.

Тор за едой сперва разглагольствовал о йотунхеймских великанах, а затем принялся рассуждать о телесериалах из Мидгарда, до которых он оказался большой охотник и смотрел их с каким-то религиозным рвением (если, конечно, возможно употребить слова «религиозное рвение», когда идешь речь о боге).

— Великаны! — с отвращением тряс головой Тор. — Могли бы за столько столетий задуматься и прекратить набеги на Мидгард. Так нет же! Лезут и лезут, как банда убийц в сериале «Стрела». Все время лезут. Но я людей в обиду не дам. Вы, ребята, мой самый любимый вид из всех организмов.

Он потрепал меня по щеке. Руки он после разделки козлов вымыть не потрудился. Ну, хорошо хоть железные рукавицы снял, иначе попела бы моя физия.

Хэртстоун, устроившись возле огня, ел кусок бедренной части Марвина. Кажется, нашему эльфу стало гораздо лучше, хотя и сейчас видок у него, прямо скажем, был не блестящий. Хотелось покрепче обнять его, может, даже напечь ему кучу печений, повторяя при этом, насколько мне жалко, что на его долю досталось такое паршивое детство. Вот только я знал: Хэртстоун не примет жалости. Он хочет, чтобы я относился к нему как прежде. И все-таки плашечка с руной, обозначающей пустую чашу, лежала в моем кармане тяжелым грузом.

Сэм тоже сидела возле огня, но постаралась устроиться как можно дальше от Тора и не только помалкивала, но даже почти не двигалась. Поэтому громовой бог в основном уделял внимание мне.

Он абсолютно все делал с энтузиазмом. Ему нравилось готовить мясо своих козлов. Он с наслаждением ел его и хлебал медовуху. Из него просто сыпались одна история за другой. И еще он от души пукал. Часто пукал. Когда же что-нибудь приводило его в восторг, из рук его, и ушей, и всех остальных частей тела, которые вы только можете себе представить, летели во все стороны искры.

В отличие от киношных Торов, реальный ничем не напоминал манекен. Лицо его было хоть и красиво, но вдоволь по-

ношено и побито, словно он много лет провел на боксерском ринге. Кожаные штаны и рубаха потертые до оттенка грязного снега. Кольчуга грязная. Руки покрыты татуировкой. На левом бицепсе я увидел сердечко, а внутри него надпись: «Сив». Вокруг правого предплечья вился стилизованный Мировой Змей, а на пальцах синели печатными буквами имена. На одной руке «Магни», на другой — «Моди». Имя «Магни» заставило меня какое-то время понервничать. Мне как-то не улыбалось фигурировать в виде татуировки на громовом боге. Но Сэм мне по-тихому сообщила, что я зря волнуюсь, Магни, мол, с Магнусом не имеет ничего общего.

Тор тем временем распространялся о том, что, по его мнению, было бы здорово устроить смертельную битву Дэрила из «Ходячих мертвецов» с Майклом из «Во все тяжкие». В период, когда я болтался по тротуарам Бостона, я был бы счастлив поддержать такой разговорчик. Но сейчас мне предстояло важное дело, и Тор мне требовался совсем не для пустой болтовни. Да и какой вообще смысл в обсуждении, чем что продолжится в новом сезоне по телику, если, возможно, через три дня все Девять Миров поглотит смертоносное пламя. Тор, однако, настолько завелся, что унять его мне было не по силам.

— Так кто же, по-твоему, будет лучшим сериальным злодеем в новом сезоне? — допытывался у меня он.

— Трудный вопрос, — пожал я плечами и, глядя на его пальцы, поинтересовался: — А кто такие Магни и Моди?

— Мои сыновья, — просиял бог. Из пальцев его посыпались искры, и, так как бороду он за едой порядком вымазал жиром, меня одолели сильные опасения, что он может воспламениться. Сгорит еще, прежде чем мы успеем хоть что-нибудь выяснить. — У меня много сыновей, но эти двое — самые любимые, — к счастью, не загорелся, а продолжал рассказывать Тор.

— И сколько им лет? — спросил я.

Тор в задумчивости наморщил лоб.

— Мне очень стыдно, но я не знаю. Возможно, они еще вовсе не родились.

— Как же они тогда могут быть самыми...

— Магнус, — спешно вклинилась в нашу беседу Сэм, — сыновьям лорда Тора, Магни и Моды, суждено пережить Рагнарок. Их имена присутствуют в предсказаниях норн.

— Совершенно верно, — повернулся Тор к Сэм. — Напомни-ка мне, пожалуйста, кто ты?

— Сэм, милорд.

— Кого-то ты, девочка, очень напоминаешь мне, — поднял задумчиво рыжие брови он. — Вот только никак не соображу кого.

Сэм отползла чуть назад.

— Может, валькирию? Я ею раньше была.

— А-а, — облегченно махнул рукой Тор. — Наверное, в этом-то все и дело. Я принял участие в трех тысячах пятистах шести последовательных развернутых военных кампаниях по сдерживанию великанов на восточном фронте. Поэтому, ясное дело, немного нервничаю.

Хэртстоун знаками показал:

— И много пукает.

— Что говорит этот эльф? — громко рыгнув, спросил Тор. — Я не знаю языка жестов.

— Интересуется, как это вы умудряетесь оставаться в курсе всех сериалов по ящику, когда постоянно находитесь на поле боя, — нашелся я.

Тор расхохотался.

— Ну, надо же чем-то отвлечься, чтобы с ума не сойти.

— И помогает? — спросил Хэртстоун.

— Вот видите, эльф совершенно со мной согласен? — понял по-своему его Тор. — Я могу где угодно смотреть сериалы. Во всяком случае, мог, — вздохнул он. — Мой молот Мьёлнир, помимо других достоинств, обладает опцией телеприемника высочайшей степени разрешения во всех Девяти Мирах. То есть обладал.

— Обладал? — переспросила Сэм. — Почему вы о нем говорите в прошедшем времени?

Тор досадливо крикнул.

— Хватит о телевидении. Лучше скажите, как вам пришлось козлиное мясо? Кстати, вы не сломали им кости?

Мы с Сэм обменялись взглядами и явно подумали об одном и том же. Меня и раньше несколько удивляло, что при Торе не было молота. Ведь это, можно сказать, его фирменный знак, часть его образа. Я сначала подумал, что он, вероятно, просто его маскирует, ну вроде моего Джека, который, когда мне не требуется пустить его в ход, висит у меня на шее в виде кулона. Но теперь я сильно подозревал, что с молотом Тора творится какая-то хрень. Спросить? Нет, пожалуй, не стоит. Вон как он тут же от темы ушел. Даже глаза покраснели от ярости.

— Нет, сэр, — произнес я вслух. — Мы не ломали козлиных костей. Но интересно, чисто теоретически, что случилось бы, если бы мы это сделали?

— Козлы бы восстановились, но со сломанными костями, которые после бы долго срастались. И это бы очень меня раздражало. Поэтому мне пришлось бы либо убить тебя, либо взять в рабство.

— Не бог, а урод, — показал мне Хэртстоун.

— Ты совершенно прав, мистер Эльф, — снова понял его по-своему Тор. — Это честное и справедливое наказание. Именно таким образом я получил себе в слуги Тьельвара. Бедняга, — поцокал сочувственно языком он. — Все эти военные операции на него сильно повлияли. Пришлось ему предоставить отпуск. Так что я бы не отказался от еще одного раба, — покосился на меня он.

— Но как же вы оказались в реке? — поспешил я перевести разговор на другое. — И почему эта великанша хотела вас утопить?

— Ах, эта, — свирепо возрился Тор на огромное тело посреди ледяного болота. — Она дочь Геирода, одного из моих старейших врагов. Не перевариваю эту подлую сволочь. То и дело отправляет своих дочерей убивать меня. — Он махнул в сторону утесов. — Я-то как раз держал путь в его крепость, чтобы... Ну, в общем, не важно зачем, — осекся на полфразе он. — Словом, спасибо за помощь. Это ведь был меч Фрея, не правда ли?

— Да, Джек. Он где-то поблизости, — подтвердил я и тихонько свистнул.

Джек тут же завис со мной рядом.

— Привет, Тор, — прогудел он. — Давненько не виделись.

— Ха! — громко хлопнув в ладоши, радостно грянул тот. — Так сразу и понял, что это ты. Но разве тебя зовут не Сумарбрандером? Почему этот малый тебя кличет Яком?

— Джеком, — поправил меч.

— Жеком? — вновь не расслышал громовой бог.

— Нет, Джеком, — терпеливо проговорил меч. — Английское произношение.

— Ну ладно, как есть, так и есть, — махнул рукой Тор. — Отличная работа с великаншей.

— Как говорится, чем больше размер, тем легче влететь в поздю, — с горделивой скромностью прогудел Джек.

— Что да, то да, — согласился Тор. — Но погоди-ка, ты вроде бы потерялся. Как же тебя занесло к этой странной компании?

— Это он нас назвал странными? — поинтересовался руками Хэрт.

— Лорд Тор, мы, в общем-то, именно вас и искали, — набралась решимости Сэм. — Поэтому и оказались здесь. Нам нужна ваша помощь. Магнус сейчас вам все объяснит, — покосилась она на меня с таким видом, словно хотела добавить: «Если, конечно, он сейчас что-то соображает».

Я рассказал Тору о предсказании норн: девять дней... солнце на восток... Волк Фенрир, Сурт на фиг все взорвет... И так далее и тому подобное.

Бог сильно разволновался. Из локтей у него полетели искры. Вскочив на ноги, он закружил вокруг костра, нанося кулаками удары по стволам близрастущих деревьев.

— Ты хочешь узнать у меня, где находится остров? — наконец догадался он.

— Было бы здорово, — ответил я.

— Но я не могу, — забубнил он себе под нос. — Не могу отправлять случайных смертных на экскурсию по наблюдению за волками. Слишком опасно... С другой стороны, Рагнарок... Нет... Если только... — Он резко остановился. В глазах его заплясали огоньки. — Так, может, вы именно для того здесь и появились?

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Мне он не нравится, — показал Хэргстоун.

Тор наградил его одобрителем взглядом.

— Вот и мистер Эльф подтверждает. Вы явились сюда мне помочь?

— Точно! — с волнением прогудел Джек. — Сделаем это, хотя и не знаю, что именно.

Меня вдруг обуяло настойчивое желание спрятаться за скелетами двух козлов и затихнуть там. Как-то, знаете, не хотелось участвовать в чем бы то ни было, что совместно затеяли меч и бог грома.

Сэм пристроила под рукой топор, словно бы ожидая, что он ей скоро понадобится.

— Позвольте-ка догадаться, лорд Тор. Вы вновь потеряли молот?

Тор погрозил ей пальцем.

— Я этого не говорил. А ты ничего подобного от меня не слышала. Потому что, если гипотетически такое и впрямь имело бы место и стало известно, великаны немедленно бы захватили Мидгард. Вы, люди, даже не представляете, насколько часто я вас спасаю от них. Одной моей репутации достаточно, чтобы большинство великанов остерегалось напасть на ваш мир.

— Погодите-ка, — в очередной раз полез я с вопросом. — Вот Сэм сказала, что снова. Вы разве и раньше уже теряли свой молот?

— Однажды, — с неохотой пробубнил Тор. — Ну ладно, положим, дважды. Трижды, если считать настоящий момент, который вы, впрочем, считать не должны, потому что я вам ни слова не говорил про отсутствие молота.

— Ну и как же вы его потеряли? — спросил я.

— Да кто его знает, — принялся вновь расхаживать вокруг огня, треща и искрясь ярко-рыжими волосами, Тор. — Вот, видишь ли, просто так вдруг случилось. Раз — и нет его. Я уж и все события прокрутил назад в голове. Залез в приложение «Отыскать свой молот», но оно не работает.

— Но разве ваш молот не самое мощное оружие во вселенной? — с детства помнилось мне.

— Да, — кивнул Тор, выдав новую порцию искр.

— И еще он ведь вроде такой тяжелый, что, кроме вас, никому не по силам его поднять, — добавил я.

— И даже мне для этого требуются все силы, а к ним — железные рукавицы, — уточнил бог. — Но подлецы великаны хитры, огромны и сведущи в магии. А с ней многое невозможное делается возможным.

Опыт общения с орлом Большим Мальчиком вполне ясно мне доказал, как великаны запросто обведут вокруг пальца кого угодно.

— Так вот для чего вы шли в крепость к этому... Уроду!

— Гейроду, — поправил Тор. — Да. Он в числе наиболее вероятных подозреваемых. Если даже не сам спер молот, то наверняка знает, где он сейчас. А я без него не могу смотреть сериалы. Пр-роклятье! — прорычал он. — Последний сезон «Шерлока» пропустил! Меня это убивает. Готов был лично к Гейроду пожаловать. И крайне признателен, что вы пришли избавить меня от подобного унижения.

— Мы? — изумились руки Хэргстоуна.

— У вас очень правильное настроение, мистер Эльф, — восхитился Тор. — Глубоко тронут, что вы даже жизни не пожалеете ради моего дела.

— Вообще-то как раз пожалею, — возразили руки Хэртстоуна.

— Задача довольно проста, — принялся нас инструктировать бог. — Отправляйтесь в крепость Гейрода и проверьте, нет ли там молота. Разумеется, при этом ни у кого не должно даже мысли возникнуть о его пропаже. Коли Гейрод не знает о краже, я не хочу, чтобы он оказался в курсе. Но если молота у него даже и нет, вы все равно у него порасспрашивайте, не ставя его, разумеется, в курс того, что молот пронал, есть ли у него сведения, у кого он теперь находится.

Самира сдавила пальцами виски.

— У меня уже голова разболелась, лорд Тор. Как прикажете нам искать ваш молот, если нельзя говорить...

— Придумаете, — отмахнулся громовой бог. — Вы, люди, такой умный народец. Справившись с этим делом, вы мне докажете, что достойны встретиться с волком Фенриром.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Тогда я сообщу, где находится остров, и у вас появится шанс остановить Рагнарок. Вы поможете мне, а я — вам.

Вообще-то это звучало как «вы поможете мне, потом еще раз поможете и так далее, и не вздумайте мне перечить, иначе отдадите моих кулаков в железных рукавицах».

У Сэм в голове, должно быть, бродили те же мысли. Лицо ее позеленело до цвета хиджаба.

— Лорд Тор, — сказала она. — Захватить крепость великана силами только троих было бы...

— Самоубийством, — подхватили руки Хэртстоуна. — Крестинизм.

— Очень трудно, — договорила Сэм.

Именно в этот момент ближайшая к нам сосна содрогнулась. Из ее ветвей выпал Блитцен и утонул по пояс в куче талого снега.

Хэртстоун подбежал и помог ему выбраться на поверхность.

— Спасибо, дружнице, — сказал Блитц. — Идиотское путешествие по деревьям, где...

— Это ваш друг? — поднял вверх железный кулак Тор. — Или мне его...

— Нет! То есть да. Блитцен, это Тор. Тор, это Блитцен.

— Тот самый Тор? — отвесил низкий поклон Блитц. — Большая честь для меня. На полном серьезе. Привет. Ух ты!

— Ну что ж, — расплылся в улыбке громовой бог. — Вас теперь четверо. Спокойно можете штурмовать цитадель великана. Друг гном, отдавай козляного мяса и согрейся у моего огня. А что до меня, я столько проторчал в этой реке, что, пожалуй, лягу сегодня пораньше. Утром можете отправляться на поиски моего молота, который, конечно, пропал неофициально.

Тор протопал к своему лежбищу из звериных шкур, унал на него и захранел с тем же энтузиазмом, как делал все остальное.

Блитцен хмуро на меня глянул:

— Ну и во что ты нас впутал на этот раз?

— Длинная история, — отозвался я. — На-ка, сначала возьми и отдавай кусочек Марвина.

Глава LI

МЫ ПОБОЛТАЛИ О ПРЕВРАЩЕНИИ В СЛЕПНЕЙ

Первым из нашей компании заснул Хэртстоун, так как до храма Тора ему было параллельно. Пользуясь тем, что бог устроился снаружи, он заполз в палатку и мигом там отрубился.

Мы с Сэм и Блиценом продолжали сидеть у костра. Поначалу я опасался разбудить Тора, но вскоре понял: возле него сейчас хоть степ отбивай, или бей в гонги, или начни выкрикивать его имя, да даже взорви что-нибудь, все равно не проснется.

У меня возникло сильное подозрение, что именно так он своего фирменного оружия и лишился. Хитрецы великаны подождали, пока он заснет, а потом подогнали нару строительных кранов и увели с их помощью молот.

С наступлением ночи пламя костра показалось мне просто спасительным. Тьма стояла такая густая, какой я не видел даже во время наших с мамой походов с ночевками в диких местах. Из черневшего леса слышался волчий лай, от которого меня начало колотить, а ветер в каньонах выл, как хор зомби.

— Нет, сынок, — возразил мне Блиц, когда я ему сказал об этом. — Древнескандинавские зомби зовутся драуграми, и они совершенно бесшумны. Подберутся к тебе вплотную, а ты даже и не услышишь.

— Вот спасибо тебе большое, порадовал, — пожегся я.

Блидцен поковырялся с рассеянным видом в миске с жарким из козлятины, которое, похоже, совершенно не жаждет отведать. Он переоделся с явной задумкой выглядеть модно и стильно на фоне йотунхеймского снега: костюм из синей шерстяной ткани и бело-сливочного цвета тренч. Для нас он тоже принес по рюкзаку с новой одеждой, которую умудрился подобрать на глазок совершенно точно. Неплохо, знаете ли, если у вас есть друг, вдумчиво относящийся в подобным вещам.

Блидц рассказал, почему так долго не возвращался к нам. Доставив маме сережки, он вынужден был задержаться в Фолькванге для исполнения нескольких важных обязанностей как представитель Фреи. От него требовалось выступить арбитром в оценке устричной выпечки, затем судить игру в волейбол, после чего присутствовать в качестве почетного гостя на шестьсот семьдесят восьмом ежегодном фестивале игры на укулеле.

— Все это было просто ужасно, — жаловался нам Блидцен. — Сережки маме понравились, но она даже слушать не захотела, каким образом я их добыл. Что ей мой поединок с Джуниором?! Она только и спросила: «А не хотелось ли тебе, Блидцен, самому делать такие прекрасные вещи?»

Он вытащил из кармана цепь Андскоти; она сияла серебряным светом, как крохотная луна.

— Эй! — принялся ободрять я его. — Ты в поединке с Джуниором был бесподобен. В жизни еще такой классной работы не видел. Ты же в свою эту утку всю душу вложил. А пуленепробиваемый галстук с кольчужным жилетом! погоди, вот устроим тебе сделку с Тором, и запустишь свой модный тренд.

— Совершенно согласна с Магнусом, — подхватила Сэм. — Ну, может, насчет сделки с Тором он и погорячился, но у тебя-то, Блидц, настоящий талант. Если Фрея и гномы ничего в твоём деле не смыслят, то это их проблема. Мы-то знаем, что без тебя нас здесь бы не было.

— Ну конечно же, — хмыкнул Блидцен. — Без меня тебя бы не выгнали из валькирий, Магнус не помер бы, мы бы

не обозлили половину богов, огненные великаны и эйнхерии не стремились бы нас убить, и мы сейчас не сидели бы на лоне дикой йотунхеймской природы рядом с храпящим, как тысяча бегемотов, богом.

— Ну да, — весело подмигнула ему Сэм. — Отличная штука жизнь.

Блитцен исторг короткий смешок, и я с радостью уловил в его взгляде уверенность, которой мне так у него последнее время недоставало.

— Ладно, — выдохнул он. — Пожалуй, пойду-ка я спать. Если нам предстоит поутру штурм великанской крепости, мне надо набраться сил. Подвинься, палаточный боров, — с трудом протиснулся он к Хэртстоуну и, не успев оказаться внутри, укрыл его своим тренчем, что показалось мне очень прогательным.

Сэм в новых джинсах и непромокаемой куртке сидела, скрестив по-турецки ноги, возле костра. Снег пошел крупными хлопьями, с громким шипением тающими в пламени. Сэм нахлобучила поверх хиджаба кашюшон куртки.

— Кстати, о поединке у гномов: мы с тобой так и не обсудили слепня, — начал я.

— Тише ты, — покосившись с тревогой на спящего Тора, прижала палец к губам Сэм. — Некоторые, видишь ли, не слишком жалуют моего отца, и это их отношение распространяется на его детей.

— Эти некоторые, как, наверное, сама видишь, храпят сейчас, словно бензопилу в лесу запустили, — совершенно не разделяя ее оvasения я.

— И все же. — Она с такой пристальностью уставилась на собственную ладонь, будто решила там сосчитать все линии. — Я дала себе обещание не заниматься оборотничеством. И вот за последнюю неделю прибегла к нему целых два раза. Первый — когда мы столкнулись с оленем на Мировом Дереве. Надо было его отвлечь. Вот я и превратилась в олениху, чтобы Хэртстоун смог убежать. Выбора у меня тогда просто не было.

Я кивнул.

— А второй раз ты стала слепнем, чтобы помочь Блицу. В обоих случаях у тебя были очень серьезные причины. И вообще, это же потрясающе. Удивляюсь, что ты все время такие способности не используешь.

Пламя костра бликовало в глазах у Сэм, отчего они стали почти такими же красными, как у Сурта.

— Магнус, — крайне серьезно проговорила она. — Оборотничество — это совсем не то, что спрятаться под моим хиджабом. Хиджаб меня просто скрывает и защищает, а оборачиваясь кем-нибудь, я меняю не только внешность, но и собственную суть. Каждый раз, как я это делаю, у меня появляется чувство, словно мной пытаются овладеть какая-то часть того, что досталось мне от отца. А он ведь непредсказуемый, верткий, как жидкость. Не хочу становиться такой.

— Вот бы он достался тебе в отца, — указал я с усмешкой на спящего Тора. — Испускающий газы амбал с козьим жиром на бороде и с руками в наколках. В Вальгалле все тогда бы просто в тебе души не чаяли.

— Какой же ты циник, Магнус, — с трудом сдерживала она улыбку. — Тор очень значительный и уважаемый бог.

— Даже не сомневаюсь, — в тон ей откликнулся я. — И Фрей, полагаю, такой же, хоть и ни разу его не видел. Но, по-моему, твой отец вполне себе ничего. Может, он и социопат, но зато с чувством юмора.

Сэм резко вскинула голову. Лицо ее сделалось напряженным.

— Ты так говоришь, будто с ним встречался.

— Ну, можешь считать, что я себя выдал. Наяву мы с твоим отцом никогда, конечно, не виделись, но он дважды являлся мне в предсмертных видениях. — И я наконец решил ей рассказать про сны, предостережения Локи и про то, как усиленно он меня убеждал отдать меч дяде Рэндольфу и забыть про поиски Острова Волка.

Сэм меня не прерывая слушала, и по ее виду я не мог понять, то ли она сердится, то ли просто погрязена, то ли и то и другое вместе.

— Почему же ты мне не рассказывал раньше? — спросила она, когда я умолк. — Боялся доверить?

— Ну, если только сначала. А потом просто не знал, что решу. Отец твой умеет выбить из колен.

Сэм, подбросив в пламя сухую ветку, смотрела, как ее постепенно охватывает огонь.

— Какие бы обещания тебе ни давал мой отец, ты не должен следовать его советам, — твердо проговорила она. — Мы просто обязаны встретиться лицом к лицу с Суртом, и меч нам для этого необходим.

Память моя немедленно возродила сон. Горящий трон Одина, плавающее в дыму над ним темное лицо и обжигающий, как огнемёт, голос, суливший мне и моим друзьям участь фитиля, от которого воспламенятся и сгорят все Девять Миров.

Я огляделся в поисках Джека, но нигде его не увидел. Он совершал облет по периметру местности, как он сам выразился, патрулировал, а мне дал совет стараться как можно дольше не брать его в руки, иначе впаду в прострацию от напряжения, которое было потрачено на великаншу.

Снег продолжал идти, шипя и паря на камнях, окружавших костер. Я вспомнил так и не состоявшийся обед в ресторанном дворике. Сэм тогда занервничала, столкнувшись с Амиром. С тех пор с нами столько всего случилось, что, кажется, это было тысячу лет назад.

— Ты в лодке Харальда мне сказала, что у твоей семьи длинная история со всякими там скандинавскими делами, — проговорил я вслух. — Но каким образом, если твои дедушка с бабушкой приехали из Ирака?

Сэм подкинула в огонь еще одну ветку.

— Викинги были торговцами, Магнус. Они путешествовали по всему свету. Добрались даже до Америки. Ну а до Ближнего Востока — тем более. В Норвегии находят старинные арабские монеты, а лучшие мечи викингов изготавливались по технологии выплавки дамасской стали.

— И твоя семья... У вас какие-то личные связи с викингамми? — продолжал выяснять я.

Сэм кивнула.

— К Средним векам часть викингов осела в России. Они стали называть себя русами, отчего и произошло слово «русские». Вот багдадский халиф и отправил на север посла с заданием выяснить все о викингах и проложить к ним торговые пути, завести связи, ну и так далее. Посла этого звали Ахмет ибн Фадлан ибн аль Аббас.

— Фадлан — это как «Фалафель Фадлана», а аль Аббас...

— Ну да. Как я, — улыбнулась Сэм. — Это можно перевести как «из рода львов». Короче, — начала она вытаскивать из рюкзака спальный мешок, — этот старинный Фадлан во время визита к викингам вел дневник, который стал чуть ли не единственным письменным источником о жизни древних скандинавов. Вот с тех пор судьбы их и моей семьи переплелись. За последующие века мои родственники постоянно сталкивались со сверхъестественными существами. Может, именно потому моя мама и не особенно удивилась, узнав, кто в действительности мой отец.

Сэм, расправив спальный мешок, положила его поближе к огню и добавила:

— И вот почему Самире аль Аббас не суждено жить нормальной жизнью.

— Нормальная жизнь, — хмыкнул я. — Мне даже теперь не совсем и ясно, что это такое.

Она вроде как собралась мне что-то ответить, но в последний момент передумала.

— Пора спать, — лишь услышал я от нее.

Воображение вдруг подкинуло мне картинку. Наши с ней предки, средневековые Чейзы и аль Аббасы, расселись в России вокруг костра и обсуждают, как средневековые боги испортили им жизнь, а рядом храпит на звериных шкурах Тор. Итак, предки Сэм тесно связаны с викингами, но не только. Став моей валькирией, она связала себя и с моим семейством.

— Мы все это решим, — пообещал ей я. — Нормальной жизни, конечно, не гарантирую, но стану изо всех сил стараться, чтобы у тебя было все, о чем мечтаешь. Вернулась

в сестринство валькирий, вышла замуж за Амира и получила лицензию пилота. Что от меня бы для этого потребовалось?

Она все выслушала с таким видом, будто я вдруг заговорил на иностранном языке, который требовал от нее мысленного перевода каждого из произнесенных мной слов.

— Хочешь сказать, у меня что-то с рожей не так, — хихикнул я. — На ней кровь козла?

— Нет. То есть да, — встряхнулась она. — Конечно же, кровь козла. Но дело даже не в этом. Я просто пытаюсь вспомнить, говорил мне кто-нибудь раньше такие хорошие слова.

— Да ты особенно не расстраивайся. Завтра снова начну обзывать, — спешно снизил я пафос. — Ладно, ложись. Сладких снов.

— Спасибо за пожелание, Магнус, — начала она поудобней устраиваться в своем спальнике. — Но только никаких снов. Не желаю видеть их в Йотунхейме.

Глава LII

НУ, ВОТ И КОНЬ, И ЕГО ЗОВУТ СТЕНЛИ

Тор все еще хранил, как чокнутая дробилка для древесных отходов, когда мы поутру уже были готовы покинуть лагерь. А ведь я и сам проспал очень долго, потому что как взялся за рукоятку Джека, так меня и свалило словно подкошенного. Помню только, как меч, перед тем как я вырубился, прогудел мне полушутливо-полусерьезно, что победить великаншу — это не жук начхал.

Счастье еще, что мне потребовалась на восстановление всего только ночь, а не целые сутки. Волк Фенрир-то появится уже через два дня, и я больше не имел права проводить время понусту. Впрочем, подозреваю, что по мере взаимодействия с мечом у меня начинало уходить меньше сил, когда мы с ним вместе что-нибудь делали. Во всяком случае, я очень надеялся, что это именно так, хотя, даже как следует выспавшись, ощущал себя столь разбитым, будто меня всю ночь раскатывали великанской скалкой для теста.

Мы собрали вещи, позавтракали очень вкусными энергетическими батончиками, которые приволок с собой Блитц, а затем Хэрт вложил головы еще не оживших козлов в руки храневшему Тору, и теперь, глядя на громового бога издали, можно было подумать, что он прижимает к себе двух плюшевых мишек. Вот и не говорите мне после этого, будто у эльфов отсутствует чувство юмора.

На бороде у Тора замерзла слюна. Подумать только, что от подобного бога зависит защита всех Девяти Миров!

— Ну а теперь пошли скорее отсюда, — скороговоркой выдохнул Блитцен. — По-моему, не стоит ждать, когда он проснется в обнимку с Отисом и Марвином.

Сраженная великанша нам неплохо послужила. Мы перебрались по ее телу на другую сторону ледяного болота, а потом еще по руке — до первого выступа на утесе.

Дальше все оказалось гораздо проблематичнее. Нам предстояло преодолеть с полтысячи метров вертикально вздымающегося обледенелого камня.

— Впечатляет, — глянул вверх я. — Вот в такие моменты и понимаешь, какая веселая штука жизнь.

— Если бы я могла до сих пор летать, — с сожалением проговорила Сэм.

Мне-то теперь было точно известно, что летать она может, но так как ей бы для этого снова пришлось заняться оборотничеством, я, помня наш разговор перед сном, предпочел воздержаться от комментариев.

Блитцен отдал Хэртстоуну свой рюкзак и, растопырив короткие пальцы, принялся шевелить ими в воздухе.

Спокойствие. Сейчас сами увидите, что мы сможем подняться по этим камням. С вами гном.

— Имеешь в виду, что ты не только маэстро моды, но и крутой альпинист? — с недоверием покосился на него я.

Я ведь тебе говорил, сынок, что гномы произошли от личинок, прогрызших туннели в плоти Имира.

— Да. И ты почему-то этим ужасно гордишься, — до сих пор было странно мне.

Поэтому камень для нас... Ну как бы вообще и не камень, — продолжил он, игнорируя мою реплику, и, размахнувшись, изо всех сил заехал кулаком по скале.

Кулак въехал внутрь, как в тесто, совершенно при этом не пострадав, а в скале осталась глубокая вмятина, которой можно было воспользоваться для подъема. Замечательная опора.

— Легко и быстро, естественно, не получится, — предупредил Блитцен. — Мне придется потратить много усилий на этот камень. Но мы, гномы, такое умеем.

— Ты знала, что гномы способны пробить рукой камень? — спросил я у Сэм.

— Нет, для меня это новость, — не меньше, чем я, поразила она.

— Воспользуемся волшебной цепью, чтобы не грохнуться насмерть? — спросили руки Хэртстоуна.

Меня тут же пробрала дрожь, как всегда, когда что-нибудь мне напоминает о волках, а цепь Андскоти была напрямую связана с ними.

— Эта цепь нам нужна для Фенрира, — торопливо возразил я. — Вдруг если мы ей воспользуемся, то она ослабнет.

— Вот по этому поводу можешь точно не волноваться, сынок, — вытащил из кармана серебряный клубок Блитцен. — Ее ничем не ослабишь. Хэртстоун прав. Обвяжемся ей и будем в единой связке. Так безопаснее.

— Ну да. Упадем, так все вместе, — нервно хихикнула Сэм.

— Пррдано, — хохотнул в свою очередь я, пытаюсь изо всех сил отогнать тревогу.

Мы старательно обвязались и полезли следом за нашим гением моды и, как только что выяснилось, покорителем горных вершин вверх по отвесной скале под названием Поди-ка-заберись.

Я слышал, как бездомные ветераны делились впечатлениями о войне. По их словам, она состояла из девяносто пяти процентов скуки и пяти процентов страха. Карабканье по отвесной скале больше напоминало пять процентов ужаса плюс девяносто пять изнуряющей боли в мышцах. Руки мои тряслись, ноги дрожали, а при взгляде вниз меня начинало мутить и хотелось заплакать.

Выемки для рук и ног Блитцен проделывал в камне просто великолепные, но меня все равно несколько раз чуть не сдуло порывистым ветром. Впрочем, куда деваться? Вперед, и только вперед.

Если я в результате выдержал, то только благодаря новой силе, которую получил в Вальгалле. Магнус первой версии наверняка бы упал и разбился в лепешку. Не знаю уж, как себя ощущал находившийся в конце связки Хэртстоун, но, видимо, все же справлялся. Вот Сэм я видел перед собой. Ни разу не дрогнула, не отступилась и не пожаловалась, хоть и не обладала силой эйнхериев.

Мы достигли вершины, когда небо уже стало темнеть. С высоты, на которой мы находились, тело великанши на дне каньона казалось столь небольшим, что его можно было спутать с человеческим. Лагеря Тора, если он там еще был, мы вообще не могли разглядеть, река же поблескивала во мгле едва заметной тоненькой ниточкой.

В другом направлении маячил Йотунхейм, словно пропущенный сквозь окуляр электронного микроскопа. Горные пики в зубуринах, кристаллические утесы и овраги, наполненные яйцевидными облаками, которые очень напоминали бактерии.

Хорошая новость: я видел крепость великана. Она находилась через провал шириною в милю от нас, и окна ее горели красным, а башни устремлялись высоко вверх. Казалось, все это сооружение не построено, а вырезано какими-то умелыми гномами из цельной горной породы.

Плохой новостью был все тот же провал шириною в милю. Вершина утеса, до которой мы добрались, представляла собой узкое плато, обрывающееся в этот провал столь же отменно, как и с той стороны, по которой мы поднялись.

Подъем занял у нас целый день. Следовательно, подсчитал я, до гномского домика мы запросто доберемся за какие-нибудь шесть месяцев. Славненькая перспектива, учитывая, что был вечер понедельника, а Остров Волка появится в среду.

— Давайте-ка встанем здесь лагерем ночью, — предложил Блитцен. — А утром, глядишь, отыщется какой-нибудь путь полегче и покороче.

Спорить никто из нас с ним не стал. Все так вымотались, что, едва улегшись, заснули.

Пробуждение нам доказало, что утро вечера не всегда мудренее. В свете его ситуация нам предстала гораздо хуже, чем накануне.

Ни единого обходного пути, ни одного удобного выступа в гладких скалах. Лишь тот же самый проклятый провал, одолеть который в короткий срок можно только прямым перелетом. С риском, что заработаю от нее топором по роже, я повернулся к Сэм. Она бы могла, обернувшись каким-нибудь планером, перенести нас вверх к крепости. Но она так и не узнала о моем замысле. Потому что, прежде чем я раскрыл рот, руки Хэртстоуна сообщили нам:

— У меня есть идея.

И он вытащил плашечку с руной

М

— Эм, — узнал я вполне знакомую букву.

Он, покачивая головой, показал по буквам:

— Э-в-а-з.

— Понятно, — покивал я. — Просто «эм» для руны было бы слишком просто.

Сэм взяла руну из раскрытой ладони Хэрта.

— Знаю. Оно по форме напоминает седло. Это символ коня.

Я пригляделся к руне внимательней. Но то ли ледяной ветер мне заморозил воображение, то ли еще по какой-то причине, она мне по-прежнему показалась только лишь буквой «эм».

— И чем же нам это поможет? — я не воодушевился.

— Означает лошадь, — принялся объяснять мне руками Хэртстоун. — Перемещение. Путь, по которому надо двигаться, — указал он на великанский замок.

Блitzен дернул себя за бороду.

— Похоже на мощное волшебство. Ты им когда-нибудь уже пользовался?

Хэртстоун покачал головой.

— Нет, но смогу это сделать.

— Верю, что сможешь, — откликнулся Блитцен. — Но ты уже несколько раз доводил себя до предела.

— Все будет нормально, — заверили руки Хэрта.

— Выхода-то другого нет, — вмешался я и, выразительно покосившись на Сэм, добавил: — Если только кто-то из нас не отрастит себе крылья.

— Сейчас я кого-то из нас столкну вниз со скалы, — с угрожающим видом пообещала она.

— Ну что же, давайте попробуем, — сказал Блитцен. — Я имею, конечно, в виду не Магнуса вниз со скалы, а руну, — уточнил он. — Вдруг Хэртстоуну удастся вызвать геликоптер, то есть вертолет.

— А если этот Гейрод-Урод услышит, как мы подлетаем на вертолете? — встревожился я. — Запустит вверх камень, и нам каюк.

— Надеюсь, у Хэрта получится что-то бесшумное. Давай, дружище, пытайся, — подбодрил Блитцен.

Сэм вернула Хэрту руну. Тот провел над ней ладонью, и его губы беззвучно зашевелились.

Рунный камень рассыпался в пыль. Хэрт пристально наблюдал, как сквозь его пальцы сыпется белый порошок.

— Насколько я понимаю, это не должно было выйти. — Мне показалось, что Хэртстоун ошеломлен результатом.

— Братцы. — Сэм резко вдруг вскинула голову и выдохнула так тихо, что голос ее едва не унесло ветром.

Под самыми облаками возник серый силуэт. Он двигался с такой скоростью и настолько сливался оттенком с небом, что мне стало понятно, что это за чудо, только когда оно зашло над нашими головами. Это был конь, гигантских размеров конь, размерами раза в два превышавший обычного. Шерсть у него переливалась, как гладко отполированная сталь. Белая грива колыхалась на ветру. Глаза сверкали агазовой чернью.

Крыльев у коня не было. Как он держался в воздухе, было совершенной загадкой, но тем не менее он несся по небу быстро и очень уверенно, словно по мостовой. Вскоре он при-

землился, и тут я увидел, что у него... Четыре?.. Пять?.. Нет, целых восемь ног! По паре, где у обычного коня всего одна. Ну, как сдвоенные колеса на тяжелом грузовике.

— Чувак, — повернулся к Хэртстоуну я. — А ты явно не мелочишься, когда заказываешь коня.

Он успел еще горделиво мне ухмыльнуться в ответ, прежде чем с закатившимися глазами рухнул лицом вниз на землю. К счастью, я, изловчившись, успел в последний момент его подхватить.

Сэм и Блитцен расхаживали с потрясенным видом вокруг коня.

— Вполне возможно, это... — запинаясь, проговорил гном.

— Один из потомков Слейштира? — вопросительно глянула на него Самира. — О боги! Какое же восхитительное животное!

Конь, явно польщенный такими словами, потерял носом о ее руку.

Его осмысленный взгляд и величественная осанка притягивали, как электромагнитом. Я подошел к нему. Слова «лошадина сила» при взгляде на этого жеребца приобретали какой-то особый смысл. Он эту силу просто-таки излучал.

— Кто-нибудь меня познакомит с ним? — Я был убежден, что этому чуду следует быть представленным по всей форме.

Вопрос мой вывел Сэм из глубокой задумчивости.

— Я точно не знаю, кто он, — пробормотала она с озадаченным видом. — Решила бы, что Слейштира, конь Одина, но тот подчиняется только ему. Видимо, это какой-нибудь из его сыновей.

— Он потрясающий. — Рука моя потянулась к коню, и тот нежно провел губами мне по ладони. — И достаточно крупен, чтобы всех нас перенести через эту пропасть. Согласен, приятель? — встретился я с его умным взглядом.

Конь заржал утвердительно, словно бы отвечая:

— Ну а зачем я иначе здесь?

— Все-таки восемь ног — это очень... — Я осекся на слове «странно» и, передумав, договорил: — Потрясающе. Как это могло получиться?

— Слейпнир, — опасно покосился Блитцен на Сэм, — один из детей Локи. А они у него порой получаются... интересные.

— Выходит, Сэм, он тебе племянник! — Длинный язык меня когда-нибудь точно погубит.

Она бросила на меня убийственный взгляд.

— Не лучше ли эту проблему оставить?

— Но каким образом твой предок стал отцом коня? — по-несло меня дальше.

Блитцен поежился.

— Вообще-то, если быть точным, он был ему матерью.

— Что-о? — окончательно прибалдел я.

— Оставим эту тему, — повторила с нажимом моя экс-валькирия.

Я сделал пометочку в памяти: «Оставить сейчас, но вернуться при более благоприятных обстоятельствах», а вслух произнес:

— Ну, мистер Конь, раз мы не знаем вашего имени, назову вас Стенли. Шерсть ведь у вас цвета стали. Не возражаете?

Он мотнул головой, что я посчитал за согласие.

Хэрта мы перекинули через широкую спину Стенли, где он прочно повис, как мешок с эльфийской картошкой, сами же сели на чудо-коня верхом.

— Стенли, мы направляемся вон в тот замок, — указал я вперед. — И желательно нам там нарисоваться без шума. Сумеешь?

Конь тихо заржал в ответ, и я убежден, что услышал предупреждение:

— Только держитесь покрепче.

Я несколько озадачился. За что держаться-то? Ни седла на нем, ни поводьев. Стенли тем временем, переступив несколько раз на месте четырьмя передними ногами, прыгнул с обрыва, на дикой скорости сиганул вниз, и мы все умерли.

Глава LIII

КАК УБИВАТЬ ВЕЛИКАНОВ ПО-ВЕЖЛИВОМУ

Ну, насчет умерли я в этот раз пошутил.

Вот только чувствовали мы все себя так, будто вот-вот отдадим концы.

Коню, должно быть, вполне пришелся по душе длительный затяжной прыжок вниз с последующим парением над бездной. Мне нет. Я как клещами схватился за его шею и заорал от ужаса (очень громко и откровенно панически). Блитцен, за неимением ничего другого, тоже нехило вцепился мне в талию. А вот Сэм, ни в кого не вцепляясь, мало того что каким-то образом удержалась сама на спине коня, но и помешала сверзиться в пропасть все еще пребывавшему в полном отрубле Хэртстоуну.

Мне показалось, что это падение длилось как минимум пару часов, хотя на самом-то деле происходило все считанные секунды. Просто в такие моменты успеваешь очень о многом подумать. Вот и я, пока мы летели, изобрел кучу хлестких эпитетов к имени Стенли, о которых, пожалуй, здесь умолчу.

Попадав в свое удовольствие, конь наконец задвигал своими мощнейшими копытами, словно колесами локомотива, и, чуть повисев на месте, начал с космической скоростью поднимать нас вверх.

Он пробился сквозь облако, взлетел по склону замка-горы и сквозь окно под самой крышей крепости, в котором,

как оказалось, не было стекол, причалил нас на подоконник, такой огромный, что мы вместе со Стенли свободненько разместились в его уголке. Я мигом смекнул, почему окно осталось без стекол. Такого размера и количества стекла явно не могло быть во всех Девяти Мирах, вместе взятых.

Стенли выбрал площадку для приземления очень четко. Между нами и комнатой находилась присборенная занавеска, и за ней нас вряд ли кто-нибудь мог засечь, пусть даже и глянул бы на окно, проверяя, нет ли мышей.

— Спасибо, приятель, — решил выразить я признательность чудо-коню. — Это было ужасно... то есть, я имею в виду, потрясающе.

Стенли заржал и, нежно куснув меня за плечо, скрылся в облаках пыли.

На том месте, где он секунду назад стоял, лежала плашечка с руной Эваз.

— Похоже, я ему понравился, — сказал я.

— Похоже, — подтвердил Блитцен, осторожно перемещаясь поближе к Хэртстоуну.

Сэм стояла на подоконнике с совершенно невозмутимым видом, разве что глаза у нее сияли, а с лица не сходила улыбка. Видно, полеты и впрямь были ее страстью, пусть даже и верхом на падающем в бездонную пропасть восьминогим коне.

— Естественно, ты понравился Стенли, — подняла она с подоконника рунный камень. — Лошади ведь из числа священных животных Фрея.

Я вспомнил свои предыдущие опыты общения с ними. Они и впрямь относились ко мне дружелюбно даже в тех случаях, когда их всадники таких чувств не питали. Однажды даже, когда офицер бостонской конной полиции, патрулировавший Общественный парк, хотел меня допросить, лошадь его, снявшись с места, понеслась прямо к низко свисающей ветке дерева.

— Мне нравятся лошади, — признался я.

— Во всех храмах Фрея держали табуны, — продолжила Сэм. — Но ни одному смертному не разрешалось ездить на лошадях без разрешения твоего отца.

— Жаль, что Стенли не спросил у меня разрешения, прежде чем смыться, — посетовал я. — Мы же не знаем, как все пойдет дальше. А на Хэртстоуна в смысле магии в ближайшее время рассчитывать нечего.

Эльф хоть уже относительно и пришел в сознание, но вел себя как-то странно. Он, опираясь на Блитца, беззвучно хихикал и нес скупыми жестами полную ахиною, вроде: «Бабочки! Хлоп! Ура!»

Блитцен тоже находился не в лучшей послеполевой форме. Он тер руками живот и тарачился с таким видом куда-то в неясные дали, словно обдумывал наиболее интересный способ расстаться с жизнью.

Мы с Сэм осторожно прокрались вплотную к занавеске и выглянули. В просвет нам открылась комната, размером со стадион. Огонь в очаге напоминал пожар небоскреба. Единственным выходом из огромного этого помещения была плотно закрытая деревянная дверь, а в самом центре высился широченный каменный стол, за которым обедали две великанши, отрывавшие куски мяса от туши какого-то зверя, похожего на того, что жарили на вертеле в вальгалльской столовой.

Эти две великанши мне показались ростом поменьше родственницы, лежавшей сейчас на дне каньона, но, возможно, я ошибался. В Йотунхейме с размерами и пропорциями вообще творилась какая-то чушь, словно ваши глаза постоянно вынуждены приспосабливаться к кривым зеркалам из комнаты смеха.

— Смотри, — указала мне Сэм на свисающую с потолка птичью клетку, в которой уныло бродил по устланному соломой полу белый лебедь. — Это валькирия.

— Откуда ты знаешь? — прошептал я.

— Просто знаю. И даже могу назвать имя. Это Гунилла.

— Что-о? — вытаращился на Сэм я. — Каким образом ее сюда занесло?

— Нас искала, — последовал четкий ответ. — Валькирии классные следопыты. Предполагаю, она постаралась добраться сюда прежде, чем мы. Ну и... — Сэм изобразила, будто что-то хватает в воздухе.

— Предлагаешь ее здесь оставить? — озадачился я.

— Естественно, нет. Великаны наверняка ее съедят, — без тени сомнения отозвалась Сэм.

— Она же тебя подставила. По ее милости тебя вышвырнули из валькирий, — на всякий случай напомнил я.

— Все равно она мой капитан, — упрямо поджала губы Самира. — И, в общем... Ну, у нее имелись достаточные причины не доверять мне. Несколько столетий назад в Вальгаллу попал один из сыновей Локи.

— И они с Гуниллой друг в друга влюбились, — давно уже подозревал я. — Пришел к этому выводу, когда она мне показывала отель.

Сэм кивнула.

— Именно так. Но он ее предал. Оказался папочкинским иннионом. Это разбило ей сердце. Понял теперь, в чем дело? Короче, не собираюсь я ее здесь бросать на верную смерть.

— Как скажешь. — И я снял с цепочки на шее кулон.

— А я уж заждался, — едва ожив, радостно загудел Джек. — Ну, говори скорее, какие события я вчера пропустил?

— Кучу лазанья по вертикали-горизонтали. Ничего интересного, — скороговоркой выдохнул я. — Лучше взгляни-ка на этих двух теток. Не против поковырять в их носках?

Джек, потянув меня за руку, осторожненько вытянул острие лезвия в просвет занавески.

— Должен заметить, чувак, мы на их подоконнике. Если так можно выразиться, фактически переступили порог их дома, — многозначительно прогудел он.

— И что с того? — не понимал я, куда он клонит.

— Ну, существует одно непреложное правило, — откликнулся Джек. — Невежливо убивать кого-либо в собственном доме без угрозы с его стороны.

— Ну да. Конечно. — Я усмехнулся. — Меня именно это сейчас больше всего и волнует. Вдруг эти тетки меня перед смертью сочтут невежливым.

— Сеньор, — прогудел укоряюще мой стальной друг. — Права гостя и права хозяина — важнейшие пункты волшебного протокола. Без них все давно бы вышло из-под контроля.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Сынок, он совершенно прав, — слабым голосом поддержал Джека Блитцен. — Нам надо предстать перед ними, предъявляя права гостей. Предложим бартер за то, что нам от них нужно. Открыть же военные действия мы можем позволить себе не раньше чем они первые попытаются нас убить.

Хэртстоун икнул, улыбнулся и показал:

— Стиральная машина.

Ну явно продолжал глючить.

— Вы с Блитценом оба сейчас не в том состоянии, чтобы куда-то с нами идти, — сделала правильный вывод Сэм. — Оставайтесь на месте. Ты, Блитц, приглядывай за Хэртстоуном. Нам с Магнусом надо найти молот Тора и освободить Гуниллу. А вы здесь пока на всякий случай подумайте, как нас спасти, если что-то пойдет не так.

— Но как же вы собираетесь спускаться? — глянул с опаской вниз Блитцен.

— По твоей волшебной цепи, — видно, уже продумала это Сэм. — А как только окажемся на полу, представимся великаншам.

— План хуже некуда, — проворчал я. — Ну что же, вперед.

Глава LIV

ПОЧЕМУ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ПРЫГАТЬ В ВОДУ С НОЖА ДЛЯ СТЕЙКОВ

Спуск вниз с подоконника оказался самой легкой частью нашей программы.

По достижении пола меня охватили очень серьезные сомнения. Великанши, конечно, оказались поменьше своей покойной сестры. Всего-то каких-нибудь пятьдесят футов ростом. Если бы мне предстояло вступить в борьбу с одним из больших пальцев на их ногах, я без проблем бы выиграл схватку. Но вот единоборство со всеми другими частями их тел шансов мне на победу не оставляло.

— Ощущаю себя, как Джек из сказки, который поднялся по бобовому стеблю на небо, — поделился я с Сэм. — Ну правда, мы с тобой как раз опустились, но сути дела это особенно не меняет.

Она тихонечко прыснула.

— Ну а откуда, по-твоему, это история-то взялась? Любая сказка ведь как бы культурная память о том, что когда-то случилось с кем-нибудь из людей, которых случайно занесло в Йотунхейм.

— Суперская версия, — отреагировал я.

Меч у меня в руках прогудел:

— Ты не можешь быть Джеком. Джек — это я.

Железная логика. Поди возрази.

Мы прокладывали путь по каменному полу, продираясь сквозь катышки пыли, крошки от еды и лужи жира.

Очаг источал столь сильный жар, что моя одежда задымилась, а волосы стали потрескивать. Распаренные тела великанш источали убийственный запах. Такой, знаете ли, коктейль из тухлого мяса с ярко выраженными нотками мокрой глины. Я невольно подумал, что, может быть, лучше бы мне уж воткнули меч в ноздрю.

Приблизившись к великаншам на расстояние крика, мы смогли разглядеть их получше. На ногах у обеих были кожаные сандалии. Выше шли кожаные платья, размера этак сто двадцатого, и ожерелья из полированных камней в стиле «Семейства Флинстоун». Серые лица обеих до неприличия размазаны румянами и губной помадой, а прямые черные волосы заплетены в кокетливые косички. Лишенный возможности выслушать мнение советника по моде Блитцена, я все же самостоятельно догадался, что сестрички прихорошились к вечеринке, хотя время пока едва подошло к обеду.

— Готов обнародоваться? — поинтересовалась у меня Сэм, так как сестрички еще не заметили нашего присутствия.

«Нет», — если честно, хотелось ответить мне, но я, поглубже вдохнув, выдохнул:

— Да. — А потом, задрав голову вверх, проорал великаншам: — Привет!

Они спокойно себе продолжали болтать, громко чавкая и стуча кубками с медовухой.

— Эй! — пошел я на вторую попытку.

Крупные дамочки, резко выпрямившись, начали озираться по сторонам. Первой заметила нас сидевшая слева. Из напомаженного ее рта вырвался хриплый хохот вместе с брызгами медовухи и кусочками мяса.

— Снова люди! Прямо даже не верится!

Сестричка ее подалась в нашу сторону и принюхалась.

— Неужто еще валькирия? А мальчишка-то эйнхерий. Славненько. А я-то ломала голову, что нам с тобой придумать себе на десерт.

— Требуем соблюдения прав гостей! — проорал я.

Левая великанша состроила кислую мину.

— Ну и к чему ты об этом бормочешь?

— Мы пришли предложить вам бартер, — указал я на клетку, которая находилась теперь на такой высоте от нас, что мы видели лишь ее блестящее, как луна, дно. — Объекты обмена — свобода этого лебедя и, если у вас имеется, украденное оружие. Молот, к примеру, или еще что-нибудь в этом роде.

— Ну до чего же тонко подвел, — тихо бросила Сэм, то ли в издевку мне, то ли, наоборот, одобряя.

Великанши переглянулись в явной готовности расхохотаться. Кажется, они основательно набрались медовухи.

— Прекрасно, — кивнула первая великанша. — Меня зовут Гьелл, а мою сестру — Грэйп. Согласны считать вас своими гостями на время, которое требуется для сделки. Представьтесь.

— Я Магнус, сын Натали. А это...

— Самира, дочь Айши, — подхватила моя экс-валькирия.

— Добро пожаловать в дом нашего отца Гейрода, — объявила Гьелл. — Только оттуда, где вы стоите, вас едва слышно. Не возражаете, если я вас усажу на стул?

— Хорошо, — согласился я.

Сестра ее Грэйп подхватила меня и Сэм, словно мы были плюшевыми игрушками, и мы вмиг оказались на стуле, сиденье которого было размером со среднюю человеческую гостиную.

— Ой, все равно слишком низко, — оглушительно поцокала языком Грэйп. — Можно я подниму ваш стул?

— Магнус, не... — начала было Сэм, но я уже, не подумав, лянул:

— Пожалуйста.

И Грэйп, издав радостный вопль, резко подняла стул вместе с нами над головой. Если бы не спинка, нас бы расплющило о потолок. Но так как она приняла удар на себя, мы всего лишь упали да штукатурка нам на головы посыпалась.

Грэйп опустила нас. Когда наконец глаза мои, от удара едва не вылетевшие из орбит, вернулись на место, я увидел низко склонившиеся над нами злобные рожи двух великанш.

— Не сработало, — с сожалением проговорила Грэйп.

— А чему удивляться, — прорычала Гьелп. — Ты вечно это проделываешь не по уму. Ставить следует не на стул, а на табуретку, потому что у нее спинки нет. И на потолке давно пора с этой целью установить шины.

— То есть вы пытаетесь нас убить! — выкрикнул я. — Это противоречит правилам гостеприимства!

— Убить? Вас? — прикинулась оскорбленной Гьелп. — Совершенно необоснованное обвинение. Моя сестра просто сделала то, о чем вас сначала спросила, а вы согласились.

— Но вы только что это назвали трюком, — не собирался отступать я.

— Да неужели? — похлопала Гьелп намазанными ресницами, тушь на которых выглядела вблизи, как барьеры на грязевой трассе для бега с препятствиями. — Убеждена, что ничего подобного не говорила.

Я посмотрел на сиявший в руке Меч Лета.

— Как, по-твоему, Джек, правила гостеприимства уже нарушены?

— Были бы, — прогудел Джек, — если б они признались в таком намерении. Но они отрицают.

Великанши разом встрепенулись.

— Вот это уже любопытно, — жадно уставилась на моего Джека Гьелп.

— Не желаете, чтобы я еще раз подняла вас? — вкрадчиво пробасила Грэйп. — Могу сбегать на кухню за табуреткой. Мне это совсем не трудно.

— Достопочтенные хозяева, — изо всех сил старалась выглядеть уверенной и невозмутимой Сэм, но голос у нее все же чуть-чуть дрожал. — Пожалуйста, опустите нас осторожно на стол, чтобы мы смогли с вами поторговаться.

Грэйп пробубнила себе под нос что-то невнятно-яростное, но послушалась, и мы были поставлены рядом с ее ножом

и вилкой величиною с меня. Кубок с медовухой, стоявший рядом, вполне сгодился бы в качестве водокачки для целого загородного поселка. Я лишь надеялся, что он не обладает свойствами ПАПЫ БУМА.

— Итак, — плюхнулась на стул Грэйп, — вы требуете свободы для лебеда? В таком случае вам надо дождаться возвращения нашего папы. Это его пленница, а не наша, и условия следует обговаривать с ним.

— Хитра валькирия, — злобым голосом подхватила Гьелл. — Влетела в наше окно вчера ночью и не желает показываться в своем настоящем обличье. Вздумала обмануть нас своим дурацким лебяжьим костюмчиком. Но нашего папу не проведешь. Он слишком умен для этого.

— Хреново, — озвучил случайно я то, о чем думал. — Но, по крайней мере, мы попытались.

— Магнус, — спешно одернула меня Сэм и повернулась к милым сестричкам. — Дорогие хозяйки, может, вы хоть будете так любезны не убивать лебеда, прежде чем нам удастся поговорить с Гейродом?

Гьелл пожала плечами.

— Вам ведь уже было сказано: судьбу ее решать нашему папе. Может быть, он ее и отпустит в обмен на вас. Но нам вообще-то хотелось бы для сегодняшнего жаркого чего-нибудь остренького.

— Так давайте булавку в него засунем, — не удержался я.

— Это всего лишь фигура речи, — протараторила Сэм. — Мой друг ни в коем случае не имеет в виду, что можно в кого-то втыкать иголки, а тем более в нас.

— Спасла, — признал я.

Сэм мне ответила крайне красноречивым взглядом, в котором легко читалось: «Ну, Магнус, ты и дебил!» — но я к такому с ее стороны давно привык.

Гьелл скрестила руки огромным утесом на своей необъятной груди.

— Значит, вы хотите что-нибудь нам предложить в обмен на украденное оружие?

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Да, — начал объяснять я. — Нам нужно такое громово-божественное оружие, если оно у вас есть, но это не значит, будто какой-нибудь громовой бог конкретно его потерял.

Грэйп хохотнула.

— О да. У нас есть кое-что в этом роде, принадлежащее самому Тору.

Сэм, видимо восполняя отсутствие Тора, пробормотала несколько креативных ругательств, которые вряд ли одобрили бы ее дедушка с бабушкой.

— Опять фигуры речи, — торопливо проговорил я. — Моя подруга ни в коем случае не даст вам разрешения применить по отношению к нам какое-либо из этих грубых и неприличных действий. Вы даете нам на обмен мо... в общем, оружие, о котором сейчас было сказано?

— Конечно, — улыбнулась Гьелп. — И хотели бы поскорее завершить сделку. Видите ли, у нас с сестрой свидание...

— С двумя крутейшими близнецами из морозных великанов, — подхватила Грэйп. — Так что по-быстрому предлагаем вам честные условия, отдаем вам оружие Тора за этот замечательный говорящий меч и отпускаем лебедя, а вы в обмен остаетесь здесь сами. Уверены: папа не будет против. Лучшей сделки вам не предложит никто.

— Трудно назвать такие условия честными, — возмутилась Сэм.

— Не нравится, можете отказаться и уйти с миром, — пожал плечами Грэйп. — Нам без разницы.

— Магнус, — ритмично загудел меч, и руны его тревожно засияли. — Ты ведь меня ни за что не отдашь? Мы же друзья. Не походи на отца, который бросил меня, как только решил, что для него важнее другое.

Я подумал о предложении Локи доверить меч дяде Рэндольффу. У меня ведь тоже едва не возник соблазн послушаться. Теперь сама мысль о таком казалась мне невозможной. И не только из-за угрозы, что без меча великанши сперва посадят нас в клетку, а затем пустят себе на ужин. Джек уже дважды спас нам всем жизнь. И вообще, он мне очень нравился, пусть даже меня и скрючивало от его обращения «сеньор».

В следующий момент у меня возникла идея, быть может, и скверная, но все же гораздо лучше, чем предложение великанш.

— Джек, — сказал я. — Вот как ты посмотришь, чисто теоретически, если я им сейчас расскажу, что мы убили их сестру. Это будет противоречить правилам этикета гостя?

— Что-о? — возопила Гьелп.

Руны Джека засветились гораздо более радостным оттенком красного.

— Решительно никаких противоречий, мой друг, — уверенно прогудел он. — Ведь это произошло до того, как мы пришли сюда в гости.

— Вот и чудненько, — улыбнулся я и, повысив голос, торжественно объявил: — Мы убили вашу сестру — безобразную великаншу, которая перекрыла реку, чтобы Тор в ней утонул. Теперь она там валяется мертвая.

Вранье! — взвилась на ноги Грэйп. — Вы никак не могли это сделать, жалкие мелкие человечки!

— Ну, вышло-то вот как, — начал я их знакомить с подробностями. — Мой меч залетел в ее нос и взбил ей мозги.

— Да я бы уже вас разделала, как букашек, если б не проклятая спинка стула и отсутствие правильно размещенных пинов на потолке!

Признаюсь, когда надо мной нависают две разъяренных рожи взбесившихся великанш, я начинаю немного нервничать.

Сэм, в отличие от меня сохранив присутствие духа, ткнула в сторону Грэйп топором.

То есть ты признаешься в намерении нас убить?

— Ну конечно, балда!

Что нарушает правила гостеприимства, — ровным голосом констатировала Самира.

Да кому какое дело! — взвизнула Грэйп.

Ну, вот мечу Магнуса, например, даже очень есть дело, — прежним тоном отозвалась Сэм. — Джек, ты все слышал?

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Слышал, — утвердительно замелькали руны на Джеке, — однако считаю необходимым заметить: силы, потраченные на убийство двух великанш, могут...

— Все равно сделай это! — И, не дослушав, я метнул Джека вверх.

Он ввернулся спиралью в правую ноздрию Грэйп и вылетел через левую. Великанша грохнулась о каменный пол, вызвав землетрясение амплитудой в шесть и восемь десятых балла по шкале Рихтера.

Гьелп, басовито взыв, прикрыла рукой нос и рот и, спотыкаясь, заметалась по комнате. Джек парил возле ее лица, пытаясь пробиться сквозь плотно сжатые пальцы.

— Хитрая тварь, — прогудел он нам. — Помогите немного.

Сэм с усилием дотолкала нож великанши до края стола, и лезвие его выступило вперед, как доска на вышке для прыжков в воду.

— Магнус...

Сэм явно хотела мне объяснить свой план, но я и так его понял и, хоть это и было полным безумием, взяв хороший разгон по столу, прыгнул на самый конец лезвия.

— Нет, — проорала Сэм, но я уже в этот момент парил в воздухе. Нож под весом моего тела взметнулся вверх, а я рухнул вниз, приземлившись на стул, который стоял недостаточно низко, чтобы лишить меня жизни, но достаточно, чтобы я сломал ногу. Вот удача-то! Боль раскаленным гвоздем прошлась по моему позвоночнику.

Гьелп пришлось хуже. Крутящийся нож для стейка угодил ей в грудь. Он не вонзился в нее, и даже ткань платья не пострадала, но все же удар был достаточно сильный. Вскрикнув от боли, она схватилась руками за грудь, представив Джеку свободный доступ к своим ноздрям, и секунду спустя рухнула замертво рядом с сестрой.

Сэм, свесившись со стола, осторожно спрыгнула ко мне на стул.

— Ты, Магнус, все-таки полный болван. Я просто хотела, чтобы ты мне подвинул солонку, а потом мы с тобой вместе

се запулили бы этим ножом в великаншу. Кто мог ожидать, что ты, кретин, вздумаешь сам с него прыгать.

- Всегда пожалуйста, — скорчился я от боли, схватившись за ногу.

- Сломал? — с сочувствием покачала головой Сэм.

- Да, но ничего страшного. На мне быстро все заживает. Дай мне часок...

- Не думаю, что он у нас есть... — начала было она.

И тут из соседней комнаты низкий голос возвестил:

- Девчонки, я уже дома.

Глава LV

МЕНЯ ДОСТАВЛЯЕТ НА ПОЛЕ БОЯ ПЕРВАЯ ГНОМИЧЬЯ ВОЗДУШНО- ДЕСАНТНАЯ ДИВИЗИЯ

Возвращение папочки-великана домой всегда неуместно.

Но когда ты сидишь в его гостиной со сломанной ногой, а рядом валяются трупы его дочерей, это абсолютно неуместно. Мы с Сэм таранились друг на друга, а из какого-то помещения, соседствующего со столовой, до нас доносились все отчетливее и громче шаги великана. Лицо Сэм недвусмысленно выражало: «Средств защиты против него у меня не имеется».

У меня тоже их не было.

Вообразите же радость, которая нас охватила, когда над нашими головами возник парашют и на наш стул опустились гном, эльф и лебедь. Блитца и Хэрта крепко держали парашютные ремни, а водонеплавающая птица Гунилла пребывала в объятиях эльфа. Блитц, потянув за стропы, осуществил идеально точное приземление. За ним лег парашют — прямоугольник бирюзового шелка, идеально гармонизировавший с его костюмом. Маэстро моды и здесь не вышел из образа.

— Каким образом? — ошеломленно таранился я на этот воздушный десант.

Блитцен пренебрежительно фыркнул.

— Не вижу повода так удивляться. Ты столько времени отвлекал на себя великанш, что я бы счел себя совершенно бездарным гномом, если бы не догадался привязать к цепи

крюк, накинуть его на клетку, перебраться по цепи к ней и освободить лебедя. Ну а затем мы воспользовались моим парашютом для экстренных ситуаций.

Сэм подергала себя за нос.

— И у тебя постоянно есть при себе парашют для экстренных ситуаций?

— Естественно, — отозвался Блитцен. — Каждый гном постоянно носит с собой такой парашют. А ты разве нет?

— Давайте-ка это обсудим позже, — предложил я. — А сейчас...

— Девочки! — проорал из соседней комнаты великан. Язык у него слегка заплетался. — Г-где в-вы?

Я щелкнул пальцами.

— Ребята, какие у нас варианты? Сэм, вы можете вместе с Гунилой спрятать всех под своими камуфляжами?

— Моего хиджаба больше чем на двоих не хватит, — вздохнула она. — А на Гунилу пока и вовсе рассчитывать нечего. Если она по-прежнему остается лебедем, значит, слишком еще слаба, чтобы вернуться в собственный облик.

Лебедь что-то тихонько протрубил.

— По-моему, она подтверждает мои слова, — внимательно посмотрела на нее Сэм. — Ей теперь для восстановления может понадобиться несколько часов.

— Которых у нас нет, — сказал я и повернулся к Хэрту. — Как у тебя там с рунами?

— Силы нет, — отозвались его руки. Мог бы и не стараться. Он вроде немного приободрился и перестал глючить и даже весьма уверенно стоял на ногах, но видок у него все равно был такой, будто по нему проскакала восьминогая лошадь.

— Джек, а! Где ты? — позвал я.

— Чувак, ты чего? — послышался со стола его возмущенный гул. — Я тут кунаюсь в кубке. Имею, в конце концов, право на личную гигиену.

— Магнус, — вмешалась Сэм. — Не вздумай послать его на убийство третьего великана подряд. Такое усилие точно тебя ужокошит.

Шаги из соседнего помещения раздавались все громче и ближе. И похоже, Гейрод спотыкался.

— Г-гьелл! Г-грэйп! — снова принялся звать дочерей он. — К-клянусь! Ик! Если вы с-снова пишете эсэмэски этим своим б-близнецам-м-мерзлотам, я вам головы поотрываю!

— На пол! — принял решение я. — Спустите меня поскорее на пол.

Блитцен схватил меня с такой силой, что я от боли едва не вырубился.

— Держись, сынок. — И он прыгнул вместе со мной со стула, умудрившись каким-то образом без потерь спикировать вниз.

К тому времени, как я немного пришел в себя, Сэм и Хэрт с его ногой подругой, спустившись по ножке стула, как пожарные по лестнице, уже стояли возле нас с Блитцем.

Сломанная нога у меня нестерпимо ныла. Боль катилась по всему телу. Лицо покрылось испариной. Но обращать внимание на подобные вещи сейчас было непозволительной роскошью.

Сквозь зазор между дверью и полом маячила тень от ног великана. Пространства там было более чем достаточно, чтобы нам всем пройти в полный рост.

— Вынеси меня наружу, Блитцен, — попросил я.

— Извини, недопонял, — выкатились глаза у него.

— Ну ты же сильный. Смотри, как крепко держишь меня. Давай, пронеси под дверью.

Натужно крикнув, гном двинулся к двери со мной на руках. Каждое его движение отдавалось во мне резкой болью — от поврежденной ноги до самого основания черепа. Парашют, шурша бирюзовым шелком, скользил за нами, а за ним шли Сэм и Хэртстоун с уныло трубящей лебедкой Гуниллой в объятиях. Круглая ручка двери начала поворачиваться. Мы, проскользнув сквозь зазор, очутились прямо у ног великана.

— Привет! Как дела? — прокричал ему я.

Гейрод, качаясь, понятился. Видно, не ожидал увидеть гнома-парашютиста, несущего на руках человека, экс-валькирию, а за ней — эльфа с лебедем.

Я тоже несколько прибалдел от того, что увидел. По идее холл такой крепости должен был площадью и величием превышать столовую, а помещение оказалось в два раза меньше нее. Хотя в другом месте он бы казался шикарным. Черный мраморный пол. Ряды колонн из какого-то камня перемежались металлическими жаровнями, наполненными горящими углями, словно гигантские приспособления для барбекю. Потолок неожиданно низкий — всего каких-нибудь двадцать пять футов. И даже дверь, под которой мы вышли, с этой стороны была гораздо меньше, хотя по идее это немисливо. Пробраться обратно под ней мы уже не могли. А как сквозь столь низкий и узкий проем проходили Грэйп и Гьелп, вообще оставалось загадкой, если только они не уменьшались в размерах.

Впрочем, может, они как раз это спокойно и делали. Великаны ведь оборотни. Магия и иллюзия — их вторая натура.

Гейрод перед нами покачивался, расплескивая во все стороны медовуху из рога, который держал в руках.

— В-вы кто? — Язык у него заплетался все сильнее.

— Гости, — набрался наглости я. — И требуем соблюдения в отношении нас прав гостей. — Весьма скользкая, надо признаться, позиция, учитывая, что мы только что уколошили двух хозяек этого замка. Но так как Джек все еще отмывался в соседней комнате от носовой слизи, подвергнуть сомнению мое требование было некому.

Гейрод нахмурился в явной попытке осмыслить то, что услышал. Похоже, он явился с какой-то разудалой посиделки, и мозги у него ворочались туго. Странно, день ведь еще был в разгаре. Или великаны гуляют круглые сутки?

Одежду его составляли изрядно помятый и заляпанный медовухой пиджак нежно-лилового цвета, рубашка навыпуск, полосатые брюки и лаковые ботинки, жертвой производства которых стало немало животных. Черные волосы великан густо смазывал гелем, чтобы они зачесывались назад, но вьющиеся непокорные пряди все равно свисали ему на лоб. От всей фигуры Гейрода несло медовухой, и смахивал

он скорее не на модного завсегда ночных клубов, а на горького пьяницу в модном прикиде.

Больше всего озадачивал его размер. Малорослым его, конечно, назвать было нельзя. Любая баскетбольная команда его бы с руками оторвала — как-никак, двадцать футов роста. Для монтера, вворачивающего лампочки на большой высоте, тоже совсем неплохо. Но по сравнению с дочерью, которых больше не существовало, он выглядел просто крошкой.

— Ес-ли в-вы мои гости, т-то п-почему у в-вас в р-руках м-мой лебедь? — пытался, икая и хмурясь, осмыслить и оценить ситуацию великан. — И г-где м-мои д-дочери?

Сэм натужно расхохоталась.

— Ох уж эти девчонки. Мы как раз с ними почти договорились по поводу лебедя...

— Но они вдруг упали, — подхватил я, жестом изобразив, будто пью из бутылки. — И теперь там валяются в не очень хорошем виде.

Хэртстоун, на меня глядя, немного напрягся, и только тут я сообразил, что похожим жестом выражают слова «я тебя люблю». Цель, однако, была достигнута. У Гейрода вырвался облегченный вздох. Видимо, перебравшие медовухи дочери, спящие на полу в столовой, не вызывали у него никаких отрицательных эмоций.

— Чтo ж, хоть не развлекаются с эт-тими х-хлыщами из м-морозных в-великанов, — казалось, даже обрадовала его эта ситуация.

— Нет, только с нами, — счел своим долгом поднять ему настроение я.

Блигцен, натужно крикнув, переместил меня так, чтобы центр тяжести пришелся ему на менее уставшую руку.

Хэртстоун решил поддержать разговорчик и показал в свою очередь великану жест «я тебя люблю».

— О великий Гейрод, — вступила в беседу Сэм. — Мы вообще-то пришли у вас выторговать оружие Тора. Ваши дочери говорят, что оно у вас.

Гейрод поглядел туда, где в дальней от нас стене пряталась за колонной дверь, по великанским понятиям, крохот-

ная, но вообще-то размером с те, которыми пользуемся мы, люди.

— Оружие там? — догадался я.

Глаза у Гейрода выпучились, будто не он только что сам мне указал направление поиска.

— Что еще, близ, з-за волшебство? — пьяно пробормотал он. — От-ткуда т-ты знаешь?

— Мы пришли обменяться на это оружие, — вернул его к сути дела я.

На руках у Хэртстоуна раздражающе затрубила Гунилла-лебедь.

— А также дозавершить обменную сделку по лебедю, — добавил я.

— Р-разбежались, п-полено вам в н-нос. — Гейрод изрядно глотнул из рога и пролил еще часть его содержимого на шиджак и рубашку и несколько раз икнул. — М-мне не нужно ничего из того, что вы м-можете м-мне п-предложить, а н-вот з-заработать оружие и з-золотого г-гуся — эт-то н-пожалуйста.

— Вообще-то лебедя, — поправил я.

— Да р-разницы-то, — вяло махнул свободной от кубка рукой великан.

Блитцен тяжело переступил с ноги на ногу и сказал:

— Тяжело, ох как тяжело.

Он-то меня всего лишь держал на руках, а мне боль в ноге ужасно мешала думать и к тому же от каждого его ерзанья настолько усиливалась, что я едва не давал дуба. Но мне нельзя сейчас было терять сознание, и я как-то держался.

— Каким образом заработать? — спросил я у великана.

— Р-развлеките меня, — отозвался он. — Давайте во что-нибудь в-вместе сыграем.

— Можем в слова, — предложил я игру, в которой успел за шестнадцать лет жизни изрядно поднатореть.

— Не-е, — покачал головой Гейрод. — Ни в к-какие тайне в слова, а в м-мячик. У меня же одни только д-дочери, — махнул он небрежно в сторону столовой. — Они н-никогда не хотят п-поиграть со мной в м-мячик, а я так это люблю, —

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

громко шмыгнул он носом. — П-пожалуйста, п-поиграйте со мной.

Я голядел на Сэм.

— Хочет в мячик сыграть.

— Плохая идея, — пробормотала она.

— Надо выжить д-десять минут, — продолжал великан. —

Это в-все, о чем я п-прошу. А п-после я б-буду счастлив.

— Выжить? Играя в мяч? — не повимал я, куда он клонит.

— От-тлично, — заухмылялся он. — Значит, согласен.

Зигзагом доковыляв до ближайшей жаровни, Гейрод выхватил из нее пылающий уголь величиной с кресло.

— Н-начали!

Глава LVI

НИКОГДА НЕ ПРОСИ ГНОМА НАЧАТЬ

— Беги! — сказал я Блитцену. — Беги! Беги! Беги!

Блитцен, за которым по-прежнему волочился парашют, поковылял, обалдело выпучившись от натуги и сопя:

— Тяжело, ох, как же мне тяжело.

Мы продвинулись таким образом футов на тридцать, когда Гейрод проорал:

— Л-лов-ви!

Мы всей компанией оперативно нырнули за ближайшую колонну. Пылающий уголь угодил прямоком по ней, проделав сквозную дыру. Камень колонны исторг жалобный треск. По ней до самого потолка пошли трещины.

— Бежим дальше, — возопила Сэм.

Мы неслись, а вернее, плелись (не забывайте: Блитцен ганцил меня на руках!) через зал, а Гейрод, выхватывая из жаровен, попадавших на его пути, все новые угли, метал их в нас с поразительной для степени его опьянения меткостью. Будь он трезв, вряд ли нам суждено было выйти из этой переделки живыми.

Следующий великанский зал поджег парашют Блитцена. Будь у нас чуточку больше времени, Сэм успела бы перерубить топором стропы, но мы не могли терять ни секунды даже на это. Новая порция пылающей смерти образовала солидных размеров кратер в полу рядом с нами, опалив по-

путно крылья Гуниллы и шарф Хэртстоуна. Искры попали Блитцену в глаза.

— Я ослеп! — взвыл он.

— Спокуха, буду тебя направлять, — изо всех сил бодрился я. — Налево. Да нет, лево совсем с другой стороны.

Гейрод замечательно проводил время в другой части холла, распевая громкую йотунхеймскую песню, спотыкаясь, периодически вливая в себя медовуху и выхватывая из попадавших ему на пути жаровен все новые порции раскаленных углиц.

— Н-ну же, маленькие мои гости! — восклицал он между куплетами песни. — Н-неп-правильно вы — ик! — играет. Вы д-должны ловить мои угли и — ик! — кидать их обратно.

Я озирался, отчаянно ища выход. Напротив входа в столовую находилась еще одна дверь, но щель под ней была слишком низкой, чтобы прлезть в нее, а сама она слишком большой, чтобы вышибить ее силой, и к тому же запертой на толщенный засов из ствола дерева, загнанный в железные скобы. Короче, не вариант.

Впервые за время существования в виде эйнхерия я возмутился, что раны мои заживают чересчур медленно. Если даже нам было суждено здесь погибнуть, я предпочел бы отдать копыта здоровеньким, то есть не на руках у Блитца, а на своих двоих.

Взгляд мой упал на потолок. Последняя из колонн, пораженных Гейродом, треснула снизу доверху и прогнулась, готовая вот-вот рухнуть. Я вспомнил, как мама впервые меня заставила самостоятельно установить палатку. С тех самых пор мне был известен один непреложный закон: натянуть ровно тент, чтобы он держался, не провисая, на многочисленных опорах и кольшках — задача совсем не из легких. А вот обрушить — плевое дело.

— У меня появилась идея, — объявил я друзьям. — Блитцен, придется тебе еще чуть-чуть потаскать меня, если, конечно, Сэм...

— Ну уж нет! — возразила она, не дослушав.

— Я в порядке, — простонал Блитцен. — Со мной все отлично. Даже снова уже почти могу видеть.

— Внимание, — сфокусировал я их на новой задаче. — Сейчас побежим прямо на великана.

Хэрт кинул на меня такой взгляд, что никаких пояснительных жестов ему не требовалось:

— Ты совсем спятил?

Лебедь Гунилла смотрела с ровно таким же выражением.

— Просто следуйте за мной, — сказал я. — Будет весело.

— Ох, не хотела бы я, чтобы эти слова были выбиты на моем надгробии, — скорбно проговорила Сэм.

— Эй, Гейрод! — задиристо крикнул я великану. — Кидаешь ты свои угли словно фольквангерц!

— Йотунхейм тебе в нос! — прорычал оскорбленный Гейрод и повернулся за новой угольной порцией.

— Прямо на него! — скомандовал я. — Вперед!

Великан изготовился для броска.

— Вправо! — крикнул я Блитцену.

Мы все метнулись за ближайшую колонну.

Уголь Гейрода втесался в нее, прожег, рассыпаясь на тысячи огневых точек и множа количество трещин на потолке.

— Теперь налево! — прокричал друзьям я. — Бежим к нему вдоль другого ряда колонн.

— Ты решил... — Глаза Сэм стали в два раза больше обычного, потому что она просекла мой план. — Нет, ты действительно чокнутый.

— У тебя есть идея получше?

— К сожалению, нет.

И мы побежали, не прячась от великана.

— Твои дочки не пьяные! — прокричал я ему. — Они мертвые!

— Что-о? Нет! — выпустил он в нашу сторону новый снаряд из жаровни. Колонна такого удара не выдержала и, дымясь, развалилась на кучу оплавленных камней.

Потолок застонал, покрываясь сетью все новых трещин, а мы свернули в центральный проход.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Мазила! — крикнул я великану. — Снова ведь мимо!

Гейрод отшвырнул в сторону рог с остатками медовухи и принялся с яростным рыком черпать обеими руками угли из жарсвен и метать их в нас. На нашу удачу, злость затмевала ему глаза и метал он теперь свои огненные снаряды скорей не прицельно, а наугад. Мы, уворачиваясь, петляли между колоннами, а великан налетал на жаровни, сбивал их и кидал во все стороны пригоршнями уголь, руша все новые колонны.

Я издевался над его костюмом, прической, лаковыми туфлями и наконец довел его до того, что он швырнул в нашу сторону целую жаровню. Она разрушила последнюю опорную колонну в той части холла, где он стоял.

— Отступаем! — проорал я Блитцену. — Мигом!

Бедный гном, пыхтя и хрипя от патуги, кинулся к дальней стене.

— Убью! — вслед нам рычал Гейрод. — Поганые тр-русы!

Сообрази он пуститься за нами вдогонку, песенка наша была бы спета. Но затуманенный медовухой разум Гейрода мыслил сейчас только областью углеметания, и он продолжал упорно кидаться жаровнями, когда потолок над ним с треском стал осыпаться.

Глянув вверх, он исторг дикий вопль, но поздно. Потолок в его части рухнул, и великан исчез, погребенный под тысячами тонн камней.

Я очнулся от дикого кашля. Вокруг валялись обломки. Все пространство окутывало густое облако пыли.

Когда пыль немного рассеялась, я обнаружил в нескольких метрах от себя Сэм. Она сидела, скрестив по-турецки ноги, и тоже надсадно кашляла. Видок у нее был такой, словно она основательно вывалялась в муке.

— Блитцен! Хэрт! — позвал я.

Меня так встревожило их отсутствие, что, забыв о сломанной ноге, я встал. Боль в ней еще ощущалась, но стоять уже было можно.

— Здесь, — по-военному пискнул Блитцен, выходя из облака пыли.

Костюм его, можно сказать, накрылся. Шевелюра и борода казались седыми от белой строительной пыли.

Я крепко его обнял.

— Ты самый сильный и потрясающий гном на свете!

— Да ладно тебе, сынок, — смущенно хлопнул меня по руке он. — Где же Хэртстоун? Хэрт!

В критические моменты мы почему-то порой забывали, что звать дорогого нашего эльфа, когда он не видит нас, бесполезно. Хоть голос сорви.

— Да вот он, — первой заметила Сэм, стряхивая с лежащего Хэрта обломки колонны. — Кажется, жив.

— Слава Одину! — Блиц было кинулся к Хэрту, но тут же едва не упал.

— Тпру! — Я успел подхватить его и для надежности прилонил к одной из уцелевших колонн. — Передохни здесь немного.

Мы с Сэм извлекли Хэртстоуна из-под руин. Волосы у него тлели, но в остальном он вроде не пострадал.

— Совсем чокнулся? Пытался нас всех убить? — принялся он ругать меня жестами, едва мы его поставили на ноги.

— Стойте, а где же Гунилла? — заметил я вдруг, что в руках у него нет лебедя.

Вопль Блицена заставил меня обернуться, и я увидел, что он превратился в заложника.

— Я здесь, — металлическим голосом сообщила Гунилла.

Она, уже в человеческом облике, стояла позади Блицена, уверев острие копыта ему в горло.

— Сейчас вы, все четверо, вернетесь со мной в Вальгаллу как мои пленники, — тоном, не допускающим возражений, заявила она.

Глава LVII

СЭМ АКТИВИЗИРУЕТ КНОПКУ «ОТПРАВИТЬ»

Гунилла ткнула острием копья в шею Блитца.

— Не вздумайте подойти ко мне, лжецы и мошенники. Вы создали угрожающую ситуацию для Асгарда и Мидгарда. Растревожили великанов. Посеяли хаос в разных мирах.

— Но также вызволили тебя из птичьей клетки, — на всякий случай отметил я.

— После того как сперва заманили меня сюда, — не смутилась она.

— Никто тебя никуда не заманивал, — возразил я. — И следить за собой мы тебя не просили.

— Гунилла, — сказала Сэм, опуская на пол топор. — Отпусти, пожалуйста, гнома.

Блицен, стараясь не шевелиться, поддержал ее сдавленным кряканьем.

Капитан валькирий со злостью глянула на Хэртстоуна.

— Даже не думай об этом, эльф. Быстро на пол мешочек с рунами, иначе сейчас превращу тебя в горстку пепла.

Вот это реакция! Я-то даже и не подозревал, что Хэрт собрался поколдовать с рунами. Он послушно положил свой мешочек, но выражение его лица при этом свидетельствовало: не лишись он рун, Гунилле бы предстояли куда более серьезные неудобства, чем заточение в клетку с колесом для белки или хомяка.

Сэм выставила вперед ладони.

— Драться с тобой мы не станем, Гунилла. Но отпусти, пожалуйста, гнома. Всем ведь известно, какой урон может нанести копьё валькирии.

Мне это известно не было, но испытывать его действие на себе все равно не хотелось, и я прикинулся кротким и безобидным, что в тогдашнем моем состоянии не требовало от меня особых усилий.

— Где твой меч, Магнус? — пробуравила меня своими стальными глазами Гунилла.

Я указал на разрушенную часть холла.

— Последний раз, когда мы с ним виделись, он мылся в кубке.

Гунилла задумалась. В мире викингов мое сообщение совсем не выглядело безумным.

— Превосходно, — вдруг толкнула она в мою сторону Блитцена.

Я подхватил его, а Гунилла выставила вперед острие копья, держа нас всех на досягаемости броска.

Копье сияло и излучало такой сильный жар, что мне казалось, у меня кожа начала припекаться.

— Как только ко мне окончательно вернутся силы, мы вернемся в Асгард — тоном, не допускающим возражений, объявила она. — А пока потрудитесь-ка объяснить, зачем вы расспрашивали великанов про оружие Тора.

Я чуть было не ляпнул правду, но, вспомнив, уже раскрыв рот, что Тор не велел ее никому говорить, промямлил:

— М-м-м... Ну у...

— Это такой хитрый ход, — выступила Самира. — Надо же было чем-нибудь сбить великанов с толку.

— Очень опасный трюк, — сощурилась капитан валькирий. — Если бы великаны поверили, что у Тора больше нет молота, это бы повлекло за собой непредсказуемые последствия.

— Кстати о последствиях, — сказал я. — Сурт намерен завтра ночью освободить Фенрира.

— Сегодняшней, — внесла поправку Сэм.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

У меня похолодело в груди.

— Но ведь сегодня вторник, а Фрея сказала, что полная луна появится в среду.

— Которая технически начинается после захода солнца во вторник, — пояснила Сэм.

— Прекрасно все складывается, — убито пробормотал я. — Что же ты раньше не предупредила?

— Ну, думала, ты понимаешь.

— Молчать обоим! — гаркнула Гунилла. — Магнус Чейз, ты доверился дезинформации лживой дочери Локи.

— Хочешь сказать, полнолуние не сегодняшней ночью?

— Сегодняшней, — процедила сквозь зубы она. — Я хочу сказать... — Лицо ее позеленело от злости. — Не пытайся меня запутать! — И она снова ткнула копьем Блитцена.

Он ойкнул. Хэрт тут же подался поближе ко мне.

— Гунилла, — поднял я руку, пытаюсь пробиться к ее сознанию. — Я просто имею в виду, что, если ты не отпустишь нас помешать Сурту...

— Я уже, кажется, предупреждала тебя, — не удосужилась она даже дослушать. — Пойдешь на поводу у Самирры, ускоришь Рагнарок. Радуйся, что первой нашла тебя я, а не другие валькирии и не твои бывшие друзья-эйнхерии. Они в доказательство своей преданности Вальгалле решили убить тебя. А я все-таки предпочту сделать так, чтобы ты предстал перед судом. Пусть таны сами решают, нужно ли твою душу забросить в Гиннунгагал.

Мы с Самиррой переглянулись. Времени на путешествие под конвоем в Асгард у нас не было. А даже если и было бы, мне совершенно не улыбалась роль обвиняемого перед судом танов с последующей отправкой в малопривлекательное место с почти неприличным названием.

Спасение неожиданно пришло от Хэртстоуна. Лицо его вдруг застыло от ужаса, и он с таким видом потыкал пальцем за спину Гуниллы, словно бы там поднимался на ноги изпод обломков Гейрод. Трюк старый, как Девять Миров, но почему-то он чаще всего срабатывает. Гунилла вздрогнула и обернулась. Сэм стремительно кинулась к ней, но вместо

того чтобы сбить с ног, просто легонько коснулась золотого нарукавника на ее предплечье.

Пространство наполнилось гулом, словно кто-то включил промышленный пылесос. Гунилла в растерянности уставилась на Самиру и взвизгнула:

— Как ты смеешь?

Вот и все, что ей удалось сказать, а потом она превратилась в маленькую светящуюся точку и исчезла.

— Сэм, — поражению взирал я на пустое пространство, где мгновение назад стояла Гунилла. — Ты ее уничтожила?

— Разумеется, нет. — Меня она тоже хлопнула по руке, но я после этого не исчез. — Просто вернула ее обратно в Вальгаллу, активизировав золотой нарукавник.

— Нарукавник? — переспросил Блитцен.

Сэм как-то застенчиво улыбнулась.

— До последней секунды не знала, работает или нет. Но, видно, они еще не убрали из базы данных валькирий мои отпечатки пальцев.

Руки Хэрта погребовали разъяснения.

— Нарукавники валькирий обладают функцией, позволяющей в чрезвычайных обстоятельствах моментально эвакуироваться, — начала растолковывать Сэм. — Если валькирия получила рану в бою и ей срочно требуется помощь врачей, другая валькирия может одним лишь прикосновением к ее нарукавнику отправить раненую в Медицинский стационар Вальгаллы. Волшебство это очень сильное. Достаточно один раз применить, и золотой нарукавник растает.

— То есть Гуниллу дернули в Вальгаллу? — все еще изумлялся я.

— Да, — подтвердила Сэм. — Но это лишь очень временная отсрочка. Как только Гунилла немного очухается, она опять поспежит за нами и, будьте уверены, с подкреплением.

— Молот Тора, — напомнил я. — Он в кладовке.

Мы, сорвавшись, помчались к маленькой железной двери. Очень хотел бы похвастаться, что тщательно все спланировал, оберегая дверь от случившегося завала, но на самом-то деле нам попросту повезло.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Сэм с одного удара сбила своим топором замок. Хэртстоун рывком отворил вход в кладовку. Внутри оказался встроенный шкаф, в котором была одиноко прислонена к стене металлическая палка, формой напоминавшая рукоятку метлы.

— И это все? — ошарашенно промямлил я. — Как-то немного разочаровывает.

Блитцен внимательно изучал находку.

— Ну уж не знаю, сынок. Видишь на ней эти руны? Это, конечно, не Мьёлнир, но сделано с помощью сильного волшебства.

— Значит, не молот, но все ж оружие Тора, — вздохнула Сэм.

— М-м-м, — протянул с глубокомысленным видом Блитцен.

— М-м-м, — без малейшего глубокомыслия протянул я. — Не расскажешь ли мне, что это за штука?

— Резервное оружие Тора, сынок. Он получил этот посох в подарок от подруги-великанши по имени Грид.

— Три вопроса, — уставился на него я. — Первый: у Тора есть подруга-великанша?

— Да, — кивнул Блитцен. — Не все ведь они такие ужасные.

— Вопрос номер два: все имена великанш обязательно начинаются на букву «Г»?

— Нет, — внес некоторую ясность Блитцен.

— И последнее: Тор что, художник войны? Может, у него еще и железные нунчаки есть в наличии?

— Сынок, советую тебе не гневить этот посох, — поднял указательный палец Блитцен. — Конечно, его изготовили не великие гномы, работе которых принадлежит молот Тора, но все равно оружие это сверхмощное и выковано оно из великанского железа. Надеюсь, нам как-то удастся его поднять. Посох крайне тяжел, и к тому же его защищают волшебные чары.

— На сей счет можете не тревожиться, — раздался голос откуда-то сверху.

Мы разом задрали головы как раз в тот момент, когда в одно из высоких окон въехал на всех парах Тор на колеснице, запряженной Отисом и Марвином. Рядом с ними бодро парил в воздухе мой меч Джек.

Тор приземлился рядышком с нами во всем своем замызганном великолепии.

— Отличная работа, смертные! — просиял он улыбкой. — Вы отыскали мой посох, а это лучше, чем ничего.

— Я как-то не понял, чувак, — прогудел мой меч. — Мне на мытье-то понадобилось совсем мало времени. И вот вылезая я чистый из кубка, оборачиваюсь, а вас и след простыл. И дверь зачем-то еще завалили. Что после этого, скажи мне на милость, меч должен думать?

— Ну извини, так уж вышло, — с трудом удержался я от более длительных комментариев.

Тор потянулся к стенному шкафу, и посох тут же послушно влетел ему в руку. Сделав несколько эффектных выпадов, Тор с громким свистом рассек им воздух, а затем закрутил его в руках, как на военном параде.

— Вполне годится, пока я не отыщу мо... Ну, то оружие, которое официально не пропадало. Спасибо вам еще раз.

— У вас есть, оказывается, летающая колесница, — констатировал я, с трудом подавляя желание врезать ему по самодовольной роже.

— А то! — одарил он меня раскатистым смехом. — Тор без летающей колесницы все равно что гном без парашюта для экстренных ситуаций.

— Большое спасибо, — зачем-то поблагодарил его Блитцен.

— Значит, вы преспокойно могли нас перенести сюда, сэкономив нам полтора дня времени и избавив от нескольких ситуаций, когда мы были на грани гибели! — понесло меня. — Но вы заставили нас карабкаться на утес и переправляться самостоятельно через пропасть.

— Неправильно было бы вас лишать шанса на героизм, — с жизнерадостным видом отреагировал на мои обвинения громовой бог.

Блитцен скрипнул зубами, а Хэрт показал:

— Ненавижу этого бога!

— Вот именно, мистер Эльф, — приветливо покивал Тор. — Не каждый бы вам предоставил возможность проявить стойкость и мужество. Не стоит благодарностей.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

— К тому же, — заблеял Отис, притопывая копытами, — боссу нельзя было показаться здесь без молота, особенно учитывая, что его дочь заточили в клетке.

— То есть вы и об этом знали? — вскинулась Сэм.

Тор свирепо уставился на козла:

— Вынужден, Отис, в который раз тебе повторять: иногда лучше рот держать на замке.

Отис уныло опустил рога:

— Простите. Можете даже убить меня. Я не против.

Марвин тут же его укусил и рыкнул:

— Может, лучше заткнешься? Не забыл, что вместе с тобой каждый раз убивают меня за компанию.

Тор закатил картинно глаза.

— Когда мой отец спросил у меня, каких животных я бы желал запрягать в колесницу, я выбрал летающе-восстанавливающих козлов. А ведь к моим услугам были любые звери, вплоть до львов и драконов. Ну а теперь отвечаю на твой вопрос, девушка, — повернулся он к Сэм. — Да, я чувствовал, что Гунилла здесь. Обычно мне сразу становится ясно, когда кто-нибудь из моих детей близко. «Спасете ее, — решил я. — Вот вам и отличный бонус». К тому же мне не хотелось ей признаваться, что у меня пропал молот. Это информация, так сказать, деликатного свойства. Гордись, дочь Локи, что я доверил ее тебе.

— Вам и это известно, лорд Тор? — чуть понягилась от него Сэм.

— Девушка, перестань величать меня лордом. Я — бог простого народа. И можешь не беспокоиться: я тебя не убью. Не все потомки Локи несут в себе зло. Даже сам Локи... — Громовой бог вздохнул. — Признаться, мне порой его очень не хватает.

— Неужели? — искоса глянула на него Сэм.

— Я не шучу, — шумно поскреб он рыжую бороду. — Частенько, конечно, и мне его убить хотелось. Ну, например, когда он состриг все волосы на голове у моей жены или когда надоумил меня нарядиться в женское свадебное платье.

— Что-что? — решил я, что ослышался.

— Но с Локи жизнь делалась интересней, — словно меня не расслышав, продолжил с тоскою в голосе громовой бог. — Люди вообще почему-то думали, будто мы братья. Братом-то Локи приходился не мне, а Одину. Но такой слух про нас шел. Потому что, ох ненавижу я признаваться в этом, мы с Локи были хорошей командой.

— Как Марвин и я, — проблеял Отис. — Мой психотерапевт утверждает...

— Заткнись, болван! — рявкнул Марвин.

Тор завращал железным посохом.

— Он мне очень поможет, пока я не найду тот, другой предмет. И, пожалуйста, никому ни слова. Даже моим детям. Им, пожалуй, особенно. Иначе придется мне вас убить, а у меня к этому душа не лежит.

— Как же вы будете без Мьёлнира-то обходиться? — поинтересовалась Сэм. — Вам же без него...

— Не удастся смотреть телевизор? — подхватил Тор. — Ну да. Экран и разрешение на этом посохе, конечно, убогие. Но временно как-нибудь потерплю. Что же касается Острова Волка, то он возникнет из волн пынче ночью. Поторопитесь. До свидания, смертные, и...

— Стойте! — окликнул я. — Нам необходимы координаты!

— Ах да! — хлопнул себя по лбу Тор. — Я ведь вам обещал. Ну, все, что вам требуется, это найти братьев-гномов на Длинной верфи в Бостоне. Они вас доставят на остров. Их судно обычно отчаливает на закате.

— Гномы! — обрадовался Блиц. — Выходит, мы можем им доверять?

— О нет, — возразил ему Тор. — Они при первой возможности попытаются вас убить, зато знают дорогу на остров.

— Лорд Тор, то есть я имела в виду, просто Тор, а вы бы не согласились поехать с нами? — вкрадчиво проговорила Сэм. — Это же очень важная битва. С огненным лордом Сургом. Волком Фенриром. По-моему, вполне достойно вашего присутствия.

Правый глаз громового бога задергался.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Вообще-то отличное предложение. Искренне бы хотел отправиться с вами, но, к сожалению, у меня намечена встреча, не терпящая отлагательства.

— Повый сезон сериала «Игра престолов», — пояснил Марвин.

— Заткнись, — пикнул на него Тор и воздел над нашими головами свой посох. — Используйте свое время с толком, герои. Как следует подготовьтесь к битве и будьте к закату на Длинной верфи.

Комната закружилась. Джэк влетел мне в руку, и меня затопило изнеможение. Чтобы хоть как-нибудь устоять, я вынужден был прислониться к колонне.

— Куда вы нас отправляете, Тор?

— Туда, куда каждому из вас нужно, — расхохотался громовой бог.

И Йотунхейм обрушился на меня, как сложившаяся на-
латка.

Глава LVIII

КАКОЙ ХЕЛИ?

Я стоял в одиночестве под сильной метелью на Банкер-Хилл. Изнеможения уже не было. Джек вновь превратился в кулон и висел у меня на шее. Каким образом меня занесло сюда? Что я здесь делаю? Все это было как-то бессмысленно, но и сон не напоминало.

Полное ощущение, что я находился в реальном Чарльзтауне на противоположном от Бостона берегу реки. Ровно на том самом месте, куда когда-то в четвертом классе меня и других ребят привезли в школьном автобусе на экскурсию. Снег заметал густым белым тюлем дома из песчаника и парк, превратив его в белое поле с опушенными словно ватой деревьями без листвы и серым стремящимся в зимнее небо обелиском. Раньше он мне казался очень большим, но в сравнении с замком Гейрода выглядел маленьким и печальным.

Тор сказал, что я отправлюсь туда, где мне надо быть. Но что надо мне здесь делать и куда девались мои друзья?

— Трагично, не правда ли? — вдруг произнес чей-то голос.

Я даже не дернулся. Видно, успел привыкнуть к странным древнескандинавским личностям, которые то и дело вторгались на территорию личного моего пространства.

Слева от меня стояла женщина лет двадцати пяти, неотрывно глядящая на монумент. Бледная кожа. Длинные темные волосы. Профиль ее, прекрасный до боли в сердце,

словно подсвечивала горностаевая накидка, мех которой искрился подобно сугробу под фонарем.

Она медленно повернулась ко мне. Я едва смог подавить вопль ужаса. Правая сторона лица ее была воплощенным кошмаром. Сморщенная полуразложившаяся кожа, схваченная островками льда, бескровные до прозрачности губы, приоткрывающие два ряда сгнивших зубов, белый глаз, клоки пересохших до состояния паутины волос.

«Не бери в голову, Магнус, — пытался я как-то себя успокоить. — Ну это же что-то вроде того чувака из «Бэтмена», у которого два лица». Вот только тот парень-то был явной выдумкой. Потому и казался смешным. А жуткая женщина представляла собой совсем не смешную реальность.

Будто спасаясь когда-то от разрушительного урагана, она застряла в дверях убежища, и одна ее половина осталась целой, вторая же получила травмы, несовместимые с жизнью. Или, решив возродиться из мертвых, на что-нибудь отвлеклась в середине процесса перевоплощения.

— Ты Хель, — внезапно сообразил я и услышал, что голос мой звучит, как в пятилетнем возрасте.

Подняв иссохшую правую руку, она заложила прядь мертвых волос за клочок от замороженной плоти, который когда-то был ухом.

— Да, я Хель. Ну, Магнус Чейз, давай же. Большие браводы. Смертные, знаешь ли, любят разные шуточки отпускать с моим именем. Чего же не спросишь, какой Хели мне здесь понадобилось, не пошлешь ли меня на Хель или еще что-нибудь в этом роде?

Шутки... Бравада... Да у меня едва сил хватало на то, чтобы с воплем не унести прочь.

Вокруг Хель закрутился ветер, сорвав с ее мертвой руки клочки почерневшей кожи, которые пеплом легли на снег.

— Что вам от меня нужно? Я ведь уже и так эйнхерий. Короче, мертвый.

— Мне это известно, юный герой, и я совершенно не покушаюсь на твою душу. У меня их вполне достаточно. Я тебя вызвала просто на разговор.

— Вы меня сюда вызвали? А я думал, Тор.

— Тор! — Хель презрительно фыркнула. — К нему есть смысл обращаться за помощью, только если у тебя что-нибудь не ладится со ста семнадцатью каналами эйч-ди-контента. А вот отправить куда-нибудь правильно по Девяти Мирам — в этом он полный ноль.

— И? — выжидающе глядел я на богиню.

— И я решила, что нам с тобой самое время поговорить. Мой отец ведь предупреждал, что я тебя отыщу, правда? И еще предложил тебе выход из ситуации. Вывести меч из игры. Отдать его дяде Рэндольфу. Сделай это, пока еще есть возможность. Надеюсь, что это место послужит тебе уроком.

— Банкер-Хилл? — спросил я.

Она повернулась в сторону монумента так, чтобы мне осталась видна только ее мертвая половина.

— Грустно и лишено смысла. Очередная безнадежная битва, подобная той, в которую ты собрался вступить.

Мои исторические познания за последние годы несколько заржавели, но я все же отчетливо помнил, что монументы на месте лишенных смысла и безнадежных боев не возводят.

— Разве битва на Банкер-Хилл не увенчалась победой? — произнес я вслух. — Американцам ведь удалось удержать британцев на вершине горы. Не стреляйте, пока не увидите... — Тут я напоролся взглядом на ее кошмарный зомби-глаз, и мне как-то не захотелось заканчивать знаменитую фразу: «Не стреляйте, пока не увидите белки их глаз», — велел американским солдатам полковник Прескотт, и в результате ни одна пуля не была выпущена ими зря. Стреляли прицельно, подпустив врага на близкое расстояние.

— На каждого героя по тысяче трусов, — ответила мне богиня. — На каждую храбрую смерть тысячи бессмысленных. И на каждого эйпхерия по тысяче душ, попавших ко мне. Вот прямо там, — указала куда-то влево полуразложившейся рукой Хель, — сложил голову, зовя маму, молодой человек твоих лет. Самый юный в своем полку. Он был застрелен за трусость собственным командиром. Думаешь, его восхитил бы этот величественный монумент? А вон там, — рука ее

переместилась к вершине холма, — твои предки, после того как у них иссякли боеприпасы, кидали в британцев камни, словно пещерные люди. Иные бежали. Другие остались, и их закололи штыками. И кто поступил умнее?

Она улыбалась, и трудно сказать, какая из ее половин выглядела ужаснее. Мертвая? Или та, что принадлежала красивой женщине, потешающейся над сценой массового убийства?

— И слова эти про белки глаз никто тогда не произносил, — продолжала она. — Это миф, сочиненный спустя много лет. Даже название этого места было тогда другим — Бридс-Хилл. Битва, конечно, дорого обошлась британцам, но потерпели то поражение американцы. Вот она, человеческая память. Вы забываете правду и верите в то, что вам больше нравится.

Снег таял у меня на шее. Воротник уже стал совершенно мокрым.

— Ну и в чем вы хотите меня убедить? Отказаться от битвы? Позволить Сурту освободить вашего брата Волка?

— Я просто тебя призываю задуматься. Действительно ли Банкер-Хилл оказал влияние на результаты вашей революции? Сможешь ли ты, повстречавшись с Суртом, не допустить Рагнарок или, наоборот, ускорить его наступление? Ринуться в битву — удел героев. Людей того склада, которые в результате оказываются в Вальгалле. Но ведь есть миллионы других, проявлявших всю жизнь осторожность и осмотрительность. Зато они спокойно встретили смерть в собственных постелях. И души их перешли ко мне. Так, может, они поступили мудрее? Действительно ли ты принадлежишь Вальгалле, Магнус?

Я вдруг увидел кружащееся в ледяном воздухе предсказание норн:

Выбор сделан был неправильно тобой,
Был убит не для Вальгаллы тот герой.
Девять дней к востоку солнце пролетит, —
Связан зверь, но летний меч освободит.

Мне тут же вспомнился сосед по вальгалльскому коридору, Ти Джей, не расставшийся до сих пор с мундиром вре-

мен Гражданской войны и старинной винтовкой. Он изо дня в день принимал участие в бесконечных боях в ожидании окончательной смертной битвы при Рагнароке. Я подумал о Хафборне Гундерсене, который, чтобы дожить до последней битвы, сохранив разум, защитил степень по литературе. Я один из таких, как они?

— Отнеси меч дяде, — настаивала тем временем Хель. — Пускай события разворачиваются без твоего участия. Это самый разумный и безопасный выбор. Если на нем остановишься, мой отец Локи просил наградить тебя.

Кожа у меня на лице до того горела, что я испугался. Вдруг уже начал от обморожения разлагаться и скоро стану похож на Хель?

— Наградить меня?

— Не верь тем, кто твердят, что Хельхейм ужасное место, — отозвалась богиня. — В моем чертоге много прекрасных комнат для избранных. К тому же могу организовать воссоединение.

— Воссоединение с... мамой? — едва удалось мне выговорить. — Она у вас?

Вопрос мой, похоже, заставил богиню склонить низко голову и задуматься.

— Я могла бы ее заполнить, — наконец выпрямилась она. — Душа ее пребывает пока в процессе определения статуса.

— Как-как? Я не понял вас.

— Ну, на судьбу умерших часто влияют желания и молитвы живых. Смертные всегда это знали. — Зубы Хель обнажились в улыбке — с одной стороны идеальной формы и белые, а с другой гнилые. — Я не могу вернуть Натали Чейз к жизни, но если захочешь, то мне по силам объединить ваши души в Хельхейме. Там вы вновь сможете стать семьей, и никто вас уже никогда не разлучит.

Я попытался себе представить такое, и у меня тут же возникла масса вопросов, вот только язык почему-то перестал мне повиноваться.

— Тебе совершенно не обязательно говорить, — кажется, поняла, что со мной происходит, Хель. — Просто, если со-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

гласен, подай мне знак. Заплачь по маме. Дай волю слезам, и я пойму, что мой план тебе нравится. Только решай немедленно. Отвергнешь мое предложение, упрешься на собственном Банкер-Хилле и попрощайся с надеждой когда-нибудь снова увидеть маму в этой или какой-нибудь другой жизни.

Я почти наяву увидел, как мы с мамой «печем блины» на пруду. Глаза у нее сияют всеельем. Руки простерты навстречу солнцу. Она пытается объяснить мне, каков мой отец: «Магнус, разве ты сам не чувствуешь? Он здесь, вокруг нас. Вот почему я так часто сюда привожу тебя». Мама. Натали Чейз. В темном холодном замке с навеки скованной мертвым миром Хельхейма душой? Да это же все равно что тело, мое мертвое тело, которое я увидел в похоронном агентстве. Забальзамированная реликвия, подмазанная и приодетая, чтобы быть выставленной напоказ. Или утонувшие души, бьющиеся в сети богини Рап.

— Плачешь? — с довольным видом отметила Хель. — Значит, договорились?

— Нет, нет! — внезапно обрел я дар речи. — Вы просто не понимаете. Я плачу из-за того, что понял желание мамы. Она хотела запомниться мне такой, какой была. Это единственный памятник, который ей нужен. А вы предлагаете мне заловить ее, заморозить, чтобы она жила словно труп или призрак в подземном хранилище.

Хель до того разозлилась, что даже живая часть ее лица утратила всю свою привлекательность.

— Да как ты посмел!

— Вы хотели бравады? — мигом сорвал я с цепочки кулон. Джэк вытянулся во всем великолепии. Руны его засияли и запарили на лютом холоде. — Оставьте меня в покое, — потребовал я. — Можете передать Локи, что сделка не состоялась. А если я еще когда-нибудь вас увижу, то обещаю рассечь прямо по разделительной линии.

Я поднял меч в воздух.

Богиня смешалась с метелью, а следом за ней испарился и весь окружающий пейзаж. Теперь я стоял на краешке крыши, пятью этажами выше асфальта, простершегося внизу.

Глава LIX

СРЕДНЯЯ ШКОЛА — ЭТО КОШМАР!

Прежде чем я, на свою погибель, успел рухнуть вниз, меня схватили и оттащили назад.

— Осади, ковбой! — услышал я голос Сэм.

Я обернулся. На ней была куртка того оттенка синего цвета, который называют морским, темные джинсы и черные ботинки. Вообще-то синий не в числе моих любимых цветов, но ей он придавал достоинство и серьезность. В этой куртке она походила на офицера авиации. Хиджаб ее покрыл снег. Топора на боку не видно. Вероятно, она закинула его в рюкзак, который висел у нее за плечами.

Встреча со мной в таком странном месте, похоже, не вызвала у нее удивления. Впрочем, судя по ее напряженному лицу и отрешенному взгляду, направленному в какие-то неясные дали, она вообще сейчас была сосредоточена на чем-то своем.

Я постепенно приходил в себя. Рука моя все еще сжимала рукоять посверкивающего на свету Джека, но никакого упадка сил от убийства сестер-великанш не чувствовалось. Я глянул вниз на прямоугольник асфальта, об который только что едва не разбился. Он представлял собою пространство между двумя корпусами школы, обнесенное оградой из металлической сетки. На нем рассеялись группки школьников, занятые кто чем. Одни болтали возле дверей, другие

пихались, скользя по образовавшимся дорожкам из льда. Третьи просто топтались на месте. Вроде бы семиклассники, хотя за их зимней одеждой темного цвета точно не определишь.

Я превратил меч в кулон. Пусть пока повисит на шее. Расхаживать по крыше школьного здания с мечом в руках мне показалось как-то не очень.

— Где мы? — спросил я у Сэм.

— Любимые места, — с горечью отозвалась она. — Средняя школа имени Малькольма Икса.

Я попытался представить себе ее в группе таких вот, одетых в темное, девчонок, где единственным ярким пятном был бы ее зеленый хиджаб.

— Тор, значит, отправил тебя обратно в школу. Жесткая какой-то, — сказал я ей.

Она хмыкнула.

— Вообще-то он отправил меня домой, и я крайне вовремя нарисовалась у себя в спальне. Не успела я там появиться, туда влетели Биби и Джид, и началось. Куда исчезла? Где меня носило? Короче, попала я в ситуацию куда хуже, чем средняя школа.

Мне стало стыдно. Вот ведь заикнулся на своих проблемах, а Сэм каково? Она же, помимо прочего, должна ухитриться вести нормальную жизнь в семье.

— Ну, и что же ты им сказала?

— Что была у друзей. Пусть думают, будто я задержалась у Марианны Шоу.

— Ну, ясное дело: про трех странных типов ты им не докладывала, — усмехнулся я.

— Ненавижу врать, — нахмурилась Сэм, — но что поделаешь? Я сказала Биби, что пыталась ей послать эсэмэску. Это чистая правда: пыталась. Только из Йотунхейма сигнал не проходит. Но Биби решила, что это ее вина. У нее с мобильниками постоянно проблемы. Короче, вроде бы выкрутилась, но все равно, когда я вот так их надуваю, мне вечно не по себе. Они ведь столько для меня сделали. И, ясное дело, тревожатся, чтобы со мной не вышло как с мамой.

— Ну да, жуткий ужас. Вдруг станешь успешным врачом, который спасает сотни людей, — съехидничал я.

— Прекрасно ведь знаешь, о чем я, — закатила глаза она. — Бунт против традиций. Навлекла позор на семью. В общем, они заперли меня в комнате. Теперь, мол, не выйдешь отсюда до судебного дня. Я уж не стала им говорить, что, возможно, сегодня ночью он и наступит.

Ветер усилился. Порывы его крутили со скрипом лопасти старых вентиляторов, сбивая с них хлопья ржавчины, которые, как ошавшие листья, летели с крыши на школьный двор.

— Как же тебе удалось удрать сюда? — любопытствовал я.

— Да никак, — пожала плечами она. — Просто вот здесь появилась. Возможно, мне требуется напоминание, с чего все началось.

Мозги мои после прогулки в Йотунхейм были не менее ржавыми, чем вентиляторы на этой крыше, но тем не менее в них возникла догадка.

— Именно здесь ты стала валькирией?

Сэм кивнула.

— Морозный великан. Зачем он тогда проник в нашу школу, не знаю. Может, меня искал, может, кого-то другого из полубогов. Он разрушил несколько классов. Началась паника. Какая бы цель у него ни была, он, похоже, собирался ее достигнуть, не останавливаясь ни перед чем. Разрушения множились. Вот-вот кто-нибудь мог погибнуть. Никто, кроме меня, не понял, с какой силой они столкнулись. Решили, что это просто психанутый человек. Заблокировали все выходы и позвонили в полицию. Только время-то шло на секунды. — Она засунула руки поглубже в карманы куртки. — Короче, я его вызвала на себя. Принялась дразнить, что-то обидное говорила про его мать, внешний вид. Он забыл обо всем и помчался за мной, а я побежала на крышу. К счастью, он не умел летать и разлетелся на миллион ледяных кусочков, — поглядела Сэм вниз на заасфальтированный школьный двор.

Казалось, она не гордилась собой, а скорее была смущена.

— То есть тебе удалось в одиночку справиться с великаном и спасти школу? — изумленно уставился на нее я.

— Наверное, — пожала плечами Сэм. — Только никто ничего не понял. Все остальные решили, что тот, кто ворвался в школу, просто сбежал. Ясно все стало одному только Одину. Всеобщий Отец возник после гибели великана на том самом месте, где сейчас стоишь ты, и предложил мне работать валькирией. Я согласилась.

Разговор с Хель вызвал с новой силой во мне все то, что я испытал в момент гибели мамы. Теперь к этой боли добавился жгучий стыд. Сэм, поверив, что я такой же герой, как она, доставила меня в Вальгаллу, лишившись места валькирии. И несмотря на то что произошло с ней потом, кажется, не считает меня виноватым.

— Ты теперь, вероятно, жалеешь? Ну, что взяла мою душу, когда я погиб? — решил напрямую выяснить я.

Она едва слышно хихикнула.

— Ничего ты не знаешь, Магнус. Доставить тебя в Вальгаллу меня попросил... Нет, совершенно не Локи, а Один.

Кулон у меня на шею нагрелся, в ноздри ударил запах роз и клубники, словно меня на мгновение занесло в лето.

— Один? — пробормотал я. — Но ты же мне говорила, что он исчез. Не появлялся с тех самых пор, как ты стала валькирией.

— Он просто просил никому не рассказывать. Но... — Она опустила глаза. — Кажется, я и с этим не справилась. В общем, в ночь перед твоей битвой с Суртом. Один меня подждал возле дома бабушки с дедушкой под личиной бездомного. Жиденькая бородка, старое синее пальто, грязная широкополая шляпа. Но я-то сразу узнала его по голосу и повязке на глазу. Вот тогда-то он мне и велел наблюдать за тобой и, если ты будешь храбро сражаться, отправить в Вальгаллу.

По школьному двору разнеслись трели звонка. Ребята, отпихивая друг друга, стали протискиваться внутрь здания. Обычный учебный день. Когда-то и я был таким же, как они.

Только теперь это так далеко от меня. Словно множество лет прошло.

— Но ведь норны сказали, Вальгалла не для меня, — отчетливо помнил я. — Значит, я не был ее достоин.

— И все же был избран, — ответила Сэм. — Не пойму, по какой причине возникли потом разногласия, раз сам Один считал, что именно так и надо. Ну, да что бы там ни было, наш долг добраться сегодняшней ночью до острова.

Я глянул вниз. Снег крупными хлопьями заметал асфальт, стирая следы только что пробежавших ребят. Минута-другая, и от них ничего не останется, как от разбившегося на льдышки и растаявшего великана, с которым два года назад справилась в одиночку Сэм.

Обрадовало ли меня, что сам Один, великий Всеобщий Отец, избрал меня для Вальгаллы вопреки предсказанию норн? Вызвало ли во мне гордость, что я оказался достоин его внимания? Не знаю. Меня скорей озадачивало, почему в таком случае он не пожелал со мной встретиться лично. Вон даже Локи, навечно привязанный к какому-то камню, умудрился несколько раз мне явиться. И Мимир, от которого вовсе осталась лишь голова, совершил путешествие для встречи со мной. А Всеобщий Отец, Великий Колдун, умеющий с помощью рун изменять реальность, не нашел времени даже для кратенького контакта.

У меня в голове отчетливо прозвучал вопрос Хель: «Действительно ли ты принадлежишь Вальгалле, Магнус?»

— Я только что с Банкер-Хилл, — стало необходимо мне поделиться с Сэм. — Хель предложила мне воссоединиться с мамой.

Вслушав терпеливо мой подробный рассказ, она потянулась было к моей руке, но в последний момент передумала.

— Мне очень жаль, Магнус, но Хель тебе лжет. Ей нельзя доверять. Она точно такая же, как мой отец, только еще холодней и расчетливей. Ты сделал правильный выбор.

— Знаю, — кивнул ей я. — Но вот у тебя никогда не бывало, что вроде и правильно поступаешь, а ощущение у тебя при этом ужасное?

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— В большинстве случаев именно так со мною и происходит. — Сэм надвинула поплотнее на голову капюшон куртки. — До сих пор не пойму, зачем мне понадобилось тогда вступать в схватку с великаном. Ребята в школе ко мне относились ужасно. Ну, знаешь, такая нормальная срунда, когда всем скопом против кого-нибудь одного ополчаются. Вопросы постоянно мне задавали, не террористка ли я. Сдирали хиджаб. В шкафчик записочки всякие мерзкие и рисунки подкидывали. Вот я иногда и думаю: что мне стоило, когда великан напал, притвориться обычной смертной и спрятаться в безопасном месте? Почему мне такое тогда даже в голову не пришло? С какой радости я рисковала жизнью ради этих ребят?

Я улыбнулся.

— Ты что? — удивилась она.

— Да вот просто вспомнил, как кто-то мне говорил, что героизм — это незапланированная храбрость. Такая естественная реакция на критическую ситуацию, которая идет от сердца без малейших мыслей о вознаграждении. Тот человек мне это сказал тогда так уверенно.

Сэм фыркнула, а я продолжал:

— Прийти сюда больше требовалось не тебе, а мне. Теперь я окончательно понял, почему мы хорошая команда.

Она иронически изогнула брови.

— Да-а? Мы хорошая команда?

— А вот скоро проверим, — глянул я в северном направлении, где за завссой метели скрывалась Длинная верфь. — Давай-ка отыщем Блитцена и Хэртстоуна и все вместе займемся тушением Огненного Гиганта.

Глава LX

СЛАВНЕНЬКИЙ СМЕРТНОСНЫЙ МОРСКОЙ КРУИЗ НА ЗАКАТЕ СОЛНЦА

Блиц и Хэрт ожидали нас возле здания Аквариума Новой Англии.

Блиц экипировался в новенькую одежду: военную форму цвета хаки, желтый широкий галстук и в тон ему желтый шлем с желтой солнцезащитной вуалью.

— Очень подходящий комплект для охоты на волков, — сообщил сияя, он нам.

И, продолжая сиять, начал рассказывать, как волшебство Тора занесло его напрямик в лучший супермаркет Нидавеллира, куда ему и впрямь крайне требовалось попасть и где он воспользовался своей свартальф-экспресс-картой для оплаты экспедиционной экипировки, которую составили несколько комплектов сменной одежды и практически вечный гарпун из кованной стали.

— Но дело и этим не кончилось, — прибавилось еще на несколько градусов радости в нашем гноме. — Посидинок со мной вышел злобному хмырю Джуниору большим боком. Слухи о его позорном проигрыше распространились повсюду. Меня же больше никто ни в чем не упрекает. Про слепня и про вас остальные забыли начисто. Все теперь только и твердят, какие я делаю потрясающие стальные доспехи, и много народа жаждет их получить. Если сегодня выживу, то примусь, наконец, за выпуск собственной коллекции одежды.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

У нас с Сэм особой надежды пережить эту ночь не было, но Блитц просто лучился от счастья, и расстроить его ни я, ни она не решились, а просто поздравили от души с таким крупным прорывом. Гном от избытка эмоций начал раскачиваться с пятки на носок, тихонько мурлыча песню «Стильно одетый гном».

Хэрт тоже прибахлился, но в совершенно ином направлении. Он стал обладателем полированного посоха из белого дуба, который сверху раздваивался, образуя нечто похожее на рогатку, и возникало ощущение, что между ответвлениями обязательно должно находиться что-то еще.

С новым посохом он приобрел облик древнего эльфа, вооруженного мечом и волшебством, хотя был одет во всегдашние черные джипсы, кожаную куртку поверх футболки с логотипом «Бостонский дом развлечений» и свой неизменный красно-бело-полосатый шарф.

Зажав посох под мышкой, он сообщил нам знаками, что Тор перенес его к колодцу Мимира, где Капо объявил его настоящим мастером альфсейдера, созревшим для Посоха Колдуна.

— Разве это не потрясающе! — похлопал его по плечу Блитцен. — Я всегда был уверен, что у тебя получится.

Хэртстоун покусал губы.

— Но я не чувствую себя мастером.

— А у меня тут кое-что есть, — вытащил я из кармана плащечку с руной перт. — Хель, с которой мы встретились несколько часов назад, напомнила мне обо всем, что я потерял.

— Эх, сынок, — вздохнул сочувственно Блитцен, выслушав мой рассказ. — А я тут еще о каких-то модных трендах, когда тебе пришлось иметь дело с таким.

— Да все нормально, — заверил я, и это, в общем-то, было правдой. — Я совсем о другом. Меч ведь мой вчера уничтожил двух великанш, а я уже не ощущаю изнеможения. И догадываюсь почему. — Я повертел в руках камень с руной перт. — Чем дольше я нахожусь с вами, ребята, тем легче становятся для меня последствия, когда приходится пускаться

в ход меч. До знатока магии мне, конечно, далеко, но у меня впечатление, что мы многое делим поровну. — Я протянул руны Хэрту. — Знаю по опыту, каково это — быть пустой чашей, когда у тебя отобрали самое главное, но я не один. Мы все теперь семья. И сколько бы тебе, Хэрт, ни пришлось потратить сил на магию, знай: мы всегда рядом с тобой.

Глаза у него вдруг наполнились зеленой влагой, и он жестикулировал: «Я тебя люблю», кажется, на сей раз не имея под этим знаком в виду «великашки пьяные».

Взяв у меня из рук руны, он положил ее между двумя зубцами своего посоха, и она как влитая прилипла там с той же прочностью, что мой кулон к цепочке на шее, а символ перт засиял нежно-золотым светом.

— Мой знак, — объявили руки эльфа. — Мой семейный знак.

Блитцен запымгал носом, словно его внезапно одолел насморк.

— А ведь здорово. Семья из четырех пустых чаш.

Сэм украдкой смахнула с глаз слезы.

— Что-то мне пить захотелось, — произнесла она хрипло.

— Аль Аббас, — торжественно изрек я. — Назначаю тебя на роль зловредной сестрицы.

— Заткнись, Магнус. — Она с крайне сосредоточенным видом одернула куртку, а потом принялась поправлять ляжки рюкзака. — Я просто вот думаю, что если с процессом объединения семьи покончено, наверное, нам уже следует пуститься на поиски корабля с двумя гномами.

— Зачем на поиски? — расправил и взбил пощипшее широкий свой галстук Блитцен. — Мы с Хэртом, прежде чем вы появились, уже все развели.

И он уверенными шагами повел нас к пирсу, четко следуя к цели и, кажется, демонстрируя нам, сколь хорошо он ощущает себя на дневном свете в своем новом шлеме.

В самом конце Длинной верфи, напротив не работающего зимой киоска, где летом можно было приобрести билеты на экскурсии по наблюдению за китами, стояло крайне

безобразное сооружение, наспех сварганенное из обрезков фанеры и картонных коробок. Над криво вырезанным окошком висело написанное от руки объявление: «Круиз по наблюдению за волками. Стоимость одного билета — один золотой. Дети до пяти лет — бесплатно».

За окошком виднелся гном, внешность которого красноречиво свидетельствовала, что он не свартальф, а тот самый гном, который произошел от трупной личинки. Фута в два роста, он до того зарос бородой, что лица практически не осталось, и густая эта растительность просто переходила сверху в надвинутую на глаза капитанскую фуражку, козырек которой явно служил ему защитой от солнечного света, а снизу — в желтый плащ.

— Привет, — сказал этот гном-личинка. — Фьялар, к вашим услугам. Если желаете принять участие в круизе, то лучшей погоды для наблюдения за волками просто и не придумаешь.

— Фьялар? — По лицу Блитцена было видно, что это имя сильно его насторожило. — А у вас, случайно, нет брата по имени Гьялар?

— Он вон там, — ткнул пальцем в сторону залива Фьялар.

Удивительно, как я раньше-то не заметил. Всего в каких-нибудь нескольких шагах от нас стоял припаркованный викингский драккар с подвесным мотором, на корме которого сидел, поедая вяленое мясо, гном — почти точная копия Фьялара, с той только разницей, что одежду его составляли заляпанный грязью комбинезон и фетровая шляпа с низко свисающими полями.

— Вижу, вы наслышаны о нашем эксклюзивном сервисе, — льстивым голосом продолжал Фьялар. — Четыре билета, как я понимаю? Учтите, такая возможность только один раз в году выпадает.

— Одну минуточку, — перебил его Блиц, поманив нас в сторону. — У этих Фьялара и Гьялара очень дурная слава, — прошептал он, как только мы отошли.

— Тор нас об этом предупреждал, — кивнула Самира, — но выбора у нас нет.

— Знаю, но... — Блитцен в отчаянии заломил руки. — Они уже больше тысячи лет грабят и убивают. И, ясное дело, попытаются это сделать при первой возможности с нами.

— Ну, значит, они мало чем отличаются от тех, кто нам попадался раньше, — подытожил я.

— Они постараются нам нанести удар в спину. Или бросят нас на необитаемом острове. Или выкинут за борт на съедение акулам, — не успокаивался Блитцен.

Хэрт, указав на себя, постучал пальцем о ладонь, что означало: «Я все равно за».

Блитцен пожал обреченно плечами, и мы возвратились к будке.

— Четыре билета, пожалуйста, — сказал я смертоносному гному.

Глава LXI

ВЕРЕСК ВОЗГЛАВИЛ СПИСОК САМЫХ МОИХ НЕЛЮБИМЫХ ЦВЕТОВ

Я считал, что морской прогулочке хуже нашей рыбалки с Харальдом просто не может быть, но глубоко заблуждался.

Едва драккар пшусных гномов с нами на борту вышел из гавани, вода стала темнее чернил кальмара, а береговую линию Бостона накрыла завеса снежной мглы, стерев с нее все черты современности. Вероятно, такой, как мы видели ее сейчас с палубы, она предстала тысячу лет назад вошедшему на своем драккаре в реку Чарльз потомку Скирнира.

Центр города уменьшался до нескольких серых холмов, взлетно-посадочные полосы аэропорта Логан затянуло ледяной коркой, плавающей по воде, а острова поднимались и падали, словно прерывистые картинки на бракованном видеоролике, в разрывах между которыми пролегли тысячелетия.

Мне вдруг стало казаться, что это скорей пейзаж не из прошлого, а из будущего. Наверное, именно такой облик приобретет Бостон после Рагнарока. Но я предпочел не делиться своими соображениями на сей счет с друзьями.

Навесной мотор на драккаре производил в тишине залива просто-таки неслыханный шум. Он гремел, рычал, громко плевался выхлопом, будто поставил перед собою цель оповестить всех монстров в радиусе пяти миль, где нас можно пайти.

Фьялар, расположенный на носу судна, то и дело громко выкрикивал брату:

— Камни по левому борту! Айсберг по правому! Краксп на два часа!

Я пытался казаться спокойным, но нервы мои были на пределе. Сурт обещал мне, что этой ночью мы встретимся и он сожжет меня вместе с друзьями заживо и пламя от нас уничтожит Девять Миров. Но еще больший ужас испытывал я от того, что вот-вот встречу с Волком. При одной мысли об этом из глубины моего подсознания поднимался таящийся там вот уж два года кошмар, заполнявший всего меня черной мглой, в которой мелькали звериные оскалы, белые клыки и голубые глаза.

Сэм сидела рядом со мной, демонстративно держа на коленях топор, чтобы его могли видеть гномы. Блиц неустанно тербил свой широкий галстук, будто рассчитывая таким образом устрасить двух братьев-убийц, а Хэрт отрабатывал что-то магическое, заставляя свой новый посох то исчезать, то вновь появляться. Когда трюк совершался правильно, посох, возникнув из пустоты, влетал ему прямоком в руку, при допущенной же ошибке ударял его в бок, а однажды припелся мне по затылку.

Так вот мы несколько часов подряд и развлекались, а потом драккар вдруг сотряс поток перпендикулярного течения.

— Теперь уже близко, — объявил находящийся на носу Фьялар. — Зашли в Амсвартнир. Это Очень Черный Залив.

— И с чего, интересно, его так назвали? — хихикнул я, уставившись на чернильного цвета волны.

Небо расчистилось от облаков. На его густой черни, без единой звезды, засияла серебряная луна, свет которой, смешавшись с туманом, тускло высветил линию берега. В жизни еще лунный свет не вызывал во мне такой несправедливости.

— Лингви, — послышался с носа голос Фьялара. — Остров Вереска и тюрьма волка.

Остров панаминал потухший множество лет назад вулкан. Приплюснутый конус, выступающий футов на пятьдесят над уровнем моря. Склоны густо поросли белыми цветами. Вереск? Но ведь мне было известно, что он обычно цветет лиловым.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Если это версск, — начал я вслух, — то какой-то он странный, и вообще его многовато.

Фьялар хохотнул.

— Здесь он волшебный, милейший. Служит защитой от зла и призраков. Лучшей тюрьмы для Волка, чем остров с оградой из этих цветов, не придумать.

Самира, поднявшись на ноги, поглядела на остров.

— Если Волк так огромен, как говорят, почему его до сих пор не видим?

— Прежде чем увидеть, по склону нужно подняться, — ответил Фьялар. — Волк лежит связанный посреди острова, как камень в чаше.

Сравнение с камнем в чаше заставило меня вспомнить одно из значений руны перт: пустой сосуд, в котором можно взболтать и кинуть игральные камни судьбы. Очень бы мне не хотелось очертя голову спускаться в кратер, где идет такая игра на меня. Я настороженно глянул на Хэрта, но он никак не отреагировал на слова Фьялара. Полагаю, что просто не мог читать по губам, которые были скрыты такой густой бородой.

Когда до берега оставалось с десяток футов, киль нашего судна наткнулся на песчаную косу. Резкий скрежет и треск, которые раздались при этом, живо напомнили мне, как с таким же звуком рассыпалась на куски дверь нашей квартиры в ночь гибели мамы.

— Ну, можете выходить, — жизнерадостно объявил нам Фьялар. — Следуйте вверх по склону. Как увидите волка, сразу поймете, что не зря на билеты потратились. Приятной экскурсии.

Может быть, у меня попросту разыгралось воображение, но я вдруг учуял отчетливо запах дыма и мокрой звериной шерсти, и пульс мой забился в ушах с такой скоростью, словно даннос мне в Вальгалле сердце эйнхерия решило себя испытать на пределе возможностей.

Не будь рядом моих друзей, сомневаюсь, что я набрался бы смелости сойти на берег. Первым прыгнул Хэртстоун. За ним последовали Сэм и Блитцен. Ну и что же мне

после этого оставалось? Остаться в компании двух гнусных гномов? Волей-неволей пришлось последовать за своими. Вода дошла мне до пояса и оказалась такой ледяной, что я всерьез опасался безнадежно выморозить, если так можно выразиться, свое мужское начало. «Вот выйду сейчас на берег, — невольно подумалось мне, — и начну говорить таким тоненьким голоском».

С голосом и со всем остальным обошлось, но, ступив на сушу, я услышал голос Волка и был вынужден срочно собрать все то, что еще оставалось от моей смелости. Волки страшили меня до дрожи с самого детства. Но вой Фенрира представлял собой нечто отдельное. В нем звучал концентрат чистой ненависти и ярости. Барабанные перепонки мои разрывались. Меня затрясло. Казалось, еще чуть-чуть, и я распадусь на молекулы и сыплюсь в распавшемся виде в Гиннунгаган.

С драккара раздался хохот мерзавцев гномов.

— Забыли предупредить вас! — крикнул Фьялар. — Поездка обратно вам обойдется чуток подороже. Соберите-ка живо все ваши ценности в один рюкзак и киньте его мне сюда. Иначе мы вас навсегда здесь оставим.

— Эти... — Блитцен назвал их в общем-то очень точно, но пощажу ваши уши. — Они, кидай мы им что или нет, все равно оставят нас здесь.

Тут мне очень хотелось бы вам паврать, как я, мужественно отмахнувшись от Гьялара с Фьяларом и повернувшись спиной к их посудине, решительно зашагал вперед к Волку. На самом же деле подобное оказалось последним в списке моих желаний и я лишь едва удерживался от слез и мольбы, обращенной к гномам: «Возьмите, конечно, все, только сжальтесь, пожалуйста, и отвезите нас обратно в Бостон!»

К счастью, об этом моем желании никто не узнал. Потому что я, хоть и дрожащим голосом, но смог выкрикнуть гномам:

— Проваливайте! Вы больше нам не чужны!

Фьялар с Гьяларом переглянулись. Они уже и без моих пожеланий тихонько отчаливали.

— Ты разве не слышал Волка? — с такой отчетливостью осведомился Гьялар, словно считал, что иначе мне, из-за

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

полной тупости, не понять. — Вы здесь останетесь вместе с Фенриром. Вам крышка.

— А то без тебя не знаем, — пожал я плечами.

— Волк вас сожрет! — угрожающе проорал Фьялар. — Связанный или нет, но сожрет! А на рассвете и остров исчезнет! И вы вместе с ним!

— Спасибо, что подбросили. Приятной дороги назад, — пожелал им я.

— Идиоты! — погрозил нам кулаками Фьялар. — Ну, дело хозяйское. Заберем все ваши вещи с ваших скелетов, когда через год возвратимся. Полный вперед, Гьялар! Может, еще успеем подобрать в Бостоне новую группу туристов, которые окажутся поговорчивее.

Подвесной мотор взревел. Драккар с двумя негодьями на борту исчез в темноте.

Я повернулся к друзьям и решил нелишним толкнуть им что-нибудь зажигательное. Ну, вроде: мы семья из четырех чаш, и победа будет за нами.

— Ну, — бодренько начал я, — мы сбегали от войска гномов, не сдрейфили перед белкой-монстром, прибили сестер-великаниш и закололи двух говорящих козлов. Так ли ужасен нам должен быть после этого Волк Фенрир?

— Ужасно ужасен! — хором откликнулись Сэм и Блитцен.

Хэртстоун изобразил пальцами на обеих руках знак «о'кей», затем свел их крестом и резко раскинул в стороны, что можно было перевести как «просто кошмар».

— Вот именно. — Резко кивнув всем троим, я оживил Джека. В свете его клинка цвет вереска показался мне еще бледнее и призрачнее. — Ну, ты готов, дружище?

Железно готов, — отозвался меч. — Но у меня ощущение, что мы угодим в ловушку.

— Кто считает, что это не так, прошу поднять руки, — обратился я к остальным.

Ни одна рука не поднялась.

— Круто, — прогудел Джек. — И так как всем вам понятно, что, скорее всего, вы помрете в муках и начнете Рагнарок, я с вами. Давайте сделаем это.

Глава LXII

МАЛЕНЬКИЙ ПЛОХОЙ ВОЛК

Я помню, как, первый раз в жизни увидев Плимутский камень, подумал: «И это все?»

Ровно так же разочаровали меня и колокол Свободы в Филадельфии, и Эмпайр-стейт-билдинг в Нью-Йорке. Вблизи и при взгляде воочию они оказались гораздо меньше, чем на картинках, и не вызвали у меня никакого ажиотажа.

Вот и Фенрир...

Сколько ужасных историй я про него наслушался. Боги боялись его кормить. Он разрывал самые крепкие цепи. Отгрыз и сожрал руку Тюра. В судный день собирался проглотить солнце. Был намерен в один укус слопать Одина. Мне представлялся зверюга больше Кинг-Конга, с дыханием огнемета, испепеляюще-лазерным взглядом и ноздрями, притягивающими к себе жертву наподобие исполинского пылесоса невиданной мощности.

В действительности же я получил волка размером с обычного волка.

Стоя на гребне склона, мы смотрели вниз, где в центре долины сидел себе преспокойно Фенрир — зверь побольше среднего леопарда, но не больше меня. Ноги у него были длинные, мускулистые, словно созданные для бега.

Лохматая серая шерсть его перемежалась с черной. Никто не назвал бы его милым зверушкой. Слишком уж хищно

блестели его клыки, да и обглоданные скелеты, усеивавшие землю вокруг лап, вряд ли могли вызвать в ком-нибудь умиление. Но все-таки он был красив.

Весь путь к нему я как-то себе представлял, что он крепко прикован к земле, словно обивка, которую пришпандорили к мебели с помощью степлера, и неподвижно лежит на боку. Реальная ситуация выглядела совсем по-иному. Цепь Глейпнир удерживала Фенрира скорее не как жесткие путы, а наподобие кандалов, в которые заковывают преступников при перевозке. Сияющая цепочка вилась вокруг всех четырех его лап, но с достаточным припуском, предоставляя ему возможность бродить вокруг, а часть ее, связывавшая когда-то ему пасть, вообще растянулась и теперь висела свободной петлей у него на груди. Кроме того, цепь ни к чему не была привязана, и я вообще не врубался, что удерживает Фенрира на острове, если, конечно, здесь не соорудили по всему периметру каких-нибудь невидимых ультразвуковых преград, наподобие тех, что удерживают собак на строго ограниченной территории.

Я бы на месте бога Тюра очень был недоволен таким дрянным результатом. Рукой ведь чувак пожертвовал, чтобы Фенрира смогли связать, и нате вам. Неужели у асов не нашлось какого-нибудь приличного бога узлов?

Я повернулся к друзьям.

— Ну, и где настоящий Фенрир? По-моему, это поддельный.

— Нет, — с такой силой сжала тонор Самаира, что рука у нее побелела. — Это он. Я чувствую.

Волк повернулся на звук голосов. Глаза у него засверкали знакомым голубым светом, словно вдарив мне с двух сторон по ребрам полицейской дубинкой.

— Ну и кто это к нам пришел? — осведомился он густым басом, и черные его губы растянулись в ухмылке, которая очень смахивала на человеческую. — Кого, интересно, боги отправили на сей раз, чтобы я подзаправился?

Впечатление мое о Фенрире несколько изменилось. Да, он был, можно сказать, обычных размеров. Не испепелял вас лазерными лучами, но в глазах у него светилось столько ума,

сколько я не встречал до сих пор ни в одном существе ни животного, ни человеческого происхождения. Пос его, словно учуяв мой страх, задрожал. А вкрадчивый бас, такой мягкий и гладкий, обволок меня словно патокой. Теперь мне было понятно, почему таны в Вальгалле не позволили Сэм сказать ни слова в свою защиту. Они страшились обезоруживающего красноречия детей Локи.

Я совершенно не собирался подходить к Волку, однако в самом звучании его голоса слышалось: «Да чего ты боишься? Иди сюда. Мы все здесь друзья».

Диаметр кратера был не больше ста ярдов, и внизу меня не могла отделять от Фенрира достаточно безопасная дистанция, но я все же начал спускаться. Ноги мои оскальзывались на вереске, и мне несколько раз казалось, что сейчас полечу по склону прямо под лапы Волка, но в результате все обошлось.

Мне удалось заставить себя не отвести взгляда от волчьих глаз.

— Я Магнус Чейз, — объявил я совсем не паточным голосом. — И у нас с тобой встреча.

Фенрир оскалился:

— А ведь и впрямь сын Фрея. У потомства ванов такой любопытный запах. До сих пор-то мне удавалось полакомиться лишь детьми Тора, Одина и моего старого друга Тюра.

— Ну извини, что разочаровал.

— Да нет, напротив. — Волк ходил взад-вперед, и цепь поблескивала между его лапами, лишь слегка сковывая его движения. — Я очень даже доволен. Давно уже этого жду.

Хэрт, находившийся от меня слева, ударил несколько раз посохом по камням. Цветы вереска засияли, подсвечивая туман, который поднялся над нами словно вода, распыленная оросителем для газонов.

-- Цветы образуют тюрьму. Оставайся внутри, — показал мне рукой, свободной от посоха, эльф.

— А эльф-то мудрый, — засмеялся волк. — Противник, конечно, он для меня никакой, силенок не хватит, но про вереск все абсолютно точно. Терпеть его не могу. Но стран-

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

ность-то в чем. Множество смертных пренебрегли его спасительной для себя полосой. Кто хотел испытать свои силы, а кто и проверить, по-прежнему ли я связан. -- Он плотоядно глянул на Блитцена. -- Твой отец был одним из таких. благородный гном, одержимый самыми благородными намерениями. Кости его лежат где-то здесь.

У Блитцена вырвался сдавленный крик. Он кинулся бы на Волка со своим гарпуном, если бы мы с Самирой его не удержали.

-- Гнусная, надо сказать, история, -- задумчиво произнес Фенрир. -- Отца твоего, кажется, звали Били? Пу да. И он был абсолютно прав. Эта смешная цепь уже множество лет назад начала становиться слабей и слабей. Когда-то я вовсе не мог ходить. Несколько столетий спустя уже удавалось чуть-чуть, ковыляя, двигаться. Теперь -- сами видите. Вот только полоса вереска для меня по-прежнему непреодолима. Чем дальше я отхожу от центра острова, тем сильнее натягивается цепь, а это ужасно больно. Но все равно прогресс налицо. Настоящий прорыв наступил два года назад, когда мне удалось избавиться от проклятого намордника.

Сэм дернулась.

-- Два года назад?

-- Ну да, сестренка, -- склонил голову пабок волк. -- Да ты наверняка и сама догадалась. Именно тогда я и стал шептать Одину во снах, каким бы отличным ходом было сделать дочь Локи валькирией. Лучшего, мол, не придумаешь, чтобы потенциальный враг превратился в ценного и надежного друга.

-- Чуть, -- отрезала Сэм. -- Один бы даже слушать тебя не стал.

-- Ты так уверена? -- самодовольно оскалился Волк. -- Вот это-то больше всего меня потрясает в так называемых благородных и добрых душах. Вы слышите только то, во что вам хочется верить, и принимаете это за голос совести, хотя на самом-то деле подчиняетесь голосу Волка. А ты молодец, сестренка. Замечательно у тебя получилось привести ко мне Магнуса.

— Я никакая тебе не ссестренка! — выкрикнула в отчаянии Сэм. — И Магнуса не для тебя привела!

— Жаль, — улыбнулся ей с грустью Фенрир. — Я чую кровь оборотней в твоих жилах. Ты могла бы стать очень сильной. Наш отец бы гордился. Зачем ты борешься с этим?

Зубы Волка по-прежнему устрашали, взгляд был жестким, но голос... Он обволакивал. В нем звучали одновременно симпатия, сожаление, искренняя жажда принести пользу Сэм. Так и слышалось: «Я же твой старший брат, доверься, позволь мне помочь тебе».

Сэм, как загипнотизированная, шагнула вперед. Я клещами впился в ее руку и выкрикнул:

— Фенрир! Это ты отправил в нашу квартиру волков той ночью, когда погибла мама?

— Конечно, — кивнул мне он.

— Тебе нужно было меня убить?

— Вот уж совсем не нужно, — уставился он на меня, и в его холодных глазах отразилось все, за что я себя ненавижу — трусость, слабость, эгоизм. Никогда не прощу себе, что поддался маминим уговорам, сбежал, когда она во мне так нуждалась. — Ты был важен и ценен для меня, Магнус, — продолжал Волк. — Но тебя следовало выдержать, как вино. Лишения потрясающе стимулируют развитие силы. Гляди-ка, как ты преуспел моими стараниями. Первое дитя Фрея, которое смогло найти Меч Лета. Вот ты и доставил мне средство избавиться наконец от этих проклятых пут.

Я будто вновь оказался верхом на Стенли и, лишенный возможности хоть за что-то схватиться, ухнул вместе с ним в бездонную пропасть. Точка опоры ушла у меня из-под ног. Фенрир отправил своих подручных волков убить не меня, а маму. Все оказалось гораздо хуже, чем я представлял себе раньше. Знала бы мама, что, жертвуя жизнью, способствует планам этого зверя выковать из меня своего харбингера-позубога, которому будет по силам доставить ему Меч Лета.

Ярость затмила мне разум. Привел меня в себя меч, который с громким гуденьем вдруг резко рванул мою руку вперед.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Ты что это, Джек? — с трудом удержался на месте я.

— Видишь ли, — рассмеялся Волк. — Мечу Лета судьбой назначено разрубить мои пути. Тебе не по силам вмешаться в это. Дети Фрея отнюдь не бойцы, Магнус Чейз. Куда тебе управлять мечом, а тем более биться со мной. Ты уже сделал все, чем мог быть мне полезен. Скоро прибудет Сург, и меч полетит напрямик ему в руки.

— Ошибка... — прогудел Джек, порываясь прочь из моей руки. — Ошибкой было меня приослать сюда.

— О, как же ты прав, мой славный клинок! — воскликнул с самодовольным видом Фенрир. — Вот Сург, например, уверен, как, впрочем, и ты, Магнус, что это его идея и план. Как бы не так. Он лишь инструмент, которым я управляю. Не очень-то, скажем прямо, и совершенный инструмент. Подобно большинству прочих огненных великанов, в нем больше горячего воздуха, чем мозгов, но моей цели он служит и будет рад завладеть тобой, меч.

— Джек, но ты же теперь только мой, — поторопился напомнить я, хотя мне уже только с огромным трудом удавалось его удерживать двумя руками.

— Разрезать... — настойчиво прогудел он в ответ. — Разрезать...

— Ну и давай, Магнус Чейз, сделай это, — вкрадчиво проговорил Фенрир. — Зачем дожидаться Сурта? Проявишь добрую волю, и я буду тебе благодарен. Может быть, даже пощажу тебя и твоих друзей.

Блитцен, выхватив из рюкзака цепь Андскоти, прорычал громче Волка:

— Я собирался ему вначале просто завязать морду, но теперь лучше просто его удуш.

— Согласна, — свирепо проговорила Сэм. — Пусть он умрет.

Я полностью их поддерживал. Если Меч Лета считается лучшим клинком во всех Девяти Мирах, то ему должно быть по силам справиться с этим зверюгой.

Я был готов уже пустить оружие в ход, когда Хэртстоун махнул перед нами своим новым посохом. Руна перт засияла золотым светом.

— Посмотрите на эти кости! — отчетливо услышал я призыв.

Нет, у Хэртстоуна не прорезался голос. Это скорее походило на колебание воздуха, которое, словно ветер, сдувающий пелену тумана, очистило наши мозги, замутненные речами Фенрира.

Скелеты, усеивавшие землю вокруг него, некогда принадлежали героям — детям Одина, Тора, Тюра. Гномам, людям, эльфам. И всех их Фенрир привел к гибели — кого обозлив, кого окружив потокой лести, а кому наврав.

Скорее всего, он смог бы заставить и нас кинуться на него в атаку, если бы не Хэртстоун. Он-то голоса Волка не слышал, поэтому и сохранил здравомыслие.

Мечом неожиданно управлять стало легче. Точней, он по-прежнему вырывался, но перевес сил теперь явно был на моей стороне.

— Не падейся, что я с тобой стану биться или освобожу тебя, — объявил я Волку. — Мы просто дождемся Сурта и остановим его.

Фенрир шумно понюхал воздух.

— Ой, поздновато ты, кажется, спохватился. И впрямь нет нужды теперь тебе со мной биться. Да и мне что зря силы тратить. Пусть другие потрудятся. Я ведь уже говорил: манипулировать благородными и порядочными — одно удовольствие. Всегда берутся с готовностью за твою работу. Поглядите-ка, кто к нам пожаловал.

С другой стороны острова гаркнули:

— Остановитесь!

На гребне кратера стояла наша подруга Гунилла в компании двух подручных валькирий, а далее, справа и слева от них, выстроились мои соседи по этажу — Ти Джей, Хафборн, Мэллори и полутроль Икс.

— Вы пойманы в процессе содействия врагу! — победоносно провозгласила капитан валькирий. — Считайте, что собственноручно подписали себе смертные приговоры.

Глава LXIII

НЕНАВИЖУ ПОДПИСЫВАТЬ СВОЙ СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

— Ну и ну! — восхитился Волк. — Такой огромной компании вокруг моей скромной персоны не собиралось с тех самых пор, как меня связывали.

Гунилла покрепче схватилась за копьё. На Волка она упорно не смотрела, словно в надежде, что если его не видеть, то он исчезнет.

— Томас Джефферсон-младший вместе с соседями по этажу! — прокричала она. — Следуйте осторожно по краю кратера и возьмите их в плен!

Ти Джей кивнул, однако энтузиазма на его лице явно не отразилось. Мундир свой он сегодня застегнул на все пуговицы. Штык на его винтовке поблескивал под светом луны. Рядом с ним находилась Мэллори, буравившая меня свирепым взглядом, что, впрочем, в ее варианте могло означать радость встречи. Оба медленно, стараясь не оступиться, начали подходить к нам по краешку кратера слева, в то время как тот же маневр, только справа, совершали Икс и следующий за ним по пятам Хафборн, а три валькирии бдительно держали под прицелом Феррира. Хафборн, крутя на ходу свои боевые топоры, что-то тихонечко напевал, будто прогуливаясь с удовольствием по полю павших врагов.

— Сэм, — пробормотал я. — Если они возьмут нас в плен...

— Знаю, — кивнула она.

— Некому будет остановить Сурга, — договорил я.

— Знаю, — снова кивнула она.

— Мы можем их взять на себя, — предложил Блитц. — Брони на них нет, тем более модной.

— Подожди, — остановил я его. — Это ведь мои братья... вернес, братья и сестра по этажу. Пожалуй, сперва попытаюсь поговорить с ними.

Хэрт показал свободной от посоха рукой:

— Псих? Ты?

Вот в чем прелесть языка жестов. Слова его можно было понять как вопрос: «Ты совсем псих?» и в равной степени как восхищенное утверждение: «Ну, ты такой же псих, как и я!». Я предпочел второй вариант, подтверждающий, что Хэртстоун мне выражает поддержку.

Волк Фенрир, сев, попробовал почесать себе ухо, но цепь не позволила ему это сделать.

Пошухав воздух, он ухмыльнулся мне.

— Интересная у тебя компания, Магнус Чейз. Чую, что кто-то еще здесь прячется. — вновь потянул воздух носом он. — Весь вопрос, кто это окажется? Может, и впрямь мне сегодня предстоит большой пир?

— Не понимаю, о чем ты, коврик из шерсти, — пожал я плечами.

Волк расхохотался.

— Скоро поймешь. Мне только вот интересно, посмеет он показать свое настоящее лицо?

— Чейз! — вытащила из патронташа один из своих молоточков Гунилла. — Еще одно слово Волку, и я проломлю тебе башку!

— Я тоже, Гунилла, ужасно рад с тобой встретиться, — улыбнулся я ей. — Но времени на разборки у нас с тобой сейчас нет. Сурт уже на пути сюда.

— А-а-а. Сговорился, значит, с огненным великаном, который убил тебя, — пробурчала она меня взглядом следователя. — Или само убийство просто часть плана, чтобы ты смог в Вальгаллу попасть?

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Тебе не кажется, что ты чересчур много думаешь для дочери Тора? — прокричала Сэм.

— А ты, дочь Локи, чересчур много слушаешь не того, кого надо, — огрызнулась капитан валькирий. — Джеферсон, поторопись!

Бывшие мои соседи по этажу уже приблизились к нам вплотную.

— Пришлось же нам за тобой погоняться, Чейз, — попокала языком Мэллори. — Решил оправдать свое имя?

— Дико остроумно. — Мне никогда не казалось чем-то смешным, что слово «чейз» означает «погоня». — Долго ждала возможности отпустить эту шуточку?

Мэллори фыркнула. Стоящий с ней рядом Икс стер со лба зеленые капельки пота.

— Цепь на Волке слишком болтается. Скверно, — нахмурился он.

— Братание воспрещаю! — проорала сверху Гунилла. — Надеть быстро на них паручники!

— Понимаешь, в чем штука, Магнус. — Ти Джей позвонил четырьмя наручниками, которые у него болтались на указательном пальце. — Гунилла нам пригрозила, что если мы не докажем верность Вальгалле, поймав тебя, то придется нам следующие сто лет провести в котельной, подбрасывая уголь в топку. Словом, считай себя под арестом и так далее и тому подобное.

Хафборн ухмыльнулся.

— Но есть и другая штука, Магнус. Мы — викинги. А викинги не всегда следуют приказам. Поэтому можешь себя считать снова свободным.

Ти Джей опустил указательный палец. Наручники упали на землю.

— Упс, — произнес он с довольным видом.

— Имеешь в виду... — все еще не верилось мне.

— Имст в виду, — подхватила Мэллори. — В общем, мы здесь, чтобы тебе, идиоту, помочь.

— Я люблю вас, ребята!

— Что нам нужно сделать? — деловито осведомился Ти Джей.

Сэм кивнула в сторону Блитцена.

— У нашего гнома есть новая цепь для Фенрира. Если мы сможем...

— Прекратить! — неистовствовала наверху Гунилла. — Я всех вас, если потребуется, отправлю обратно в наручниках!

Фенрир от удовольствия даже извыл:

— Как славненько было бы посмотреть на это. Но ты, Гунилла, к сожалению, чересчур медлительна. Сюда уже прибыла новая партия моих друзей, и они не станут никого заковывать в наручники или брать в плен.

Икс повернулся в ту же сторону, что и Волк, и шейные его мышцы взбугрились, как свежеслитый в форму цемент.

— Там!

Хэрт уже тоже указывал туда посохом, вспыхнувшим от накопечника до рукояти золотым пламенем.

На краю кратера, правее валькирий, возникла дюжина огненных великанов, в два человеческих роста каждый. Тела их покрывали кожаные лепестки брони, с поясов свисали разнокалиберные топоры и ножи, руки сжимали мечи размером с резец плуга. Цветом лиц они различались, по отгешки кожи у всех были вулканического происхождения: пепел, лава и обсидиан. Вереск огненных великанов, не в пример Волку, мало тревожил. Он просто ша их пути, задымившись, сгорал.

В центре огненной группы находился модный консультант Саганы — лорд Сурт, одетый в приталенный костюм из кольчужной ткани и рубашку с галстуком, казалось, сотканые из пламени. Горящий его ятаган смотрелся в этом ансамбле как эффектный аксессуар. Выглядел Сурт, можно сказать, неплохо, вот только носа у него по-прежнему не было. Пустячок, так сказать, но приятно.

— Мой дизайн! — громко скрипнул зубами Блитцен. — Он спер мой дизайн!

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

— Магнус Чейз! — грянул Сурт. — Вижу, что ты принес мой меч! Превосходно!

Джек чуть не выпрыгнул у меня из рук. Наверное, можно было обхохотаться, глядя, как я пытаюсь его удержать, словно пожарный, борющийся с гидрантом под напором воды.

— Хозяин. Он будет моим хозяином, — гудел, вырываясь, Джек.

— Отдай добровольно меч, — с угрожающим хохотом прорычал Сурт, — и я убью тебя быстро и без мучений. А вот девкам Одина, — смерил презрительным взглядом Гуниллу и двух подручных валькирий он, — такого не обещаю.

Фенрир, потянувшись, встал.

— Лорд Сурт, мне очень, конечно, нравятся все эти ваши угрозы и позы, но нельзя ли дело скорее двинуть? Лушый свет-то уже тает.

Я повернулся к Ти Джею.

— Да? — выжидающе глянул на меня он.

— Нам с друзьями необходимо связать Фенрира новой цепью. Отвлеки на себя огненных великанов. Сможешь?

Он улыбнулся.

— Я выступил в гору против тысячи семисот конфедератов. Думаю, что уж с дюжиной великанов как-нибудь справлюсь. Капитан Гунилла, вы с нами? — крикнул он вверх. — Если нет, мне придется принять участие в новой гражданской войне! А мне бы не хотелось.

Гунилла какое-то время приглядывалась к огненным великанам. Судя по кислому выражению ее лица, они были ей еще менее симпатичны, чем я.

— Смерть Сурту! Смерть врагам Астарда! — подняв копьё, прокричала она и вместе с подручными валькириями ринулась в атаку на великанов.

— Я так понимаю, мы в деле, — изготовился к бою Ти Джей. — Примкнуть штъки.

Глава LXIV

И КТО ТОЛЬКО ДОДУМАЛСЯ СДЕЛАТЬ ВОЛКА НЕУБИВАЕМЫМ

Мне наконец представился случай оценить смысл ежедневных боевых тренировок в Вальгалле. Пройдя через ужас и хаос битвы в отеле, я оказался более подготовлен к встрече лицом к лицу с Фенриром и огненными великанами, пусть даже они и не имели при себе калашей и надписей на груди «Рискни, браган!».

С Джеком стало немного легче. Он по-прежнему пытался от меня вырваться, но движение его теперь стало разнонаправленным. Он раздирался между стремлением рубануть пугы Волка и влететь в руки Сурта, и я уже не испытывал столь сильного сопротивления, удерживая его, когда медленно двинулся по направлению к Фенриру.

— Есть идея, как нам по новой его связать? — походя сбив тонор, брошенный в нашу сторону великаном, поинтересовалась Сэм.

— Да. Может быть. Не совсем, — отвечал ей я.

Один из огненных великанов кинулся к нам. Блиццен, в ярости от того, что Волк позволил себе издеваться над гибелью его отца, а Сурт спер его модные наработки, взвывая, как чокнутая Элис из Чайна-тауна, вогнал в живот великана гарпун. Тот, скорчившись и рыгая пламенем, заковылял прочь, унося его в своем брюхе.

Хэртстоун, указывая на Волка, подал нам знаки:

- Идея. Следуйте за мной.
- Но нам нельзя выходить из полосы вереска, — напомнил я. Хэртстоун поднял вверх посох. По земле перед нами тенью расплзлась руна:

Вокруг нее начал стремительно расцветать вереск, выпускаемая по мере нашего продвижения все новые ростки.

— Альгиз. Руна защиты, — замороженно взирала на происходящее Сэм. — Ни разу не видела, как ее применяют.

А я еще никогда не видел таким Хэртстоуна. Сотворив волшебство, он совершенно не потерял сил, а уверенно продвигался вперед, а перед ним раскатывался ковер, плотно сотканный из цветов вереска. Мало того, что на нашего эльфа не действовал голос Волка, так он еще своей магией сужал границы его тюрьмы.

Вслед за Хэртстоуном мы медленно спустились на самое дно кратера, а наверху, справа, уже вовсю шел бой с горячей компашкой Сурта. Я видел, как топор Хафборна Гундерссона вонзился в грудную броню великана, а Икс в это время, сграбастав другого огнедышателя, скинул его с гребня вниз. Мэллори и Ти Джей дрались спина к спине, уворачиваясь от огненных выхлопов и нанося сокрушительные удары.

Гунилла с подручными валькириями взяли на себя самого Сурта, но из-за ослепительного сияния их копий и огненного ятагана лорда тьмы мне не очень-то было видно, что там у них происходит.

Друзья мои по вальгалльскому этажу бились очень отважно, но противник вдвое превосходил их численностью и к тому же до тупости не хотел помирать. Даже тот великан, которого загарпунил Блитцен, по-прежнему трепыхался среди сражающихся, пытаясь поджечь эйцхериев своим чадающим дыханием.

- Нам очень нужно поторопиться, — оценил ситуацию я.
- Открыт для любых идей, — ответил мне Блитцен.

Феирир расхаживал взад-вперед и, судя по его виду, мало тревожился, что ковер вереска поступает к нему вплотную, а мы, вооруженные топором, сияющим посохом, не идущим на сотрудничество мечом и мотком волшебной веревки, подходим к нему все ближе и ближе.

— Ну, ну, конечно, спускайтесь, — принялся он подначивать нас. — Поднесите-ка меч поближе.

— Сейчас я его свяжу, — свирепо пробормотал Блитцен. — Хэрт, подстрахуй меня. А вы, ребята, сделайте как-нибудь так, чтобы он в следующие несколько минут не смог откусить мне голову.

— Ужасная идея, — проворчала Сэм.

— У тебя есть лучше? — повернулся к ней Блитцен.

— У меня есть! — крикнул Феирир и прыгнул вперед.

Он мог запросто с ходу вцепиться мне в глотку, но его целью было совсем другое. Передние его лапы оказались по обе стороны от клинка Джека. Тот жизнерадостно посотрудничал, разрубив цепь Глейшир.

Сэм резко опустила топор, целясь Волку между ушей, но он успел в последний момент отпрыгнуть. Шерсть его от соприкосновения с вереском задымилась, на лапах запузырились ожоги, но, кажется, он от радости даже не чувствовал боли. Путы-то у него теперь остались лишь сзади.

— Ой, до чего ж замечательно! — упивался он частично обретенной свободой. — Теперь, пожалуйста, задние ланы, и можно пачать Рагнарок.

Ярость к волкам, целых два года конившаяся во мне, вырвалась на поверхность, и я проорал:

— Делай, Блитцен, что собирался, а я сейчас вышибу этой дворняге все зубы.

Очертя голову принимаешь обычно плохие решения, и это было одно из них. Я кинулся на Волка. Сэм последовала за мной.

Если Феирир и не отличался слишком большим размером, то силы, даже со связанными задними лапами, был просто неимоверной. Стоило мне сойти с защиты верескового ковра, эта тварь превратилась в шквал острых когтей и смертоносных зубов. Я, оступившись, упал. Когти Волка тут же

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

прорезали у меня на груди глубокие раны. Не отбрось его Сэм ударом топора в сторону, он бы меня распотрошил на мельчайшие составные части.

— Ты не сможешь мне причинить вреда, — оскалился он. — Это даже богам не по силам, иначе давно бы уже перерезали мне глотку. Моя судьба предопределена. До Рагнарока я неубивасм.

— Должно быть, очень приятно знать о себе такое, — с трудом поднялся на ноги я. — Но, знаешь, я все же попробую.

К сожалению, Джек совершенно не помог мне. Каждая моя попытка атаковать Волка кончалась тем, что меч, изворачиваясь, целился не в него, а в пути на его задних лапах, и все это смахивало на детскую игру в мячик с названием «Свинка посередине».

Блитцен рванул вперед, собираясь накинуть завязанную петлей цепь Андскоти на задние лапы Фенрира, но тот, даже под угрозой топора Сэм, отреагировал с быстротой молнии. Не понимаю, как это у него вышло, но он успел полоснуть гнома по горлу. Гном унах лицом вниз. Моток веревки откатился в сторону.

— Нет! — кинулся к Блитцену я.

Хэртстоун врезал изо всех сил сияющим посохом по башке Волку. Польшнул золотой огонь. Волк, завывая от боли, уполз в сторону. На лбу у него дымилась руна — стрела, проборздившая черный глубокий след в серой шерсти.

— Тсйваз! — оскалился Волк. — Ты посмел атаковать меня руной Тюра!

Он кинулся на Хэртстоуна, но, наткнувшись на невидимое препятствие, отлетел, завывая, обратно.

Сэм подскочила ко мне. Топора у нее в руках не было. Левый глаз заплыл. От хиджаба остались жалкие клочья.

— Хэрт использовал руну самопожертвования, чтобы спасти Блитцена, — угрожающим голосом объявила она.

— То есть? — ничего пока не понимал я.

Хэрт, цепляясь за носох, рухнул в изнеможении на колени, но все же ухитрился перекрыть Волку путь к Блитцену.

— Пожертвовал собственной силой ради защиты друга! — с презрением поглядел на него Фенрир. — Великолепно! Насладись сполна своей глупостью. Гном все равно уже помер. А ты собственной рушью магией уготовил себе дорожку следом за ним. Впрочем, пожалуй, еще поживи чуть-чуть. Понаблюдаешь, как я разделяюсь с остальной своей вкусной добычей.

И, демонстрируя все свои жуткие зубы, он попер в пашу с Сэм сторону.

Дела тех, кто сражались с Суртом и его великанами, шли далеко не блестяще.

Одна из валькирий Гуниллы неподвижно лежала на камне. Вторую свалил ятаган Сурта. Латы ее пылали. Гунилла осталась один на один с огненным лордом. Пока еще у нее хватало сил неистово наносить ему удары копьём, метавшимся взад-вперед наподобие огненного кнута, но, ясное дело, надолго хватить ее не могло. Одежда на ней уже тлела. Щит оборел и потрескался.

Эйхерии попали в окружение. Хафборн лишился одного из своих топоров. Великаны уже нанесли ему столько ран и ожогов, что оставалось лишь удивляться, как он еще жив, но тем не менее он с громким смехом продолжал угощать великанов мощнейшими ударами. Мэллори, преклонив колени, с громкой руганью билась сразу с тремя великанами. Ти Джей колол противников штыком. Икс тоже работал пока всюю, хотя даже он по сравнению с этими гигантскими керосинками казался крохотным.

У меня стучало в висках от боли. Конечно, моя восстановительная энергия эйхерия уже включилась, и раны скорости должны были закрыться. Вот только Волк лишит меня жизни прежде, чем это произойдет.

Волк, потянув носом воздух, явно учуял мое состояние.

— В общем-то, должен признать, цеплюхая попытка, Магнус, — хихикнул он. — Только вот сыновья Фрея никогда не были бойцами. Так что теперь мне осталось только сожрать врагов. Обожаю эту часть программы!

Глава LXV

А Я НЕНАВИЖУ ЭТУ ЧАСТЬ ПРОГРАММЫ

Спасение иногда приходит от странных существ или вещей. К примеру, от львов или пуленепробиваемых галстуков.

Фенрир прыгнул, нацелившись мне в лицо. Я избежал столкновения, резко упав на пятую точку. Мимо меня пронесся какой-то расплывчатый силуэт, который врезался в Волка и повалил его на бок.

Нет, не расплывчатый силуэт, а лев, сообразил я уже в тот момент, когда оба животных сцепились в мелькании клыков и когтей на усеянной костями земле. Затем они резко поднялись на лапы, и тут мне сделалось все окончательно ясно. У льва запыл один глаз.

— Сэм! — выкрикнул я.

— Тащи Андскоти, — не выпуская Волка из поля зрения, бросила мне львица голосом моей экс-валькирии. — Мне надо потолковать с моим милым братцем.

Ее мгновенное превращение в львицу потрясло меня куда меньше, чем то, что она могла в этом облике говорить своим голосом и даже как-то очень по-своему двигать губами. Да и глаза у нее оставались такими же, как всегда.

Шерсть на заливке Фенрира стояла дыбом.

— Значит, решила все-таки перед смертью принять способности, которые даны тебе от рождения, дорогая сестричка, — прорычал он.

— Я принимаю себя такой, как я есть. Самира аль Аббас из рода Льва, — жестко проговорила она и прыгнула на Волка.

Они драли друг друга когтями, кусались, рычали и выли. Первый раз в жизни мне довелось понять, что значит на самом деле выражение «шерсть летит ключьями», и убедиться, как это страшно. Два зверя в самом буквальном смысле драли друг друга на части, и ужас заключался для меня в том, что в облике одного из них выступала моя подруга.

Я уже собирался ринуться ей на подмогу, когда вспомнил, что говорила мне Фрея насчет Меча Лега: «Убивать — самая меньшая из его способностей». А Волк заявил мне к тому же, что сыновья Фрея никогда не были бойцами. В таком случае, кто же я?

Блитцен со стоном перевернулся на спину. Хэртстоун немедленно принялся проверять его шею.

Меня привлек неожиданно металлический блеск его галстука. Превратившись каким-то образом из шелкового в кольчужный, он уберег ему горло. Настоящий пулепробиваемый галстук, Фриг его побори!

Блитцен сыграл по полной и, главное, оставался по-прежнему жив.

Губы мои сами собой расплылись в улыбке. Блитцен не был бойцом. Я — тоже. Но ведь есть и другие способы побеждать.

Я схватил смотанную в клубок Андскоти. На ощупь она оказалась как снег — жутко холодной и до неправдоподобия мягкой. Меч у меня в руке замер.

— Ну, и что делаем? — вопросительно прогудел он.

— Разбираемся.

— Круто, — одобрил он и пошевелился, словно потягиваясь после дневного сна. — Как там дела-то?

— Лучше, — откликнулся я и вонзил клинок в землю. Джек даже не дернулся, чтобы удрать. — Может быть, Сурт когда-то и завладеет тобой, но он ведь не понимает, в чем твоя сила, а я понимаю, — принялся объяснять ему я. — Мы — команда.

Я захлестнул Андскоти петлей вокруг рукоятки Джека. Звуки боя, происходившего рядом со мной, до меня теперь

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

доносились лишь смутно. Может быть, из-за того, что я оставил попытку сразиться с Волком. Все равно ведь его никто не может убить. И если и сможет, то не сейчас и не я. Зато мне доступно другое.

Я изо всех сил сосредоточился. Нужно было как можно скорее вызвать в себе тепло, которое появлялось, когда мне приходилось кого-то лечить. Сила роста и жизни. Сила Фрея. Мне вдруг открылся смысл предсказания цорн. Сегодня девятый день. Солнце пойдет на восток.

Место, в котором мы все сейчас находились, связано с ночью, лунной и серебряным светом, а я должен его осветить летним солнцем.

Учуяв, что обстановка меняется, Волк нанес удар Сэм. Она покатила кубарем по костям. Морда Фенрира была вся изодрана. На лбу безобразным черным клеймом отпечатавалась руна Тюра.

— Ты что это там задумал, Магнус? А ну прекращай! — рыкнул он и кинулся на меня, но, не достигнув, упал, извиваясь от боли.

Меня окружала аура золотого света — точно такого же, как появилась в Йотунхейме, когда я приводил в чувство Сэм и Хэртстоуна. Свет этот, в отличие от Муспелльхеймского пламени, не обжигал, да и не отличался особенной яркостью, но тем не менее, судя по поведению Волка, причинил ему дикую боль. Он скалился, расхаживал взад-вперед и так сильно зажмурился, словно его ослепило.

— Прекрати! — взвыл он. — Или надеешься дообозлить меня до смерти?

Сэм-львица с трудом поднялась. На бедре у нее виднелся глубокий порез, а по морде, можно было подумать, прошлись бороной.

— Магнус, что ты там делаешь? — спросила она.

— Создаю лето.

Порезы у меня на груди исчезли. Силы вернулись. Отец мой был богом тепла и света, волки же — порождением темноты. Сила Фрея сдерживала Фенрира подобно тому, как

вставала прсградой на пути леденящей стужи и испепеляющего жара.

— Лето? Я помню лето, — радостно прогудел воткнутый в землю Джек.

Я, размотав Андскоти во всю длину, чтобы она тянулась за Джеком, как веревка за змеем, обратился к Волку:

— Знаешь, Фенрир, один старый гном объяснил мне, что самые прочные материалы — это парадоксы. Именно из них состоит цепь Андскоти. Но я к ним добавлю еще один, завершающий, и он окончательно свяжет тебя. Меч Лета — это оружие, которое не должно быть оружием, потому что действует лучше всего, когда его выпускаешь из рук.

С этими словами я отпустил Джека, мысленно дав ему команду лететь и не сомневаясь, что все остальное он сделает сам.

Его больше ничто не удерживало. Он мог разрезать последние путы на Волке или, свернув в противоположную сторону, отправиться напрямик в руки Сурта, но не сделал ни того ни другого, а, нырнув Фенриру под брюхо, связал его новыми путами с такой скоростью, что тот спохватился лишь после того, как меч опрокинул его на бок.

— Нет! Я не... — потряс остров вопль Волка.

Это было последнее, что он сумел сказать, потому что Джек обкрутил Андскоти вокруг его морды и вернулся ко мне.

— Ну, как я тебе, босс? — просил он от гордости рунами на клинке.

— Ты классный меч, Джек, — отдал ему должное я.

— Ну, вообще-то, я это знал, — с чувством собственного достоинства произнес он. — Но как тебе узелок-то, а? Пастоящий двойной узел-восьмерка. А ведь у меня-то и рук даже нет.

Сэм, спотыкаясь, побрела к нам.

— Ты это сделал, Магнус! Ох-х, — выдохнула с натугой она и стала обычной Самирой, разве что сильно пострадавшей — лицо разбито, бок весь в крови.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Я успел ее подхватить до того, как колени ее подогнулись, и поволок подальше от Волка. Даже накрепко связанный, он продолжал биться, изо рта у него шла пена, и мне казалось, что лучше все-таки отойти от него подальше.

Хэрт, поддерживая Блитца, последовал за нами с Сэм, и мы, все четверо, рухнули на ковер из вереска.

— Живой, — выдохнул я. — Вот уж не ожидал.

Но наш мгновенный триумф длился и впрямь лишь мгновение.

Звуки битвы, творящейся вокруг нас, резко усилились, точно вдруг кто-то сорвал шумовую завесу, которая до сих пор поглощала их. Полагаю, сыграла роль магия Хэрта. Оберегая нас от Фенрира, она в то же время отгородила нас и от битвы с великанами.

Я поднял голову. Дела у моих друзей-эйнхериев обстояли паршиво.

— К валькирии! — прокричал Ти Джей. — Живо!

Он, спотыкаясь, пронесся по краю кратера и, врезав понутро штыком в великана, попытался добраться до Гунильды. Все время, пока мы сражались с Волком, она в одиночку вела бой с Сургом, а сейчас он ее повалил на землю, и руки ее едва удерживали копьё, а огненный лорд уже заносил пад ней ятаган.

Мэллори еле брела в отдалении без оружия, да к тому же еще и израненная, и на ее помощь вряд ли можно было рассчитывать. Икс барахтался под горой великанских трупов, пытаясь выбраться на поверхность. А Хафборн Гундерсон, весь в крови, сидел неподвижно, откинувшись спиной на камень.

Оценив ситуацию за какую-то долю секунды и поняв, что мы четверо Гунилле помочь не успеем, я, тем не менее, вскочил на ноги и вместе с Джеком кинулся к ней.

Она успела еще встретиться со мной взглядом. Я поймал в ее голубых глазах выражение ярости и смирения. Уверен, что если бы у нее нашлось время что-то сказать, то услышал бы:

— Пусть хоть это будет не зря.

Но огненный лорд обрушил на нее свой ятаган.

Глава LXVI

ЖЕРТВЫ

Не знаю уж, почему меня так это подкосило.

Гунилла мне даже не нравилась.

Но, когда я увидел Сурта, стоящего над ее безжизненным телом, и его тлеющие триумфом глаза, мне захотелось упасть на груды костей и остаться там до самого Рагнарока.

Гунилла была мертва. Две ее подручные валькирии, имен которых я даже не знал, — тоже. Все трое пожертвовали собой ради того, чтобы дать мне время. Хафборн либо умер, либо умирал. Остальные эйнхерия вроде пока держались, но на последнем издыхании. Сэм, Блиц и Хэрт в новый бой явно вступить сейчас не могли.

А Сурт, полный сил, вполне себе прочно стоял на ногах с сияющим ятаганом в руке. И три великана, оставшиеся от всего его войска, еще были живы и при оружии.

Все наши жертвы, усилия и уловки во имя победы над Волком, похоже, сводились к нулю. Едва Сурт завладеет моим мечом, как спокойно освободит его. А судя по торжествующей улыбке огненного лорда, именно это он и собирался сделать.

— Признаю, впечатлен, — бросил он мне свысока. — Волк говорил мне, что ты обладаешь хорошим потенциалом, но, думаю, даже он не ожидал, что ты так великолепно себя проявишь.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Волк продолжал конвульсивно биться в своих новых путях.

Несколькими футами дальше от Сурта, выставив вперед штык, сидел на корточках Ти Джей. Мне было ясно: достаточно подать ему знак, и он готов броситься в свой последний бой. Но я не мог позволить себе еще одну жертву.

— Убирайся, — сказал я Сурту. — Вали обратно в свой Муспелльхейм.

Он, вскинув голову, расхохотался:

— Надо же! Смел до конца! Не, пожалуйста, я все же сожгу тебя, Магнус Чейз.

Он выбросил вперед руку. В мою сторону устремилась струя огня, но я заставил себя замереть на месте.

Я представил себе: мы с мамой на Голубых холмах. Первый весенний день. Солнечные лучи ложатся на мою кожу, размораживая своим теплом трехмесячный холод, а светом — три месяца изнуряющих сумерек.

Мама поворачивается ко мне с сияющей улыбкой: вот где я нахожусь, Магнус. В этот момент. С тобой.

Чувство спокойствия укрепило меня. Помню, как мама мне рассказала однажды. Некоторые дома на Бэк-Бэс, похожие на наш семейный особняк, были построены на территории бывшей свалки. Почва оказалась чересчур мягкой, и время от времени под фундаменты приходилось вбивать новые сваи, чтобы здания не перекашивались. Вот и я сейчас себя чувствовал укрепленным новыми сваями. Крепким и твердым, как никогда.

Пламя Сурта, прокатываясь по мне, остывало и превращалось просто в волну тепла не опаснее, чем тепло батарей центрального отопления.

У ног моих зацвел вереск. Стремительно распространяясь вокруг, он покрыл новым пышным ковром все выжженные на пути войска Сурта места, прикрыл трупы убитых великанов и впитал всю кровь.

— Имнем Фрея! — крикнул я Сурту. — Битва окончена!

Воздух от моих слов взвихрился теплыми волнами. Мечи, кинжалы и топоры посыпались из рук огненных великанов,

и даже винтовка Ти Джея вдруг вырвалась от него. Буквально за миг все оружие, даже то, что лежало попросту на земле, взвилось в воздух и кануло в темноте. И только Джек по-прежнему оставался при мне.

— Трюки и детское волшебство! — рявкнул Сурт, впрочем, уже не столь устрашающе выглядящий без своего огненного ятагана. — Ты не можешь меня победить, Магнус Чейз. Все равно меч будет моим.

— Но не сегодня, — подбросил я в воздух Джекка.

Он закрутился спиралью над головой у Сурта, тот попытался схватить его, но промазал, и меч улетел ему за спину.

— Это была такая атака? — еще бодрился огненный лорд.

— Нет, это был ваш последний выход, — ответил я.

За спиной у него раздался оглушительный треск. Это Джек прорезал границу между мирами. Тело мое сдавило, словно я вдруг оказался в разгерметизированном самолете. Вершину кратера рассекла пылающая зигзагообразная щель. Поток воздуха потянул к ней Сурта и огненных великанов.

— Пока! — прогудел им вслед Джек. — Увидимся позже!

И щель за ними закрылась. Теперь тишину на острове нарушали лишь рык и вой разъяренного Волка.

Я упал на колени перед Гуниллой. Было ясно, что жизнь ушла из нее. Голубые глаза неподвижно уставились в пустоту. Сломанное копые лежит поперек груди. Патронташ, в котором она носила свои молоточки, пуст.

У меня подкатил ком к горлу. Глаза защипало от подступающих слез.

— Мне так жаль, — силно выдавил из себя я.

Она провела в Вальгалле пять сотен лет, доставляя туда души погибших героев и готовясь к последней битве. На крыше отеля Гунилла спросила: «Неужели даже Асгард у тебя не вызывает почтения?»

Я посмотрел на ее лицо, навечно застывшее в выражении какого-то неожиданно радостного открытия. Хотелось верить, что она смотрит на тот Асгард, о котором мечтала, — полный асов и со струящимся светом изо всех окон в доме ее отца.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Магнус, — вывел меня из ступора голос Ти Джей. — Нам пора.

Они с Мэллори из последних сил тащили Хафборна Гундерсона. Икс, ухитрившийся выбраться из-под великанских трупов, нес двух павших валькирий. Блиц и Хэртстоун брели, подпирая друг друга, следом за ними шла Сэм.

Я поднял тело Гуниллы. Она оказалась довольно тяжелой, а силы мои уже таяли.

— Нам надо поторопиться, — мягко, но очень настойчиво произнес Ти Джей.

Я двинулся вместе с Гуниллой вперед. Земля под моими ногами качалась. Сияние моей ауры не только ослепило Волка, но и ускорило исчезновение острова. Не дожидаясь рассвета, он стал превращаться в губчатый туман.

— У нас в запасе остались считанные секунды, — сказала Сэм. — Давай, Магнус, скорее.

Призыв ее показался мне просто невыполнимым, но все же я умудрился каким-то образом не отстать от друзей, и вскоре Ти Джей вывел всех нас на берег.

Глава LXVII

ЕЩЕ ОДИН РЫВОК ДЛЯ ДРУГА

— У нас есть лодка Фрея! — крикнул Ти Джей.

Я понятия не имел, что это за такая лодка Фрея. Впрочем, на тающем берегу ничего и не наблюдалось, кроме воли усиливающегося прибоя, но для расспросов я был слишком измучен и потрясен. Жар и холод, которые мне так спокойно удавалось переносить всю предыдущую жизнь, сейчас словно брали реванш. Лоб мой горел, как при очень высокой температуре, глаза уже чуть не сварились, а грудь, наоборот, превратилась в кусок льда.

Я упорно брел вперед. Земля под ногами с каждым моим шагом становилась все зыбче, ее пожирали волны, а мышцы моих рук изнывали под тяжестью тела капитана валькирий.

Меня повело вбок. Сэм схватила меня за плечо.

— Осталось совсем чуть-чуть, Магнус. Следуй за мной.

Мы достигли воды. Ти Джей, вытащив из кармана квадрат ткани, напоминающий носовой платок, бросил его в волну. Ткань немедленно начала увеличиваться, и десять секунд спустя на воде закачалась полномасштабная боевая ладья викингов с двумя огромными веслами, деревянной фигуркой дикого веоря на носу и зеленым парусом. Там, где обычно пишут название судна, я увидел логотип Вальгаллы, а под ним надпись: «Транспортное морское средство, любезно предоставляемое администрацией постояльцам отеля».

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Все на борт! — тут же последовала команда Ти Джея, и, первым запрыгнув на палубу, он перегнулся с нее, чтобы принять у меня из рук тело Гуниллы.

Мокрый песок уже вовсю засасывал мои ноги. Я рывком вытащил себя из него и сумел перелезть через поручни на корабль. Сэм поднялась последней, лишь убедившись, что все остальные уже находятся там. По острову пронесся громкий басовитый гул. Можно было подумать, что кто-то врубил на полную громкость басы сквозь мощнейший аудиоусилитель. Остров Вереска исчез под черными волнами. Парус нашего судна надулся, весла сами собой загребли, и ладья взяла курс на запад.

Блитцен с Хэртстоуном как на носу стояли, так там и упали и, уже лежа, затеяли ругань на тему, кто из них больше всего и глупей шел на риск. Впрочем, усталость взяла свое и бурно начавшийся спор очень скоро скукожился до перебранки двух второклашек.

Сэм, встав на колени перед Гуниллой, сложила ей на груди руки и осторожно закрыла ее голубые глаза.

— Две другие валькирии живы? — без особой надежды поинтересовался я.

Икс, опустив низко голову, положил на корму обеих верных соратниц Гуниллы. Мне стало ясно: они давно уже нас покинули.

— Славные были воительницы, — сказал Икс, скрестив им, как у Гуниллы, руки и нежно дотронувшись до их лбов.

— Я их не знал, — сказал я.

— Маргарет и Ирен, — дрогнувшим голосом сообщила Сэм. — Ко мне они относились плохо, но валькирии были отличные.

— Магнус, — окликнул меня Ти Джей с середины палубы. — Ты нам нужен.

Они с Мэллори склонились над Хафборном Гундерсоном, который на этот раз исчерпал запасы берсеркской силы. Грудь его представляла собой месиво из порезов и ожогов. Левая рука была неестественно вывернута. Бороду и волосы усеяли капли крови и веточки вереска.

— Славный бой, — просипел он.

— Молчи, большой идиот, — всхлипнула Мэллори. — Как ты посмел так изувечиться?

Он с усилием ей улыбнулся.

— Прости, мама. Больше не буду.

— Ты давай-ка держись, — вмешался Ти Джей. — Главное, нам довести тебя живым до Вальгаллы, а там, если даже что и случится, то возродишься.

Я дотронулся Хафборну до плеча. Его ранения оказались настолько серьезны, что рука моя, будто напоровшись на множество острых осколков стекла, инстинктивно отдернулась.

— Времени не осталось, — проговорил я, морщась от боли. — Мы теряем его.

— Нет! — захлебнулась от слез Мэллори. — Это не вариант. Как же я ненавижу тебя, Хафборн Гундерсон.

— Я тоже тебя ненавижу, Мэллори Кин.

Он закашлялся. Губы его покраснели от крови.

— Сделаю все, что смогу, — решил я. — Только держите его, чтобы он был неподвижен.

— Сынок, ты прежде подумай, — подошел к нам в это время Блитцен. — Сам ведь уже ослаб.

— Не имеет значения.

Я уже сконцентрировался, углубляясь в организм Гундерсона. Кости сломаны. Жизненно важные органы разбиты и кровоточат. Меня начал охватывать страх. Слишком много всего. Без помощи мне не справиться.

— Джек! — позвал я.

— Босс? — мигом завис он рядом.

— Хафборн умирает, — быстро проговорил я. — Без твоей силы мне его не спасти. Ты сможешь?

— Да, — нервно загудел меч. — Но как только ты, босс, потом за меня возьмешься...

— Знаю, — перебил его в нетерпении я. — Окажусь окончательно вымотан.

— Только прошу принять во внимание, — тревожнее прежнего загудел он. — Я ведь не только вместе с тобой

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Волка связывал, но также помог тебе с аурой золотого света. Круто это у нас с тобой вышло, хоть и хвалить самого себя не совсем прилично. А затем еще был мир Фрея...

Я понял, что он имеет в виду тепловую волну, обезоружившую наших врагов, но подсчитывать, сколько сил у меня унесут все его сегодняшние подвиги, у меня не было времени.

— Хорошо. Начинаем.

Стоило мне ухватиться за рукоятку меча, в глазах у меня потемнело. Удачно еще, что сидел, иначе с маху бы рухнул на палубу. Голова так кружилась, что я едва смог дотянуться Хафборну до лба, а на грудь ему положить плашмя Джекса.

Меня захлестнуло тепло. Свет моей ауры лег на бороду Гундерсона красным золотом. И я направил все силы, которые оставались еще во мне, по его венам, целя истерзанные и разрушенные его внутренности и затягивая раны на теле.

Я очнулся лежащим лицом вверх на палубе. Над моей головой полощется ярко-зеленый парус, а друзья трясут меня, выкрикивая мое имя.

И снова провал. А за ним — утопающий в мягком солнечном свете дуг. Я стою на берегу озера, у самой воды, над моей головой лазурное небо. Волосы мне ерошат порывы теплого ветерка, а за спиной раздался вдруг голос:

— Добро пожаловать.

Глава LXVIII

НЕ СТАНЬ НЕБРАТАНОМ, ЧУВАК

Он выглядел, как голливудский викинг, и был больше похож на Тора из фильмов, чем реальный Тор.

Светлые ниспадающие на плечи волосы. Загорелое лицо. Голубые глаза. И трехдневная щетина, одинаково уместная как на красной дорожке, так и на пляжах Малибу.

Он сидел, откинувшись на спинку трона из живых ветвей дерева с сиденьем, задрапированным оленьей шкурой. Поперек его коленей лежало оружие наподобие скипетра — олений рог, увенчанный кожаной рукоятью.

Стоило ему улыбнуться мне, я узнал собственную чуть застенчивую улыбку, и волосы у него лежали на голове точно так же, как у меня.

Мне теперь было совершенно ясно, почему его полюбила мама, и причина крылась не только в его красоте или одинаковой манере одеваться: линялые джинсы, фланелевая рубашка и походные ботинки, но и в тепле и спокойствии, которые он излучал. Толику этого тепла я и улавливал, когда вызывал в себе силу Фрея или принимался кого-то лечить.

— Папа! — сказал я.

— Магнус! — Он встал. Глаза его радостно сияли, но, казалось, ему не совсем было ясно, что делать с руками. — Я так рад наконец увидеть тебя. Очень хотел бы обнять, но, боюсь, ты этому не обрадуешься. Тебе, наверное, нужно время, чтобы...

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Я бросился к нему и изо всех сил обхватил руками.

Совсем на меня непохоже. Вы же знаете: не любитель я обниматься, особенно с незнакомыми.

Вот только был ли он до сего момента мне знаком, или я, просто не отдавая себе отчета, всегда знал его так же хорошо, как маму? Теперь-то я понимал, что встречался с ним каждый шаг с мамой поход. Каждый раз, когда мы с ней бродили по лесу, каждый раз, когда солнце показывалось из-за туч, Фрей оказывался с нами.

Возможно, я должен был на него злиться, но — нет. После смерти мамы у меня как-то исчезла склонность к обидам. Годы жизни на улице приучили меня не ныть и не изводиться на тему: вот что на самом деле могло бы у меня быть, вот чего ты в действительности заслуживаешь, вот как надо бы по справедливости. Поэтому я сейчас просто, без задних мыслей, ловил чистое счастье момента.

Фрей осторожно коснулся ладонью моего затылка. От него пахло дымом костра, сосновой хвоей и сморсами. Кто не знает — это печеная пастила, заложённая вместе со слоем шоколада между двумя кренкерами. Интересно, у них в Ванахейме есть сморсы?

Меня вдруг как шарахнуло: «Вероятно, я здесь, потому что умер или, во всяком случае, при смерти».

Объятия мои разжались. Руки упали вдоль тела.

— Что с моими друзьями?

— Полный порядок, — заверил Фрей. — Спасая берсерка, ты довел себя до порога смерти. Он выживет. Да и ты тоже. Молодец, Магнус.

Я считал себя недостойным такой похвалы.

— Три валькирии погибли. Я чуть не потерял всех друзей. И только ради того, чтобы мне удалось связать Волка и отправить назад в Муспелльхейм Сурта с его великанами. Но и это по большей части заслуга Джека. А самое главное, все ведь, в общем, осталось по-прежнему.

Фрей засмеялся.

— О нет. Тебе, Магнус, многое удалось изменить. Ты хозяин меча и оказываешь влияние на судьбу Девяти Миров.

А валькирии... Да, конечно. Они погибли. Но это их жертва, которую они принесли по собственной воле и выбору. Не умаляя их подвига чувством своей вины. Ты не в силах предотвратить все смерти, ровно так же, как я не могу воспрепятствовать осени, которая каждый год кладет конец лету, или своей судьбе в Рагнарок.

— Твоя судьба... — Я сжал в кулаке рунный камень на шею. — Раз твой меч у меня, ты, наверное, можешь...

— Пет, сын, — поняв меня с полужелания, покачал головой он. Тетя Фрея ведь объяснила тебе: я никогда больше не смогу владеть Мечом Лета. А если не веришь мне, так спроси у него.

Я сорвал с цепи кулон, и Джек, едва возвратившись в свой облик, разразился бурным потоком отборнейшей ругани.

— Ты... — орал он, уставившись острием на Фрею и прибавляя эпитеты, которые я не считаю нужным здесь повторять, — ты отдал меня в обмен на мерзлотку! Чувак, как это понимать — меч на девушку менять! Врубается, о чем я?

— Привет, старый друг, — с грустью улыбнулся ему Фрей.

— А-а, значить, теперь мы снова друзья, — возмущенно прогудел меч. — Не-а! Между нами все кончено. — Он чуть помолчал. — Но сылок у тебя нормальный. Мне нравится. Ну, по крайней мере сейчас, пока не собрался меня променять на законный брак с великаншей.

В списке моих ближайших дел такого не предусмотрено, — поспешил его успокоить я.

— Круто, — одобрил мою позицию Джек. — Но что касается твоего жалкого предка, этого небратана-изменника...

Я заткнул его, превратив в кулон, и посмотрел на отца.

— Небратана?

Он обреченно развел руками.

— Мой давний выбор. Отдал меч за любовь.

— И в Рагнарок погибнешь из-за того, что у тебя его нет.

Он указал на скипетр из оленьего рога.

— Стану сражаться им.

— Рогом животного?

— Одно дело знать, что тебе суждено, а другое — покорно смириться с этим и сложить руки. Я все равно исполню свой долг и уложу этим рогом множество великанов. Даже Бели — одного из лучших их полководцев. Но ты совершенно прав: для победы над Суртом нового моего оружия недостаточно и в конце концов я погибну.

— Ты говоришь об этом с таким спокойствием.

— Даже боги не вечны, Магнус. Какой смысл тратить силы и убиваться над тем, чего все равно не изменишь. Я знаю: борьба с временами года тщетна. Зато могу сконцентрироваться на сезонах, которые мне подвластны, и постараться их сделать как можно более радостными, богатыми и обильными. — Он дотронулся до моей щеки. — Впрочем, ты все и так уже понимаешь. Ни одно дитя Тора, Одина или даже благородного Тюра не устояло бы перед манкостью обещаний Хель и убедительными речами Локи. А ты вот смог. И лишь сыну Фрей достало решимости и уверенности в нужный момент отпустить Меч Лета.

— Отпустить?.. Мама просила...

— Да, да. — Фрей достал из-за трона наглухо запечатанную керамическую банку размером с человеческое сердце и вложил ее в мои руки. — Ты ведь знаешь, чего бы она хотела.

Любой мой ответ ничего бы не стоил, а потому я просто кивнул в расчете, что он вполне поймет мои чувства.

— Ты, мой сын, принес Десяти Мирам надежду, — с чувством проговорил Фрей. — Это как бабье лето. Последние ласковые деньки перед осенней слякотью и зимней стужей. Вот и у нас появился еще один шанс на тепло, свет и рост перед длинной зимой Рагнарока.

— Но ведь...

Фрей прервал меня, улыбнувшись.

— Именно. Теперь следует сделать уйму всего. Асы и ваны разобщены. Локи становится все сильнее. Даже связанный, он ухитряется стравливать нас, отвлекать, из кожи вон лезет, чтобы мы позабыли о главном своем назначении. Я виноват не меньше других. Постоянно на что-нибудь отвлекал-

ся. Очень надолго покинул мир настоящих мужчин. Только благодаря твоей маме... Ну, в общем, толкнул я тебе тут длинную речь о том, что не надо цепляться за прошлое. — Он печально взглянул на емкость в моих руках. — Душа твоей мамы была полна жизни. Она может гордиться тобой.

— Папа... — По-моему, я произнес это просто так. Раньше-то мне было не к кому так обратиться. — Вот только хватит ли у меня сил?

Он вытащил из кармана рубашки потертый листок бумаги и протянул его мне — один из тех самых флаеров, которые Аннабет и ее отец раздавали прохожим в день моей смерти.

— Ты будешь не в одиночестве. А теперь отдыхай, сын. Обещаю, мы снова встретимся, и не через шестнадцать лет, а гораздо раньше. Пока же свяжись обязательно со своей кухней. Вам обязательно надо поговорить. Тебе потребуется помощь, прежде чем все будет сказано и сделано.

В словах его мне послышалось что-то тревожное, но возможности расспросить, в чем дело, не оказалось. Не успел я и глазом моргнуть, Фрей исчез, а меня вместе с флаером и керамической емкостью вынесло вновь на палубу вальгалльского корабля. Рядом со мной сидел, жадно прихлебывая из кубка медовуху, Хафборн Гундерсон.

— Ну? — улыбнулся он мне во весь рот. — Я ведь тебе жизнью обязан. Ничего не имеешь против, если я угощу тебя вкусным обедом?

Раны его по большей части уже затянулись, а судно наше стояло, пришвартовавшись к берегу реки, которая протекала через фойе Вальгаллы. Как мы там оказались, понятия не имею. Мои друзья уже стояли на пристани, беседуя с управляющим Хельги и мрачно взирая, как с корабля выносят тела трех валькирий.

— Что происходит? — повернулся я к Хафборну.

Он осушил свой кубок.

— Нас вызвали в «Транезную Павших Героев» для объяснения перед танами и хозяином эйнхериев. Надеюсь, нам все же дадут поесть, прежде чем снова убьют. Помираю с голоду.

Глава LXIX

ВОТ, ЗНАЧИТ, ЧТО УНЮХАЛ ФЕНРИР В ГЛАВЕ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ

Кажется, мы добирались до Вальгаллы целый день, потому что попали напрямиком к ужину, который в «Трапезной Павших Героев» уже был в самом разгаре. Повсюду летали с кувшинами медовухи валькирии. Эйнхерии кидали друг другу хлеб и куски жареного Сэхримшира. В разных частях помещения наяривали оркестрики. Впрочем, стоило нам появиться, веселье начало затухать. Наша процессия медленно двигалась по направлению к столу танов. Во главе ее шел почетный караул из валькирий, несший покрытые белой льняной тканью тела Гушллы, Ирен и Маргарет. Все это время у меня тлела надежда, что, так как их подвиг вполне достоин эйнхериев, в Вальгалле они оживут, но этого не случилось. С валькириями, видимо, все обстояло как-то сложнее.

За валькириями шли Мэллори, Икс и Ти Джей, а Сэм, Блитцен, Хэрт и я замыкали процессию. Воины злобно смотрели на нас, и еще более неприкрытую ярость можно было прочесть на лицах валькирий. Удивляюсь, как нас вообще не убили по пути к танам. Полагаю, толпу от этого останавливала только жажда увидеть наше публичное унижение. Никто ведь из них не знал правды, и все видели в нас сбегавших негодяев, возвращенных насильно в Вальгаллу, да еще виновных в гибели верных валькирий. Оков на нас не было, но я все равно брел так, словно ноги мне опутали це-

пью Андскоти. К тому же одна рука у меня была неподвижна. Я крепко зажал ею под мышкой керамическую баночку, с которой меня ничто не заставило бы расстаться.

Мы остановились перед танами. Эрик, Хельги, Лейф и все остальные Эрики выглядели донельзя мрачно. Даже мой старый друг Хундинг смотрел на меня столь потрясенно и разочарованно, будто я у него отобрал назад шоколадку.

— Прощу съясниться, — потребовал Хельги.

Что-либо от них утаивать причин у меня не было. Говорил я негромко, но в трапезной стало так тихо, что каждое мое слово долетало до самых дальних ее краев. Вот только на битве с Фенриром голос меня подвел, и рассказ довела до конца Сэм.

Таны молчали. Их настроение трудно было понять. Кажется, они были больше растеряны, чем сердиты. Меня же по-прежнему грызло такое чувство вины, что, пусть отец мой и считал по-другому, гордости собой я не испытывал. Мне удалось справиться со своей задачей только благодаря трем лежащим сейчас здесь валькириям. Они удержали трех великанов, позволив нам справиться с Волком. Их нет в живых, а я цел и невредим, и никакое наказание танов не заставило бы меня почувствовать себя хуже.

Хельги поднялся на ноги.

— Это самая серьезная проблема, вставшая перед нами за последние много лет, — начал он. — Если мы сейчас услышали от вас правду, то налицо деяние, достойное воинов. Вам удалось воспрепятствовать освобождению Фенрира и выдворить Сурта в Муспелльхейм. Вынужден вместе с этим отметить и факт проявленного вами при этом преступного легкомыслия. Вы предприняли свои действия, не заручившись одобрением танов, и к тому же совместно с крайне сомнительнейшей компанией, — с отвращением покосился он на Хэрта, Блицца и Сэм. — Верность, Магнус Чейз, — пробуравил меня управляющий прокурорским взглядом, — верность Вальгалле является главным и неотъемлемым долгом эйнхерия. Поэтому танам нужно все всесторонне взвесить и обсудить, и лишь после этого будет вынесено решение.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

Если, конечно, сам Один не пожелает за вас заступиться, — повернулся он к пустующему трону.

На нем никто не возник. Лишь два ворона пристально на меня смотрели со спинки черными глазками.

— Что ж, — вздохнул Хельги. — Следовательно, мы...

— Один желает заступиться, — прервал его гулкий голос.

Я повернулся на звук его и увидел Икса, каменно-серое лицо которого было обращено к танам.

По залу пролетело нервное бормотание тысяч эйнхериев.

— Не время для шуток, Икс, — шепнул ему Ти Джей.

— Один желает заступиться, — упрямо повторил полутроль, и внешность его на наших глазах начала меняться.

Обличье тролля слетело с него, как камуфляжная ткань, и мы увидели на месте Икса кого-то, очень напоминающего отставного вояку-сержанта. Бочкообразная его грудь и массивные руки были втиснуты в тщательно выглаженную форменную вальгалльскую рубашку-поло. Голова отличалась монументальностью. Исеченная проседью короткая шевелюра и геометрически подстриженная борода подчеркивали рельефность лица, кожа которого, казалось, задубела на всех ветрах. Левый глаз закрывала черная повязка, а правый был темно-синий. С пояса экс-Икса свисал до того огромный меч, что кулон-Джек, прикрепленный к цепочке, затрясся.

На груди форменного поло я увидел бейджик с надписью: «Один — Всобщий Отец, Хозяин и Основатель».

— Один! — преклонила колено Сэм.

Бог глянул на нее сверху и улыбнулся. Мне показалось, он даже мне подмигнул, но про того, у кого имеется только единственный глаз, сказать такое наверняка трудно.

Имя его пропеслось по всей трапезной. Эйнхерии повскакивали на ноги, тацы — тоже, отвесив богу низкий поклон.

Один, ранее мне известный как полутроль Икс, промаршировав вокруг стола, занял законное место на троне. Вороны, перебравшись тут же ему на плечи, начали ласково трепать клювом его уши.

— Ну, — прогремел голос бога, — что, интересно, я должен сделать, чтобы мне поднесли кубок медовухи?

Глава LXX

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОДИНА

Получив кубок с медовухой, Один произнес несколько тостов, затем спустился со своего трона и, расхаживая взад-вперед перед ним, принялся всем рассказывать, где был и что делал последние несколько десятков лет, но я находился в таком потрясении, что большая часть его слов прошла мимо моих ушей. Полагаю, что и другие эйнхерии ощущали себя точно так же.

Не успели присутствующие немного прийти в себя, как Всесообщий Отец потребовал оживить экраны на Волшебном Дереве. Орды эйнхериев разом зашевелились, словно бы пробуждаясь после сеанса массового гипноза.

— Я — искатель знаний, — объявил Один. — Так было всегда. Я провисел на Мировом Дереве девять дней и ночей, изнемогая от боли, чтобы познать тайну рун. Шесть дней простоял под лютой метелью, чтобы быть первым в очереди и первым познать колдовство смартфона.

— Что-о? — изумленным шепотом протянул я.

— Слушай дальше, — шепотом же порекомендовал мне Блитцен.

— А совсем недавно, — продолжал тем временем Один, — я выдержал семь недель семинара по обучению мастерству оратора-мотиватора, который происходил в отеле «Пеорин», результатом чего явилась на свет... — В руке у него возник

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

дистанционный пульт, и почти тут же на волшебных экранах засиял слайд с эмблемой, внутри которой было написано: «План Одина, или Как сделать успешной жизнь после смерти».

— Что это? — повернулся я к Сэм.

— Один находится в вечном поиске. Ну, открыт всему новому, — объяснила она. — Ищет знания в самых разных местах. Он очень мудр, но...

— Вот почему я предпочитаю служить Мимиру, — украдкой прожестикнул Хэрт.

— Но несмотря на ужасную занятость, — расхаживал взад-вперед Один, вынуждая сидящих у него на плечах воронов размахивать для сохранения равновесия крыльями, — я был в полном курсе того, что делают наши сегодняшние герои, и действовали они с моего разрешения.

Картинка на экранах поменялась, и Всеобщий Отец принялся излагать основные пункты своей презентации. Перед глазами у меня поплыл туман, голос его зазвучал каким-то неясным фоном, и очнулся я лишь в момент, когда он стал объяснять, зачем прятался в Вальгалле под личиной полутроля Икса.

— Мне хотелось проверить, как вы воспримете такого воина и как станете выполнять свой долг, считая, что я отсутствую. Всем вам следует основательно поработать над позитивным расширением прав и возможностей и самоактуализацией.

А потом он объяснил, чем руководствовался, решив сделать Самиру валькирией.

— Если дочь Локи способна на такую отвагу, то не только достойна жить среди нас, но многим может служить примером. Она демонстрирует самым блестящим образом семь героических качеств, которые мною освещены в новой книге «Семь героических качеств». Желающие скоро смогут приобрести ее в сувенирной лавке Вальгаллы.

Он перешел к предсказанию норн, которое, как оказалось, подразумевало совсем другое, чем все мы считали.

— «Выбор сделан был неправильно тобой», — процитировал Один. — Здесь норны имели в виду совсем не Самиру, а Локи. Это им был неправильно выбран Магнус. По мнению Локи, он мог легко манипулировать этим юношей, в то время как Магнус Чейз проявил себя настоящим героем.

Я, конечно, был тронут его комплиментом, но тем не менее Один в образе косноязычного полутролля казался мне несравненно милее Одина в виде оратора-мотиватора. Народ тоже явно приухо от его мудрой лекции, но некоторые из танов, важно кивая, старательно ее конспектировали.

— Что приводит нас к утвердительной части данной презентации, — продемонстрировал следующий слайд Один.

— Это была фотография Блитца, явно сделанная во время поединка с Джуниором. Физиономия бедного гнома блестела от пота, а по ее выражению можно было подумать, будто ему только что уронили на ногу кузнечный молот.

— Блитцев, сын Фрей! — объявил Всеобщий Отец. — Благородный гном, который выиграл цепь Андскоти, ставшую новыми путами Волка Фенрира. Следуя за своим сердцем и побеждая страх, он верно служил моему старому другу Мимиру. За твой героизм, Блитцев, освобождаю тебя от дальнейшей службы ему. Кроме того, тебе будет выделено финансирование на открытие модного магазина, о котором ты всегда мечтал. Потому что я вот что должен сказать. — Один провел рукой снизу вверх вдоль рубашки-поло и в мгновение ока оказался в кольчужном жилете. — Я позволил себе забрать тот опытный образец, который ты сделал на поединке, и считаю, что это великолепная модная паработка. Любой воин, если он мудр, обязательно должен приобрести такое себе.

Среди эйнхериев пронесся одобрителный гул вперемешку с восторженными восклицаниями.

Блитцен отвесил низкий поклон.

— Спасибо, лорд Один. Просто не знаю, как и начать, но нельзя ли воспользоваться этим финансированием для производства моей линии одежды?

Один доброжелательно улыбнулся:

— Ну, разумеется, можно. А теперь о Хэртстоуне.

На экранах появился Хэрт. Почти без сознания от усадки сил, он устроился в окне дворца Гейрода. На лице его блуждала блаженно-идиотическая улыбка, а руками он изобразил знак стиральной машины.

— Это благородное существо пожертвовало всем, чтобы открыть для себя искусство рунной магии, — сказал Один. — Это первый настоящий волшебник, появившийся среди смертных за несколько минувших столетий. Без него экспедиция на Остров Вереска несколько раз могла провалиться еще до того, как наши герои прибыли к цели. Ты, Хэртстоун, мой друг, — одарил он эльфа сияющей улыбкой. — Ты тоже будешь освобожден от службы Мимиру. Я же тебя приглашаю в Асгард, где лично намерен устроить тебе девяносто-минутный индивидуальный бесплатный тренинг, в течение которого я поделюсь своими рунными знаниями с последующим вручением дивиди-диска и моей книги «Рунная магия со Всеобщим Отцом» с дарственной надписью.

Последовали вежливые аплодисменты.

Хэртстоун был до того потрясен, что ему лишь с большим трудом удалось показать:

— Спасибо.

А на экранах уже была Сэм, застигнутая объективом камеры в «Фалафельной Фадлана». Щеки ее пылали, взгляд исполнен смущения и недовольства, а Амир с улыбкой склонился к ней.

— У-у-у! — пронеслось по рядам эйнхериев вперемешку с покашливанием и выразительными хихиканьями.

— Убей меня прямо на месте, — сердито пробормотала мне Сэм.

— Самира аль Аббас, — обратился к ней Один. — Я лично выбрал тебя в валькирии. За твою храбрость, стойкость, твердость духа и богатый потенциал. Ты верно следовала моим приказам и продолжала выполнять свой долг даже после того, как тебя покрыли позором и выгнали. Тебе я дарую выбор.

Один, переведя взгляд на павших валькирий перед столом танов, выдерживал паузу до тех пор, пока в трапезной не повисла полная тишина.

— Гунилла. Маргарет. Ирэн, — произнес он проникновенным голосом. — Все они полностью отдавали себе отчет, сколь опасно быть валькириями. И не колеблясь пожертвовали собой во имя сегодняшней победы. Им все же под самый конец открылось, какова ты на самом деле, Самира, и они стали биться вместе с тобой. Убежден, что сейчас все трое с радостью поддержали бы мое мнение, что тебя необходимо восстановить в сестринстве валькирий.

У Сэм подкосились ноги, и ей пришлось опереться на Мэллори Кин.

— Я предложу тебе выбор, — продолжил бог. — Моим валькириям требуется капитан, и я не вижу лучшей кандидатуры, чем ты. Эта должность позволит тебе проводить больше времени в мире смертных и даст возможность передохнуть после вашего многотрудного приключения. Но, если пожелаешь... — его синий глаз азартно блеснул, — у меня для тебя есть место, связанное с куда большим риском. Работать непосредственно на меня, отправляться по мере возникновения ситуаций с весьма важными и опасными миссиями, успешность которых высоко вознаграждается.

Сэм поклонилась.

— Вы оказали мне очень большую честь, Всеобщий Отец, но я никогда не смогу заменить Гуниллу. Я прошу у вас лишь об одном: дайте, пожалуйста, мне возможность проявить себя столько раз, сколько будет необходимо, чтобы ни у кого из собравшихся сейчас здесь больше не возникало сомнений в моей верности Вальгалле. Вот почему останавливаю свой выбор на вашем втором предложении. Жду ваших приказов и, будьте уверены, не подведу.

Речь Самире вызвала у эйнхериев бурно-восторженную реакцию. Трапезная сотряслась от аплодисментов и одобрительных выкриков. Даже валькирии смотрели теперь на Сэм не столь враждебно, как прежде.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

— Замечательно, — просиял Всеобщий Отец. — Ты снова доказала, насколько мудра, Самаира. Обязанности твои конкретизируем позже. А сейчас речь пойдет о Магнусе Чейзе.

Экспозицией на экране стал я, застывший в беззвучном крике при падении с моста Лонгфелло.

— Сын Фрей, добывший Меч Лета и не позволивший Сурту завладеть им! — провозгласил бог. — Ты показал себя... Ну, может, и не великим воином...

— Спасибо, — пробормотал я.

— Но уж точно великим эйнхерием, — продолжал Один. — Думаю, что мы все... все мы, сидящие за столом танов, считаем, что ты заслуживаешь награды.

Один медленно проскользил взглядом по танам, когорые зашевелились и угодливо забыли:

— М-м, да, разумеется.

— Я делаю тебе это предложение скрепя сердце, — пристально посмотрел на меня синим глазом Всеобщий Отец. — Если ты чувствуешь, что Вальгалла не для тебя, я отправлю тебя в Фолькванг к твоей тете Фрее. Возможно, ты, отпрыск вана, почувствуешь там себя лучше. Или, если желаешь, — теперь он просто пронзил меня взглядом, — даже позволю тебе вернуться в мир смертных, полностью освободив от обязанностей эйнхерия.

Трапезная наполнилась тихим, но напряженным гулом, и я по всеобщему выражению лиц понял, на сколь сильный риск идет сейчас Один. Позволив эйнхерия вернуться в мир смертных, он создаст дотоле немислимый прецедент, и нет никакой гарантии, что точно такого же от него не потребуют для себя остальные. Я поглядел на Сэм, Блицена и Хэргстоуна, а затем на друзей по девятнадцатому этажу — Ти Джея, Хафборна и Мэллори. Именно здесь и с ними я перестал себя ощущать бездомным и одиноким.

— Спасибо, Всеобщий Отец, — поклонился Одину я. — Но где мои друзья, там и мой дом. Теперь я эйнхерий, один из множества ваших воинов, и для меня это достойная награда.

Трапезная взорвалась волнами одобрения. Эйнхерии застучали по столам кубками и заколотили мечами в щи-

ты. Друзья принялись хлопать меня по плечам, обнимать, а Маллори, чмокнув в щеку, буркнула:

— Ну, ты полный идиот! — А затем прошептала мне на ухо: — Спасибо.

— Мы еще сделаем из тебя воина, сын Фрей, — взъерошив мне пятерней волосы, пообещал Хафборн.

Дождавшись тишины, Один поднял вверх руку, и пульт его превратился в сияющее белое копьё.

— Именем Гунгнира, священного оружия Вссообщего Отца, я объявляю, что семерым этим героям даруется право свободно перемещаться по всем Девяти Мирам, включая Вальгаллу. Куда бы они ни направились и что бы ни делали, никто не вправе подвергнуть сомнению, что это происходит от моего имени и по воле Асгарда. И всем запрещается под страхом смерти чинить им препятствия. — Он опустил копьё. — Сегодня у нас пир в их честь. А завтра мы предадим огню наших павших подруг.

Глава LXXI

МЫ СЖИГАЕМ ПРОГУЛОЧНУЮ ЛОДКУ, ПОЧТИ УВЕРЕН, ЧТО НЕЛЕГАЛЬНО

Похороны устроили на пруду в Общественном парке. Не знаю, каким уж образом эйнхериям удалось раздобыть прогулочную лодку. Они ведь не пересекают по пруду зимой. Прогулочное суденышко подверглось некоторой модификации и превратилось в погребальную ладью для трех погибших валькирий. В коконах из сияюще-белой ткани, они лежали теперь на деревянном щите, окруженные оружием, латами и золотом.

Пруд, соответственно времени года, промерз почти до дна. Отправить по нему лодку вплавь естественным образом не представлялось возможным, но эйнхерии привели подругу — пятнадцатифутовую великаншу по имени Гироккии.

Явившись к нам, несмотря на погоду, в шортах из обрезанных джинсов и футболке размера XXXXL с логотипом Бостонского гребного клуба, она протопала босыми ногами по пруду, перенюгав уток и расколошматив весь лед, а затем, покрытая, словно глазурью, подмерзающей на глазах водой, скромно встала в сторонке на берегу, стесняясь мешать скорбящим.

Эйнхерии выходили один за другим вперед для прощания с павшими. Многие клали в погребальный костер оружие, монеты или какие-нибудь другие подарки, произнося последние благодарности Гунилле, Маргарет и Ирен за то, что они сочли их достойными Вальгаллы.

Когда все попрощались, Хельги разжег огонь на лодке, а Гироккин оттолкнула лодку на середину пруда.

Кроме нас, в Общественном парке не было ни души. Может быть, магия перекрыла им вход. А возможно, здесь кто-нибудь и прогуливался, но волшебство не давало им увидеть толпы возрожденных из мертвых воинов, в скорбном почтении наблюдающих, как священное пламя уносит трех геройски павших валькирий. И благодаря тем же волшебным силам нам, здесь присутствующим, тоже не дано было видеть здесь смертных бостонских граждан.

Взгляд мой случайно упал под мост. Сколько раз мне, живому, это место служило укрытием и убежищем. Ведь еще две недели назад я прятался там, но только сейчас позволил себе осознать, в каком ужасе провел те два года.

Лодка уже превратилась в ревуший факел. Тела валькирий полностью скрылись в огне. А потом пламя просто исчезло, словно кто-то вырубил газ в конфорке. Лишь от воды в середине пруда поднимался столб пара.

Толпа скорбящих побрела через парк к отелю Вальгалла на Бикон-стрит.

— Идешь с нами, Магнус? — положил руку мне на плечо Ти Джей.

— Нет, я чуть позже.

Обернувшись на удаляющихся соседей по этажу, я увидел, что Хафборн Гундерсон решил обнять за плечи Мэллори Кин, и она при этом не отрезала ему руку.

Мы с Блитценом, Хэртом и Сэм остались на берегу, наблюдая, как пар над водой постепенно рассеивается.

— Спасибо, Магнус, я направляюсь сейчас в Асгард, — показал мне Хэрт.

Некоторые из эйнхериев были не в силах скрыть зависть к нему. Шутка ли, если десятки лет ни одному смертному не позволялось даже ступить в город богов, а тут сам Один взялся обучать там эльфа.

— Классно, дружище, — сказал я Хэрту. — Ужасно рад за тебя. Только не забывай возвращаться и навещать нас. Помни: мы ведь теперь семья.

Хэртстоун мне улыбнулся и показал:

— Ясное дело.

— Не беспокойся, куда он денется, — сказал Блитц. — Обещал мне помочь перебираться в магазин. Стану я без волшебной помощи перетаскивать все эти коробки.

За Блитца я тоже, естественно, был ужасно рад, только вот получалось, еще один из моих друзей окажется далеко.

— Убежден, что ты сделаешь лучший магазин в Нидавелл-лире! — постарался я, чтобы мое восклицание прозвучало весело.

— В Нидавелл-лире? Ха! — презрительно бросил он. — Гюмы не заслужили моих гениальных модных наработок. Золото Одина мне позволит приобрести недурной магазинчик на Пьюбери-стрит. Название уже есть. «Лучшее от Блитцена». Открытие весной. Словом, у тебя нет ни малейших поводов отказать примерить один из этих. — И, распахнув пальто, он продемонстрировал блестящий модный пуленепробиваемый жилет.

Не удержавшись, я обнял Блитцена.

— Все в порядке, сынок, все в порядке, — похлопал он меня по спине. — Давай-ка не будем мять ткань!

Сэм ухмыльнулась.

— Может, еще и мне сделаешь новый хиджаб? Старый-то после Волка пошел.

— Еще как сделаю. С расширенными волшебными возможностями, — тут же пообещал он. — Кстати, у меня в этом плане возникли идеи по поводу цвета.

— Ну, ты же у нас эксперт, — кивнула Сэм. — Но сейчас, извините, мне уже крайне пора домой. Плотно засяду там заниматься. Уроков-то куча скопилась. К тому же, если помните, я под домашним арестом.

— И с бойфрендом следует разобраться, — не удержался я.

Она вмиг зарделась, что выглядело довольно мило.

— Он не... Ну ладно, — махнула она обреченно рукой. — Да, наверное, разобраться, что это ни значило бы. Но главное, — ткнула она меня в грудь, — я тещерь снова могу летать.

Ты там, Магнус, пожалуйста, постарайся не умирать слишком часто, пока мы снова не встретимся.

— А когда ты сможешь теперь? — поинтересовался я.

— Скоро, — ответила Сэм. — Один ведь не шутил насчет опасных заданий. А хорошая новость в том, — она заговорищи приложила палец к губам, — что я могу себе выбирать команду, какую хочу. Словом, можете считать себя в деле.

Мне и ее захотелось обнять со словами, как я ей за все благодарен. Но, совершенно уверенный, что такое ее лишь смутит, я, улыбнувшись, просто ответил:

— В любое время к твоим услугам, Сэм аль Аббас. Ну а так как Один нам разрешил свободно разгуливать по всем Девяти Мирам, непременно тебя навещу в скором времени в Дорчестере.

— Вот это уж точно плохая идея, — напряглась она. — Мои бабушка с дедушкой тебя убьют, а Амир...

— Ой, ну ладно, — перебил ее я. — Я просто к тому, что помни: ты теперь не одна.

— А то, — ткнула она меня в бок. — Ты в Вальгаллу сейчас на пир? Твоя соседка по этажу просто цели мне похвалы в твой адрес. А еще я случайно услышала разговор нескольких валькирий. По их мнению, тебя через несколько столетий сделают таном.

Не в силах сейчас рассуждать о грядущих столетиях, я просто кивнул и уставился в сторону улицы за Общественным парком. К бару «Чирз» на углу Бикон- и Бриммер-стрит как раз подъезжало такси. Карман моего пальто топорщился от лежавшей там керамической банки размером с сердце.

— В Вальгаллу вернусь попозже, — объяснил я друзьям. — Сперва мне надо сдержать одно обещание.

И, махнув им рукой, я отправился на встречу с кузиной.

Глава LXXII

Я РИСКУЮ ПРОИГРАТЬ СПОР

— Это не то, что те похороны, — сказала мне Аннабет. — Ну, я имею в виду, твои.

Мы стояли на вершине Голубых холмов, глядя, как пепел мамы летит к укутанному снегом деревьям. Далеко внизу искрился под солнечными лучами обледенелый пруд. Несмотря на морозный день, меня окутывали такие тепло и спокойствие, каких я за последние годы не ощущал ни разу.

— Спасибо за то, что пошла со мной, — сказал я кухне, сжимая под мышкой опустевшую керамическую банку.

Она кинула на меня пристально-изучающий взгляд, каким ее серые глаза смотрели на все. Такая, знаете ли, способность, проникнув за броню внешности, увидеть твоё состояние, и болевые точки, и способность твою изменяться и развиваться. Ну а что еще ожидать от девушки, которая в шестилетнем возрасте возводила из рунных плащечек модель Парфенона.

— Я хотела прийти. Не могла иначе, — отозвалась она. — Прекрасно помню, какой твоя мама была замечательной.

— Ей бы понравилось, что ты здесь.

Лицо Аннабет покраснелось от ветра. Она глянула вдаль, где кончались деревья.

— Я знаю, что тебя тоже кремировали, ну, то есть то твоё тело, — уточнила она. — Прах положили в фамильный склеп. Я даже и не подозревала до этого, что он у нас есть.

Я поежился, представляя фарфоровую вазу с содержимым, которое было когда-то мной, в холодном каменном подземелье. Лучше уж здесь, среди свежего воздуха и солнечного света.

— Трудно, наверное, было тебе притворяться, будто ты веришь, что я действительно мертв, — тихонько проговорил я.

Она смахнула с лица прядь волос.

— Ну, кажется, Рэндольфу было куда тяжелее. Он выглядел сильно подавленным и потрясенным. Ну да, если учесть...

— Что ему было всегда на меня наплевать? — догадался я, что она имела в виду.

— На всех нас, — уточнила она. — Хотя у меня с отцом... — Она чуть помолчала. — Магнус, все это так непросто. У нас с ним трудно сложилось, но я теперь стараюсь быть честной с ним. Не люблю изворачиваться и скрывать.

— Ты уж меня извини, — оставалось мне лишь развести руками. — Но я думал, лучше тебя не вмешивать в свои проблемы. Видишь ли, я последние несколько дней совсем не был уверен, что выживу. Случилось много чего опасного. И связано это со старой семейной историей по линии моего отца.

— Магнус, возможно, я понимаю гораздо больше, чем тебе кажется.

Кажется, Аннабет и впрямь была в тьме. Во всяком случае, реагировала на мои слова куда адекватнее большинства тех, с кем я сталкивался даже в Вальгалле. Я по-прежнему не хотел подвергать ее риску, но и отмалчиваться больше было нельзя. Этим бы я положил конец нашей дружбе, а ведь она едва начала восстанавливаться.

— В общем, сейчас со мной полный порядок, — пытался я балансировать в рамках золотой середины. — Остановился у друзей в одном из тех недурных местечек, о которых большинство людей представления не имеют. Дяде Рэндольфу знать ничего обо мне не надо, и лучше бы ты вообще никому не рассказывала. Даже своему папе.

— Полагаю, деталей мне от тебя не узнать? — склонила чуть набок голову Аннабет.

«Вам обязательно надо поговорить, — тут же всплыли у меня в памяти слова отца. — Тебе потребуется помощь, прежде

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

чем все будет сказано и сделано». А следом за тем я подумал о Сэм и ее семье, множество поколений которой привлекало внимание богов. Рэндольф мне намекнул, что и мы такие же.

— Я еще вот почему не хотел тебя подвергать опасности, — принялся объяснять я Аннабет. — Надеялся, что ты станешь для меня связью с обычным миром.

Она, уставившись на меня, звонко расхохоталась.

— Ты даже не представляешь, насколько это смешно. Знай ты хоть в общих чертах, какая страшная у меня жизнь...

— А я как раз здесь и с тобой ощущаю себя нормальным, как никогда за последние годы. После всех этих безумных ссор наших родителей, глухих обид и многолетнего отчуждения я надеялся, что хоть у нас с тобой может наладиться.

Лицо ее посерьезнело.

— Если ты о такой нормальности, то я за. — Она протянула мне руку. — За кузенов Чейз и улучшение их отношений.

Мы обменялись рукопожатием.

— А теперь вот валяй рассказывай, — потребовала она. — Обо всем, что с тобой случилось. Молчать, разумеется, обещаю. А может, даже смогу и помочь. И уж поверь: каких бы странностей от тебя ни узнала, моя жизнь все равно гораздо дичей, и твоя по сравнению с ней покажется отдыхом в тихом пригороде с фруктовыми садами.

Передо мной, как конспект, пронеслась череда всего, что я пережил за последние две недели. Смерть и возрождение. Рыбалка на Мирового Змея. Битва с великанами. Бегство от монструозной белки мужского рода. И наконец, битва с Волком Фенриром.

— Может, поспорим? — азартно глянул я на кузину.

— Да на что хочешь, — мигом приняла вызов она.

— Я тут знаю неподалеку отличную фалафельную. Програвший оплачивает обед.

— Ставки приняты, — улыбнулась она. — Ну, послушаем, что ты там натворил.

— Э-э, нет, — возразил ей я. — Раз уж ты уверяешь, что твоя жизнь интересней, тебе и рассказывать первой.

ЭПИЛОГ

Со времени похорон племянника Рэндольф лишился сна.

Каждый день он навещался в фамильный склеп, надеясь там уловить хоть какой-нибудь знак или стать свидетелем чуда. Отчаяние терзало его до такой степени, что он то и дело раздражался потоком искренних слез, но были они не по Магнусу. Рэндольф оплакивал собственную потерю. И терзался сознанием, что утраты уже не вернуть.

Вернувшись в очередной раз с кладбища и подойдя к дому с черного хода, он так дрожал, что едва смог попасть ключом в скважину замка. Он скинул в прихожей пальто и непромокаемые ботинки и босиком поднялся наверх. Мысли его на ходу были заняты тем же, что все предыдущие дни. Он в миллионный раз пытался понять, где допустил ошибку. В чем не так обошелся с Магнусом на мосту и как надо было себя повести, чтобы добиться желаемого.

В дверях кабинета Рэндольф застыл. На его рабочем столе сидел, побалтывая ногами, настор.

— Опять наведали могилу? — осведомился он голосом Локи. — А мне показалось, моя погребальная служба положила достойный конец этой жизни.

— Выходит... — разинул рот Рэндольф. — Ну конечно же, это ты отслужил по нему погребальную службу.

— Юная жизнь оборвалась в цвету, но давайте же думать о том, сколь он был талантлив и какое влияние оказал на

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

всех нас, — повторил, похохатывая, Локи слова своей погребальной проповеди. — Недурно тогда я импровизировал. Впрочем, это всегда было сильной моей стороной.

Рэндольф виделся с Локи множество раз, когда Локи решил переместить свою сущность в Мидгард, но встречи эти всегда его пугали. Горящие глаза, иссеченные шрамами губы и нос... Он был в равной мере красив и ужасен.

— Я так понимаю, ты явился меня убить. — Рэндольф пытался хранить спокойствие, но кровь в ушах у него пульсировала барабанной дробью. — Удивительно, почему только сейчас?

— Ну а куда торопиться? — Локи великодушно простер в его сторону руку. — Нужно же было сперва посмотреть, как все выйдет на самом деле. Ты и впрямь проиграл. Вероятно, и следовало бы тебя убить, но ты еще можешь мне оказаться полезен. Ведь то, чего ты так жаждешь, по-прежнему у меня.

Бог, поднявшись из-за стола, распахнул ладонь. На ней заплясали языки пламени. Среди них, извиваясь от боли, тянули в немой мольбе руки к Рэндольфу женщина и две девочки.

Он покачнулся и грохнулся бы наверняка на пол, если бы не спасительная трость.

— Пожалуйста, — жалобно простонал он. — Я ведь пытался изо всех сил. Кто мог подумать, что гном и эльф... Да и эта проклятая валькирия... Почему ты меня не предупредил?

— Ах, любезный друг Рэндольф. Мне кажется или ты ищешь себе оправдание? — Локи закрыл ладонь пальцами, загасив пламя.

— Нет, но...

— Напрасно стараешься, — перебил его Локи. — Такого мастера оправданий, как я, твой жалкий лепет не впечатлит. Просто скажи: ты хочешь, чтобы твоя семья вернулась?

— Да! Да!

— Великолепно. Я даже сказал бы, что это ужасно мило с твоей стороны, потому что я ведь с тобой еще не закончил. И с Магнусом тоже.

— Но меч у него, и план он твой разрушил, — с отчаянием проговорил Рэндольф.

— Лишь частицу моего плана. — Иссеченные шрамами губы Локи тронула едва заметная улыбка. — В общем-то, поучительная история. — Шагнув вперед, он почти нежным жестом приложил к щеке Рэндольфа ладонь. — Твой племянник, должен отдать ему должное, впечатляет. Не вижу в вас никакого семейного сходства.

В носдри Рэндольфа ударил резким запахом яд. Половину его лица ожгла резкая боль. Горло перехватило. Пытаясь избавиться от ладони Локи, прижатой к щеке, он, задыхаясь, упал на колени, но тщетно. Рука словно к нему приросла.

— Да полно тебе. Перестань трепыхаться, — как-то очень по-доброму проговорил гость. — Просто побудь чуть-чуть в моей шкуре. Это тот самый змеиный яд, который капает мне на лицо изо дня в день. Может, теперь хоть начнешь понимать, из-за чего я немного сердит.

Рэндольф корчился и сишел, не в силах даже орать, потому что горло перехватило, словно петлей палача.

— Я не убью тебя, старина, — сказал Локи. — Но за провал тебе полагается наказание.

Он убрал руку. Рэндольф остался лежать на полу, всхлиывая и судорожно лоя ртом воздух. В носу у него стоял запах горелой плоти.

-- Зачем? — прохрипел он. — Зачем?

— Что зачем? — в наигранном изумлении вздернул брови его собеседник. — Зачем тебя мучаю? Зачем продолжаю использовать? Зачем ненавижу богов и жажду их уничтожить? Ну, наверное, такова моя сущность. Да не расстраивайся ты так, Рэндольф. Уверен, ты скоро придумаешь, как объяснить, откуда у тебя на щеке появился шрам в форме ладони. На мой взгляд, он даже тебе придаст достоинство. Возможно, викинги будут впечатлены.

Локи с задумчивым видом приблизился к одной из витрин, полной древних викингских реликвий и талисманов.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСТАРДА

— В конце концов, свет не сошелся клином на Мече Лета. Есть еще много других кнопок пуска, чтобы пачать Рагнарок.

Он вытащил из витрины цепочку, к которой был прикреплен крохотный серебряный молот, зажав ее между пальцами, раскачал кулон, словно маятник, и глаза его заблестели.

— О да, — поглядел он с улыбкой на Рэндольфа. — Мы с тобой еще славно развлечемся.

ГЛОССАРИЙ

Альфсейдр — эльфийская магия.

Андскоти — пропитанная магией веревка, связывающая Волка Фенрира.

Асы — боги войны, похожи на людей.

Бальдр — бог света, второй сын Одина и Фригт, близнец Хёда. Фригт заставила все земное поклясться, что оно никогда не причинит зла ее сыну, но забыла об омеле. Локи обманом вынудил Хёда убить Бальдра стрелой (дротиком) из омелы.

Биврёст — Радужный мост, ведущий из Асгарда в Мидгард.

Вала — провидица.

Вали — сын Локи, который превратился в волка, когда Локи убил Бальдра, после этого он распотрошил своего брата Нарви, прежде чем ему самому вспороли брюхо.

Вальгалла — рай для воинов на службе у Одина.

Валькирии — служанки Одина, которые выбирают павших героев для Вальгаллы.

Вафы — боги природы, близки к эльфам.

Гишунгагап — первичный хаос, мировая бездна, туман, что скрывает внешность (внешнее).

Глейпнир — золотая цепь, сделанная гномами, чтобы связать Волка Фенрира.

Дерево Лерад — дерево в центре Транезной Павших Героев, в нем или на нем живут бессмертные животные, у каждого из которых своя задача (работа).

Драугр — древнескандинавский оживший мертвец — зомби.

Иггдрасиль — Мировое Дерево.

Идуш — Она распределяет яблоки бессмертия, благодаря которым боги сохраняют молодость и бодрость.

Имир — самый большой из великанов, отец великанам и богам. Он был убит Одином и его братьями, которые использовали его плоть, чтобы создать Мидгард. Этот акт был источником вселенской ненависти между богами и великанами.

Йормунганд — Мировой Змей, родившийся от связи Локи и великанши, его тело так длинно, что опоясывает земной шар.

Йотун — древнескандинавское слово, обозначающее великана.

Красное золото — валюта Асгарда и Вальгаллы.

Лингви — Вересковый Остров, где содержится связанный Волк Фенрир, остров каждый год меняет месторасположение, оттого что ветви дерева Иггдрасиль качаются в ветрах Пустоты.

Локи — бог проблем, обмана, волшебства и хитрости, сын двух великанов, знаток магии и иллюзий. Он то злонамерен, то героически ведет себя по отношению к богам Асгарда и к человечеству. Из-за той роли, что он сыграл в смерти Бальдра, Локи был прикован Одином к трем огромным валунам, а над его головой подвесили свернувшуюся ядовитую змею. Яд змеи капает Локи на лицо и обжигает его, и он корчится, что вызывает землетрясения.

Магни и Модри — любимые сыновья Тора, которым суждено пережить Рагнарок.

Мимир — бог асов, который вместе с Хёниром был обменен на богов ванов Фрея и Ньёрда в конце войны между асами и ванами. Когда ванами не понравился его совет, они отрубили ему голову и отправили ее Одину. Один поместил ее в волшебный колодец, и она ожила, а Мимир впитал в себя все знания Мирового Дерева.

Муслель — огонь.

Мьёлльнир — молот Тора.

Нагльфар — корабль, построенный из ногтей мертвецов.

Нарви — один из сыновей Локи. Его выпотрошил собственный брат Вали, которого Аюг превратил в волка после того, как Локи убил Бальдра.

Нидхёгт — дракон, который живет у корней Мирового Дерева и грызет их.

Норны — три сестры, которые управляют судьбами богов и людей.

Норумбега — потерянное поселение древних скандинавов, самая дальняя точка, до которой они дошли в Северной Америке.

Ньёрд — бог кораблей, моряков и рыбаков, отец Фрея и Фрей.

Один — Всеобщий Отец и правитель богов, бог войны и смерти, но также и поэзии и мудрости. Пожертвовав одним глазом, чтобы испытать из колодца Мудрости, Один получил невероятные знания. Он способен наблюдать за всеми Девятью Мирами со своего Трона в Асгарде; помимо своего дворца, он живет еще и в Вальгалле с самыми большими храбрецами, которые погибли в боях.

Рагнарок — конец света или судный день, когда самые храбрые эйнхерии выступают вместе с Одним против Локи и великанов в последней битве.

Ран — богиня моря, жена Эгира.

Рататоск — неуязвимая белка, которая постоянно бежит вверх и вниз по Мировому Дереву между орлом, живущим на вершине Дерева, и драконом Нидхёггом, живущим в корнях, передавая их оскорбления друг другу.

Свартальф — темный эльф, подвид гномов.

Сессрумнир — Дворец множества мест, Дом Фрей в Фолькванге.

Скирнир — бог, слуга и посланник Фрея.

Слейпнир — восьминогий конь Одина, один из детей Локи. Только Один может вызвать его.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Сумарбрандер — Меч Лета.

Сурт — лорд Муспелльхейма.

Сэхримнир — волшебный зверь Вальгаллы, каждый день его убивают и готовят на обед, и каждое утро он возрождается, и вкус у него такой, какой желает тот, кто его ест.

Тан — один из лордов Вальгаллы.

Тор — бог грома, сын Одина. Грозы на земле — это результат того, как Тор ездит в своей колеснице по небу, а молния возникает, когда он метнет свой молот Мьёлльнир.

Тюр — бог храбрости, закона и испытания боем, он потерял руку от укуса Фенрира, когда его связывали боги.

Уль — бог лыж и стрельбы из лука.

Утгард-Локи — самый сильный колдун в Йотунхейме, король горных великанов.

Фенрир — неуязвимый волк, рожденный от союза Локи и великаниши; его сила пугает даже богов, которые призывают его к камню на острове. Ему суждено освободиться в день, когда наступит Рагнарок.

Фолькванг — чертог богини Фрей, где живут погибшие герои. Ванская жизнь после смерти.

Фрей — бог весны и лета, солнца, дождя и сбора урожая, изобилия, плодородия, роста и жизнеспособности. Фрей — близнец Фрейи, как и его сестра, ассоциируется с великой красотой. Он правит Альфхеймом.

Фрея — богиня любви, сестра-близнец Фрея, правит Фольквангом.

Фриг — богиня брака и материнства; жена Одина и королева Асгарда — мать Бальдра и Хёда.

Хейдрун — коза на дереве Лерад, из молока которой варят в Вальгалле волшебную медовуху.

Хеймдаль — бог бдительности и страж Радужного моста, врат в Асгард.

Хель — богиня бесчестных мертвых, рождена от союза Локи с великанишей.

Хельхейм — подземный мир, где царствует Хель и живут те, кто умер от болезни, старости или покрыл себя позором.

Хёд — слепой брат Бальдра.

Хёнир — бог асов, которого вместе с Мимиром обменяли на богов ванов Фрея и Ньёрда в конце войны между ванами и асами.

Хлидскьяльв — Трон Одина.

Эгир — повелитель волн.

Эйктюрнир — олень в дереве Лерад, из чьих рогов постоянно льется вода, которая питает все реки всех миров.

Эйхерии (ед. число эйхерий) — великие герои, которые героически погибли на земле и стали солдатами вечной армии Одина; они тренируются в Вальгалле, готовясь к Рагнароку, когда самые храбрые из них выступят с Одином против Локи и великанов в последнем бою перед концом света.

ДЕВЯТЬ МИРОВ

Асгард — место, где живут асы.

Ванахейм — место, где живут ваны.

Альфхейм — место, где живут светлые эльфы.

Мидгард — место, где живут люди.

Йотунхейм — место, где живут великаны.

Нидавеллир — место, где живут гномы.

Нифльхейм — мир льда, тумана и мглы.

Муспелльхейм — место, где живут огненные великаны
и демоны.

Хельхейм — место, где живет Хель и бесчестные мертвые.

РУНЫ

(в порядке их появления в книге)

Дагаз — новыс начинання, изменения.

Турисаз — руна Тора.

Феху — руна Фрея.

Райдо — колесо, путешествие.

Перт — пустая чаша.

МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА

Эваз — лошадь, транспортиция.

Альгиз — защита.

Тейваз — руна Тюра.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Доброе утро! Сейчас ты умрешь	9
Глава II. Человек в металлическом бюстгальтере	17
Глава III. Не позволяйте себя подвозить незнакомым родственникам	24
Глава IV. Ну уж водила из этого дундука нулевой	30
Глава V. Я всегда хотел уничтожить мост	37
Глава VI. Уступите дорогу утятам, иначе они вам врежут по кумполу	44
Глава VII. Ну, я прямо балдею, как ты отлично без поса выглядишь	50
Глава VIII. Учитывая Проход, а также волосатого субъекта с топором	56
Глава IX. Не желаете ли получить еще ключ от мини-бара?	64
Глава X. Неслабый номер	69
Глава XI. Приятно с тобой познакомиться, но могу задушить	79
Глава XII. Ну хоть за козой мне не надо гоняться	87
Глава XIII. Фил-картошка достойно встречает гибель ...	94
Глава XIV. Видеорепортаж «Полеты валькирий»	102
Глава XV. В мое видео запустили вирус	109
Глава XVI. Норны? Зачем они здесь?	114
Глава XVII. Я не заказывал бицепсы	118

Глава XVIII. Моя великая битва с яичницей	125
Глава XIX. Я отказываюсь от клички Бобовый Город	135
Глава XX. Переходи на Темную Сторону, у нас есть печеньки	143
Глава XXI. Смешно, но не очень, что по Гунилле тоже внезапно огнем залепили	151
Глава XXII. Мои друзья выпадают прямо из дерева	163
Глава XXIII. Иду на переработку	172
Глава XXIV. У тебя одна работа	177
Глава XXV. Ну и одели меня в похорошном агентстве! ...	186
Глава XXVI. Эй, я знаю, ты мертв, но возможно... ..	194
Глава XXVII. Игра во фрисби обнаженным оружием... ..	200
Глава XXVIII. Говори с головой. Кроме нее-то, у него больше ничего нет	208
Глава XXIX. Лысый орел — любитель фалафели	221
Глава XXX. Яблочко или жизнь	232
Глава XXXI. Не хочешь вони — иди домой	239
Глава XXXII. Мое увлечение виртуальной рыбалкой с лихвой окупается	245
Глава XXXIII. Старший братец Сэм просынается несколько не в духе	255
Глава XXXIV. Мой меч едва не попал на eBay	262
Глава XXXV. Нехорошо гадить на голову искусству	271
Глава XXXVI. Утята!	283
Глава XXXVII. Белка забила мне голову нехорошими мыслями	289
Глава XXXVIII. Я теряю самообладание в Фолькванге	295
Глава XXXIX. Фрея хорошенькая! У нее есть кошки! ...	303
Глава XL. Мой друг появился из... Нет, я стесняюсь это произнести	315
Глава XLI. Блитц заключает плохую сделку	324

Глава XLII. Пир со спринг-роллами в преддверии отсечения головы	331
Глава XLIII. Начинаем создание металлических водяных птиц	338
Глава XLIV. Джуниор выигрывает мешочек со слезами ...	349
Глава XLV. Я знакомлюсь с Джеком	358
Глава XLVI. Судно мировецкое из ногтей мертвецких ...	366
Глава XLVII. Я психоанализирую козла	374
Глава XLVIII. Хэртстоун теряет сознание куда капитальнее, чем Джеймс Грейс (хотя я понятия не имею, кто это).....	380
Глава XLIX. Твоя проблема — меч в носу	388
Глава L. Никаких спойлеров. Тор не смог посмотреть новые сезоны любимых телесериалов	394
Глава LI. Мы поболтали о превращении в слепней	403
Глава LII. Ну, вот и конь, и его зовут Стенли.....	410
Глава LIII. Как убивать великанов по-вежливому	418
Глава LIV. Почему не рекомендуется прыгать в воду с ножа для стейков	423
Глава LV. Меня доставляет на поле боя первая гномичья воздушно-десантная дивизия	432
Глава LVI. Никогда не проси гнома начать	439
Глава LVII. Сэм активизирует кнопку «отправить»	444
Глава LVIII. Какой Хели?.....	453
Глава LIX. Средняя пикола — это кошмар!	459
Глава LX. Славянский смертоносный морской круиз на закате солнца	465
Глава LXI. Вереск возглавил список самых моих нелюбимых цветов	470
Глава LXII. Маленький плохой волк	475
Глава LXIII. Неприятно подписывать свой смертный приговор	482

Глава LXIV. И кто только додумался сделать Волка неубиваемым	487
Глава LXV. А я ненавижу эту часть программы	492
Глава LXVI. Жертвы	497
Глава LXVII. Еще один рывок для друга	501
Глава LXVIII. Не стань небратаном, чувак	505
Глава LXIX. Вот, значит, что ушохал Фенрир в главе шестьдесят восемь	510
Глава LXX. Презентация Одина	513
Глава LXXI. Мы сжигаем прогулочную лодку, почти уверен, что целегально	520
Глава LXXII. Я рискую проиграть спор	524
Эпилог	527
Глоссарий	531
Девять миров	536
Руны (в порядке их появления в книге)	537

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік баспа

Для среднего школьного возраста
орта мектеп жасындағы балаларға арналған

Риордан Рик
МАГНУС ЧЕЙЗ И БОГИ АСГАРДА
Книга 1
МЕЧ ЛЕТА
(орыс тілінде)

Ответственный редактор *Т. Суворова*
Редактор *Д. Кузнецова*
Младший редактор *О. Федуличева*
Художественный редактор *В. Безкровный*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *В. Кудьмов*
Корректор *Л. Китс*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
artistique7 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com;
Agor2012 / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
123306, Москва, ул. Зорге, д. 1 Тел. 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Одрузш: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123306, Москва, Ресей, Зорге кышесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Тәуір Белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша
арна-өлшепталушы кабинетінің
өкілі - РДЦ Алматы - ЖШС, Алматы қ., Димитровский көш., 3-қ., литер Б, офис 1.
Тел. 8 (727) 251 59 60, 50 51 52, факс: 8 (727) 251 58 12 ая. 107; E-mail: RDC.Altay@eksmo.kz
Өнімді жарамдылық мерзімі белгіленген.
Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно
получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндүрген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Подписано в печать 12.05.2016. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 918.

Отпечатано в ООО «Тульская типография».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109.